

Nelson Goodman

Fact, Fiction
and Forecast

University of London
1955

Ways of
Worldmaking

Hackett publishing company
1978

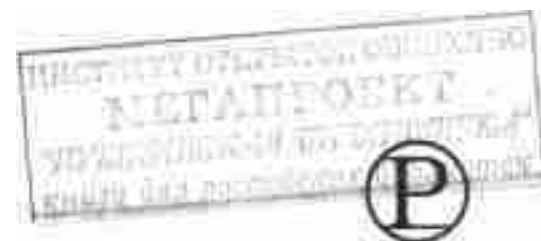
Нельсон Гудмен

Факт, фантазия
и предсказание

Способы
создания миров

Статьи

Перевод с английского

Ф И Л О С О Ф И Я

ΛοΓοΣ

идея-п р е с с

Праксис 2001

Издание выпущено при поддержке Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса) в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»
This edition is published with the support of the Open Society Institute
within the framework of «Pushkin Library» megaproject

Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:

Н. С. Автономова, Т. А. Алексеева, М. Л. Андреев, В. И. Бахмин,
М. А. Веденяпина, Е. Ю. Гениева, Ю. А. Кимелев, А. Я. Ливергант,
Б. Г. Капустин, Ф. Пинтер, А. В. Полетаев, И. М. Савельева, Л. П. Репина,
А. М. Руткевич, А. Ф. Филиппов

«University Library» Editorial Council:

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev,
Vyacheslav Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva, Yuri Kimelev,
Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances Pinter, Andrei Poletayev,
Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich, Alexander Filippov

гудмен Нельсон

Г 93 Способы создания миров / Пер. с англ. А. Л. Никифорова, Е. Е. Лед-
никова, М. В. Лебедева, Т. А. Дмитриева. — М.: Идея-Пресс, Логос, Прак-
сис, 2001. — 376 с.

ISBN 5-901574-04-4

Впервые на русском языке публикуется сборник работ одного из
крупнейших американских философов второй половины XX века, пред-
ставителя аналитической традиции Нельсона Гимена.

Научное издание НЕЛЬСОН ГУДМЕН СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ МИРОВ

Перевод с английского

Т. А. Дмитриев, М. В. Лебедев,
Е. Е. Ледников, А. Л. Никифоров

Художественное оформление

А. Кулагин, А. Эльконин

Оригинал-макет Л. Я. Иванченко

ооо "Идея-Пресс"

Издательская группа «Праксис»

ид № 00208 от ю.10.1999

ИД № 02945 от 03.10.2000

>56• ^дб^д Тб™ЗГ^я шo~ 12?486• МоСК Ва Д ^пТ^О6ШoCCc,

© Nelson Goodman, 1978, translated into Russian

ln^yc^Pir4tsⁿres^feⁿa^httPubliShingCompany>

© Т. А. Дмитриев, М. В. Лебедев, Е. Е. Ледников,

Л:£ул^НА°^^^^

оформление, 2001

І ЖАТ^{20ш}

ISBN 5-9⁰¹574~°4~4

© Издательская группа «Праксис», 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ФАКТ ФАНТАЗИЯ И ПРЕДСКАЗАНИЕ

перевод А. Л. Никифорова

Предисловие КО 2—му изданию.	10
Введение.	11
Затруднения (1946).	14
1. Проблема условных контрфактических высказываний ..	14
2. Проблема В целом.	14
3. Проблема соответствующих условий ...	ig
4. Проблема закона.	27
Программа (1953/.	* « * * 37
п Переход ВОЗ ³ МОЖНОГО	37
1. Предисловие: о философской совести.	37
2. Контрфактические высказывания.	4<>
3- Диспозиции.	45
4- ВОЗМОЖНОСТИ.	5 ²
г. Переход	59
III. Новая загадка индукции.	61
б. Старая проблема индукции.	61
2. Устранение старой проблемы.	6 ₃
3- Конструктивная задача теории подтверждения	66
4. Новая загадка индукции.	7 ²
5. Всепроницающая проблема экстраполяции	79
IV. Перспективы теории экстраполяции.	81
1. Новый ВЗГЛЯД на Проблему.	81
*. Реальные экстраполяции.	8 ₄
3- Разрешение КОНФЛИКТОВ	88
4- Многообразие расхождений.	93
5* Сравнительная экстраполируемость.	ю0
6- Общий обзор и размышления	

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ МИРОВ

перевод М. В. Лебедева

Предисловие	116
I. Слова, произведения, миры	118
1. Вопросы	118
2. Версии и видения	119
3- Насколько прочно основание?	123
4- Способы создания миров	124
5- Проблема истины	134
6. Относительная действительность	137
7- Заметки о знании	139
II. Понятие стиля	140
1. Возражения	140
2. Стил и предмет	141
3- Стил и чувство	144
4- Стил и структура	146
5. Стил и подпись	150
6. Значение стили	154
III. Некоторые вопросы цитирования	158
1. Вербальная цитата	158
2. Изобразительная цитата	163
3- Музыкальная цитата	166
4- Межсистемное цитирование	169
5- Кросс-модальная цитата	171
6. Размышление	172
IV. Когда есть искусство?	173
1. Чистое в искусстве	173
2. Дилемма	176
3- Образцы	179
V. Загадка восприятия	188
1. Наблюдение за пределами явления	188
2. Совершенное движение	188
3- Форма и размер	190
4- Следствия и вопросы	194
5- Цвет	199
6. Загадка	201

VI. Фабрикация фактов	206
1. Действительность и изобретение	206
2. Средства и материя	209
3. Некоторые древние миры	212
4. Редукция и конструкция	214
5- Факт из фикции	217
VII. О правильности передачи	224
1. Конфликтующие миры	224
2. Конвенция и содержание	231
3- Испытания и истина	235
4- Достоверность и обоснованность	241
5- Правильное изображение	245
6. Характерный образец	248
7- Правильность, подвергнутая пересмотру	253

СТАТЬИ

Пересмотр философии (пер. Т. А. Дмитриева)	258
Определение и догма (пер. Е. Е. Ледишкова)	281
На пути к конструктивному номинализму (пер. Е. Е. Ледишкова)	289
Мир индивидов (пер. Е. Е. Ледишкова)	314
О сходстве значения (пер. Т. А. Дмитриева)	339
О некоторых различиях, касающихся значения (пер. Т. А. Дмитриева)	351
О псевдокритерии перевода (пер. Т. А. Дмитриева)	351
М. В. Лебедев. Миротехнологии Гудмена	

ФАКТ, ФАНТАЗИЯ И ПРЕДСКАЗАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ¹

Наиболее важное изменение, внесенное в настоящее издание, состоит в отказе от второго из трех правил элиминации, изложенных в первом издании (гл. IV, разд. 3 и 4). Я обнаружил, что случаи, для которых предназначалось это правило, охватываются первым правилом. Поскольку это второе правило было наиболее трудно оправдать и оно было наиболее рискованным, его исключение можно приветствовать.

Другие изменения носят менее существенный характер — от исправления нескольких незначительных ошибок до признания замечания относительно контрфактических высказываний, высказанного У. Т. Парри (см. прим. ю, стр. 23). Некоторые краткие оговорки и пояснения явились результатом дискуссий с К. Гемпелем, Г. Кахейном и И. Шеффлером.

Январь 1965

Нельсон Гудмен

1. Перевод выполнен д. ф. н. А. Л. Никифоровым по изд.: *Goodman N. Fact, Fiction and Forecast*. The Bobbs-Merrill Company, 1965.

ВВЕДЕНИЕ

Главы этой книги первоначально были прочитаны в качестве лекций. И хотя первую лекцию отделяют от остальных трех семь лет и тысячи миль, все вместе они представляют серьезную попытку рассмотреть группу тесно взаимосвязанных проблем. Только первая глава была опубликована ранее.

Летом 1944 г. я почти полностью закончил рукопись под названием «Два очерка о несуществующем» (*Two Essays on Not-Being*). В первом из них было дано истолкование условных контрфактических высказываний, а во втором это истолкование было использовано для анализа потенциальности, возможности и диспозиций. Однако некоторые небольшие трудности в первом очерке все еще требовали внимания. Они привели меня к более значительным затруднениям, и в конечном итоге несколько недель спустя мои два очерка стали скорее примером небытия, чем его истолкованием.

Утешая себя тем, что в науке неудача столь же важна, как и успех, я изложил подробную историю этого крушения в одной из лекций, прочитанной в Нью-Йорке в мае 1946 г. Через несколько месяцев она была опубликована в «Философском журнале» (*Journal of Philosophy*) под названием «Проблема условных контрфактических высказываний».

Десятки статей, опубликованные с тех пор, внесли столь большой прогресс в решение этой проблемы, что существующие мнения варьируются от утверждения о том, что здесь вообще нет проблемы, до признания этой проблемы неразрешимой. Ни одна из этих крайних позиций не является достаточно обоснованной. Первая позиция обычно поддерживается ссылкой на то, что в науке мы можем, по крайней мере теоретически, обойтись без контрфактических высказываний. Однако мы все еще не знаем, как обойтись без них (или чего-то заменяющего их) в философии. Позицию, говорящую о неразрешимости данной проблемы, порой поддерживают примерами парадоксальных контрфактических высказываний неразрешимости проблемы: если мы можем дать интерпретацию, которая успеш-

но справляется с ясными случаями, то неясные примеры мы можем оставить в стороне.

Конечно, в свете постоянных крушений всех попыток найти решение проблемы стремление отделаться от нее как от мнимой или неразрешимой вполне понятно. Беспокоит, правда, то обстоятельство, что нам противостоит не отдельная изолированная проблема, а целый узел взаимосвязанных проблем. Оставляя в стороне одну из них, мы обычно сталкиваемся с теми же трудностями, когда пытаемся решать другие. А если мы вообще отказываемся решать проблемы диспозиций, возможности, научного закона, подтверждения и т. п., то фактически покидаем почву философии науки.

Работа над книгой, посвященной другим вопросам, в течение нескольких лет отнимала у меня большую часть времени. Но после того, как в 1951 г. была опубликована «Структура явления», я вновь возвратился к проблеме контрфактических высказываний и связанным с нею проблемам и стал двигаться по прежним орбитам. Когда в 1952 г. Лондонский университет пригласил меня прочитать несколько лекций в следующем учебном году, я приступил к работе с убеждением в том, что нужно найти какие-то новые подходы. Результаты этой работы нашли выражение в трех лекциях, прочитанных в Лондоне в мае 1953 г.¹ под общим названием «Факт, фантазия и предсказание».

Первая часть настоящей книги «Затруднения — 1946» представляет собой «Проблему условных контрфактических высказываний», перепечатанную без серьезных изменений. Вторая часть «Программа — 1953» включает в себя три прочитанные в Лондоне лекции, которые публикуются здесь впервые. В них внесены некоторые исправления и добавлены обширные примечания. Наибольшие изменения, включая многочисленные дополнения и улучшения, внесены в заключительную лекцию, во вторую половину четвертой главы. За многие полезные замечания я благодарен К. Г. Гемпелю, а Элизабет Ф. Флауэр — за ценную редакторскую помощь.

Как я сказал, две части книги тесно связаны друг с другом, однако я не пытался исправить их, сделав изложение более последовательным. Встречающиеся повторы и небольшие расхождения между работой 1946 г.¹ и работой 1953 г.² оставлены нетронутыми. Таким образом, читатель, знакомый со статьей о кон-

трфактических высказываниях или не готовый читать ее вследствие ее технического характера, найдет во второй части более или менее цельное и самостоятельное изложение. В то же время другие читатели ознакомятся в первой части с описанием того положения дел, оставшемся, по сути дела, неизменным, от которого отталкивались мои лондонские* лекции. Неспециалисты и начинающие студенты вполне могут начать чтение со второй части.

На протяжении всей книги я использовал банальные и даже тривиальные иллюстрации, а не более интересные примеры, взятые из науки, ибо мне представляется, что примеры, вызывающие интерес сами по себе, отвлекают внимание от обсуждаемой проблемы или принципа. Если читатель понял суть дела, то более интересные применения он может найти сам. Поэтому, хотя я говорю о замерзших радиаторах или об окраске детских шариков, которые редко обсуждаются в книгах по химии или физике, все сказанное попадает в область философии науки.

Мы все еще можем иметь дело лишь с некоторыми аспектами немногих проблем. Мы должны выделить для изучения некоторые простые стороны науки, как и наука должна выделять некоторые простые аспекты мира. В философии мы находимся даже на более элементарной стадии, чем в науке. По-видимому, это чрезмерное упрощение. Однако осторожное и осознанное упрощение вовсе не является интеллектуальным грехом и оказывается необходимой предпосылкой исследования. Едва ли можно сразу охватить все те способы, которыми каждая вещь связана со всем остальным.

Эти четыре лекции не образуют трактата. Это сообщение о работе, в ходе которой я надеялся добиться прогресса. Возможно, ее можно рассматривать как изложение тех первых идей, которые впоследствии привели к «Структуре явления». Однако ни знакомства с этой книгой, ни знания символической логики не требуется для понимания настоящей работы.

ЗАТРУДНЕНИЯ (1946)

Первоначально данная глава была прочитана в качестве лекции в Философском кружке в Нью-Йорке 11 мая 1946 г. и с некоторыми исправлениями опубликована в «Философском журнале» в феврале 1947 г., том XLIV, стр. 113—128. В настоящий текст были внесены лишь незначительные изменения.

L ПРОБЛЕМА УСЛОВНЫХ КОНТРАФАКТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ¹

1. ПРОБЛЕМА В ЦЕЛОМ

Анализ условных контрфактических высказываний отнюдь не является мелочным грамматическим упражнением. В самом деле, если у нас нет средств для интерпретации условных контрфактических высказываний, то у нас едва ли будет скольконибудь адекватная философия науки. Удовлетворительное определение понятия научного закона, подходящая теория подтверждения или диспозиционных терминов (которые включают в себя не только предикаты, оканчивающиеся на «ible» и «able»², но и почти все объектные предикаты типа «быть красным») позволили бы в значительной мере решить проблему контрфактических высказываний. И наоборот, решение проблемы контрфактических высказываний могло бы нам дать ответ на важнейшие вопросы относительно закона, подтверждения и значения потенциальности.

Я вовсе не утверждаю, что проблема контрфактических высказываний логически или психологически является первой сре-

1. Мой долг по отношению к работе К. И. Льюиса столь очевиден, что вряд ли заслуживает особых упоминаний.

2. Диспозиционными терминами, или предикатами, называют слова, выражающие предрасположенность тела реагировать определенным образом в соответствующей ситуации, например, «горючий» — горит при нагревании, «растворимый» — растворяется, будучи погруженным в жидкость и т. п. В английском языке в таких словах, как правило, присутствуют суффиксы «ible», «able». — *Прим. перев.*

I. ПРОБЛЕМА УСЛОВНЫХ КОНТРАФАКТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

ди этих взаимосвязанных проблем. Однако не важно, откуда начинать, если можно продвинуться вперед. Если анализ контрфактических высказываний все еще не справился с этой прагматической задачей, то альтернативные подходы оказались немногим лучше.

Итак, в чем же состоит w/юб/шш условных контрфактических высказываний? Ограничимся теми из них, в которых антецедент и консеквент неизменно ложны, как если бы, например, речь шла о куске масла, который был съеден вчера и никогда не подвергался нагреванию:

Если бы этот кусок масла был нагрет до 150° F³, то он не растаял бы

Если рассматривать их как истинностно-функциональные образования, то все контрфактические высказывания оказываются, конечно, истинными, ибо антецеденты их ложны. Поэтому высказывание

Если бы этот кусок масла был нагрет до 150° F, то он не растаял бы,

также было бы верным. Ясно, что во втором случае подразумевается нечто совсем иное, и проблема заключается в том, чтобы определить обстоятельства, при которых данное контрфактическое высказывание верно, а противоположное контрфактическое высказывание с консеквентом, противоречащим консеквенту первого высказывания, неверно. И этот критерий должен быть сформулирован перед лицом того факта, что благодаря самой своей природе контрфактические высказывания никогда не могут быть подвергнуты какой-либо непосредственной эмпирической проверке посредством реализации их антецедента.

Название «проблема контрфактических высказываний» в некотором смысле вводит в заблуждение, поскольку сама по себе проблема не зависит от формы ее выражения. Проблема контрфактических высказываний равным образом является проблемой фактических условных высказываний, ибо любое кон-

3- Соединенные Штаты пользуются температурной шкалой Фаренгейта. По шкале Цельсия, принятой у нас, 150° F будут равны приблизительно 66,7° C. — *Прим. перев.*

трфактическое высказывание можно преобразовать в условное высказывание с истинными антецедентом и консеквентом, например:

Поскольку это масло не тает, оно не нагрето до 150° E

Возможность такого преобразования не имеет большого значения и призвана лишь прояснить природу нашей проблемы. Входящее в контрпозицию слово «поскольку» показывает, что речь идет об определенной связи между двумя компонентами предложений. И истинность утверждений этого рода — независимо от того, выражены ли они в форме контрфактических или фактических условных высказываний либо еще в какой-то форме, — зависит не от истинности или ложности их компонент, а от наличия подразумеваемой связи. Осознание возможности преобразования служит, главным образом, для привлечения внимания к основной проблеме и отсечения спекуляций по поводу природы контрфактических высказываний; нужно помнить о том, что общее решение должно раскрыть природу подразумеваемой связи безотносительно к каким-либо предположениям по поводу истинности или ложности компонент высказывания.

Заслуживает краткого замечания переход к условным высказываниям несколько иного рода, которые я называю «полуфактическими». Высказывание

Даже если бы эта спичка была потерта о коробок, она бы не загорелась

мы, безусловно, отвергли бы, как и контрапозицию этого высказывания:

Даже если бы эта спичка зажглась, она все-таки не была бы потерта о коробок.

Наше первоначальное намерение состояло не в том, чтобы утверждать, будто негорение спички можно вывести из ее трения о коробок. Мы хотели просто сказать, что горение спички нельзя вывести из ее трения о коробок. Полуфактическое условное высказывание обычно отрицает то, что утверждается противоположным полным контрфактическим высказыванием. Предложение

1. ПРОБЛЕМА УСЛОВНЫХ КОНТРАФАКТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Даже если бы эта спичка была потерта о коробок, она все-таки не загорелась бы

обычно рассматривается как прямое отрицание предложения

Если бы спичка была потерта о коробок, она загорелась бы.

Практически можно сказать, что полное контрфактическое высказывание утверждает, что между его антецедентом и консеквентом имеется определенная связь, в то время как полуфактическое высказывание отрицает это⁴. Отсюда ясно, почему полуфактическое высказывание, вообще говоря, не имеет того же самого значения, что его контрапозиция.

Существуют разные виды контрфактических высказываний, с которыми связаны особые проблемы. Примером могут служить «контридентичные» высказывания, в частности следующие:

Если бы я был Юлием Цезарем, то я не жил бы в XX столетии

Если бы Юлий Цезарь был я, он жил бы в XX столетии.

Несмотря на то, что в обоих случаях антецедентом является утверждение об одном и том же тождестве, мы присоединяем к нему два разных консеквента, которые несовместимы именно в силу того тождества. Другой специальный класс контрфактических высказываний образуют «контрсравнительные» высказывания с антецедентами такого типа:

Если бы у меня было денег больше...

Особое затруднение, связанное с таким высказываниями, состоит в том, что когда мы пытаемся перевести такое высказывание в утверждение, говорящее об отношении между двумя

4- Таким образом, практическое значение полуфактических высказываний отличается от их буквального значения. Полуфактическое и соответствующее контрфактическое высказывания являются не противоречащими, а просто противоположными высказываниями, и оба могут быть ложными (см. прим. 13 шже). Наличие вспомогательных терминов «даже», «все-таки» или их обоих является, возможно, лингвистическим указанием на то, что здесь имеется в виду^{ас} вполне буквальное значение.

вневременными немодальными предположениями, то получаем примерно такой антецедент:

Если бы «Я имею денег больше, чем я имею» было истинно, ...,

который ошибочно представляет первоначальный антецедент как противоречивый. Кроме того, существуют еще «контрзаконные» высказывания, антецедент которых либо прямо отрицает некоторый общий закон, например:

Если бы треугольники были квадратами...

либо предполагает наличие какого-то конкретного факта, который не просто ложен, а даже невозможен:

Если бы этот кубик сахара был также круглым...

Все эти разновидности контрфактических высказываний связаны с интересными, но не непреодолимыми особыми проблемами⁵. Во избежании всех этих специальных осложнений я буду выбирать примеры таким образом, чтобы сконцентрировать внимание на основных проблемах, связанных с контрфактическими высказываниями в общем.

Как мне представляется, здесь есть две главные проблемы, хотя они не являются независимыми и даже могут рассматриваться как аспекты одной проблемы. Контрфактическое высказывание истинно, если между его антецедентом и консеквентом имеется определенная связь. Но из приведенных выше примеров уже ясно, что консеквент редко следует из антецедента благодаря одной только логике, (i) Утверждение о том, что эта связь существует, опирается на предположение о наличии оп-

5- Из упомянутых выше разновидностей контрфактических высказываний я в дальнейшем иногда буду говорить о контриденлических и контрзаконных высказываниях. Что же касается контрсравнительных высказываний, то для них подходит следующая процедура истолкования: пусть дано предложение: «Если бы я прибыл на одну минуту позже, я опоздал бы на поезд». Сначала мы истолковываем его так: « $(\exists t)$ t есть некоторый момент времени. Я прибыл в момент t . Если бы я прибыл на одну минуту позже t , я опоздал бы на поезд». При этом условное контрфактическое высказывание, представляющее третий член этой конъюнкции, можно истолковать обычным образом. Если его перевод в предложение «Если предложение „Я прибыл одной минутой позже“ было бы истинным, то предложение „Я опоздал на поезд“ было бы истинно» не приводит к противоречивому компоненту.

ределенных обстоятельств, не упомянутых в антецеденте. Когда мы говорим:

Если бы эта спичка была потерта о коробок, она загорелась бы,

мы подразумеваем при этом, что условия таковы — спичка хорошо изготовлена, является сухой, имеется достаточно кислорода и т. п., — что предложение «Эта спичка горит» можно вывести из предложения «Эта спичка потерта о коробок». Таким образом, утверждаемую нами связь можно рассматривать как объединение консеквента с конъюнкцией антецедента и других предложений, описывающих соответствующие условия. Заметим, в частности, что наше утверждение контрфактического предложения не обусловлено наличием этих обстоятельств. Мы не утверждаем, что контрфактическое высказывание истинно, *если* присутствуют эти обстоятельства. При утверждении контрфактического высказывания мы скорее уже соглашаемся с истинностью утверждений, описывающих набор соответствующих условий. Первая главная проблема заключается в том, чтобы определить соответствующие условия — уточнить, какие именно предложения подразумеваются в конъюнкции с антецедентом в качестве основы для вывода консеквента. (г) Однако даже после уточнения конкретных соответствующих условий подразумеваемая связь обычно не будет простой логической связью. Принцип, позволяющий вывести предложение

Эта спичка горит

из предложений

Эта спичка потерта о коробок. Она сухая. Имеется достаточно кислорода и т. п.,

является не законом логики, а тем, что можно назвать естественным, физическим или каузальным законом. Вторая основная проблема связана с определением таких законов.

2. ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВУЮЩИХ УСЛОВИЙ

Может показаться естественным предположение о том, что консеквент благодаря закону следует из антецедента и описания

реального состояния мира и что нам не нужно определять подходящие условия, поскольку нет большого вреда в том, что будут включены и несущественные условия. Однако, если мы скажем, что консеквент благодаря закону следует из антецедента и *всех* истинных предложений, мы сразу же столкнемся с трудностью: в число истинных предложений входит и отрицание нашего антецедента, поэтому из антецедента и всех истинных предложений следует все, что угодно. Это, без сомнения, не дает нам способа отличать истинные контрфактические высказывания от ложных.

Положение не улучшится, если мы скажем, что консеквент должен следовать из *некоторого* множества истинных предложений, соединенных с антецедентом, ибо для любого контрфактического антецедента A всегда найдется множество S , а именно множество, состоящее из не- A , такое, что из $A \cdot S$ следует любой консеквент. (В дальнейшем я буду использовать следующие символы: « A » — для антецедента; « C » — для консеквента; « S » — для множества или конъюнкции предложений, описывающих соответствующие условия.)

Быть может, нам нужно исключить предложения, логически несовместимые с антецедентом. Однако этого недостаточно, ибо аналогичная трудность возникает в связи с истинными предложениями, которые хотя и не по логическим, но по иным основаниям несовместимы с антецедентом. Возьмем, например, предложение

Если бы этот радиатор замерз, то он лопнул бы.

В число истинных предложений вполне может войти такое (5):

Температура этого радиатора никогда не опускалась ниже 33°F ⁶.

Теперь в качестве истинного обобщения мы получаем как предложение

Всякий радиатор, который замерзает, но температура которого никогда не опускается ниже 33°F лопается,

так и предложение

6. Чуть выше 0°C . — Прим. перев.

Всякий радиатор, который замерзает, но температура которого никогда не опускается ниже 33°F , не лопается,

ибо таких радиаторов вообще не существует. Таким образом, из антецедента контрфактического высказывания и данного S мы можем вывести любой консеквент.

Естественно пытаться избежать этой трудности, приняв решение о том, что контрфактические высказывания не могут зависеть от пустых законов. Что подразумеваемая ими связь может быть обоснована принципом вида «Все я есть Z » лишь в том случае, когда существуют какие-то x . Одно это неэффективно, ибо если устраняются пустые принципы, то в данном случае для получения того же результата можно использовать следующие непустые принципы:

Все, что является либо радиатором, который замерзает, но температура которого не опускается ниже 33°F , либо мыльным пузырем, лопается;

Все, что является либо радиатором, который замерзает, но температура которого не опускается ниже 33°K либо пылью, не лопается.

Благодаря этим принципам мы можем вывести любой консеквент из данных A и S .

Остается единственный открытый для нас путь — определить соответствующие условия как множество всех истинных предложений, каждое из которых и логически, и внелогически совместимо с A , причем внелогическая несовместимость означает нарушение некоторого внелогического закона⁷. Однако немедленно возникает другая трудность. В контрфактическом высказывании, начинающемся с предложения

Если бы Джон был в Каролине...

антецедент вполне совместим с такими предложениями:

Джон не находится в Южной Каролине,
Джон не находится в Северной Каролине,
Северная Каролина плюс Южная Каролина есть Каролина.

7. Здесь возникают, конечно, весьма серьезные вопросы относительно приемы внелогических законов. Вскоре я к ним обращусь.

Однако все эти предложения в совокупности с антецедентом образуют внутренне противоречивое множество, так что из него опять можно получить любой консеквент.

Если только потребовать, чтобы для *некоторого* множества S истинных предложений $A \cdot S$ было непротиворечиво и благодаря закону приводило к консеквенту, то такое требование тоже не поможет, ибо оно сделало бы истинными такие контрфактические высказывания:

Если бы Джон находился в Каролине, то он находился бы в Южной Каролине,

Если бы Джон находился в Каролине, то он находился бы в Северной Каролине,

которые, очевидно, не могут быть вместе истинными.

По-видимому, нужно пойти еще дальше в уточнении нашего критерия, чтобы квалифицировать контрфактические высказывания как истинные тогда и только тогда, когда существует некоторое множество S истинных предложений, такое, что $A \cdot S$ непротиворечиво и согласно закону ведет к консеквенту, и в то же время не существует множества S , такого, что $A \cdot S$ непротиворечиво и благодаря закону приводит к отрицанию консеквента⁸. К сожалению, даже этого не достаточно, ибо в число истинных предложений будет входить отрицание консеквента — не-С. Совместимо не-С с A или нет? Если — нет, то одно A без каких-либо дополнительных условий должно согласно закону приводить к С. Если же не-С совместимо с A (как это бывает в большинстве случаев), тогда если мы примем не-С в качестве нашего « S , то конъюнкция $A \cdot S$ даст нам не-С. Таким образом, критерий, который мы пытались сформулировать, редко будет удовлетворительным. Поскольку не-С обычно будет совместимо с L , о чем свидетельствует необходимость вводить соответствующие условия, обычно будет существовать S (а

8. Заметим, что требование относительно того, чтобы $A \cdot S$ было непротиворечиво, может быть выполнено лишь в том случае, когда антецедент непротиворечив. Поэтому условные высказывания, которые я назвал «контрзаконными», все будут ложными. Сейчас для наших целей анализа контрфактических высказываний, не являющихся контрзаконными, это удобно. Если позднее мы сочтем желательным рассмотреть все или некоторые контрзаконные высказывания как истинные, можно будет ввести специальные уточнения.

именно не-С), такое, что $A \cdot S$ непротиворечиво и согласно закону ведет к не-С.

Наши затруднения отчасти обусловлены принятием слишком узкой точки зрения на нашу проблему. Мы пытались сформулировать условия, при которых какое-то A , известное как ложь, ведет к С, также ложному. Но столь же важно обеспечить, чтобы наш критерий не обосновывал аналогичной связи между нашим A и (истинным) отрицанием С. Поскольку наше S вместе с A было выбрано так, чтобы дать нам С, кажется, нет оснований уточнять, что S должно быть совместимо с С, а поскольку не-С истинно по предположению, S необходимо должно быть совместимо с ним. Однако нам нужно, чтобы наш критерий не только допускал интересующие нас истинные контрфактические высказывания, но также исключал противоположные условные высказывания. В связи с этим наш критерий нужно уточнить посредством указания на то, что S совместимо как с С, так и с не-С⁹. Иными словами, само по себе S не позволяет выбрать между С и не-С, но S вместе с A должно вести к С, но не к не-С. Нам не нужно знать, истинно С или ложно.

Таким образом, наше правило гласит, что контрфактическое высказывание истинно тогда и только тогда, когда существует некоторое множество S истинных предложений, такое, что S совместимо с С и не-С, $A \cdot S$ непротиворечиво и согласно закону ведет к С; в то же время не существует множества S' , совместимого с С и не-С и такого, что $A \cdot S'$ непротиворечиво и согласно закону ведет к не-С¹⁰. В такой формулировке данное прави-

д. Естественно попытаться выяснить, не должны ли мы по сходным причинам оговорить, что S должно быть совместимо как с L , так и с не- L , однако это необязательно. Если S несовместимо с не- L , то L следует из S ; следовательно, если S совместимо с С и не-С, то $L \cdot S$ не может в соответствии с законом вести к одному, но не к другому. Поэтому ни одно предложение, несовместимое с не- L , не может выполнить других требований для подходящего S .

10. После выхода в свет первого издания этой книги У. Т. Парри указал на то, что ни одно контрфактическое высказывание не удовлетворяет этой формуле, так как всегда можно принять не- $(L \cdot \text{не-}C)$ в качестве S и не- $(L \cdot C)$ в качестве S' . Поэтому нужно добавить то требование, что ни S , ни S' не вытекают благодаря закону из не- L . Это, конечно, не смягчает дальнейших трудностей, о которых идет речь в следующих разделах текста. (См. ст.: Parry W. T. Reexamination of the Problem of Counterfactual Conditionals // Journal of Philosophy, '957«»: 54, pp. 85—94, "мой" ответ: Goodman N. Parry on Counterfactuals // Ibid., PP- 442-445.)

ло содержит в себе некоторую избыточность, однако упрощения здесь не имеют смысла, ибо критерий все еще неадекватен.

Требование, чтобы $A \cdot S'$ было непротиворечивым, не является достаточно строгим, ибо S может включать в себя такие истинные предложения, которые хотя и *совместимы с A* , но не *были бы истинными при истинности A* . По этой причине многие предложения, которые мы сочли бы безусловно ложными, оказались бы истинными согласно сформулированному критерию. В качестве примера рассмотрим уже упоминавшуюся ситуацию, в которой относительно данной спички t мы утверждаем предложение:

(1) Если бы спичка t была потерта о коробок, она загорелась бы,

но отрицаем предложение:

(г) Если бы спичка t была потерта о коробок, она не была бы сухой¹¹.

Согласно нашему предварительному критерию, предложение (с) было бы точно так же истинно, как и предложение (1). Для предложения (2) мы можем в качестве одного из элементов нашего 5 принять истинное предложение:

Спичка t не горит,

которое, по-видимому, совместимо с A (иначе ничего не требовалось бы наряду с A для получения консеквента истинного контрфактического высказывания (1). В качестве нашего общего $A \cdot S$ мы можем принять:

Спичка t потерта о коробок. Она не горит. Она хорошо изготовлена. Вокруг достаточно кислорода и т. д.;

а отсюда посредством справедливого общего закона мы можем вывести:

11. Конечно, некоторые другие предложения, похожие на (2) и говорящие о других спичках в особых условиях, могут быть истинными, однако возражение против предложенного критерия заключается в том, что он заставляет нас принять много таких предложений, которые очевидно ложны. Я благодарен Мортону Дж. Уайту за совет пояснить этот пункт.

Она не была сухой.

И не было бы подходящего множества предложений S' , такого, что $A - S'$ посредством закона приводило бы к отрицанию этого консеквента. Вот так в соответствии с «нашим правилом обосновывается нежелательное контрфактическое высказывание. Затруднение обусловлено тем, что в наше S мы включили истинное предложение, которое хотя и совместимо с A , но не было бы истинно при истинности A . Поэтому мы должны исключить такие предложения из множества соответствующих условий. В дополнение к ранее установленным требованиям S должно быть не просто совместимо с A , но «совместно логично» («jointly tenable») или *со-логично с A* . Со-логично с S и конъюнкция $A - S$ внутренне со-логична, если не бывает так, что S не истинно при истинности A ¹².

В скобках можно заметить, что фиксация условий часто не вполне ясна, поэтому говорящий или пишущий вынужден делать определенные оговорки или высказывать тонкие намеки на то, что он имеет в виду. Например, обычно можно было бы вполне принять каждое из следующих двух контрфактических высказываний:

Если бы Нью-Йорк находился в Джорджии, то Нью-Йорк находился бы на юге США;

Если бы Джорджия включала в себя Нью-Йорк, то Джорджия не находилась бы полностью на юге США.

С логической точки зрения антецеденты все еще неразличимы. Приобретает значение направленность выражения, ибо в первом случае антецедент означает:

12. Здесь нельзя устранить двойного отрицания, так как выражение «...если бы 5 было истинно, когда A истинно» реально является более строгим требованием. Как мы заметили выше (прим. S выше), если два условных суждения, имеющих один и тот же контрфактический антецедент, таковы, что консеквент одного из них является отрицанием консеквента другого, то такие условные высказывания противоположны и оба вместе могут быть ложными. Это произойдет в том случае, например, когда каждое в иных отношениях подходящее множество соответствующих условий, которое в конъюнкции с антецедентом приводит согласно закону либо к данному консеквенту, либо к его отрицанию, "приводит также к противоположному консеквенту.

Если бы Нью-Йорк находился в Джорджии и границы Джорджии остались бы с теми самыми, то...

в то время как во втором случае его значение таково:

Если бы Джорджия включала в себя Нью-Йорк и местоположение Нью-Йорка осталось неизменным, то...

Без такого рода намеков на значение, выражаемых порядком слов, нам было бы трудно сказать, какой из двух возможных консеквентов действительно имеется в виду. Такие же пояснения требуются и для парадоксальных пар контридентичных высказываний, упоминавшихся выше.

Возвращаясь теперь к предложенному правилу, я не буду ни уточнять детали, ни обсуждать вопроса о том, не делает ли требование, что \mathcal{S} должно быть со-логично с A , излишними некоторые другие уточнения нашего критерия. Все это становится не очень важным перед лицом тех действительно серьезных трудностей, которые теперь встают перед нами. Для того чтобы определить условия истинности данного контрфактического высказывания, мы должны, помимо всего прочего, установить, существует ли подходящее \mathcal{S} , которое со-логично с A и выполняет еще некоторые другие требования. Но чтобы установить, со-логично ли с \mathcal{L} некоторое данное \mathcal{S} , мы должны установить, является ли истинным само контрфактическое высказывание «Если бы A было истинным, то \mathcal{S} не было бы истинным». Однако это означает установление того, существует ли нет подходящее \mathcal{S} , со-логичное с A и приводящее к не- \mathcal{S} и т. д. Таким образом, мы попадаем в регресс в бесконечность или в порочный круг: со-логичность определяется посредством контрфактических высказываний, а значение контрфактических высказываний определяется посредством со-логичности. Иными словами, для обоснования истинности какого-либо контрфактического высказывания мы должны сначала обосновать истинность другого такого высказывания. Если это действительно так, то некоторое контрфактическое высказывание мы можем истолковать только посредством других таких высказываний, поэтому проблема контрфактических высказываний остается нерешенной.

Хотя я и не склонен соглашаться с таким выводом, но в на-

стоящее время я не вижу способа преодолеть эту трудность. Естественно возникает мысль о том, чтобы изменить подход к контрфактическим высказываниям в целом и сначала принять те из них, которые зависят только от антецедента, а не от иных условий, и затем использовать эти контрфактические высказывания в качестве критерия со-логичности соответствующих условий с антецедентами других контрфактических высказываний и т. д. Однако эта идея кажется бесперспективной перед лицом тех значительных трудностей, которые встречает такое постепенное истолкование даже столь простых контрфактических высказываний, как:

Если бы эта спичка была потерта о коробок, она загорелась бы.

3. ПРОБЛЕМА ЗАКОНА

Еще более серьезной является вторая из упомянутых выше проблем: какова природа тех общих утверждений, которые позволяют нам выводить консеквент из антецедента и предложений о соответствующих условиях? Различие между этими связующими принципами и соответствующими условиями является неточным и произвольным. «Связующие принципы» могут присоединяться к предложениям об условиях, и отношение конъюнкции «антецедент плюс условия» ($A \cdot \mathcal{S}$) к консеквенту оказывается, таким образом, проблемой логики. Однако те же самые проблемы возникли бы по поводу принципов, способных обосновать контрфактическое высказывание, поэтому удобно рассматривать связующие принципы отдельно.

Для того чтобы вывести консеквент контрфактического высказывания из его антецедента A и подходящих предложений о соответствующих условиях \mathcal{S} , мы используем некоторое общее высказывание, а именно обобщение¹³ условного высказывания, антецедентом которого является $A - \mathcal{S}$, а консеквентом — \mathcal{C} . Например, для высказывания

13. Подразумеваемый здесь смысл слова «обобщение» разъяснен К. Г. Гемпелем в ст.: *Hempel K. G. A Purely Syntactical Definition of Confirmation // Journal of Symbolic Logic*, 1943, v. 8, pp. 122—143. См. также Ш.3 ниже.

Если бы эта спичка была потерта о коробок, она загорелась бы

связующим принципом будет:

Каждая спичка, которая потерта о коробок, хорошо изготовлена, достаточно суха, при наличии кислорода и т. п. загорается.

Заметим, однако, что отнюдь *не* каждое контрфактическое высказывание действительно обосновывается посредством принципа, полученного таким образом, *даже если* этот принцип *истинен*. Допустим, например, что в День победы в моем кармане была только горсть серебряных монет. Тогда в обычных обстоятельствах мы не стали бы утверждать о данном центре *P*:

Если бы *P* находился в моем кармане в День победы, *P* был бы серебряным¹⁴,

несмотря на то, что из высказывания

P находился в моем кармане в День победы

мы можем вывести консеквент с помощью общего высказывания:

Все, что находилось в моем кармане в День победы, было серебряным.

Напротив, мы могли бы утверждать, что если бы *P* находился в моем кармане, то это общее утверждение не было бы истинным. Данное общее утверждение *не* позволит нам вывести данный консеквент из контрфактического допущения о том, что *P* находился в моем кармане, ибо само это общее утверждение не устоит при данном контрфактическом предположении.

14. Предполагается, что в этом примере антецедент означает «Если бы *P*, оставаясь отличным от предметов, находящихся в моем кармане в День победы, также находилось бы в моем кармане», а не совершенно другое, контриденческое предложение «Если бы *P* было тождественно одному из предметов, находящихся в моем кармане в День победы». Хотя антецеденты большинства контрфактических высказываний (как знакомый нам антецедент по поводу спички) допускают, сфого говоря, обе интерпретации, в обыденном использовании прибегают, как правило, к некоторым явным указаниям, если подразумевается контриденческое значение.

Несмотря на то, что предложенный связующий принцип действительно является общим, истинным и, быть может, полностью подтверждается всеми наблюдениями, он не может обосновывать контрфактического высказывания, поскольку оказывается описанием случайного факта, а не законом. Таким образом, истинность условного контрфактического высказывания, по видимому, зависит от того, является ли общее предложение, требуемое для вывода, законом или нет. Если это так, то наша проблема заключается в том, чтобы провести точное различие между каузальными законами и каузальными фактами¹⁵.

Проблема, проиллюстрированная примером с монетами, точно связана с той, которая ранее заставила нас требовать со-логичности антецедента и соответствующих условий, чтобы избежать обоснования контрфактического высказывания с помощью утверждения, которое не было бы истинным в случае истинности антецедента. Решение вопроса о со-логичности двух предложений частично зависит от решения вопроса о том, являются ли законами некоторые общие утверждения, и мы теперь переходим непосредственно к обсуждению этой проблемы. Существует ли способ так отличить законы от не-законов среди истинных универсальных утверждений рассматриваемого вида, чтобы законы были принципами, обосновывающими условные контрфактические высказывания?

Любая попытка провести такое различие с помощью ссылки на понятие каузальной силы может быть сразу же отвергнута как ненаучная. Ясно, что и чисто синтаксический критерий не может быть адекватным, ибо даже самое конкретное описание отдельных фактов можно выразить в форме, обладающей любой желаемой степенью синтаксической универсальности. «Книга *V* является маленькой» превращается в «Все, что есть *O*? является маленьким», если «*Q*» представляет какой-либо предикат, приписываемый только *V*. Что же тогда отличает закон

Всякое масло плавится при 150° F

15. На важность отличения законов от не-законов слишком часто не обращают внимания. Если можно провести между ними точное различие, то это было бы полезно не только для целей данной статьи, но и для решения большинства тех проблем, для которых кажется необходимым гораздо более сомнительное различие между аналитическими и синтетическими предложениями.

от истинного и общего не-закона

Все монеты в моем кармане серебряные?

Прежде всего я хотел бы обратить внимание на то, что первое считается истинным, хотя реально установлены лишь некоторые случаи, охватываемые им. Другие его примеры, будучи предсказанными, подтверждают его. Напротив, второе предложение принимается в качестве описания случайного факта *после* установления всех охватываемых им случаев, и предсказание какого-либо нового случая не основывается на нем. Такой подход порождает бесчисленное множество проблем, некоторые из которых я вскоре рассмотрю, однако идея, лежащая в его основе, заключается в том, что принцип, нужный нам для обоснования контрфактических высказываний, является таким, с которым мы склонны согласиться даже в отношении еще не реализованных случаев, которые еще не стали объектом непосредственного наблюдения.

Тогда в качестве первого приближения мы могли бы сказать, что закон есть истинное предложение, используемое для предсказаний. Утверждение о том, что законы используются для предсказаний, конечно, совершенно тривиально, и я не намереваюсь сказать здесь что-то новое. Я хочу лишь подчеркнуть ту идею Юма, что предложение называется законом именно потому, что оно используется для предсказаний, а не потому оно используется для предсказаний, что является законом, и что каузальная связь должна интерпретироваться в терминах предсказывающих законов, а не предсказательная сила законов объясняется тем, что законы описывают каузальные связи.

Под установлением всех примеров я подразумеваю просто проверку иными средствами того, все ли предметы, выполняющие антецедент, выполняют также консеквент или нет. Относительно значения слова «пример» возникают разнообразные сложные вопросы, многие из которых исследовал проф. Гемпель. Большинство из них мы можем не касаться в нашем исследовании потому, что занимаемся весьма узким классом предположений, полученных благодаря обобщению условных высказываний определенного вида. Остальные проблемы, встающие в связи со смыслом слова «пример», я буду здесь игнорировать. Что же касается «установления», то под этим я понимаю не от-

1. ПРОБЛЕМА УСЛОВНЫХ КОНТРАФАКТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

крытие некоей окончательной истины, а лишь получение достаточного основания для решения вопроса о том, можно ли принять данное утверждение или его отрицание в качестве свидетельства в пользу обсуждаемой гипотезы.

Наш критерий исключает пустые принципы из числа законов. Обобщения, требуемые для обоснования условных контрфактических высказываний, не могут быть пустыми, ибо они должны быть подкреплены свидетельствами¹⁶. Для обсуждаемой нами проблемы не имеет значения то обстоятельство, что если наш критерий применить вообще ко всем утверждениям, то придется признать законами многие утверждения, например истинные единичные предсказания, которые обычно мы не называем законами.

Для удобства я буду называть «законоподобными» также предложения, которые — независимо от того, истинны они или ложны, — удовлетворяют всем другим требованиям, входящим в определение закона. Таким образом, закон есть предложение, которое законоподобно и истинно, однако предложение может быть законоподобным, что я демонстрировал выше, или может быть законоподобным, не будучи истинным, в чем мы часто с сожалением убеждаемся.

Если оставить наше определение так, как оно есть, то законоподобность окажется каким-то случайным и преходящим свойством. Лишь те утверждения, которые реально использовались для предсказания, были бы законоподобными. И истинное предложение, использованное для предсказаний, перестало бы быть законом после того, как оказалось бы полностью проверенным, т. е. после того, как ни один из его примеров не остался бы неустановленным. Тогда наше определение нужно переформулировать приблизительно так: общее предложение является законоподобным тогда и только тогда, если оно приемлемо до установления всех его примеров. Правда, такое определение сразу же вызывает возражения, ибо слово «приемлемо» само является диспозиционным термином, однако я пред-

¹⁶ Если в предыдущем разделе достаточно было только потребовать, чтобы $A \cdot S$ было *непротиворечиво*, то теперь это требование можно устранить и заменить другим: обобщение условного высказывания с $A \cdot S$ в качестве антецедента и с S в качестве консеквента не должно быть пустым. Однако последнее требование не гарантирует со-логичности $L \cdot S$.

полагаю использовать его лишь временно с мыслью о том, что в конечном итоге оно будет заменено недиспозиционным определением. Но, прежде чем пытаться достигнуть этого, мы должны обратиться к другой трудности, связанной с нашим предварительным критерием законоподобности.

Допустим, что подходящее обобщение не может обосновать данное контрфактическое высказывание, поскольку данное обобщение, будучи истинным, не является законоподобным, как, например, такое:

Все находящееся в моем кармане является серебряным.

Для того чтобы получить отсюда закон, нам нужно лишь произвольно расширить антецедент. Рассмотрим, например, такое предложение:

Все, что находится в моем кармане или является даймом¹⁷, является серебром.

Поскольку мы не проверили всех даймов, постольку это предложение обладает предсказательной силой и, будучи предположительно истинным, должно быть признано законом. Если теперь мы вернемся в нашему первоначальному контрфактическому высказыванию и выберем наше S таким образом, что наше $A \cdot S$ будет выглядеть так:

P находится в моем кармане. P находится в моем кармане или является даймом,

то сконструированный псевдозакон можно использовать для вывода отсюда предложения « P является серебряным». Так неистинное контрфактическое высказывание оказывается обоснованным. Если кто-то не хочет использовать дизъюнкцию в качестве условия, то тот же самый результат можно получить с помощью нового предиката, например «даймовый», означающего «находиться в моем кармане или быть даймом»¹⁸.

17. Дайм — монета в 10 центов белого цвета («серебро»). Можно было бы сказать «десятицентовик», но это слово показалось мне слишком длинным. Больше всего сюда подошло бы слово «гривенник». Боюсь, однако, что уже не так много людей помнит, как выглядел советский гривенник. — *Прим. перев.*

18. Отвлекаясь от того конкретного вида связующих принципов, который нас здесь интересует, заметим, что при таком критерии законоподобности лю-

Я думаю, определение законоподобности можно изменить таким образом: предложение является законоподобным, если его признание не зависит от установления любого данного примера¹⁹. Естественно, это не означает, что признание вообще не зависит от установления примеров, однако не существует такого конкретного примера, от установления которого зависит признание предложения законоподобным. Такой критерий исключает из класса законов предложения типа:

Эта книга черная, а апельсины круглые

на том основании, что для его признания нужно знать, является ли эта книга черной. Он исключает предложения вида:

Все, что находится в моем кармане или является даймом, является серебряным

на том основании, что его признание требует проверки всех предметов, находящихся в моем кармане. Более того, он исключает даже предложения такого вида:

Все шарики, находящиеся в этой сумке, за исключением номера ig , являются красными, а номер ig является черным

на том основании, что его признание зависело бы от проверки шарика под номером ig или знания об этом, полученного каким-то иным путем. Действительно, принцип, включенный в предложенный критерий, является весьма сильным или, по-видимому, исключает большую часть* внушающих беспокойство случаев.

Нам нужно еще, однако, понятие приемлемости некоторого предложения или его признания, *зависящего или не зависящего* от какого-то знания, заменить положительным определением та-

кое утверждение можно расширить так, чтобы превратить его в законоподобие. Если, например, дано предложение «Эта книга черная», то мы могли бы использовать предложение «Эта книга черная и все апельсины круглые», обладающее предсказательной силой, для доказательства того, что чернота книги является следствием закона.

ig При такой формулировке пустые принципы оказываются законами. Если вместо этого мы напишем «данного класса примеров», то пустые принципы уже не будут законами, ибо их признание зависит от проверки пустого класса примеров. В данном случае для моих целей одна формулировка столь же хороша, как и другая.

кой зависимости. Сказать, что признание данного утверждения зависит от какого-то числа свидетельств определенного рода, значит, утверждать, что при данных свидетельствах признание некоторого утверждения находится в соответствии с определенными общими стандартами признания утверждений, которые не полностью проверены. Естественно обратиться к теориям индукции и подтверждения, чтобы узнать, как отличить факторы или обстоятельства, детерминирующие приемлемость некоторого предложения до его полного подтверждения. Однако публикации по теории подтверждения не только не проясняют различия между подтверждаемыми и неподтверждаемыми предложениями, но даже обнаруживают непонимание того, что такая проблема вообще существует²⁰. Совершенно очевидно, что относительно таких предложений, как:

Все находящееся в моем кармане является серебром

или:

Ни один президент США в XX в. не будет обладать ростом между 6 футами 1 дюймом и 6 футами 1,5 дюйма

даже проверка с положительным результатом всех, за исключением одного, примеров не заставит нас признать данное предложение и предсказать, что оставшийся непроверенным пример подтвердит его. Для других же предложений, например такого вида:

Все десятицентовики являются серебряными,

или:

Всякое масло плавится при температуре 150° F,

или:

Все цветы растения, выросшего из этого семени, будут желтыми,

установление даже нескольких положительных примеров спо-

20. Вопросы, обсуждаемые здесь и в следующих абзацах, несколько более полно были рассмотрены в моей статье: *Goodman N. A Query on Confirmation // Journal of Philosophy, 1946, v. XLIII, pp. 383—385.*

собно побудить нас уверенно принять это предложение и осуществлять предсказания в соответствии с ним.

Существует надежда на то, что случаи подобного рода могут быть истолкованы в ходе достаточно осторожной и тщательной разработки имеющихся теорий подтверждения, однако невнимание к проблеме различения подтверждаемых и неподтверждаемых предложений оставляет большую часть теорий подтверждения незащитной перед лицом даже элементарных контрпримеров.

Допустим, мы обозначили *гб* шариков, лежащих в сумке, буквами алфавита, используя их просто как собственные имена и отвлекаясь от их алфавитного порядка. Предположим, далее, мы утверждаем, что все шарики, за исключением шарика *d*, являются красными, однако мы ничего не говорим о цвете *d*. В обычных теориях подтверждения эта ситуация дает сильное подтверждение для предложения

RÖ. Rb. Re. Rd... Rz,

так как известно, что 25 случаев из 26 являются положительными, и не известно ни одного отрицательного случая. Увы, тот же самый аргумент показывает, что то же самое свидетельство в равной мере подтверждает предложение

Ra. Rb. Re. Re... не-Rd,

ибо опять у нас есть 25 положительных случаев и ни одного отрицательного. Таким образом, предложения «*Rd*» и «*не-Rd*» в равной мере подтверждаются одним и тем же свидетельством. Если вместо двух предикатов «72» и «не-/?» я во втором случае захочу использовать один предикат, то могу ввести предикат «*P*», который означает

находиться в сумке и либо не быть *ai* быть красным, либо быть *d* и не быть красным.

Тогда 25 случаев будут подтверждать предложение

Все шарики являются *P*,

из которого следует, что *d* есть *P* и, следовательно, не является красным. Вопрос о том, какие предложения подтверждаемы, становится просто эквивалентным вопросу о том, какие пред-

каты можно экстраполировать от известных случаев на неизвестные.

До сих пор я не нашел способа преодолеть эти трудности. Однако, как мы видели, какое-то их разрешение, безусловно, необходимо для наших целей, ибо только тогда, когда признание некоего предложения делает возможным предсказания его проверяемых примеров, это предложение способно обосновать контрфактические высказывания, не допускающие прямой проверки.

Наконец, следует сказать, что некоторые проблемы, связанные с контрфактическими высказываниями, зависят от определения со-логичности, которое, в свою очередь, зависит от предварительного решения указанных проблем. Другие проблемы нуждаются для своего решения в адекватном определении понятия закона. Предложенный здесь критерий закона вполне удовлетворительно исключает из их числа нежелательные предложения и, по сути дела, редуцирует один из аспектов нашей проблемы к вопросу о том, как определить обстоятельства, при которых некое утверждение можно принять независимо от установления любого данного его примера. Однако я не знаю, как ответить на этот вопрос.

ПРОГРАММА (1953)

Три следующие главы представляют собой выправленные варианты лекций по философии, прочитанных в Лондонском университете 21, 26 и 28 мая 1953¹. Первая из них была повторно прочитана в Гарвардском университете 2 декабря того же года. Все вместе они публикуются впервые. Общее введение к данной книге содержит некоторые замечания о связи этих трех глав с первой главой.

II. ПЕРЕХОД ВОЗМОЖНОГО

В 1. ПРЕДИСЛОВИЕ: О ФИЛОСОФСКОЙ СОВЕСТИ

В жизни наши проблемы часто являются результатом нашей снисходительности, в философии же они, скорее, обусловлены нашей строгостью. Однако если жизнь ничего не стоит без ее удовольствий, то философия вряд ли существует без ограничений. Проблема философии заключается в том, чтобы найти адекватное объяснение, опирающееся на приемлемую основу. Когда мы готовы принять все как понятное, объяснять ничего не нужно; когда же мы в раздражении, даже временно ни с чем не хотим согласиться, объяснения нельзя дать. Что именно будет интересоваться нас в качестве проблемы и что удовлетворит нас в качестве ее решения, зависит от того, каким образом мы проводим разграничительную линию между тем, что уже ясно, и тем, что нужно прояснить.

Тем не менее я боюсь, что в настоящее время у нас нет какого-либо здравого общего принципа проведения этой линии. Конечно, здесь и перед такой аудиторией мне не нужно рассказывать о трагической истории верификационной теории знания¹. Неудача этой смелой попытки отличить смысл от бес-

1. Я имею в виду здесь, конечно, добросовестную, но неудачную попытку А. Айера сформулировать эту теорию; см. кн.: *Ayer A. J. Language, Truth, and Logic*. London, 1946, pp. 5-16, 35-42. Краткий, но исчерпывающий обзор существа дела см. в ст.: *Hempel K. G. Problems and Changes in the Empiricist Criterion of Meaning* // *Revue Internationale de Philosophie*, 1950, v. IV, pp. 41-63. В верификационной критерии осмысленности стремились найти прочную основу

смыслицы, как и провал всевозможных достойных уважения усилий упорядочить различие между правильным и ошибочным, в некоторых странах нашла оправдание в учении о том, что допустимо все, что угодно. Ошибочный принцип, гласящий, что все, что бы вы ни сделали, является правильным, находит свой аналог в утверждении о том, что любая работа является ясной. Столь грубый прагматизм заслуживает упоминания лишь потому, что он кажется довольно распространенным. Средства, используемые мной при осуществлении полезных вычислений или предсказаний, я могу *понимать* не больше, чем домашняя хозяйка понимает устройство автомобиля, на котором ездит в магазин за покупками. Полезность некоторого понятия свидетельствует не о его ясности, а скорее, о философской важности его прояснения.

В отсутствие какого-либо подходящего и надежного критерия ясности каждый мыслитель вынужден обращаться лишь к своей философской совести. Это обращение к совести неустойчиво, подвержено колебаниям и слишком легко подавляется перед лицом нужды или соблазна. Оно приводит в лучшем случае лишь к конкретным суждениям, а не к общим принципам, и самые искренние суждения, высказанные в разные периоды и разными людьми, способны расходиться сколь угодно далеко. Этот разговор о совести фактически есть фигуральный отказ от любой идеи оправдания таких базисных суждений. Высказывая их осторожно или громко провозглашая, все, что еще мы можем сделать, — это с пренебрежением отнестись к любым альтернативам. Если ваша совесть более терпима, чем моя, я назову некоторые из ваших объяснений туманными или метафизическими, а вы отметите некоторые мои проблемы как тривиальные или надуманные.

Все это служит предисловием к утверждению о том, что некоторые вещи кажутся мне неприемлемыми без объяснения, а

для устранения огромного количества философской чепухи. Однако найти формулу, которая наряду с этим не отсекала бы одновременно вполне уважаемые научные теории, оказалось чрезвычайно трудно. Чрезмерное внимание к этой проблеме в конечном итоге привело к сильному преувеличению последствий ее нерешенности. Отсутствие общей теории добродетели не превращает пороки в достоинства, точно так же и отсутствие общей теории значения не превращает пустую болтовню в ясное рассуждение.

именно силы и диспозиции, контрфактические высказывания, возможные, но не реальные сущности или чувственные переживания, нейтрино, ангелы, дьяволы и классы. Относительно последних я много говорил в другом месте² и не буду подчеркивать этого в данных лекциях. Я буду достаточно широко пользоваться языком классов, поскольку теперь имеются средства для придания удовлетворительной интерпретации большинству обычных высказываний о классах и поскольку я не стремлюсь поймать нескольких зайцев сразу. Некоторые другие объекты из моего списка, скажем ангелы и дьяволы, так редко вторгаются в мои повседневные рассуждения или в научные споры, что вполне можно подождать с их объяснением. Что же касается нейтрино и других элементарных частиц физики, я полагаю, они находятся все-таки далеко за пределами нашей философской области. Однако взаимосвязанные проблемы диспозиций, контрфактических высказываний и возможностей принадлежат к числу наиболее глубоких и важных проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня в теории познания и философии науки. Именно этот узел проблем я и хочу обсудить в настоящих лекциях.

Список отобранных мной подозрительных понятий, конечно, далеко не полон. Некоторые другие мои предубеждения обнаружатся в том, что в поисках решения названных проблем я от чего-то отказываюсь. Например, я не буду опираться на различие между каузальными связями и случайными соотношениями, естественными и искусственными видами, аналитическими и синтетическими высказываниями. Вы можете осудить мои колебания и заявить, что на земле и в небесах есть много такого, что и не снилось моей философии. Я же, со своей стороны, стремлюсь к тому, чтобы моя философия не воображала себе вещей больше, чем их существует на земле и на небе.

Теперь позвольте мне кратко рассмотреть сначала проблему контрфактических высказываний, затем проблему диспозиций и, наконец, проблему возможных сущностей. Причины именно такого порядка рассмотрения станут ясны из последующего изложения.

2. См. кн.: *Goodman N. The Structure of Appearance*, 2nd ed. Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, Inc., 1966, ch. II, §§ 2—3, и статьи, цитируемые там.

2. КОНТРАФАКТИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Привычки разговорной речи, склонности современной философии и видимая легкость выражения в контрфактической форме того, что мы хотим сказать о диспозициях и возможных сущностях, — все это естественно побуждает начать с проблемы условных контрфактических высказываний. Я думаю, в наши дни немногие из нас согласятся признать какое-то условное контрфактическое высказывание, сколь бы выразительно его ни произносили, как содержащее в себе самом объяснение, не требующее дальнейшего анализа. Правоведы, исследующие вопрос о стоимости недвижимого имущества, могут довольствоваться утверждением о том, что стоимость есть цена имущества, которая обнаружилась бы в том случае, когда продавец захотел бы продать его покупателю. Однако философ (по крайней мере я) будет рассматривать это скорее как уход от вопроса, а не его решение.

Тем не менее замена высказывания

k гибок в момент t

таким высказыванием

если бы k был подвергнут соответствующему давлению в момент t , то k согнулся бы,

очевидно, обещает некоторое движение к большей ясности. Диспозиционный термин «гибкий» устраняется без введения таких сомнительных слов, как «возможно», остаются лишь недиспозиционные предикаты, хотя, быть может, слегка зараженные модальностью. Кроме того, контрфактическая формулировка, по-видимому, уже дает некоторый предварительный анализ, ибо условное высказывание состоит из более простых утверждений. Действительно, если условное контрфактическое высказывание интерпретировать как гласящее:

Если бы предложение « k находится под соответствующим давлением в момент t » было истинным, то предложение « k гнется в момент t » было бы истинным,

то модальность из содержания предикатов устраняется, и мы можем сосредоточить внимание на взаимосвязи двух простых изъявительных предложений. Однако, переместившись в плос-

кость отношений между предложениями, мы начинаем чувствовать, что онтологическая проблема превратилась в лингвистическую³. Подсознательно мы также надеемся на то, что истинностно-функциональное истолкование обычных условных предложений, выраженных изъявительным наклонением, в какой-то мере может послужить полезной моделью при анализе контрфактических предложений. Я думаю, все эти факторы, наряду с надеждой одним ударом приобрести средства для анализа целого узла проблем, в последние несколько лет значительно стимулировали пробуждение философского интереса к условным контрфактическим предложениям.

Ясно, что истинностное значение контрфактического предложения не выводится просто из истинностных значений его компонент. Поскольку антецедент и консеквент каждого контрфактического предложения — оба ложны⁴, постольку при любом истинностно-функциональном критерии все контрфактические предложения будут нужно определять каким-то совершенно иным способом. Конечно, некоторые философы предпочитают рассматривать контрфактические высказывания как правила вывода, а не как утверждения, которые могут быть истинными или ложными. Но независимо от того, стремимся ли мы отличить истинные утверждения от ложных или корректные правила вывода от некорректных, наша задача заключается в том, чтобы открыть необходимые и достаточные условия, при которых оправдано контрфактическое соединение антецедента с консеквентом.

Отношение между предложениями, из которых состоит истинное контрфактическое высказывание, редко имеет характер логической импликации. Предложение

Спичка m горит в момент t

ни по каким известным логическим принципам не вытекает из предложения

3- См. обсуждение этого вопроса в ст.: White M. Ontological Carity and Semantic Obscurity // Journal of Philosophy, 1951, v. XLVIII, pp. 373-380.

4. Хотя, как можно заметить, термин «контрфактическое высказывание» я употребляю здесь в узком смысле, в целях удобства мы часто будем обращаться к полуфактическим высказываниям — с ложным антецедентом и истинным консеквентом.

Спичка *m* была потерята о коробок в момент *t*.

Здесь нужно обращаться к какому-то общему физическому принципу, справедливому для спичек. Однако возникают две трудности.

Во-первых, спички не всегда загораются, если их потереть о коробок. Они загораются только при благоприятных обстоятельствах. Для облегчения ссылок дадим имя «S» следующему контрфактическому высказыванию:

Если бы спичка *m* была потерята о коробок в момент *t*, то *m* загорелась бы.

Высказывание 5 не только говорит о том, что если бы обстоятельства были благоприятны, то спичка загорелась бы; 5 утверждает, что обстоятельства *являются* благоприятными. Контрфактическое высказывание истинно тогда и только тогда, когда антецедент в соединении с соответствующими истинными предложениями о сопутствующих условиях благодаря некоторому истинному общему принципу приводит к консеквенту. Но какие предложения важны для этого? Ясно, что для 5 это будут далеко не все предложения относительно *m* в момент *t*, ибо некоторые из них (например, «*m* не была потерята о коробок в момент *t*» и «*m* не горит в момент *t*») несовместимы с антецедентом или консеквентом. Вскоре мы обнаружим необходимость еще и других исключений, и после длинной серии неудач в попытках найти подходящую формулу, которая сама не была бы контрфактической и, следовательно, столь же спорной, мы наконец начинаем понимать, что этот аспект проблемы внушает серьезное беспокойство⁵.

Во-вторых, отнюдь не всякий истинный общий принцип пригоден для обоснования условного контрфактического высказывания. Верно, что каждый человек, находящийся сейчас в этой комнате, защищен от мороза. Точно так же верно, что каждый человек, находящийся сейчас в этой комнате, говорит по-анг-

лийски. Теперь рассмотрим какого-нибудь эскимоса, который в данный момент почти до смерти замерз где-то в Арктике. Если бы сейчас он находился в этой комнате, то он был бы защищен от мороза, но он не заговорил бы по-английски. Чем объясняется это различие? Мы можем сказать, что обобщение относительно защищенности от мороза выражает причинную связь, или вытекает из *закона*, в то время как обобщение о знании английского языка является лишь случайно истинным. Однако точно определить эту разницу чрезвычайно трудно. Поскольку вскоре мы вновь столкнемся с этой проблемой, я не буду сейчас входить в подробности ее обсуждения, однако этот второй аспект проблемы контрфактических высказываний, как и первый, является достаточно сложным для того, чтобы противостоять многочисленным интенсивным усилиям разрешить его.

Эти трудности и неизменное крушение всех попыток разрешить их изрядно ослабили нашу первоначальную надежду на то, что благодаря анализу контрфактических высказываний относительно легко удастся найти подход к решению наших проблем. Мы все еще очень далеки от решения проблемы контрфактических высказываний⁶ и должны быть готовы испытать другой путь. После того как несколько лет мы бились головой об одну и ту же стену и кружили по одним и тем же темным аллеям, можно приветствовать изменение стратегии хотя бы за одну психологическую пользу. Мне кажется, однако, что имеются, по крайней мере, две более веские причины для того, чтобы на некоторое время обратить наше внимание на проблему диспозиций.

Во-первых, занимаясь контрфактическими высказываниями, мы больше интересовались тем, как что-то сказано, нежели тем, что именно сказано. Мы специально интересовались *формой* высказывания, и искомый образец анализа в значительной мере был продиктован структурой условного высказывания. Хотя вначале эта структура обещала значительную помощь, в дей-

6. Я не одинок в этом мнении. Родерик Чизом, например, в своем обзоре, опубликованном в журнале «Philosophy and Phenomenological Research», 1953, т. 14, по поводу моей статьи о контрфактических высказываниях пишет следующее: «Я полагаю, с уверенностью можно сказать, что огромное количество материалов, опубликованных впоследствии по этой трудной философской проблеме, не пролили на нее никакого дополнительного света» (р. 1го).

ствительности она может стать помехой. И сама неудача нашего анализа заставляет нас обратиться к рассмотрению диспозиционных утверждений, которые благодаря своей простой изъяснительной форме внушают надежду на выработку более подходящей схемы анализа.

Во-вторых, я подозреваю, что проблема диспозиций действительно проще, чем проблема контрфактических высказываний. Это может прозвучать странно перед лицом явной полной обратимости диспозиционных и контрфактических высказываний, но оказывается, что обычные диспозиционные высказывания часто соответствуют необычно слабым контрфактическим высказываниям. Допустим, что *w* есть кусок сухого дерева, рассматриваемый в течение данного короткого промежутка времени. Обычно мы считаем, что высказывание:

w является горячим

равнозначно обычному контрфактическому высказыванию

Если бы *w* был достаточно нагрет, то он загорелся бы.

Однако, взглянув более внимательно, мы легко можем описать обстоятельства, например отсутствие кислорода в окружении *w*, при которых диспозиционное высказывание истинно, а контрфактическое — ложно. Во избежание расхождений такого рода мы вынуждены отступить к более слабому контрфактическому высказыванию:

Если бы все условия были благоприятными и *w* был бы достаточно нагрет, то он загорелся бы.

Проще говоря, диспозиционное высказывание что-то говорит только о «внутреннем состоянии» *w*, в то время как наше первоначальное контрфактическое высказывание вдобавок говорит еще что-то об окружающих условиях. Однако самым важным является то, что диспозиционное высказывание является более слабым. И в рамках этого различия могут лежать некоторые затруднения, которые ранее преграждали нам путь.

В этом и заключаются причины, побуждающие нас на какое-то время оставить проблему контрфактических высказываний и посмотреть, что можно сделать в отношении проблемы диспозиций. Но я отнюдь не предполагаю, что такая переориента-

ция сама по себе что-то решит или откроет какую-либо широкую дорогу к прогрессу.

3. ДИСПОЗИЦИИ

Проявляя наблюдаемые свойства и принимая участие в реальных процессах, вещи, кроме того, полны скрытых угроз и обещаний. Диспозиции, или способности, вещи — ее гибкость, горючесть, растворимость — не менее важны для нас, чем ее наблюдаемое поведение, однако они представляются нам бесплотными. И мы задаемся вопросом о том, нельзя ли их как-то приземлить, иначе говоря, нельзя ли объяснить диспозиционные термины без каких-либо ссылок на тайные силы.

Быть может, с самого начала следует отметить, что диспозиционными являются гораздо большее число предикатов, нежели мы иногда предполагаем. Далеко не всегда в них присутствуют отличительные суффиксы «ible» или «able». Сказать, что предмет твердый, есть то же самое, что сказать, что предмет гибкий: это значит сделать утверждения относительно потенци. Если гибкий предмет способен гнуться при соответствующем давлении, твердый предмет способен сопротивляться воздействию большинства других предметов. И точно так же красный предмет способен принимать определенную окраску при определенном освещении, а предмет кубической формы может быть вставлен в квадратное отверстие и измерен определенными инструментами. На самом деле почти каждый предикат, обычно рассматриваемый как описывающий устойчивую объективную характеристику предмета, в той же мере является диспозиционным, как и любой другой. Для того чтобы найти недиспозиционные, или явные, предикаты предметов, нам нужно обратиться к предикатам, описывающим события, — предикатам типа «гнется», «ломается», «горит», «растворяется», «выглядит оранжевым» или «измеряется квадратным шаблоном». Применение таких предикатов говорит о том, что нечто специфическое действительно происходит с рассматриваемым предметом. В то же время применение диспозиционного предиката говорит о том, что лишь может произойти⁷.

7. У меня нет иллюзии, будто это дает адекватное определение различия

Однако теперь мы замечаем, что формулировка проблемы диспозиций как проблемы объяснения скрытых свойств на основе явных свойств отчасти вводит в заблуждение, ибо даже явные свойства, как мы показали, едва ли могут считаться элементами нашего мира. Существуют горячие предметы и горящие предметы, однако мне не хочется говорить о том, что существуют такие вещи, как атрибут горячности или атрибут горения. Предикат «горит», как и предикат «горючий», представляет собой слово, или ярлык, применяемое к определенным реальным предметам, и класс этих предметов образует его экстенционал. Употребление этих предикатов вовсе не предполагает, что они обозначают атрибутивные сущности⁸, эти предикаты обозначают лишь вещи, к которым они применимы. Когда явный предикат, диспозиционный предикат есть просто термин, применяемый к реальным вещам, он не обязан включать в свой экстенционал нереальные вещи.

Особенность диспозиционных предикатов состоит в том, что их приписывают предметам скорее благодаря возможным, нежели реальным явлениям, а для нас возможные явления столь же недопустимы в качестве необъясняемых элементов, как и оккультные способности. Таким образом, проблема заключается в том, чтобы объяснить приписывание предметам диспозиционных предикатов только на основе реальных явлений и все-таки в соответствии с обыденным или научным их употреблением. Иными словами, нам нужен критерий, выраженный в

между диспозиционными и явными предикатами. Фактически, это различие, подобно различию между исходными и определяемыми терминами, может быть чисто относительным. Например, предикат типа «гнется» может быть диспозиционным в феноменалистской системе, и для всех систем вообще может не существовать явных терминов — как не существует одних и тех же исходных терминов. Таким образом, конкретное различие, о котором идет речь в тексте, быть может, лучше всего рассматривать как такое, которое служит удобной и естественной иллюстрацией общей проблемы построения диспозиционных предикатов на базе тех предикатов, которые считаются явными.

8. Относительно необозначающей роли предикатов см. различные статьи У. Куайна, в частности самые недавние «Очерки» I и II из его книги: *Quine W. v. O. From a Logical Point of View*. Cambridge (Mass.) and London, 1953. Однако для моих целей согласие читателя с воззрениями Куайна не существенно. Я прежде всего старался указать на то, что проблема диспозиционных предикатов возникает отнюдь не из-за их неспособности выполнять некоторую обозначающую функцию, выполняемую явными предикатами.

терминах реальных явлений, т. е. посредством явных предикатов, корректного приписывания предметам диспозиционных предикатов.

Сразу же напрашивается предположение о том, что диспозиционный предикат представляет собой просто сокращенное описание некоторых аспектов всей истории существования предмета. Называя какой-то объект гибким, мы подразумеваем, что он сгибался всякий раз, когда подвергался соответствующему давлению. Однако недостатки такого упрощенного предположения слишком хорошо известны. Оно приводит к приписыванию гибкости даже самым жестким предметам, если они никогда не подвергались соответствующему давлению, ибо такой предмет сгибался во всех тех случаях (которых не было), когда подвергался давлению. К тому же данное предположение не учитывает того факта, что предмет, который в различные моменты времени подвергался соответствующему давлению и при этом всегда сгибался, все-таки может оказаться негибким в какие-то другие моменты времени, скажем при очень низкой температуре. Короче говоря, диспозиционный предикат можно приписать предмету даже тогда, когда соответствующие явные предикаты вообще ему не приписывались. Предмет, который никогда не сгибался, все-таки может быть гибким; горячий предмет мог никогда не гореть.

Известный и до некоторой степени неизбежный выход из этого затруднения заключается в предположении, что предмет, который никогда не сгибался, все-таки гибок, если бы он согнулся при соответствующем давлении. Однако в таком случае мы уже больше не ограничиваемся реальными событиями, а говорим также о воображаемых событиях, которые могут произойти при определенных условиях. Кроме того, мы видели, что такой способ истолкования диспозиционных предложений часто является весьма неточным и что в любом случае обращение к проблеме контрфактических высказываний не дает нам прочной основы для решения проблемы диспозиций. Попробуем поискать более обещающий путь.

Имея дело с конкретной диспозицией, скажем с гибкостью, мы можем начать с таких предикатов, как «гнется» и «подвергается соответствующему давлению». Если оба они применимы к предмету в одно и то же время, то к нему применим и предикат

кат «гнется при соответствующем давлении». В то же время если предикат «подвергается соответствующему давлению» применим, а предикат «гнется» не применим, то предмету можно приписать предикат «не гнется при соответствующем давлении». Для простоты в качестве наших предметов мы можем взять не долговечные физические объекты, а временные отрезки существования таких объектов, настолько краткие, что ни один из них не охватывает двух отдельных событий в тот момент, когда предмет подвергается соответствующему давлению. В дальнейшем мы будем также сокращать фразу «гнется при соответствующем давлении» до «гнется», а фразу «не гнется при соответствующем давлении» до «не гнется».

Теперь предикаты «гнется» и «не гнется» взаимно исключают друг друга и вместе исчерпывают область состояний тех предметов, которые подвергнуты соответствующему давлению. Но ни один из них не применяется к предметам, находящимся вне этой области. Таким образом, из того факта, что предикат «гнется» не применим к какому-то предмету, мы, вообще говоря, еще не можем заключить, что к этому предмету применим предикат «не гнется». Однако в области предметов, подвергнутых соответствующему давлению, эти два предиката не только образуют исчерпывающую дихотомию, но и в точности совпадают с предикатами «гибкий» и «негибкий». Диспозиционные предикаты экстраполируют, так сказать, эту дихотомию на более широкий или даже универсальный класс предметов, поэтому предикат типа «гибкий» можно рассматривать как расширение, или экстраполяцию, предиката типа «гнется». Проблема заключается в том, чтобы определить такие экстраполяции только посредством терминов явных предикатов.

Каждому известно, часто говорим мы, что предмет, не находящийся под давлением, называется гибким, если он принадлежит к тому же виду, что и предметы, которые гнутся, или, иными словами, если среди предметов, подвергаемых соответствующему давлению, предикат «гнется» применим только к тем предметам, которые принадлежат к виду К, то предикат «гибкий» применим ко всем и только к тем предметам, которые принадлежат к виду К, независимо от того, подвергаются они давлению или нет. Нет ничего проще и в то же время туманнее. Когда две вещи принадлежат к одному виду? Недостаточно про-

сто принадлежать к какому-то одному классу, ибо *любые* два предмета принадлежат к какому-либо одному классу. Одновременно принадлежать ко всем классам невозможно, ибо нет двух предметов, которые вместе принадлежали бы ко всем классам. Может быть, в таком случае принадлежать к одному и тому же виду значит обладать одними «существенными» свойствами? Я избавлю вас от обсуждения проблемы существенности и замечу только, что, даже если бы различие между существенным и случайным было несомненным, оно не многим помогло бы нам в данном контексте. В то время как мы ищем объяснения в терминах явных предикатов, мы вполне могли бы обнаружить, что существенными являются только диспозиционные предикаты, а все явные предикаты случайны⁹.

Мы исходим из того, что вопрос не в том, что собой представляет существенное свойство, а в том, как оно связано с явным свойством. Если определенные явные свойства как-то внутренне связаны с изгибанием, а не просто случайно сопутствуют ему, то проявление этих свойств предметом, не находящимся под давлением, будет основанием для рассмотрения этого предмета как гибкого. Иными словами, можно определить предикат «гибкий», если найти подходящий явный предикат, который связан с предикатом «гнется» посредством «каузальных» принципов или *законов*. Проблема диспозиций состоит в том, чтобы определить природу упомянутой здесь связи. Это проблема описания некоего отношения, такого, что если исходный явный предикат «Q» находится в этом отношении к другому явному предикату или к конъюнкции таких предикатов «А», то «L» можно отождествить с диспозиционным аналогом — «Q-able» или «*Od** ~ предиката «Q». Однако вопрос о том, когда имеется такая «каузальная» связь или как отличить законы от случайных истин, является в высшей степени сложным.

В этой мрачной картине мы можем обнаружить слабый луч

9- Поскольку существенные особенности предметов обычно мыслятся как устойчивые, постольку предикаты для устойчивых особенностей мы, как правило, считаем диспозиционными. Таким образом, те авторы, которые предлагают решать проблему диспозиций посредством классов, определяемых в терминах микроскопической структуры предметов, просто уходят от решения вопроса, ибо для описания этих структур им нужны те самые диспозиционные предикаты, которые они стараются объяснить.

надежды. Сначала заметим, что решение общей проблемы не снабдит нас автоматическим определением для каждого диспозиционного предиката, нам требуется еще дополнительное специальное знание, чтобы найти вспомогательный предикат, удовлетворяющий общей формуле, т. е. который необходимым образом связан с исходным явным предикатом. Однако, с другой стороны, вовсе не обязательно ждать решения общей проблем для того, чтобы открыть подходящее определение для данного диспозиционного предиката. Если удача или большая специальная информация вдруг дают в наше распоряжение явный предикат «Р» и мы уверены, что в своем применении он совпадает с предикатом «гибкий», то «Р» можно использовать в качестве определения для «гибкий», не вдаваясь в исследование природы его связи с предикатом «гнется». Об этом необходимо помнить, ибо в любом исследовании, даже в таком, как наше, мы иногда можем обнаружить, что определение даже одного конкретного диспозиционного предиката способно привести к значительному прогрессу. И в этом случае отсутствие общей формулы не должно удерживать нас от попытки определить данный предикат.

Конечно, некоторые авторы возражают против этого и скажут, что попытка определить обычный физический диспозиционный термин является философски некорректной¹⁰. Ученый, скажут они, никогда так не определяет тот или иной термин, но по мере того, как его знания возрастают, он постепенно и частями уточняет значение термина. Поэтому для точного представления научного образа действий мы должны вводить эти термины посредством постулатов в качестве исходных и по мере надобности добавлять новые постулаты¹¹. Это не имеет

10. Точка зрения, рассматриваемая в этом и последующем абзацах, ныне настолько распространена, что я чувствую себя обязанным обсудить ее здесь даже за счет отклонения от главной линии нашего исследования. См.: *Carnap R. Testability and Meaning // Philosophy of Science*, 1936, v. 3, p. 449; *Kaplan. Definition and Specification of Meaning // Journal of Philosophy*, 1946, v. 43, pp. 281—288, а также мою рецензию на эту статью в журнале «*Journal of Symbolic Logic*», 1946, v. II, p. 80; *Hempel K. G. Fundamental of Concept Formation*, Chicago, 1952, pp. 28—29.

11. Имеется только два способа введения терминов в систему: (1) в качестве исходных, (2) посредством определения. Некоторые отрывки из указанной в сноске 31 статьи Карнапа создают такое впечатление, что будто бы имеется новый, третий способ введения терминов — посредством редукционных пред-

отношения к тому, что я назвал общей проблемой диспозиций, а связано с вопросом определения конкретных диспозиционных терминов. Тем не менее даже в этом данное рассуждение кажется мне неприемлемым. Философия, по моему мнению, должна заниматься скорее прояснением научного и повседневного языка, нежели описанием научных или повседневных процедур. Экспликация должна учитывать, конечно, внесистемное употребление терминов, однако она не обязана отображать способ или порядок их внесистемного усвоения. Она должна стремиться к максимальной ясности и связности. Таким образом, правомерным и вполне достаточным стимулом для того, чтобы вводить термины в объяснительные рассуждения посредством определения, где это возможно, а не в качестве исходных, является достигаемая благодаря этому экономичность и связность. Аргумент, говорящий о том, что лучше отказаться от определения термина в объяснительном рассуждении, если этот термин не определен учеными или неспециалистами, подобен тому аргументу, что философия не должна быть непротиворечивой, если таковой не является описываемая ею реальность. Точно так же можно было бы сказать, что философия не должна быть написана на английском языке, ибо мир не написан по-английски. Нет никакой доблести в отказе от определения диспозиционных терминов.

Иногда утверждают, что определить даже самые простые диспозиционные предикаты настолько трудно, что если при их введении в нашу систему мы отказываемся использовать какие-то иные средства, то мы либо вынуждены вообще отказаться от их введения, либо должны довольствоваться временными определениями, которые вскоре будут отброшены. При этом упускают из виду тот факт, что, когда мы ищем редукционные постулаты для данных диспозиционных предикатов, у нас есть воз-

ложений. Карнап пишет, например (p. 443): «Если бы мы хотели построить язык для науки, то мы должны некоторые дескриптивные (т. е. внелогические) термины принять в качестве исходных терминов. Тогда другие термины можно ввести не только посредством явных определений, но также посредством других редукционных предложений. Возможность введения... посредством физической редукции чрезвычайно важна для науки, но до сих пор ей уделяли недостаточное внимание в логическом анализе науки». Это представляется мне ошибочным, ибо ввести термин посредством редукционных постулатов значит ввести его в качестве неустранимого исходного термина.

можность сформулировать определения для более узких диспозиционных предикатов. Если, например, мы решили, что появление данной спектроскопической картины является хорошим признаком гибкости предмета, но хотим тем не менее сохранить возможность других проверок в тех случаях, когда нельзя использовать ни соответствующее давление, ни спектроскопический анализ, то мы можем определить предикаты «гибкий при давлении или спектроскопическом анализе» и «негибкий при давлении или спектроскопическом анализе»¹². Данное определение экстраполирует дихотомию «гнется — не гнется» на более широкую, хотя и не универсальную область и обладает тем преимуществом, что введенные предикаты вполне устранимы.

Это отступление о желательности определения диспозиционных предикатов ничем не помогает нам, однако, в решении центральной и настоящей проблемы — вопроса о природе отношения между исходными явными предикатами и явными предикатами, используемыми для их экстраполяции. Решение этой общей проблемы диспозиций не зависит от того, используем ли мы найденные таким образом вспомогательные предикаты в определениях или редукционных постулатах.

В заключении этого краткого очерка проблемы диспозиций я предлагаю запомнить на будущее лишь два пункта: формулировку общей проблемы и осознание того факта, что как диспозиционные, так и явные предикаты являются лишь ярлыками, используемыми для классификации *реальных* вещей.

4. ВОЗМОЖНОСТИ

В то время как диспозиционные высказывания можно истолковывать как говорящие о реальных вещах, что можно сказать о дру-

гих высказываниях, которые очевидно относятся к возможным сущностям?

Начнем с рассмотрения ситуации, довольно далекой от контекста наших предыдущих рассуждений. Допустим, мы пользуемся не физикалистским вещным языком, а феноменалистским языком, для которого атомарными элементами будут области визуального поля, моменты феноменального времени, минимальные феноменальные цвета, звуки и т. п.¹³ Тогда существуют моменты, например если один глаз закрыт, когда визуальное поле меньше (т. е. включает в себя меньшее количество феноменальных областей), чем в другие моменты. Выберем определенный момент t , в который поле сужено таким образом, и определенную область p , не присутствующую в поле зрения в момент t . И p , и t представляют собой реальные феноменальные элементы¹⁴, однако нет такой сущности, как пространственно-временное соединение p и t . Тем не менее часто мы вынуждены говорить об этом воображаемом соединении пространства-времени p и t . Вопрос о его (возможном) цвете, например, рассматривается как вполне правомерный и может иметь значение для познания.

Здесь перед нами очень простой пример заполнения бреши в реальном опыте тканью возможного. Вопрос о том, что делать с такими воображаемыми или возможными чувственными данными, неизбежно встает перед феноменалистом на самом раннем этапе его работы. Боюсь, что слишком часто он примиряется с допущением возможного чувственно данного наряду с реальным чувственно данным. Хотя он может научиться делать это, не смущаясь и не краснея, его критики успешно набирают очки.

Возвращаясь к нашему примеру, можно отметить, что ситуация такова: не существует такой пространственно-временной

12. Первый из этих составных предикатов будет определен как применимый ко всем и только к тем предметам, которые либо подвергаются соответствующему давлению и гнутся, либо подвергнуты спектроскопическому анализу и дают нужную картину. Второй составной предикат будет определен как применимый ко всем и только к тем предметам, которые либо подвергаются соответствующему давлению и не гнутся, либо при спектроскопическом анализе не дают требуемой картины. (Как и рассуждения в приведенном выше тексте, эти формулировки следует упростить, истолковывая слово «предмет» не как обозначение долговременного объекта, а как обозначение краткого временного отрезка его существования.)

13. Очерк такой системы дан в кн.: Goodman N. The Structure of Appearance, esp. ch. VI.

14. Это утверждение следует понимать, конечно, как вневременное. Отвлекаясь от течения времени, можно сказать, что области или цвета, существующие в какой-либо момент, являются реальными, точно так же как Фалес является реальным человеком. Как реальный человек не обязан жить вечно, точно так же и реальный цвет или область не обязаны существовать во все времена. См. кн.: Goodman N. The Structure of Appearance, ch. VI, sect. 4; ch. XI.

области, как пространство p в момент¹⁵, и любое предложение, утверждающее, что этой пространственно-временной области присущ некоторый цвет, ложно. Тогда каким образом, не вводя воображаемых пространственно-временных областей в качестве элементов, мы можем сформулировать вопрос о цвете этой пространственно-временной области? Можно, конечно, выразить этот вопрос в контрфактической форме, однако мы уже видели, что движение в этом направлении нам мало поможет.

Первое, что можно сказать по поводу нашего примера, — это то, что, хотя не существует такой *пространственно-временной области*, как p и t , *существует* реальная сущность, состоящая из p и t , неважно, истолковываем ли мы ее как класс $\{p, t\}$ или, как я буду делать здесь, как сумму индивидов $p + t$ ¹⁶. Вследствие отсутствия определенного взаимоотношения между ее частями эта сущность столь же мало является пространственно-временной областью, как целостность, состоящая из корпуса одного автомобиля и поездки по улице другого, является автомобилем. Иными словами, предикат «пространственно-временная область» применим к одним сущностям, составленным из пространства и времени, но не применим к другим, таким, как наше $p + t$. *Говорить* о «воображаемой» или «возможной» пространственно-временной области $p + t$ — значит, не говорить о новой нереальной сущности, а высказывать нечто новое (т. е. применять новый предикат) о старой реальной сущности $p + t$. Иногда для некоторых целей мы хотим видеть вместе под одним названием все пространственно-временные области и определенные другие сущности типа $p + t$. Обычным наименованием для них является предикат «возможная пространственно-временная область». Тогда класс возможных пространственно-временных областей есть просто определенный класс реальных сущностей, который включает в себя меньший класс реальных пространственно-временных областей.

Таким образом, отношение между предикатами «простран-

15. Используемый здесь знак «+» принадлежит исчислению индивидов, а « $p + t$ » просто представляет целостность, состоящую из p и t . Читатель, желающий получить более полное объяснение, может обратиться к кн.: Goodman N. The Structure of Appearance, ch. II, sect. 4. Тот же, кто содрогается при мысли о дополнительных индивидах, может ставить « $\langle p, t \rangle$ » — класс, членами которого являются p и t , — на протяжении всего данного рассмотрения.

ственно-временная область» и «возможная пространственно-временная область» в точности аналогично отношению между предикатами «гнется» и «гибкий». В самом деле, лишь грамматический ригоризм не позволяет нам описывать $p + t$ как «пространственно-временную область» и заставляет говорить «возможная пространственно-временная область». Конечно, как и в случае диспозиционных терминов, наш способ анализа переносит центр тяжести на вопрос о том, каким образом осуществляется экстраполяция. В данном примере это сделать легко, ибо «возможную пространственно-временную область» вполне можно определить как применимую ко всем и только к тем сущностям, которые составлены из одного места пространства и одного момента времени. Но иногда тот же самый предикат можно использовать для класса, который шире или уже данного и более труден для определения. Другие вопросы, например наш вопрос о цвете $p + t$ (или, как можно теперь его сформулировать, вопрос о том, какой предикат цвета можно экстраполировать на $p + t$), также способны порождать тонкие и сложные проблемы экстраполяции. Тем не менее способ переноса некоторых очевидных ссылок на иные, нежели реальные, чувственные данные в общих чертах уже задан.

Еще раз повторим основную мысль: если $p + t$ является пространственно-временной областью и поэтому не обладает цветом, то предикат «пространственно-временная область», очевидно, применяется только к определенным другим целостностям, состоящим из пространства и времени, а предикат «темно-красный» (т. е. «быть темно-красным») применим только к некоторым из этих пространственно-временных областей. В таком случае сокращенное утверждение о том, что пространственно-временная $p + t$ область является темно-красной, можно интерпретировать как содержащее две экстраполяции. Оно экстраполирует и предикат «пространственно-временная область», и предикат «темно-красный» на реальную сущность $p + t$, или, лучше сказать, оно применяет к $p + t$ определенную экстраполяцию предикатов «пространственно-временная область» и «темно-красный».

Однако что нам делать в таких случаях, когда вместо заполнения пробелов, так сказать, мы описываем альтернативы реальных восприятий? Предположим, например, что реальная

пространственно-временная область $p_i + t_i$ реально окрашена в изумрудно-зеленый цвет; но допустим, что (поскольку, скажем, я смотрел на стену, окрашенную голубыми и зелеными полосами) голубой цвет «мог бы появиться» в визуальной области p_i в момент t_{i0} если бы в этот момент моя голова была повернута чуть дальше вправо. Рассмотрим теперь приписывание этой пространственно-временной области $p_i + t_i$ голубого цвета при том гипотетическом обстоятельстве (назовем его обстоятельством «С»), что моя голова была повернута несколько дальше, чем это было на самом деле. Эта проблема кажется несколько отличной от нашей предыдущей проблемы, поскольку у нас здесь нет сущностей типа $p_i + t_i$, которые еще не обладают никаким цветом; реальная пространственно-временная область $p_i + t_i$ уже обладает цветом и не может быть окрашена одновременно в два разных цвета. Здесь идет речь не о заполнении пробела в нашем реальном опыте, а, скорее, об описании совершенно нового возможного опыта. Несмотря на это, данный случай можно анализировать почти точно так же. Сказать, что пространственно-временная область в $p_i + t_i$ действительности является зеленой, но возможно (т. е. при обстоятельстве Q голубой, по сути дела, означает в дополнение к предикату «зеленый» приписать $/?!$ + $!<$ приблизительно такой предикат, как «С-быть голубым»¹⁶. Опять-таки, этот предикат просто экстраполирует предикат «голубой» на более широкую область реальных сущностей. И как предикат «Сбыть голубым» может применяться к той же пространственно-временной области, к которой применим предикат «зеленый», точно также к этой области могут

16. Предикаты «Обыть голубым» и «£-быть голубым» — в применении к таким пространственно-временным областям, которые являются голубыми при разных обстоятельствах С и £, — связаны гораздо теснее, нежели предикаты «растворим в воде» и «растворим в кислоте». Между прочим, я надеюсь, поймут, что я вовсе не сторонник повседневного использования таких варварских предикатов, как «С-быть голубым» и «Сбыть пространственно-временной областью», и ввожу их только для целей разъяснения. Обычно в повседневных рассуждениях такие известные предикаты, как «голубой» и «возможно голубой», в различных контекстах служат разным целям. Слово «голубой» мы часто относим не только к тем предметам, которые действительно являются голубыми, но также и к тем предметам, которые являются голубыми при некоторых конкретных воображаемых обстоятельствах. И мы говорим «возможно голубой» о предметах, которые являются голубыми при любых воображаемых обстоятельствах, явно или неявно указанных контекстом.

применяться и другие предикаты. Если, например, *Д*, *Ей* *Ф* являются другими обстоятельствами, то все предикаты типа «Д-быть красным», «£-быть голубым» и «ЛЗыть белым» могут быть отнесены $kp_i + f_i$.

Оставим теперь язык феноменализма и посмотрим на утверждения, относящиеся к возможным физическим событиям. Из сказанного выше уже ясно, как нужно действовать. Когда мы говорим, что определенный предмет k гибок в момент s , мы на самом деле описываем некоторое воображаемое событие, случившееся с k в момент s . Реальное событие состоит в том, что временной отрезок существования k , совпадающий с S , не есть событие сгибания, однако говорить о нем как о возможном событии сгибания значит просто подвести его под диспозиционный предикат «гибкий». Распространенные диспозиционные предикаты не всегда пригодны, но, раз принцип понятен, по мере надобности можно конструировать новые предикаты. Например, воображаемый несчастный случай с данным поездом, который мог произойти в результате гипотетического повреждения железнодорожного пути, можно выразить с помощью утверждения, что поезд в это время был «предрасположен к несчастному случаю» или, более полно, был «предрасположен к несчастному случаю благодаря повреждению рельсового пути».

По-видимому я должен напомнить, что мы рассматриваем именно те возможные события, которые, как нам известно, не являются реальными. Когда поезд опаздывает и я говорю, что, возможно, произошел несчастный случай, то я при этом просто не знаю, произошел ли несчастный случай. Но если мне известно, что поезд доехал вполне благополучно, то любой разговор о возможном несчастном случае приобретает совершенно иной смысл. Здесь мы имеем дело с различием утверждения о том, что с поездом мог произойти несчастный случай (когда мне не известно, произошел он или нет), и утверждения о том, что с поездом мог бы произойти несчастный случай (когда я знаю, что его не было). Утверждения последнего вида порождают более серьезную проблему истолкования, и здесь меня интересуют только они.

Конечно, мы ожидаем встретить новые трудности, когда сталкиваемся с рассуждением, относящимся к нереальным долговременным предметам, а не к нереальным событиям, происходя-

щим с реальными предметами. Однако даже и такие рассуждения легко интерпретировать как применение определенных предикатов к реальным предметам. Вполне можно соорудить в центре Лондона воображаемую гору путем простого применения к Лондону экстраполяции предиката «быть гористым»¹⁷.

Я вовсе не пытаюсь, конечно, предложить средства установления истинности или ложности высказываний о возможностях, а ищу способы перевода этих высказываний в предложения о реальном. Как только такой перевод найден, вопрос об установлении истинности или ложности этих высказываний становится просто вопросом об установлении фактов.

Таким образом, мы начинаем понимать тот общий способ, посредством которого высказывания о том, что какие-то возможные объекты не являются реальными, можно совместить с учением, гласящим, что только возможные сущности являются реальными. Рассматривать дальнейшие конкретные примеры значило бы рисковать затеряться в лабиринте излишних подробностей. Следует лишь отметить, что некоторые «предикаты возможного» не обязательно являются простыми экстраполяциями явных предикатов, а способны экстенционально пересекаться с ними более сложными способами¹⁸. Однако ес-

17. Несмотря на то, что в общем мы говорим о возможном, мы редко упоминаем о том, что просто возможно, т. е. возможно при тех или иных известных обстоятельствах. Гораздо больше мы занимаемся тем, что происходит при определенных воображаемых обстоятельствах. Так, гора, которую мы соорудили в Лондоне, является не просто возможной горой, но горой, возникающей при определенных возможных обстоятельствах, например при возможной вулканической активности в этом месте.

18. Предикат «гибкий» представляет собой простую экстраполяцию предиката «гнется», ибо все предметы, которые гнутся, и некоторые из тех, которые не гнутся в настоящий момент, являются гибкими. Термин «экстраполяция» я использую в достаточно широком смысле, чтобы предикат «гибкий» можно было считать экстраполяцией также и предиката «согнутый», хотя, конечно, некоторые согнутые (при необычно большом давлении) предметы не являются гибкими. Точно так же диспозиционный предикат «быть оранжевым» является экстраполяцией явного предиката «выглядеть оранжевым», хотя далеко не всякий предмет, который выглядит оранжевым (например, при желтом свете), на самом деле является оранжевым. В примерах «экстраполяция», по сути дела, включает в себя два шага: устранение определенных случаев, принадлежащих к экстенсионалу исходного явного предиката (например, переход от «согнутый» к «гнется» или от «выглядеть оранжевым» к «выглядеть оранжевым при дневном свете»), и добавление других случаев, не принадлежащих к экстен-

тественно возникает вопрос: если мы ограничиваемся только предикатами реальных предметов, то хватит ли у нас средств высказать о реальном все то, что нам нужно, для того чтобы перейти к обсуждению возможного? Здесь утешает то обстоятельство, что когда у нас имеется лишь три атомарных элемента, то из них мы получаем семь индивидов, которые образуют различные экстенсионалы (ни один из них не является пустым) для 127 одноместных предикатов. Поэтому в любой нормальной системе, принимающей хотя бы сотни атомарных элементов — не важно, феноменальных или физических, — число доступных экстенсионалов возрастает до миллиардов. Угроза, принуждающая молчать, устранена.

Здесь я стремился, главным образом, показать, что рассуждение даже о возможных вещах не заставляет нас выходить за границы реального мира. То, что мы часто ошибочно принимаем за реальный мир, есть лишь одно из его конкретных описаний. А то, что мы ошибочно считаем возможными мирами, есть в равной мере истинные описания реального мира, но только в других терминах. Мы привыкли считать реальный мир одним из множества возможных миров. Это представление следует исправить. Все возможные миры заключены в одном реальном мире.

5. ПЕРЕХОД

Возможные процессы и возможные сущности исчезают. Приписываемые им предикаты оказываются применимыми к реальным предметам, однако экстенсионалы этих предикатов особым образом связаны с экстенсионалами явных предикатов и обычно шире, чем эти последние. Предикат, относящийся к возможному, в сравнении с соответствующим явным предикатом напоминает раскрытый зонтик в сравнении с закрытым — он просто покрывает большую площадь той же самой поверхности.

Наше внимание было направлено на то, что я назвал общей проблемой диспозиций, которая, по сути дела, оказалась так-

сионалу полученного таким образом более узкого явного предиката (например, переход от «гнется» к «гибкий» или от «выглядит оранжевым при дневном свете» к «является оранжевым»).

же общей проблемой возможного. Повторю: это — проблема объяснения того, каким образом явный предикат, скажем «Р», должен быть связан с другими предикатами, когда применение этих других предикатов к некоторому предмету дает основание применить к этому предмету некий более широкий аналог «Р», скажем «Р₁». Я назвал эту проблему проблемой экстраполяции, поскольку она относится к тому, каким образом, начав с явного предиката, например «горит», мы можем распространить его на более широкую область с помощью определения родственного ему предиката «горючий», охватывающего предметы, которые горят, а также некоторые другие предметы, но ничего такого, что неспособно гореть.

Теперь мы видим, что проблема экстраполяции явных случаев на неявные немногим отличается от проблемы перехода от известного к неизвестному или от прошлого к будущему. Проблема диспозиций кажется подозрительно похожей на старого врага и друга философов — проблему индукции. Действительно, они обе представляют собой разные аспекты общей проблемы перехода от данного множества случаев к более широкому множеству. И центральным вопросом остается один и тот же: когда, как и почему такой переход или расширение является оправданным? Поэтому в следующей лекции мы должны посмотреть, каково в настоящее время положение дел с анализом всем известной проблемы индукции.

Вот так переходит возможное. Оно переходит лишь в другую, гораздо более сложную проблему. Однако эта проблема в течение долгого времени не давала нам спать сама по себе. Теперь, по крайней мере, есть некоторое утешение в мысли о том, что дух возможного не будет больше бродить по ночам и стучать в потолок.

III. НОВАЯ ЗАГАДКА ИНДУКЦИИ

1. СТАРАЯ ПРОБЛЕМА ИНДУКЦИИ

Заканчивая предыдущую лекцию, я сказал, что теперь нужно посмотреть, как обстоят дела с проблемой индукции. Если ограничиться одним словом, то, я думаю, можно сказать, что они обстоят плохо. Однако те реальные трудности, с которыми мы сталкиваемся сегодня, отнюдь не являются традиционными. То, что обычно считают Проблемой индукции, было давно разрешено или устранено, а перед нами стоят новые проблемы, которые все еще не вполне осознаны. Прежде чем перейти к их рассмотрению, я должен очень кратко напомнить несколько хорошо известных вещей.

Как указал еще Юм, проблема оправдания суждений о будущих или неизвестных событиях возникает вследствие того, что такие суждения не являются ни отчетами об опыте, ни логическими следствиями таких отчетов. Ясно, что предсказания относятся к тому, что еще не было предметом наблюдения. И их нельзя логически вывести из прошлых наблюдений, ибо то, что уже произошло, не налагает каких-либо логических ограничений на то, что только еще произойдет. Хотя заявление Юма о том, что не существует необходимых связей фактов, иногда оспаривалось, оно выдержало все атаки. В самом деле, я не только согласился бы с тем, что не существует необходимых связей фактов, но и спросил бы еще, а существуют ли вообще какие-либо необходимые связи¹. Однако это уже совсем другой вопрос.

Ответ Юма на вопрос о том, каким образом предсказания связаны с прошлым опытом, кажется удивительно небрежным. Когда в опыте за событием одного вида часто следует событие

1. Хотя это и не имеет прямого отношения к делу, по-видимому, я должен пояснить некоторым неискусенным читателям, что понятие необходимой связи и идей или абсолютно аналитического высказывания потеряло свою неприкосновенность. Некоторые авторы, подобно Уайту и Куайну, прямо нападают на это понятие; другие, как я, попросту отбрасывают его. И очень многие стали испытывать острое беспокойство в связи с данным понятием.

другого вида, образуется привычка мышления при столкновении с новым событием первого вида переходить к идее события второго вида. Идея необходимой связи возникает из побуждения мышления совершить это переход.

Если теперь очистить этот подход от внешних наслоений, центральным пунктом окажется вопрос: «Почему одно предсказание предпочитается другому?» Юм отвечает, что выбирается то предсказание, которое согласуется с прошлой регулярностью, ибо эта регулярность сформировала привычку. Поэтому среди альтернативных высказываний относительно будущего момента выделяется одно высказывание благодаря его соответствию привычке и, таким образом, регулярности, наблюдавшейся в прошлом. Предсказание, опирающееся на любую другую альтернативу, будет ошибочным.

Насколько удовлетворителен этот ответ? Наиболее серьезная критика с видом оскорбленной добродетели указывала на то, что подход Юма объясняет, в лучшем случае, лишь источник предсказаний, а не их правомерность: вопрос не в том, почему высказывается некое предсказание, а в том, как его можно оправдать. Это приводит к щекотливому выводу, что крупнейший философ нового времени не заметил центрального пункта своей собственной проблемы, что на самом деле он не принимал всерьез своего решения и считал главную проблему нерешенной и, может быть, даже неразрешимой. Вот так мы начинаем говорить о «проблеме Юма» как о вопросе, который он хоть и поставил, но не разрешил.

Все это представляется мне совершенно ошибочным. Я полагаю, Юм осознал центральный вопрос и считал свой ответ на него вполне удовлетворительным. И я считаю его ответ вполне разумным и интересным, даже если он не вполне удовлетворителен. Вскоре я объясню это. Я сейчас я хочу заявить протест против распространенного представления о том, что проблему оправдания индукции при ее полном отрыве от описания того, как осуществляется индукция, можно назвать проблемой Юма.

Я полагаю, что проблема оправдания индукции породила столь же большое количество бесплодных дискуссий, как и любая промежуточная проблема современной философии. Типичный автор начинает с заявления о том, что должен быть най-

ден какой-то способ оправдания предсказаний; затем он переходит к утверждению, что для этого нам нужен некий универсальный закон Единообразия Природы, а потом пытается понять, каким образом можно оправдать сам этот универсальный принцип. Если он уже утомился, то, достигнув этого пункта, он приходит к выводу, что данный принцип следует принять в качестве необходимого допущения. Если же он изобретателен и не утратил энергии, он придумывает те или иные тонкие оправдания этого принципа. Однако его изобретения редко удовлетворяют кого-либо еще. Чем легче мы принимаем какое-либо несущественное и даже сомнительное допущение, тем труднее достается нам его оправдание.

2. УСТРАНЕНИЕ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ

Мыслители, настроенные более критично, давно заподозрили что-то неладное в проблеме, которую мы пытались решать. Можно ли точно сказать, что именно должно представлять собой искомое оправдание? Если проблема заключается в том, чтобы объяснить, откуда нам известно, что определенные предсказания окажутся правильными, то вполне достаточный ответ на нее сводится к тому, что ничего подобного мы не знаем. Если же проблема состоит в том, чтобы *найти* какой-то способ предварительного разграничения истинных и ложных предсказаний, то речь идет о точности, а не о философском объяснении. Немногим поможет делу, если сказать, что мы пытаемся лишь показать, почему некоторые предсказания *вероятны*. Часто утверждают, что, хотя мы и не можем заранее сказать, будет ли истинным предсказание относительно данного броска игровой кости, мы можем все-таки решить, является ли данное предсказание вероятным. Но если это означает установление того, каким образом данное предсказание связано с реальной частотой распределения событий при будущих бросках кости, то, безусловно, нет никакого способа узнать или доказать это заранее. Если же, с другой стороны, суждение о вероятности данного предсказания не имеет никакого отношения к последующим событиям, то остается вопрос: в каком смысле вероятное предсказание обосновано лучше, чем невероятное?

Ясно, что подлинная проблема не может быть проблемой

достижения непостижимого знания или рассмотрения знания, которого у нас фактически нет. Мы можем лучше понять нашу проблему, если посмотрим, за счет чего достигается оправдание неиндуктивного вывода. Как мы оправдываем дедукцию? Прямо показывая, что она соответствует общим правилам дедуктивного вывода. Рассуждение, которое им соответствует, оправдано или общезначимо, даже если его заключение оказывается ложным. Рассуждение, нарушающее правило, будет ошибочным, даже если его заключение оказывается истинным. Следовательно, оправдание дедуктивного заключения не требует знания фактов, к которым оно относится. Кроме того, когда дедуктивное рассуждение соответствует правилам логического вывода, мы обычно считаем это рассуждение оправданным, не задавая вопроса о том, а что оправдывает сами эти правила. Но точно так же основная задача при оправдании индуктивного вывода заключается в том, чтобы показать, что он соответствует общим правилам индукции. Как только мы осознали это, то сразу же далеко продвинулись в прояснении нашей проблемы.

И все-таки в конечном итоге сами правила, конечно, должны иметь оправдание. Общезначимость дедукции зависит не от ее соответствия любым произвольным правилам, которые мы способны выдумать, а от соответствия общезначимым правилам. Когда мы говорим о правилах вывода, мы имеем в виду общезначимые правила или, лучше сказать, *какие-то* общезначимые правила, ибо могут существовать альтернативные множества в равной мере общезначимых правил. Но как обосновать общезначимость правил? Здесь вновь одни философы настаивают на том, что эти правила вытекают из некоторой самоочевидной аксиомы, а другие пытаются показать, что эти правила коренятся в самой природе человеческого мышления. Мне кажется, ответ лежит гораздо ближе к поверхности. Принципы дедуктивного вывода оправдываются их соответствием принятой дедуктивной практике. Их общезначимость определяется их соответствием конкретным дедуктивным методам, которые мы реально осуществляем и одобряем. Если некоторое правило порождает неприемлемые выводы, мы отбрасываем его как неверное. Таким образом, оправдание общих правил вытекает из суждений, признающих или отвергающих конкретные дедуктивные выводы.

Это представляется вопиющим порочным кругом. Я сказал, что дедуктивные выводы оправдываются их соответствием общезначимым общим правилам, а общие правила оправдываются их соответствием общезначимым выводам. Однако этот круг не является порочным. Дело в том, что правила и конкретные выводы одинаково оправдываются взаимным согласованием. *Правило подлежит исправлению, если порождает вывод, с которым мы не хотим согласиться: вывод отвергается, если нарушает правило, которое мы не хотим изменять.* Процесс оправдания представляет собой тонкое взаимное приспособление правил и приемлемых выводов, и единственное оправдание тех и других заключается только в достигнутом согласовании.

Все это в равной мере справедливо и для индукции. Индуктивный вывод также оправдан благодаря его соответствию общим правилам, а общее правило — благодаря его соответствию признанным индуктивным выводам. Предсказания оправданы, если они соответствуют общепринятым канонам индукции, а эти каноны верны, если они дают точное суммарное выражение принятой индуктивной практики.

Такой анализ приводит к выводу о том, что мы можем перестать мучить себя надуманными вопросами относительно индукции. Мы больше не требуем объяснить то, чего у нас нет, или найти ключ к знанию, которого мы не можем получить. И мы начинаем осознавать, что традиционное упрямое стремление провести жесткую границу между оправданной индукцией и описанием повседневной индуктивной практики искажает проблему. Мы обязаны воздать запоздалую хвалу Юму. Имея дело с вопросом о том, как обычно высказываются приемлемые индуктивные суждения, он фактически исследовал вопрос об индуктивной оправданности². Для него предсказание оправдывается

2. Внимательному читателю может показаться, что мое настойчивое подчеркивание тождества проблемы оправдания и проблемы описания расходится с моим вводным замечанием в предыдущей лекции относительно того, что задача философии совершенно отлична от простого описания повседневной или научной практики. Поэтому повторяю еще раз, что построение объяснения^a вовсе не обязано отображать способ или порядок использования предикатов

^a практике. Однако систематическое объяснение, безусловно, должно быть исанием практики в том смысле, что экстенционалы эксплицированных предикатов должны определенным образом соответствовать экстенционалам тех^{cc} предикатов в их практическом использовании. Подход Юма представляет

тем, что оно опирается на привычку и, таким образом, выражает некую общую регулярность. Такой ответ неполон и, может быть, даже не вполне правилен, однако он не отходит от сути дела. Проблема индукции представляет собой не проблему доказательства, а проблему определения разницы между обоснованными и необоснованными предсказаниями.

Это проясняет атмосферу, но остается еще дело. В качестве принципов дедуктивного вывода у нас имеются хорошо известные и тщательно разработанные законы логики, однако нет столь же точных и общепризнанных принципов индуктивного вывода. Каноны Милля вряд ли можно поставить в один ряд с аристотелевскими правилами силлогизма, не говоря уже о правилах «Principia Mathematica». Основательные и интересные трактаты по вероятности обычно проходят мимо некоторых фундаментальных вопросов. Лишь в самые последние годы началась осознанная и систематическая работа над тем, что я называю конструктивной задачей теории подтверждения.

3. КОНСТРУКТИВНАЯ ЗАДАЧА ТЕОРИИ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

Проблема формулировки правил, определяющих различие между обоснованными и необоснованными индуктивными выводами, весьма напоминает задачу определения какого-либо термина с установившимся употреблением. Когда мы намереваемся определить термин «дерево», мы пытаемся из уже понятных слов составить выражение, которое будет применимо к известным объектам, в обыденном языке именуемым деревьями, и не будет применимо к объектам, которые обыденный язык отказывается называть деревьями. Формулировка, нарушающая это условие, отвергается; определение, удовлетворяющее этому условию, может быть принято и использовано для прояснения ситуаций, в которых реальное употребление еще не установилось. Таким образом, наблюдаемое нами взаимодействие меж-

собой описание именно в этом смысле. Он пытается установить обстоятельства, при которых высказываются те индуктивные суждения, которые обычно считаются обоснованными. Сделать это — значит, установить необходимые и достаточные условия, т. е. определить обоснованную индукцию. И выше я как раз настаиваю на том, что проблема оправдания индукции есть не что иное, как проблема описания или определения обоснованной индукции.

ду правилами индукции и конкретными индуктивными выводами оказывается просто одним из примеров этого характерного взаимного определения и употребления, в ходе которого употребление дает информацию для определения, которое, в свою очередь, задает область употребления.

Конечно, это взаимное приспособление носит гораздо более сложный характер, чем я сказал. Иногда в целях удобства или теоретической пользы мы преднамеренно допускаем отклонение некоторого определения от очевидного обыденного употребления. Мы вводим определение слова «рыба», исключаяющее из их числа китов. Точно так же мы можем решить не считать «обоснованной индукцией» некоторые индуктивные выводы, которые обычно считаются обоснованными, или, напротив, относить этот термин к таким выводам, которые обычно не считаются обоснованными. Определение может определять и расширять область обыденного употребления³.

Конкретная новаторская работа по проблеме определения подтверждения или обоснованной индукции была осуществлена проф. Гемпелем⁴. Позвольте мне кратко напомнить вам его результаты. Как дедуктивная логика интересуется, главным образом, отношениями между высказываниями, а именно отношениями логического следования, которые не зависят от их истинности или ложности, точно так же индуктивная логика, по мнению Гемпеля, интересуется, главным образом, отношением сравнительной подтверждаемостиTM между высказываниями. Поэтому проблема состоит в том, чтобы определить отношение, которое имеет место между высказыванием S_1 и другим высказыванием S_2 в том и только в том случае, когда S_1 в какой-либо степени подтверждает S_2 .

При такой формулировке вопроса первый шаг к его разрешению кажется очевидным. Разве индукция не осуществляется

3. Более полное рассмотрение проблемы такого определения в общем см. в кн.: Goodman N. The Structure of Appearance, ch. I.

4. См. его фундаментальную статью: Hempel K. G. A Purely Syntactical Definition of Confirmation. Гораздо менее формальное изложение дано в статье: Гемпель К. Г. Исследования по логике подтверждения // Гемпель К. Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998, с. 52—64. Более поздние работы Гемпеля и других авторов по определению понятия степени подтверждения нам здесь не важны.

в противоположном направлении по сравнению с дедукцией? Высказывания о фактах, индуктивно подкрепляющие общую гипотезу, безусловно, являются ее следствиями. Тот факт, что данный кусок медной проволоки проводит электричество, вытекает из утверждения о том, что всякая медь проводит электричество, и подтверждает это утверждение. Поскольку отношение логического следования уже вполне разработано дедуктивной логикой, не встанем ли мы на твердую почву, сказав, что подтверждение представляет собой просто обратное отношение? Тогда обращенные законы дедукции окажутся среди законов индукции.

Посмотрим, куда это нас приведет. Далее мы естественно предполагаем, что всякое подтверждение данного высказывания является также подтверждением всего того, что следует из этого высказывания⁵. Если же, однако, мы соединим это предположение с предложенным нами принципом, то получим странный результат: каждое высказывание подтверждает любое другое высказывание. Удивительно, как такие невинные предпосылки способны привести к столь плачевному заключению. Но доказательство является чрезвычайно простым. Начнем с любого высказывания S . Оно является следствием и, в силу нашего критерия, подтверждением конъюнкции S и любого другого высказывания, назовем его S^{\wedge} . В свою очередь, эта подтвержденная конъюнкция $S_j \cdot S_2$ будет иметь в качестве следствия S^{\wedge} . Таким образом, каждое высказывание подтверждает все другие высказывания.

Ошибка связана с небрежной формулировкой нашей первой предпосылки. Несмотря на то, что высказывания, подтверждающие общую гипотезу, являются ее следствиями, отнюдь не все

5- Я не хочу сказать, что это неустранимое требование к определению подтверждения. Поскольку наши обыденные предположения, соединенные вместе, быстро приводят нас к абсурдным следствиям, поскольку ясно, что некоторые из этих предположений должны быть отброшены, и различные теории могут иметь разные мнения по поводу того, какие из этих предположений сохранить, а какие — отбросить. Гемпель отказывается от условия обратного следования, а то время как Карнап (*Carnap Я Logical Foundations of Probability*. Chicago and London, 1950, pp. 474—476) отбрасывает и условие следования, и условие обратного следования. Эти мелкие различия между разными истолкованиями подтверждения не затрагивают той центральной проблемы, которую я рассматриваю в данной лекции.

следствия гипотезы подтверждают ее. Непосредственно это может быть неочевидно, ибо высказывание в некотором смысле подкрепляется, когда нам удастся установить одно из его следствий. Рассмотрим один из вопросов, встающий в связи с этим. Пусть дана такая неоднородная конъюнкция:

849? ^{есть} простое число и обратная сторона Луны плоская и Елизавета I короновалась во вторник.

Установление истинности любого из трех компонентов этого высказывания означает подтверждение конъюнкции за счет уменьшения количества неустановленных случаев. Однако поддержка⁶ такого рода не является подтверждением, ибо установление истинности одного из компонентов не придает правдоподобия всему высказыванию — такого правдоподобия, которое передавалось бы другим компонентам конъюнкции. Подтверждение гипотезы имеет место лишь тогда, когда пример придает гипотезе некоторую вероятность, распространяющуюся и на другие ее примеры. В действительности оценка гипотезы связана с предсказанием, с суждением о новых случаях на основе известных случаев.

Поэтому наша формула нуждается в уточнении. Его нетрудно получить, как указал Гемпель, если понять, что подлинное подтверждение гипотезе дают лишь те ее следствия, которые получаются из нее посредством подстановки. Иными словами, единичное высказывание подтверждает гипотезу, полученную путем обобщения из этого высказывания, причем обобщение означает замену индивидуальных констант единичного высказывания переменными и навешивание квантора общности, относящегося к этим переменным. Предикатные константы сохраняются. Выразившись менее техническим языком, если единичное высказывание говорит об одном предмете (о паре или об n -ке предметов), то гипотеза говорит обо всех предметах. Ясно, что

6. Любая гипотеза получает «поддержку» от ее собственных положительных примеров, однако поддержка, или, лучше сказать, прямая фактуальная поддержка, является лишь одним из факторов в ее подтверждении. Этот фактор был исследован Дж. Кемени и П. Оппенгеймером в работе: *Kemeny G., Oppenheim P. Degree of Factual Support // Philosophy of Science*, 1952, v. 19, pp. 307-324. Как вскоре станет ясно, я в этих лекциях обращаю внимание на другие важные факторы подтверждения, некоторые из которых всецело отвергаются.

это охватывает тот случай, когда электропроводность данного куска медной проволоки подтверждает электропроводность меди, однако исключает подтверждаемость нашей гетерогенной конъюнкции посредством любого из ее компонентов. И если соединить его с тем принципом, что всякое подтверждение некоторого высказывания подтверждает и все следствия этого высказывания, то наш критерий уже не приводит к тому неприятному следствию, что каждое высказывание подтверждает любое другое высказывание.

Однако, с другой стороны, сразу же появляются новые затруднения. Одно из них относится к знаменитому парадоксу вороны. Высказывание о том, что некий данный объект, скажем этот лист бумаги, не является ни черным, ни вороном, подтверждает эту гипотезу, что все нечерные вещи являются не-воронами. Но эта гипотеза логически эквивалентна той гипотезе, что все вороны являются черными. Таким образом, мы приходим к неожиданному выводу, что высказывание о том, что данный объект не является ни черным, ни вороном, подтверждает гипотезу, что все вороны черные. Перспектива получить возможность анализировать орнитологические теории, не выходя из дома, кажется настолько привлекательной, что мы невольно чувствуем: здесь что-то не так. Однако данное затруднение обусловлено не несовершенством определения, а скрытой и незаконной ссылкой на свидетельство, не сформулированное в нашем примере. Взятое само по себе, высказывание о том, что данный объект не есть ни черный, ни ворон, подтверждает как гипотезу о том, что всякий предмет, который не является вороном, не является черным, так и гипотезу о том, что всякий предмет, который не является черным, не является вороном. Мы склонны игнорировать первую гипотезу, зная о ее ложности благодаря огромному количеству других свидетельств — благодаря всем известным предметам, которые, не будучи воронами, являются тем не менее черными. Однако мы обязаны допустить, что таких свидетельств нет. При таких обстоятельствах окажется подтвержденной даже еще более строгая гипотеза: ничто не является либо черным, либо вороном. В свете такого подтверждения гипотезы, что воронов не существует, уже нет ничего удивительного в том, что при искусственном ограничении нашего примера оказывается подтвержденной также гипотеза о

том, что все вороны являются черными. И перспективы кабинетной орнитологии тают, когда мы замечаем, что при тех же самых условиях так же хорошо подтверждается прямо противоположная гипотеза о том, что вороны не являются черными⁷.

С другой стороны, наше определение грешит тем недостатком, что не вынуждает нас принимать во внимание все *установленные* свидетельства. Легко показать, что это приводит к печальным результатам. Если два совместимых свидетельства подтверждают два гипотезы, то кажется естественным, что конъюнкция высказываний-свидетельств должна подтверждать конъюнкцию этих гипотез⁸. Допустим, наши свидетельства состоят из высказывания E_1 , утверждающего, что данный предмет b черен, и высказывания E_2 , говорящего о том, что некий другой предмет c не является черным. Согласно нашему определению, E_1 подтверждает ту гипотезу, что всякий предмет является черным, а E_2 — ту гипотезу, что всякий предмет является не-черным. Тогда конъюнкция этих вполне совместимых высказываний-свидетельств будет подтверждать противоречивую гипотезу о том, что каждый предмет является и черным, и не-черным. Эта простая аномалия требует решительного пересмотра нашего определения. Любое данное свидетельство подтверждает не то, к чему мы приходим благодаря обобщению отдельных его элементов, а грубо говоря то, к чему мы приходим благодаря обобщению всей совокупности установленных свидетельств. Центральная идея, ведущая к улучшению определения, заключается в следующем: то, что при определенных ограничениях считается истинным для узкого универсума высказываний-свидетельств, подтверждается для всего универсума рассуждения. Таким образом, если нашими свидетельствами являются E_1 и E_2 , то не подтверждается ни гипотеза о том, что все предметы черные, ни гипотеза о том, что все предметы яв-

7. Глубокое и подробное изложение содержания этого абзаца дано И. Шефлером в его книге: *Scheffler L. Anatomy of Inquiry*. New York, pp. 286—291.

8. Статус условия, относящегося к конъюнкции, весьма напоминает статус УСЛОВИЯ относительно следствий — см. прим. III.5. Хотя Карнап опускает также и условие относительно конъюнкции (р. §94) он все-таки признает (прав-ДД, по иным причинам) то требование, которое выше мы сочли необходимым: всегда следует принимать во внимание всю совокупность доступных свидетельств (pp. 211—213).

ляются не-черными, ибо ни одна из них не является истинной для универсума, состоящего из B и c . Конечно, нужна гораздо более тщательная формулировка, поскольку некоторые высказывания, истинные для этого универсума — например высказывание о том, что существует только один черный предмет, — очевидно, не подтверждаются для всего универсума. Эти вопросы приняты во внимание в формальном определении, разработанном Гемпелем на этой основе, однако мы не можем, да и не должны, углубляться здесь в обсуждение деталей.

Никто не считает, что задача теории подтверждения выполнена. Однако некоторые шаги в этом направлении, рассмотренные мной отчасти потому, что они связаны с последующим изложением, показывают, как постепенно проблема оправдания заменяется проблемой определения. Важные и ранее не замечавшиеся вопросы получают освещение и ответ, и у нас крепнет надежда на то, что со временем и остальные вопросы получат аналогичную разработку.

Но наше удовлетворение кратковременно, ибо начинают возникать новые и еще более серьезные затруднения.

4. НОВАЯ ЗАГАДКА ИНДУКЦИИ

Подтверждение гипотезы некоторым примером зависит не столько от ее синтаксической формы, сколько от других особенностей этой гипотезы. Тот факт, что данный кусок медной проволоки проводит электричество, увеличивает наше доверие к высказыванию о том, что всякий другой кусок медной проволоки проводит электричество, и подтверждает гипотезу, что всякая медь проводит электричество. Однако тот факт, что человек, находящийся сейчас в комнате, является третьим сыном в своей семье, не увеличивает доверия к высказыванию, утверждающему, что другой человек, находящийся в этой комнате, также является третьим сыном, и не подтверждает гипотезу, что все люди, находящиеся сейчас в комнате, являются третьими сыновьями. Тем не менее в обоих случаях наши гипотезы имеют вид обобщений единичных высказываний. Различие заключается в том, что в первом случае гипотеза является *законоподобным* высказыванием, в то время как во втором случае она представляет собой лишь случайное обобщение. Только *законо-*

подобные высказывания, независимо от их истинности, ложности или научной значимости, способны получать подтверждения от своих конкретных примеров. Случайные высказывания не обладают такой способностью. В таком случае мы должны, по-видимому, найти способ отличать законоподобные высказывания от случайных.

Что касается исключения нескольких странных и неожиданных примеров, с которыми приходится соглашаться благодаря несовершенству нашего определения подтверждения, то проблема не кажется слишком сложной и неотложной. Вполне можно ожидать, что в нашем определении будут обнаружены небольшие погрешности и в него постепенно будут внесены соответствующие исправления. Однако дальнейшие примеры показывают, что вставшее перед нами затруднение носит гораздо более серьезный характер.

Допустим, что все изумруды, рассмотренные до определенного момента времени t , являются зелеными⁹. В таком случае в момент t наши наблюдения подкрепляют гипотезу, что все изумруды зеленые, и это согласуется с нашим определением подтверждения. Наши высказывания-свидетельства утверждают, что изумруд a является зеленым, изумруд b является зеленым и т. д., и каждое из них подтверждает общую гипотезу, что все изумруды являются зелеными. Пока все хорошо.

Теперь позвольте мне ввести другой предикат, не столь известный, как «зеленый». Это предикат «зелубой», который приписывается всем предметам, рассмотренным до момента t , в том случае, когда они являются зелеными, но другим предметам, когда они являются голубыми. Тогда в момент t для каждого высказывания-свидетельства, утверждающего, что каждый изумруд зеленый, у нас есть параллельное высказывание-свидетельство, утверждающее, что этот изумруд является зелубым. И каждое высказывание о том, что изумруд a зеленый, изумруд b зеленый и т. п. будет подтверждать общую гипотезу, что все изумруды являются зелубыми. Таким образом, согласно нашему определению, предсказание о том, что впоследствии все рассмотренные

9. Несмотря на другой пример, следующее ниже рассуждение, по сути дела, является тем же самым, что и высказанное в моей статье: Goodman N. A Query "п Confirmation.

изумруды будут зелеными, и предсказание о том, что все они будут зелеными, в равной мере подтверждаются высказываниями-свидетельствами, описывающими одни и те же наблюдения. Но если рассмотренный впоследствии изумруд окажется зеленым, то он является голубым, а вовсе не зеленым. И хотя мы вполне понимаем, какое из двух несовместимых предсказаний действительно подтверждается, согласно нашему настоящему определению, они подтверждены в равной степени. Более того, очевидно, что если мы просто возьмем подходящий предикат, то на базе одних и тех же наблюдений мы получим равную степень подтверждения, согласно нашему определению, для любого предсказания — как относительно других изумрудов, так и для чего угодно¹⁰. Как и в нашем более раннем примере, подлинное подтверждение находят лишь те предсказания, которые подвоятся под законоподобные гипотезы, однако у нас все еще нет критерия законоподобности. Теперь мы видим, что без такого критерия наше определение не только опускает некоторые нежелательные случаи подтверждения, но и вообще совершенно неэффективно, ибо не запрещает практически ничего. И мы опять приходим к тому неприятному выводу, что все подтверждает все. К этому затруднению нельзя отнести как к какой-то раздражающей мелочи, исправление которой можно отложить. Его нужно преодолеть, чтобы наше определение вообще могло работать.

Тем не менее этой трудностью часто пренебрегают, поскольку на первый взгляд кажется, что с ней легко можно справиться. Иногда, например, полагают, что эта проблема похожа на парадокс ворона. Указывают на то, что здесь мы вновь неявно и неправомерно используем информацию, находящуюся за пределами доступных нам свидетельств, например информа-

10. Например, в соответствии с нашим определением мы получим равную степень подтверждения для предсказания о том, что рассмотренные впоследствии розы будут голубыми. Пусть слово «изумруд» обозначает изумруды, рассматриваемые до момента /, и розы, рассматриваемые после этого момента. Тогда все рассмотренные изумруды являются зелеными, а это подтверждает гипотезу, что все изумруды являются зелеными, и, следовательно, подтверждает предсказание о том, что рассматриваемые в дальнейшем розы будут голубыми. На проблему, возникающую в связи с такими antecedentes, редко обращают внимание, но она не менее трудна, чем проблема, встающая в связи со столь же странными консеквентами.

цию о том, что различные образцы одного материала обычно обладают одинаковой проводимостью, и информацию о том, что разные люди, находящиеся в аудитории, обычно не имеют одинакового количества старших братьев. Но хотя и верно, что такая информация действительно присутствует, указание на это не решает проблемы, как это было в случае с воронами. Говорят также о том, что если эту неявную информацию выразить в явном виде, то используемое нами определение надлежащим образом зафиксирует ее воздействие на подтверждение рассматриваемой гипотезы. С другой стороны, если к нашим первоначальным свидетельствам мы добавляем высказывания о проводимости образцов других материалов или о количестве старших братьев у присутствующих в других аудиториях, то, согласно нашему определению, это никоим образом не повлияет на подтверждение гипотез относительно проводимости меди или относительно людей, находящихся в других аудиториях. Поскольку наше определение не учитывает свидетельств, связанных с гипотезой таким образом, постольку затруднение, вызванное случайными гипотезами, нельзя устранить лишь на том основании, что такие свидетельства неявным образом были приняты во внимание.

Более перспективным кажется рассмотрение вопроса, учитывающее воздействие этих дурных свидетельств не прямо на рассматриваемую гипотезу, а на другие гипотезы, которые, согласно нашему определению, подтверждаются этими свидетельствами. Информация о других материалах подтверждает, скажем, гипотезы о том, что все образцы железа проводят электричество, что ни один образец резины не проводит электричество и т. п. И эти гипотезы придают гипотезе о том, что все образцы меди проводят электричество (а также гипотезе, что ни один из них не проводит электричество), характер законоподобности, т. е. способность подтверждаться прямыми положительными примерами, если таковые найдутся. С другой стороны, информация о других лекционных аудиториях *не* подтверждает множества гипотез, гласящих, что все люди в какой-то аудитории являются третьими сыновьями или что ни один из них не является третьим сыном. А это лишает какой-либо законоподобности гипотезу о том, что все (или ни один) люди в *данной* аудитории являются третьими сыновьями. Но если следо-

вать этим путем, что следует точно сформулировать те обстоятельства, при которых гипотезы связаны одна с другой таким образом.

Тогда проблема заключается в том, чтобы определить, каким образом должны быть похожими такие гипотезы. Свидетельство в пользу гипотезы о том, что всякое железо проводит электричество, увеличивает степень законоподобности гипотезы, что всякий цирконий проводит электричество, однако оно не оказывает подобного воздействия на гипотезу о том, что все предметы, находящиеся на моем письменном столе, проводят электричество. В чем состоит различие? Первые две гипотезы подводятся под более широкую гипотезу — назовем ее «//», — гласящую, что каждый класс предметов, состоящих из одного и того же материала, единообразен в отношении проводимости. Первую же и третью гипотезы можно подвести лишь под такую гипотезу — назовем ее «К», — которая гласит: каждый класс предметов, которые либо состоят из одного материала, либо находятся на моем столе, единообразен в отношении проводимости. Очевидное важное различие здесь состоит в том, что свидетельство для высказывания, утверждающего, что один из классов предметов, охватываемых //, обладает рассматриваемым свойством, повышает доверие к любому высказыванию, утверждающему, что любой другой такой класс также обладает этим свойством, в то же время ничего подобного нет относительно гипотезы К. Однако все это сводится лишь к утверждению о том, что гипотеза Н является законоподобной, а гипотеза К не является таковой. Мы вновь сталкиваемся с той самой проблемой, которую пытались решить, — проблемой разграничения законоподобных и случайных гипотез.

Чаще всего эту проблему пытаются штурмовать, указывая на то, что случайные гипотезы обычно включают в себя некоторые пространственные или временные ограничения либо содержат ссылку на какой-то конкретный объект. Они говорят о людях, находящихся в помещении, или о предметах, лежащих на чем-то конкретном столе. Отличительная же особенность законоподобных гипотез состоит в том, что они говорят обо всех воронах или обо всех образцах меди. Поэтому часто полагают, что полная общность является достаточным условием законоподобности. Однако далеко не просто определить, что это

такое — полная общность. Очевидно, недостаточно просто потребовать, чтобы гипотеза не содержала термина, именуемого, описывающего или указывающего конкретный предмет или место. Сомнительная гипотеза, утверждающая, что все изумруды являются зелеными, не содержит таких терминов, а там, где такой термин встречается, как в гипотезе о людях в *данной комнате*, его можно заменить каким-либо предикатом (неважно, кратким или длинным, новым или старым), который уже не содержит этого термина, но применяется в точности к тем же самым предметам. Тогда можно попытаться исключить не только гипотезы, реально содержащие термины для обозначения конкретных индивидов, но также и все такие гипотезы, которые эквивалентны гипотезам с такими терминами. Однако, как мы только что видели, исключить лишь те гипотезы, все эквиваленты которых содержат такие термины, значит лишь не исключить ничего. С другой стороны, исключить гипотезы, *некоторые* эквиваленты которых содержат такие термины, — значит, исключить все, ибо даже такая гипотеза, как

Всякая трава является зеленой,

имеет эквивалент

Всякая трава в Лондоне или где-либо еще является зеленой.

Поэтому следующий шаг должен состоять в том, чтобы рассмотреть возможности устранения предикатов определенного рода. Полагают, что синтаксически универсальная гипотеза является законоподобной, если ее предикаты являются «чисто качественными» или «не-позиционными»¹¹. Очевидно, это ничего не даст, если чисто качественный предикат истолковывается либо как эквивалентный выражению, не содержащему терминов для конкретных индивидов, либо как неэквивалентный выражению, содержащему такие термины. Мы опять возвраща-

11. Подобным образом рассуждает Карнап в своей статье: *Carnap R. On the Application of Inductive Logic // Philosophy and Phenomenological Research*, 1947, v. 8, pp. 133–147, которая отчасти представляет собой ответ на мою статью — *Goodman N. A Query on Confirmation* (см. прим. g). Дискуссия была продолжена в моей заметке: *Goodman N. On Infirmities of Confirmation Theory // Philosophy and Phenomenological Research*, 1947, v. 8, pp. 149–151, и в ст.: *Car-*
. *Reply to Nelson Goodman // Ibid.*, pp. 461–462.

емя к указанным выше трудностям. Лучше предположить, что, по крайней мере, для достаточно простых предикатов мы путем непосредственного анализа их значения легко можем установить, являются ли они чисто качественными или нет. Но если даже не учитывать неясности понятия «значение» предиката, это предположение представляется мне ошибочным. Я просто не знаю, как сказать, что предикат является качественным или позиционным. Конечно, можно полностью уйти от рассматриваемой проблемы и говорить о том, «хорошо ли себя ведет» предикат, т. е. является ли законоподобной использующая его простая синтаксически универсальная гипотеза.

Несомненно, это утверждение будет опротестовано. «Рассмотрим, — скажут мне, — предикаты «голубой», «зеленый» и предикат «зелубой», введенный выше, а также предикат «голузелый», который приписывается изумрудам, рассмотренным до момента t , если они являются голубыми, и другим изумрудам, если они являются зелеными. Совершенно очевидно, — продолжит критик, — что первые два предиката являются чисто качественными, а вторые два — нет, ибо значение каждого из двух последних предикатов включает в себя явную ссылку на конкретный момент времени». В ответ на это рассуждение я скажу, что вполне понимаю, что два первых предиката ведут себя хорошо и могут использоваться в законоподобных гипотезах, а два вторых предиката ведут себя плохо. Однако утверждение о том, что два первых предиката являются чисто качественными, а два вторых таковыми не являются, кажется мне совершенно необоснованным. Верно, конечно, что если мы начнем с предикатов «голубой» и «зеленый», то предикаты «зелубой» и «голузелый» вводятся с их помощью и с помощью термина, указывающего на момент времени. Но столь же верно, что если мы начинаем с предикатов «зелубой» и «голузелый», то уж предикаты «голубой» и «зеленый» будут вводиться с их помощью и с помощью термина, относящегося ко времени. Например, предикат «зеленый» будет приписываться изумрудам, рассмотренным до момента t , при условии, что они являются зелубыми, и другим изумрудам, если они являются голузелыми. Таким образом, качественность предикатов целиком относительна и сама по себе не может служить для установления какой-либо дихотомии предикатов. Тот, кто считает, что качественный харак-

тер предиката является критерием его хорошего поведения, совершенно не учитывает этой относительности.

Можно, конечно, поставить вопрос: а почему, собственно, мы должны беспокоиться по поводу таких странных предикатов, как «зелубой» или по поводу случайных гипотез, которые, вообще говоря, не используются для предсказаний? Если наше определение пригодно для таких гипотез, которые обычно используются, то не будет ли это все, что нам нужно? В некотором смысле — да, но только в том смысле, в котором нам не нужны определения, теория индукции и вообще философия познания. В повседневной жизни и в научном исследовании мы вполне обходимся без них. Но если нам нужна теория, то мы не можем отделаться от явных аномалий, возникающих в предложенной теории, сославшись на то, что на практике они не появляются. Рассмотренные нами странные примеры редко встречаются на практике, однако они обладают тем достоинством, что с предельной ясностью демонстрируют нам симптомы широко распространенной и опасной болезни;

До сих пор у нас нет ни ответа, ни какой-либо перспективной идеи для ответа на вопрос о том, как отличить законоподобные или подтверждаемые гипотезы от случайных или неподтверждаемых гипотез. То, что вначале казалось небольшой технической трудностью, превратилось в главное препятствие на пути разработки удовлетворительной теории подтверждения. Именно эту проблему я называю новой загадкой индукции.

5. ВСЕПРОНИЦАЮЩАЯ ПРОБЛЕМА ЭКСТРАПОЛЯЦИИ

В начале этой лекции я высказал мнение о том, что проблема индукции все еще не решена, но трудности, с которыми мы сталкиваемся ныне, уже не прежние. Я пытался обрисовать имевшие место изменения. Проблема оправдания индукции сменилась проблемой определения подтверждения, и наши попытки решить ее оставили нам новую проблему: как отличить подтверждаемые гипотезы от неподтверждаемых? Упрощая, можно сказать, что первым вопросом был такой: «Почему положительный пример некоторой гипотезы дает какие-то основания для предсказания последующих примеров?» Далее встал вопрос: «Что можно рассматривать в качестве положительного примера ги-

потезы?» Оставшийся решающий вопрос гласит: «Какие гипотезы подтверждаются своими положительными примерами?»

Таким образом, огромные усилия, потраченные на проблему индукции в новейшее время, изменили предмет наших огорчений, но почти не уменьшили их. Первоначальное затруднение, связанное с индукцией, было обусловлено осознанием того факта, что из чего угодно может следовать все, что угодно. Затем,

IV. ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕОРИИ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ

1. НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Проблема подтверждения, или обоснованной экстраполяции, заключается в определении некоторой взаимосвязи между свидетельствами или базисными случаями, с одной стороны, и гипотезами, предсказаниями или экстраполяциями — с другой. Поскольку многочисленные и разнообразные попытки решить эту проблему не привели к успеху, мы вполне можем задаться вопросом: не заблуждаемся ли мы, как и прежде, относительно природы нашей проблемы? Мне кажется, ответ должен быть утвердительным: мы не можем достигнуть искомого результата вследствие неправомерного ограничения средств, используемых для получения этого результата.

В самом деле, мы хотим получить точный и общий способ говорить о том, какие гипотезы подтверждаются или какие экстраполяции обосновываются данным свидетельством. Таким образом, каждый конкретный случай связан с отношением данного свидетельства к поддерживаемой им гипотезе. Но отсюда не следует, что для установления такого отношения у нас имеется только данное свидетельство, подтверждаемая им гипотеза и ничего более. Иными словами, хотя подтверждение действительно есть отношение между свидетельством и гипотезой, это вовсе не означает, что наше определение этого отношения должно опираться только на данное свидетельство и гипотезу. Фактически всегда, когда мы устанавливаем справедливость некоторой экстраполяции, опираясь на какой-то базис, мы имеем и используем массу других важных для нас знаний. Я говорю не о дополнительных высказываниях-свидетельствах, а, скорее, ⁰ сумме прошлых предсказаний и их результатах. Были ли эти предсказания, независимо от их успеха или неудачи, обоснованными или нет, остается под вопросом, однако то, что они были ^{0с}уществлены, причем с определенным результатом, дает нам ^вполне надежную информацию.

По-видимому, надлежащее использование такой информации

требует некоторой осторожности. Безусловно, нельзя наивно полагать, что индукция обосновывается просто своими прошлыми успехами. Время от времени кто-нибудь заявляет, что вся проблема разрешается благодаря простому осознанию того факта, что предсказание будущих применений гипотезы на основе ее прошлых применений оправдывается как раз успехом этих прошлых применений. Критики сразу же указывают на то, что все вопросы, возникающие в связи с обоснованностью предсказаний относительно будущих случаев, встают также и в связи с обоснованностью предсказаний относительно будущих успехов на основе прошлых. Однако то обстоятельство, что имеющаяся информация была неумело использована, не может заставить нас отбросить ее. В нашем нынешнем затруднительном положении мы не можем себе позволить отказаться от надежных средств, способных нам помочь.

Нужно признать, следовательно, что наша задача заключается в том, чтобы определить отношение подтверждения или обоснованной экстраполяции между свидетельством и гипотезой с помощью тех средств, которые не вызывают сомнений, удовлетворяют всем другим требованиям приемлемого объяснения и имеются в нашем распоряжении всегда, когда встает вопрос об обосновании индукции. Помимо всего прочего они будут включать в себя и некоторое знание о прошлых предсказаниях и их исходе. Мне кажется, никто явным образом не запрещал использовать такое знание при решении нашей проблемы. Напротив, долговременная привычка считать такое знание несущественным заставляла нас почти полностью его игнорировать. Таким образом, я предлагаю не изменить формулировку нашей проблемы, а сменить ориентацию: мы подходим к проблеме не с пустыми руками, а с некоторым запасом знания или принятых высказываний, которые можно использовать в поисках решения.

Тем не менее это небольшое изменение точки зрения позволяет взглянуть на нашу проблему совершенно иначе. Если мы начинаем с прошлых экстраполяции вместе со свидетельствами и гипотезой, то наша проблема становится проблемой определения обоснованной экстраполяции, или экстраполируемости, на основе реальных экстраполяции. Ясно, что это — типичная проблема диспозиций. Даны явный предикат «экстраполи-

руется» и некоторая дополнительная информация, теперь мы должны определить диспозиционный предикат «экстраполируемый». А это, как мы видели, превращается в проблему экстраполяции предиката «экстраполируется». На первый взгляд это может показаться разочаровывающим, ибо создает впечатление, будто мы должны разрешить проблему экстраполяции до того, как приступить к ее решению, — как если бы мы должны были определить обоснованную экстраполяцию до того, как экстраполируем предикат «экстраполируется». Однако в действительности дело обстоит не так плохо. Наша конечная цель заключается в том, чтобы с полной общностью определить обоснованную экстраполяцию, или экстраполируемость. Однако это можно рассматривать также как конкретную проблему экстраполяции определенного предиката «экстраполируется» или, иными словами, как проблему определения конкретного диспозиционного предиката «экстраполируемый». Как я специально отметил выше¹, ничто не препятствует нам попытаться решить конкретную проблему диспозиций до того, как будет решена общая проблема. А в случае конкретной проблемы определения предиката «экстраполируемый» ставка является чрезвычайно высокой, ибо если здесь мы добьемся успеха, то благодаря этому решим и общую проблему. По существу, общая проблема диспозиций сводится к проблеме экстраполяции конкретного предиката «экстраполируется».

Изменение точки зрения на эту проблему можно выразить на несколько более образном языке. Юм полагал, что мышление побуждается к предсказаниям благодаря наблюдаемым регулярностям. Это поставило перед ним проблему отличия тех регулярностей, которые приводят мысль в движение, от тех, которые этого не делают. Напротив, мы рассматриваем мышление как с самого начала находящееся в движении и спонтанно изобретающее предсказания в самых разных направлениях. Лишь постепенно оно исправляет и вводит в определенные рамки свои процессы предсказаний. Мы не спрашиваем о том, как Делаются предсказания, нас интересует лишь, каким образом они разделяются на обоснованные и необоснованные. По сути Дела, мы занимаемся не описанием работы мышления, а описа-

¹ См. замечание в П.3- по поводу сохранения небольшой надежды.

нием или определением того различия, которое оно проводит между обоснованными и необоснованными экстраполяциями.

2. РЕАЛЬНЫЕ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ

Будем называть гипотезу *реально экстраполируемой*, если она принимается после проверки и установления истинности некоторых ее примеров, но до того, как будут проверены все ее примеры. Эта гипотеза вовсе не обязана быть истинной, законоподобной или даже разумной, ибо мы говорим здесь не о том, что должно экстраполироваться, а о том, что действительно экстраполируется. Кроме того, нас не интересует вопрос о том, экстраполируется ли гипотеза в некотором вневременном смысле, т. е. существует ли некоторое прошлое, настоящее или будущее время, в которое она экстраполируется. В любой данный момент мы занимаемся только такими экстраполяциями, которые уже были осуществлены.

Заметим, в частности, что, даже если все примеры гипотезы, проверенные в настоящий момент, являются положительными, даже если гипотеза истинна, она все-таки реально может не экстраполироваться в этот (или любой другой) момент. Реальная экстраполяция включает в себя явную формулировку и принятие гипотезы — реальное предсказание о результатах проверки последующих случаев. На данной стадии не имеет значения, что гипотеза в этот момент могла и даже обоснованно могла быть экстраполирована. Именно в этом заключается различие в исходных пунктах — начинаем ли мы с одних гипотез и примеров или отталкиваемся от реальных экстраполяции.

Полное и точное объяснение реальной экстраполяции потребовало бы гораздо более подробного разъяснения того, например, что означает принятие гипотезы. Очевидно, здесь требуется не утверждение о несомненной истинности, а, скорее, утверждение о большем доверии к данной гипотезе по сравнению с другими гипотезами. Можно было бы бесконечно путаться в обсуждении подобных вопросов, однако подобные ответы на такие вопросы беспокоят нас столь же мало, сколь мало обычная теория подтверждения беспокоится о том, откуда берутся свидетельства или каким образом происходит принятие утверждений наблюдения. Все, что нам нужно, — это приблизительно

указать, что мы понимаем под утверждением наблюдения или высказыванием-свидетельством, а затем можно перейти к вопросу о подтверждении, предполагая, что некоторые утверждения рассматриваются в качестве высказываний-свидетельств. Конечно, ценность установления того, что некоторая гипотеза подтверждается такими высказываниями, действительно будет зависеть от того, на самом ли деле они признаны высказываниями-свидетельствами, но наше определение отношения подтверждения в значительной мере не зависит от этих соображений. Точно так же и нам здесь нужен лишь самый общий набросок того, что подразумевается под реальной экстраполяцией гипотезы. Затем мы можем перейти к поискам определения, предполагая, что некоторые гипотезы были экстраполированы в определенный момент. Ценность решений, опирающихся на использование нашего определения, будет опять-таки зависеть от того, были ли в действительности осуществлены эти экстраполяции, но определение отношения между экстраполированным и экстраполируемым в значительной мере не зависит от рассмотрения этого вопроса². В дальнейшем я буду часто пользоваться некоторыми терминами, удобными с точки зрения краткости объяснений. Независимо от того, экстраполировалась ли в действительности некоторая гипотеза в данный момент, ее примеры, относительно которых уже установлено, истинны или ложны, удобно называть *позитивными или негативными* примерами или случаями. Все остальные примеры являются *не установленными* случаями. Если, например, высказывание

Все изумруды зеленые

является гипотезой, а £ представляет изумруд, то

Изумруд г зеленый

2. Иными словами, даже если установлено, что высказывания E , E' и т. п. входят к гипотезе Я в отношении, заданном адекватным определением подтверждения, решение вопроса о том, является ли //подтвержденной гипотезой будет зависеть от того, являются ли E , E' действительно высказываниями-ИДетельствами. Аналогично, если установлено, что высказывания P , P' и т. п. "Датся к гипотезе А" в отношении, заданном адекватным определением экстраполируемости, то решение вопроса о том, является ли K экстраполируемой гипотезой, будет зависеть от того, действительно ли P , P' и т. п. являются ^транслированными гипотезами.

будет позитивным случаем, когда установлено, что *e* зеленый; будет негативным случаем, когда установлено, что *e* не зеленый, и будет не установленным случаем, когда еще не обнаружено, является ли *e* зеленым или не зеленым. Изумруды, входящие в позитивные случаи, образуют *класс свидетельств* обсуждаемой гипотезы, а изумруды, не входящие ни в позитивные, ни в негативные случаи, образуют *класс экстраполяции* этой гипотезы в данный момент времени. Гипотезы, для которых в данный момент времени существуют какие-либо позитивные или негативные случаи, называются *подтвержденными или опровергнутыми* в этот момент. Опровергнутая гипотеза ложна, однако ложная гипотеза в данный момент может оказаться не опровергнутой. Если для гипотезы в данный момент существуют и позитивные, и негативные случаи, то она и подтверждена, и опровергнута; если же в данный момент для нее нет ни позитивных, ни негативных случаев, то она не подтверждена и не опровергнута. Гипотеза, для которой не осталось не установленных случаев, называется *исчерпанной*.

Теперь, согласно моей терминологии, принятие некоторой гипотезы означает реальную экстраполяцию только в том случае, когда в рассматриваемый момент времени эта гипотеза имеет не установленные случаи, какие-то позитивные случаи и не имеет негативных случаев. Это означает, что я не говорю о реальной экстраполяции гипотезы в тех случаях, когда она исчерпана, не подтверждена или опровергнута. Ясно, что исчерпанная гипотеза не имеет в себе ничего такого, что можно было бы назвать экстраполяцией. И в целях удобства лучше не применять термин «экстраполяция» к тем гипотезам, у которых нет прямых позитивных свидетельств или для которых существуют прямые контрсвидетельства. Таким образом, хотя некоторая гипотеза может быть экстраполирована, опровергнута или исчерпана, экстраполяция должна предшествовать опровержению и исчерпанию.

Когда все не установленные случаи гипотезы являются будущими случаями, ее экстраполяция представляет собой предсказание. Однако очень часто не установленные случаи могут относиться к прошлому, тогда мы имеем дело с экстраполяцией, которая не является предсказанием. Конечно, *установление* не установленного случая всегда происходит после осуществления

экстраполяции, тем не менее такой случай может быть высказыванием о том, что произошло до экстраполяции. Предсказание результата проверки некоторого высказывания не равнозначно предсказанию (возможно, прошлого) события, описываемого этим высказыванием. Поскольку прагматизм иногда приводит к путанице в связи с этим моментом⁸, мы должны специально напомнить, например, о том, что гипотеза может оставаться в некоторый момент времени не опровергнутой, несмотря на то, что некоторые из ее прошлых высказываний-примеров в действительности были ложными, ибо опровержение гипотезы связано, скорее, с теми ее примерами, относительно которых *уже* установлено, что они ложны.

Тогда в любой данный момент времени мы имеем дело с экстраполяциями множества однородных гипотез в различные моменты времени. Некоторые из этих гипотез были опровергнуты с тех пор, как были экстраполированы, другие успешно выдержали проверку. Из числа последних некоторые гипотезы таковы, что все их примеры проверены и сочтены истинными. Такие гипотезы исчерпаны и больше не могут быть экстраполированы. Некоторые из экстраполированных гипотез оказа-

3. Некоторые варианты прагматизма искусно лавируют между тривиальностью и откровенной ложностью, провозглашая неуязвимость первой и важность второй. Сторонники прагматизма настойчиво твердят о том, что истинность и значимость гипотезы заключены в точности ее предсказаний. Означает ли это, что гипотеза должна быть истинной только для будущего и ничего более? Это совершенно абсурдно, ибо делает истинным опровергнутое высказывание «Все изумруды голубые» в том случае, если все изумруды, не проверенные до момента *t*, будут голубыми. Или это означает, что единственным способом проверки гипотезы в будущем является ее проверка в будущем? Но это тривиально истинно. Гипотеза истинна, если только она истинна для всех своих конкретных случаев – истинна и для будущих, и для не установленных случаев. Но точно так же она истинна лишь тогда, когда она истинна для всех своих прошлых и не установленных случаев. Представитель прагматизма может утверждать, что о прошлом мы что-то узнаем только благодаря будущему опыту, однако это совершенно бессодержательно и верно только в том смысле, что из будущего мы узнаем только то, что узнаем из будущего.

Я не хочу сказать, что прагматизм ошибочен или бессодержателен. Однако «го» представители должны более тщательно заботиться о том, чтобы отделять «вои» принципы от ошибочных заявлений, гласящих, что для истинности гипотезы достаточно истинности будущих случаев, или от бессодержательных заявлений, что истинные гипотезы истинны и что будущие проверки являются будущими.

лись ложными, другие — странными, третьи расходятся с другими гипотезами. Таков сырой материал, с которым мы имеем дело.

Ясно, что не все экстраполированные гипотезы носят характер законов или могут быть оправданно экстраполированы и не все оправданно экстраполируемые гипотезы действительно были экстраполированы. Поэтому перед нами встает задача определения экстраполируемости — задача экстраполяции предиката «экстраполированный» на предикат «экстраполируемый». Эта проблема во многих отношениях является сложной. Она требует как устранения, так и расширения⁴. Перед нами стоит двойная задача: с одной стороны, нужно исключить реально экстраполированные гипотезы, которые признаны неэкстраполируемыми, с другой стороны, ввести в число оправданно экстраполируемых гипотез такие гипотезы, которые реально не были экстраполированы — двойная проблема экстраполяции не экстраполированного и неэкстраполяции экстраполированного.

3. РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ

Сейчас мы можем ограничиться простыми универсальными гипотезами, выраженными в категорической или гипотетической форме, т. е. такими гипотезами, которые приписывают определенный предикат либо каждому предмету из универсума рассуждения, либо каждому предмету, к которому применим некоторый другой предикат. Кроме того, сначала нужно рассмотреть экстраполируемость в некоторый момент времени, а вопрос об определении экстраполируемости без указания времени оставить для дальнейшего рассмотрения.

Очевидный первый шаг очищения нашего материала должен состоять в устранении всех экстраполированных гипотез, которые уже были опровергнуты. Как уже было отмечено, такие гипотезы не могут быть больше экстраполированы, следовательно, они неэкстраполируемы. Все гипотезы, у которых не осталось ни одного непроверенного примера, устраняются по аналогичным основаниям. Однако мы при этом не отрицаем,

что как опровергнутые, так и исчерпанные гипотезы в свое время могли быть экстраполируемыми.

Не столь очевидны дальнейшие шаги, предпринятые для устранения экстраполированных гипотез, которые хотя и не являются опровергнутыми или исчерпанными, тем не менее не носят характера законов. Допустим, например, что сейчас мы с вами переживаем тот момент на предыдущей лекции, когда все проверенные изумруды были зелеными, и, предположим, экстраполируется гипотеза, что все изумруды зелубые. Как нам исключить ее? Нельзя просто согласиться с тем, что никто и никогда не осуществлял такой экстраполяции. На самом деле такие неправомерные гипотезы иногда принимаются, а, если я заблуждаюсь относительно этого и считаю, что такого не бывает, вы легко можете рассеять это заблуждение, приняв какую-нибудь произвольную гипотезу.

Однако экстраполяции подобного рода будут часто *противоречить* другим экстраполяциям. Если экстраполируется также гипотеза, что все изумруды зеленые, то относительно непроверенных изумрудов эти две гипотезы будут расходиться. Эти экстраполяции несовместимы, если мы действительно считаем, что существует какой-то еще не рассмотренный изумруд, к которому применим только один из названных предикатов. Но как раз при таком предположении и встает вся проблема. Как нам найти правило, позволяющее осуществить надлежащий выбор между этими конфликтующими экстраполяциями? Мы отметили, что «зеленый» и «зелубой» полностью симметричны по отношению друг к другу. Имеются ли теперь у нас средства для того, чтобы сформулировать разницу между ними?

Ответ на этот вопрос, как мне представляется, заключается в том, что нам следует обратиться к прошлым экстраполяциям этих двух предикатов⁵. Очевидно, что предикат «зеленый», будучи ветераном множества прежних экстраполяции, имеет более впечатляющую биографию, нежели предикат «зелубой». Можно сказать, что предикат «зеленый» гораздо лучше *закреп-*

лен по сравнению с предикатом «зелубой».

Это различие мы можем провести лишь вследствие того, что

4. См. прим. II. 18.

5. Предикат «β» называется экстраполированным, когда экстраполирована гипотеза вида «Все Р есть Q».

отталкиваемся от прошлых реальных экстраполяции. Мы не могли бы провести его, опираясь лишь на гипотезы и свидетельства в их пользу. В любой момент времени, когда предикат «зеленый» либо реально был экстраполирован, либо, так сказать, мог быть экстраполирован, предикат «зелубой» также мог быть экстраполирован. Иначе говоря, всякий раз, когда гипотеза

Всякий тот-то и тот является зеленым

подтверждена, не опровергнута и не исчерпана, гипотеза

Всякий тот-то и тот является зелубым

точно так же является подтвержденной, не опровергнутой и не исчерпанной⁶. Таким образом, если мы учитываем все случаи, в которых обе гипотезы могли быть в этом смысле экстраполированы, то оба эти предиката обладают одинаковым статусом. Существенная разница обнаруживается лишь в том случае, когда мы рассматриваем только те ситуации, в которых эти предикаты были реально экстраполированы.

Провозгласив это, я должен сразу же внести сюда некоторые изменения. Закрепленность некоторого предиката обусловлена не только реальными экстраполяциями самого этого предиката, но также всех предикатов, тождественных ему по объему. Закрепляется не само по себе слово, а в каком-то смысле тот класс, к которому оно относится, и говорить о закрепленности предиката значит неявным образом говорить о закрепленности объема этого предиката. С другой стороны, класс закрепляется только посредством экстраполяции соответствующего предиката; закрепленность обусловлена употреблением языка. Од-

6. Интерпретация введенного здесь выражения «мог быть экстраполирован» будет обсуждаться ниже, в первом абзаце раздела ф. Предположим, что все произнесения «зеленый» до момента *t* и все произнесения «голубой» после этого момента считаются «обозначениями» одного слова. Имя этого слова, т. е. синтаксический предикат, применяемый ко всем и только этим произнесениям, будет на самом деле закреплен плохо. Однако каждое произнесение этого слова будет усиливать закрепленность всех других произнесений только в том случае, если все эти произнесения равнообъемны. Короче говоря, закрепленность слова не зависит от закрепленности его имени. Поэтому, несмотря на то, что проблема экстраполируемости может вставать на любом синтаксическом уровне, мой подход применим на всех уровнях, а не просто переводит проблему с одного уровня на другой, более высокий.

нако различия в манере речи, употребление изобретаемых сокращений и иные вариации словаря не препятствуют увеличению заслуженной закрепленности⁷. Кроме того, закрепленность не возрастает благодаря повторной экстраполяции слова, за исключением тех случаев, когда слово в любое время сохраняет один и тот же экстенционал.

Тогда один из принципов устранения неэкстраполируемых экстраполяции может гласить: экстраполяция должна быть отброшена, если она вступает в конфликт с экстраполяцией гораздо лучше закрепленного предиката. Конечно, в конфликт могут вступить экстраполяции двух предикатов, которые почти в равной мере хорошо или плохо закреплены, однако такие конфликты разрешаются другими способами и нас здесь не касаются⁸. Наш принцип не действует там, где имеется разумное сомнение относительно того, что один предикат закреплен лучше, чем другой, он применим лишь в тех случаях, когда различие достаточно очевидно. Исходным для нас является отношение между такими двумя предикатами, из которых один закреплен гораздо лучше, чем другой.

Подобно Юму, мы апеллируем здесь к повторениям событий в прошлом, но к повторениям явного использования терминов и повторениям наблюдаемых свойств. Отчасти следуя Канту, мы утверждаем, что индуктивная обоснованность зависит не толь-

7. И все равнообъемные копии произнесенных или написанных предикатов (все равнообъемные «произнесения» одного и того же предикатного «типа») будут обладать одинаковой закрепленностью, обусловленной общим числом экстраполяции всех этих копий и всех других равнообъемных произнесений. С другой стороны, закрепленность некоторого произнесения не будет увеличиваться благодаря экстраполяции копий тех произнесений, которые не равнообъемны ему.

8. Некоторые конфликты между экстраполяциями одинаково хорошо закрепленных предикатов могут быть разрешены через столкновение одной из них с обоими с экстраполяциями гораздо лучше закрепленных предикатов; >угие конфликты можно устранить с помощью средств, указанных ниже в раз-
116 5. Однако во многих случаях конфликтующие гипотезы могут быть вполне правомысли, и выбор между ними должен быть отложен до появления >вого свидетельства — до решающего эксперимента. Наша задача состоит не в том, чтобы разрешить все конфликты между гипотезами, а только те, в которых >Х встает вопрос о правотности или обоснованности гипотез. Устранение котец посредством любого принципа оказывается, конечно, невозможным >х случаях, когда гипотезы следуют из некоторой гипотезы, которая совершенно неустраима.

ко от того, что представлено в наличии, но также и от организации имеющегося. Однако эта организация зависит от использования языка, а не приписывается какой-то необходимой и непреложной особенности человеческого сознания. Если пренебречь точностью формулировок, то в ответ на вопрос о том, что отличает те повторяющиеся особенности опыта, которые лежат в основе обоснованных экстраполяции, от всех остальных, я мог бы сказать, что для первых у нас имеются принятые предикаты, которые мы привыкли экстраполировать.

Сказанное никоим образом нельзя понимать как устранение незнакомых предикатов. Прежде всего, закрепленность и известность отнюдь не одно и то же. Совершенно незнакомый предикат может быть очень хорошо закреплен, как мы видели, если равнообъемные ему предикаты часто экстраполировались, и вскоре будет указан еще один способ закрепления нового предиката. Опять-таки, даже хорошо известный предикат может быть закреплен плохо, ибо закрепленность зависит скорее от частоты экстраполяции, а не просто от частоты употребления. И, во-вторых, любое устранение незнакомых предикатов привело бы к нетерпимой консервации языка. Всегда будут вводиться новые и полезные предикаты типа «проводит электричество» или «является радиоактивным», и их нельзя исключать лишь на том основании, что они являются новыми. Пока наше правило направлено против таких предикатов лишь для того, чтобы устранить их экстраполяции, вступающие в конфликт с экстраполяциями гораздо лучше закрепленных предикатов. Устраняются не предикаты, а некоторые экстраполируемые гипотезы, и в каждом случае это устранение опирается на специфическое сравнение с некоторыми основополагающими гипотезами, а не просто на общие соображения относительно новизны или известности экстраполируемого предиката. И в выработке последующих правил мы должны постоянно заботиться о том, чтобы не отбрасывать всего нового вместе со всем тем, что является плохим. Закрепленный капитал в целях своей собственной защиты должен оставлять сферу для свободного предпринимательства.

Таким образом, по разным причинам наш подход совершенно отличен от простого устранения незнакомых предикатов. Однако теперь может быть сформулировано возражение совершен-

но иного сорта. Не слишком ли слепо доверяемся мы капризной судьбе, полагая, что только правильные предикаты получают закрепленность? Не обязаны ли мы объяснить, почему в конфликтах описанного выше вида реально экстраполируемые предикаты оказываются раньше и чаще экстраполированными? И не экстраполировались ли они так часто *именно потому*, что их экстраполяции так часто оказывались справедливыми, так что наш подход вообще устраняет вопрос? Мне кажется, это не так. Начать с того, что, по моему предварительному предположению, прочная закрепленность экстраполируемого предиката в этих случаях является достаточным, если даже не необходимым, указанием на его экстраполируемость. И я не занимался больше вопросом о том, что здесь первично — закрепленность или экстраполируемость. Но даже если поставить этот вопрос, данное возражение представляется мне неосновательным. Действительно, для нового предиката оправданность любой его экстраполяции должна обосновываться на базе его отношения к уже известным предикатам, и от этого зависит, будет ли этот предикат часто экстраполироваться. Однако для нашего главного множества хороших предикатов я утверждаю, что оценка экстраполируемости вытекает из привычной экстраполяции, а не привычная экстраполяция вытекает из оценки экстраполируемости. Причина, по которой только правильные предикаты получают хорошую закрепленность, состоит в том, что закрепленные предикаты стали правильными предикатами.

Если же наш критик спрашивает, почему экстраполяции закрепленных предикатов окажутся *истинными*, то я отвечу, что мы вовсе не знаем, что они окажутся истинными. Когда придет время, гипотеза, что все изумруды являются зелеными, может оказаться ложной, а гипотеза, что все они зелубые, — истинной. У нас нет никаких гарантий в этом отношении. Критерием правомерности экстраполяции не может быть еще не установленная истина. Непонимание этого, как мы видели, было причиной наиболее ошибочных истолкований проблемы индукции.

4. МНОГООБРАЗИЕ РАСХОЖДЕНИЙ

извращаясь от защиты нашей позиции к ее дальнейшей разработке, мы обнаруживаем, что наш первый принцип устране-

ния неэкстраполируемых экстраполяции легко усилить в одном важном отношении. Как нам избавиться от неприятной гипотезы H_1 , имеющей вид:

Все изумруды зеленые,

если она экстраполируется в тот момент, когда нет правомерной конфликтующей с ней гипотезы? Мы можем устранить H_1 на том основании, что она вступает в конфликт с неэкстраполированной гипотезой, например K :

Все изумруды зеленые,

которая имеет не менее хорошо закрепленный предикат-консеквент⁹, подтверждена и не опровергнута. В сущности, это означает, что $//!$ сталкивается с гипотезой, которая содержит закрепленные предикаты и хотя и не была экстраполирована, но может быть экстраполирована. Выражение «могла быть экстраполирована» говорит здесь только о том, что в данный момент гипотеза подкреплена, не опровергнута и не исчерпана¹⁰. Выше мы отметили, что закрепленность некоторого предиката должна быть обусловлена только *реальными* экстраполяциями. Но если закрепленность некоторого предиката уже была установлена, мы в наших правилах можем говорить о гипотезах, которые, будучи реальными¹¹, реально не были экстраполированы

g. Предикатом-антецедентом и предикатом-консеквентом будут, соответственно, предикат антецедента и предикат консеквента, если представить гипотезу в виде условного высказывания. В дальнейшем слова «антецедент» и «консеквент» я буду использовать как сокращения выражений «предикат-антецедент» и «предикат-консеквент». Относительно закрепленности антецедентов см. прим. 13 ниже.

ю. Следует помнить о том, что гипотеза может быть экстраполирована только в том случае, если она не исчерпана, поэтому когда мы предполагаем, что в данный момент времени гипотеза экстраполируется или может быть экстраполирована, то мы считаем, что у нее есть еще не установленные примеры. В случае с гипотезой K , упомянутой выше, ее неисчерпанность вытекает из того условия, что она находится в конфликте с H . Согласно приведенному выше разъяснению, гипотезы, реально экстраполируемые в данный момент, включаются в число тех, которые могут быть экстраполированы в этот момент. Однако из того, что гипотеза может быть экстраполирована, не следует, что она может быть экстраполирована обоснованно.

11. Гипотеза или другое высказывание являются реальными без ссылки на время, если произносятся или записываются в любой момент — прошлый, настоящий или будущий. Таким образом, гипотеза может быть реальной, даже

в только что определенном смысле. Поэтому мы больше не зависим от наличия подходящей гипотезы, которая реально была экстраполирована, для того чтобы устранить неправомерную гипотезу.

Рассмотрим другой случай. Допустим, что предикат «зелено-круглый» применим ко всем предметам, рассмотренным до определенного момента t , которые являются зелеными, и ко всем не проверенным до этого предметам, которые являются круглыми; и предположим, что в какое-то время до момента t мы экстраполируем гипотезу H_2 :

Все изумруды являются зелено-круглыми.

Что нам делать с такой гипотезой, которая не вступает в конфликт с $Ю$ Если предположить, что предикаты «зеленый» и «зелено-круглый» равнообъемны для нерассмотренных изумрудов, H_2 безвредна и не заслуживает устранения. Если же предположить, что эти два предиката не равнообъемны, H_2 вступает в конфликт с K и должна быть устранена согласно нашему правилу. Во всех таких случаях следует предполагать конфликт, если нет серьезных причин для иного предположения. Но если, например, все рассмотренные изумруды были круглыми, и гипотеза

Все изумруды круглые

также может быть экстраполирована, предположение о конфликте между $//2$ и K аннулируется, а экстраполяция $Я_2$, будучи ослабленной¹², становится безвредной.

До сих пор мы рассматривали лишь экстраполяции плохих предикатов на область хороших предикатов. Очевидно, нам

если она никогда не экстраполировалась до некоторого данного момента времени. В самом деле, вполне может существовать реальная гипотеза, которая в разные моменты могла быть экстраполирована, но никогда не экстраполировалась. Некоторые из них, например, могли быть высказаны только после того, как были опровергнуты или исчерпаны, другие — только до рассмотрения какого-либо из их примеров, третьи — только в процессе их опровержения.

12. Нужно помнить о том, что высказывание «Все изумруды являются зелено-круглыми»¹³ эквивалентно высказыванию «Все изумруды являются зелеными и круглыми». Все изумруды могут быть зелено-круглыми, даже если не все они зеленые, не все они круглые и даже если нет ни одного изумруда, который был бы одновременно зеленым и круглым.

нужно рассмотреть также экстраполяцию хорошего предиката на область плохого предиката. Мы должны устранить неоправданные экстраполяции, когда возникают сомнения скорее в антецеденте¹³, нежели в консеквенте.

Предположим, как и прежде, что все изумруды, проверенные до момента t , оказались зелеными. Допустим, что предикат «изумрубин» применяется к изумрудам, рассмотренным до момента t , и к рубинам, не рассмотренным до момента L . Таким образом, до момента t все проверенные изумрудины были зелеными. Ясно, однако, что экстраполяция Y_3 :

Все изумрудины являются зелеными

столь же неправомерна, как и экстраполяция гипотезы

Все изумруды являются голубыми.

Если же окажется, что к моменту t некоторые рубины были проверены, и выяснилось, что все они имеют красный цвет, то гипотезу Y_3 можно устранить просто посредством применения нашего первого правила, ибо в этом случае может быть экстраполирована гипотеза

Все рубины красные,

которая вступает в конфликт с Y_3 . Однако проблема становится более сложной, когда нельзя обнаружить такой конфликт.

Допустим, что некоторые рубины оказались не красными или что цвет ни одного из них не был проверен. Тогда гипотеза

Все рубины красные

будет либо опровергнута, либо лишена подтверждения и, сле-

13. Выше, рассматривая одни консеквенты, я говорил, что закрепленность предиката зависит от того, как давно и как часто этот предикат экстраполировался, т. е. встречался в качестве консеквента экстраполированных гипотез. Точно так же закрепленность антецедента зависит от того, как давно и как часто он встречался в качестве антецедента экстраполированных гипотез. Закрепленность некоторого данного предиката в качестве антецедента и в качестве консеквента не всегда может быть одной и той же. Однако, утверждая, что консеквент одной гипотезы, например, закреплен гораздо лучше, чем консеквент другой гипотезы, я всегда имею в виду сравнительную закрепленность двух предикатов *в качестве консеквентов*. Аналогично, для антецедентов *важных* закрепленность именно *в качестве антецедентов*.

довательно, не может быть экстраполирована. Поэтому ее конфликт с Y_3 не даст оснований для устранения Y_3 по первому правилу.

Устранения Y_3 можно достигнуть благодаря ее отношению к другим гипотезам посредством нового правила. Гипотеза K :

Все изумруды являются зелеными

имеет гораздо лучше закрепленный антецедент, нежели Y_3 , и тот же самый консеквент. Ясно, что Y_3 и K экстраполируют не конфликтующие предикаты на один и тот же предмет, а один и тот же предикат на разные предметы. Говоря точнее, хотя класс свидетельств для Y_3 включается в класс свидетельств для K , экстраполяционный класс для Y_3 не включается в экстраполяционный класс для K , т. е., хотя каждый проверенный изумрубин является изумрудом, не каждый изумрубин является изумрудом. Y_3 дискредитируется в силу того, что, обладая классом свидетельств, полностью включенным в класс свидетельств K , Y_3 тем не менее экстраполирует предикат «зеленый» на те предметы, относительно которых K этого не делает. Основной принцип заключается в том, что если какой-то консеквент может быть экстраполирован на объем данного антецедента посредством некоторой гипотезы, то любая другая гипотеза будет неправомерной, если она, не обладая ничем дополнительным в классе свидетельств, все-таки использует гораздо менее закрепленный антецедент для экстраполяции того же консеквента на другие предметы.

Итак, наше второе правило устраняет экстраполируемую гипотезу, если могла бы быть экстраполирована другая гипотеза с тем же самым консеквентом и антецедент A первой гипотезы расходится с лучше закрепленным антецедентом A' второй гипотезы в следующем смысле: хотя в классе предметов, которым был приписан их общий консеквент, A применяется только к тем предметам, к которым применяется A' , однако A применяется к некоторым другим предметам, к которым A' не применяется.

Каждое из наших правил устраняет экстраполируемую гипотезу Y , опираясь на особое отношение, существующее между Y и стандартной гипотезой K . Оба правила требуют, чтобы либо антецедент, либо консеквент K были закреплены лучше, неже-

ли соответствующие предикаты Я, чтобы другой предикат К был закреплен не хуже, чем соответствующий предикат Я, и чтобы К могла быть экстраполирована. Однако второе правило требует, чтобы *Ни* К имели один и тот же консеквент, в то время как первое правило не требует, чтобы они имели один и тот же антецедент.

Эффективность этих правил возрастает, если мы примем во внимание один аспект закреплённости, который ради простоты мы до сих пор игнорировали. Будем говорить, что предикат «Р» является родителем данного предиката «Q», если среди классов, к которым применим «Р», находится объем «Q»¹⁴, например предикат «армейский дивизион» является родителем предиката «солдат из 26-го дивизиона». Новый предикат может унаследовать закреплённость от родительского предиката. Сравните, например, предикат «шарик из коробки В», применимый к шарикам, находящимся в коробке, с предикатом «шарик из кучи А», применимый к шарикам из некоторого совершенно хаотичного набора. Допустим, что каждый предикат сначала встречается в качестве антецедента экстраполируемой гипотезы. Их закреплённость в равной мере ничтожна, однако первый кажется гораздо более устойчивым благодаря наследственности. Его родительский предикат «коробка шариков» в качестве антецедента входит в гораздо большее число экстраполяции, чем какой-либо родитель предиката «шарик из кучи А». При равной собственной закреплённости унаследованная закреплённость двух предикатов будет выше у того предиката, родители которого обладали лучшей закреплённостью. Часто такая оценка может оказаться тонким и трудным делом, если только различия не настолько велики, что их легко обнаружить. Следует заметить, кроме того, что сравнение унаследованной закреплённости двух предикатов имеет смысл только тогда, когда ни один из них не имеет большей собственной закреплённости, чем другой. Собственная закреплённость, так сказать, определяет главный уровень закреплённости, а унаследованная закреплённость является вторичной, дополнительной.

14. В отличие от человека предикат может иметь любое число родителей. Отметим также, что родительский предикат «β» является родителем каждого предиката, равнообъемного с «β».

Сказать без уточнений, что два предиката в равной мере закреплёны, значит, утверждать, что между ними нет заметного различия либо в собственной, либо в унаследованной закреплённости. И требование, включенное в наши правила устранения и говорящее, что данный предикат должен быть закреплён лучше, чем другой, будет выполнено, если первый обладает либо большей собственной закреплённостью, либо — при одинаковой собственной закреплённости — имеет большую унаследованную закреплённость.

Используемые совместно, наши два правила способны обеспечить требуемое устранение во всех рассмотренных случаях и во многих других, оставляя в то же время полный простор для введения новых приемлемых предикатов. Однако эти правила все еще не устраняют всех нежелательных гипотез. Главная оставшаяся проблема связана с различием между двумя совершенно одинаковыми гипотезами, которые экстраполируются в разных обстоятельствах. Например, экстраполяция такой гипотезы, как:

Все шарики в коробке В красные,

может быть правомерной, хотя такая же гипотеза относительно шариков в другой коробке при иных обстоятельствах может быть неверной. Однако наши правила не могут исключить ни одной из этих гипотез. Действительно, нет правила того вида, с которым мы имели дело, которое помогло бы нам осуществить правильное разграничение в подобных случаях. Применение наших правил к сложному переплетению реальных экстраполяции в конечном итоге приводит нас к значительно улучшенному, но все-таки не полностью очищенному множеству.

Если принять это множество в качестве рабочей основы, то можно еще попытаться учесть различия в *степенях* экстраполируемости. Гипотезы, входящие в эту рабочую основу, и некоторые другие гипотезы можно рассматривать как обладающие некоторой предположительной экстраполируемостью. Все эти гипотезы можно упорядочить, начиная от экстраполируемых в высшей степени и кончая такими, которые, по-видимому, неэкстраполируемы. Если нам удастся найти средства точно задать⁹⁹ У разницу в степенях экстраполируемости, то мы сможем осуществлять выбор между конкурирующими гипотезами, опираясь

на то, что одна из них в большей степени экстраполируема, чем другая. Вместе с тем у нас появится возможность сразу же устранить любую явно неправомерную гипотезу, не исключенную двумя установленными правилами, ибо благодаря любому принятому стандарту такая гипотеза будет обладать столь малой степенью экстраполируемости, что ее можно считать вообще неэкстраполируемой.

5. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭКСТРАПОЛИРУЕМОСТЬ

Рабочая основа включает в себя, конечно, лишь такие гипотезы, которые к рассматриваемому моменту были реально экстраполированы¹⁵. Многие другие гипотезы, которые по случайности не были экстраполированы, являются не менее правомерными, и их следует также учитывать в нашем исследовании сравнительной экстраполируемости. Поэтому мы должны начать с определения класса экстраполированных и неэкстраполированных гипотез, которые предположительно экстраполируемы.

Условия, при которых некоторая гипотеза «могла бы быть экстраполирована», были определены выше. Гипотеза, которая подтверждена, не опровергнута и не исчерпана, «могла бы быть экстраполирована» в том смысле, что ничто не препятствует ее реальной экстраполяции, в то время как неподтвержденная, опровергнутая или исчерпанная гипотеза, даже если ее принимают в силу случайности или тупого упрямства, с нашей точки зрения не может считаться экстраполируемой. Однако то обстоятельство, что какая-то гипотеза могла бы быть экстраполирована, отнюдь не означает, что ее нужно считать здоровой, ибо даже среди экстраполированных гипотез, как мы

15. Во избежание постоянного повторения таких выражений, как «в данный момент времени» или «к рассматриваемому моменту», я обычно буду опускать их как нечто само собой разумеющееся и лишь изредка напоминать о них. В этих лекциях я не доберусь до вопроса определения обстоятельств, при которых гипотезы экстраполируются без указания времени. Возможно, в качестве первого приближения мы могли бы сказать, что истинное высказывание, подтверждаемое в любой момент, является (без указания времени) законом, если оно экстраполируемо до того, как установлен его последний позитивный пример. Однако здесь все еще остаются открытые вопросы, и проблема требует дальнейшего исследования.

видели, многие исключаются как неправомерные посредством двух наших правил. Гипотеза считается экстраполируемой только в том случае, когда она могла бы войти в нашу рабочую основу.

Для того, чтобы определить условия, при которых гипотеза могла бы войти в рабочую основу, сначала мы должны сделать два наших правила применимыми как к неэкстраполируемым, так и к экстраполируемым гипотезам. Вместо фразы «экстраполированная гипотеза должна быть устранена (из рабочей основы), если...» мы можем написать просто: «гипотеза, которая могла бы быть экстраполирована, должна быть устранена (из класса гипотез, которые могли бы войти в рабочую основу), если...». В этом случае гипотеза могла бы войти в рабочую основу тогда и только тогда, когда она подтверждена, не опровергнута, не исчерпана и не поражена тем расхождением, которое может вызвать ее устранение посредством наших правил. Все и только такие гипотезы являются *предположительно экстраполируемыми*¹⁶.

Первоначальная степень экстраполируемости для предположительно экстраполируемых гипотез задана только сравнительной закреплённостью их предикатов. Если антецедент или консеквент одной из таких гипотез закреплён лучше, чем соответствующий предикат другой гипотезы, и если оставшийся

16. Быть может, следует все-таки напомнить о том, что рабочая основа, следовательно, класс предположительно экстраполируемых гипотез, будет включать в себя конфликтующие между собой гипотезы. Наша программа вовсе не претендует на разрешение всех конфликтов, ибо, как указано в прим. IV.8, две конфликтующие гипотезы могут быть в равной мере справедливыми и выбор одной из них зависит только от решающих дальнейших свидетельств. Только те расхождения ведут к отбрасыванию гипотезы из числа предположительно экстраполируемых, которые особо оговорены в двух наших правилах устранения. Поэтому мы не должны предполагать, например, что все следствия пред-

Юложительно экстраполируемых гипотез предположительно экстраполируемы. Действительно, это требует решительного изменения в двух отношениях. *о-первых, предположительно экстраполируемыми будут только следствия нефотиворечивых множеств предположительно экстраполируемых гипотез. Во-вторых, даже такие следствия не будут предположительно экстраполируемыми до тех пор, пока они не подтверждены и не показали свою неисчерпанность.

*ким образом, в этой связи мы можем лишь сказать, что гипотеза является ^Дположительно экстраполируемой, если она могла бы быть экстраполирована и является следствием непротиворечивого множества предположительно экстраполируемых гипотез.

предикат первой гипотезы закреплён не хуже, чем соответствующий предикат второй гипотезы, то первая гипотеза имеет более высокую первоначальную степень экстраполируемости. Теперь нужно обратить внимание на то, каким образом свидетельство, которое не подтверждает и не опровергает некоторую данную гипотезу, все-таки может повлиять на степень ее экстраполируемости. Когда две гипотезы обладают одинаковой исходной экстраполируемостью, это может сказать нам, какая из них экстраполируема в более высокой степени.

Рассмотрим, например, предположительно экстраполируемую гипотезу H_4 :

Все шарики в коробке B красные,

причем B есть одна из коробок недавно открытого набора S коробок, наполненных шариками. Предположим теперь, что мы уже открыли несколько коробок из этого набора и обнаружили, что, хотя в разных коробках шарики бывают разного цвета, в каждой отдельной коробке все шарики имеют один цвет. Эта информация, которую нельзя, конечно, рассматривать как прямое свидетельство в пользу или против $7/4$, значительно увеличивает степень экстраполируемости H_4 благодаря следующему обстоятельству. Каждый раз, когда мы обнаруживаем, что все шарики в той или иной коробке имеют один и тот же цвет, мы устанавливаем позитивный пример гипотезы G :

Каждая коробка из набора S содержит шарики одного цвета¹⁷.

Подтверждение G повышает доверие к ее не установленным примерам, в том числе к высказыванию G^{\wedge}

17. Я предполагаю, что был проверен цвет каждого шарика из каждой открытой коробки. Но в действительности достаточно из каждой коробки проверить столько шариков, сколько требуется для признания — в качестве позитивного примера G — высказывания, что все шарики в коробке имеют один цвет. Как указывалось выше, для нашей центральной проблемы безразличен способ проверки, дающий нам установленный пример гипотезы. Достаточно одного взгляда на шарик, чтобы принять высказывание-свидетельство о его цвете, и точно так же достаточно одного взгляда на коробку для признания высказывания-свидетельства о том, что все шарики в ней, скажем, зеленые. Иными словами, экстраполированные гипотезы иногда могут считаться положительными примерами для других гипотез.

Шарики в коробке B одного цвета,

и, увеличивая доверие к G_9 , мы увеличиваем доверие к $7/4$, обусловленное ее собственными положительными примерами. Короче говоря, свидетельство в пользу G , увеличивая доверие к d , повышает степень экстраполируемости H_4 .

Это не означает, что свидетельство в пользу Скак-то подкрепляет H_4 или направлено против такой гипотезы, как:

Все шарики в коробке B голубые.

Ясно, что G совершенно нейтральна по отношению к тем гипотезам, которые отличаются лишь тем, что приписывают разные цвета шарикам из коробки B . Но если одна из этих гипотез, как мы предположили для $7/4$, предположительно экстраполируема¹⁸, то доверие, переходящее от позитивных примеров к еще не установленным примерам, возрастает по мере возрастания свидетельств в пользу G . Гипотеза не может быть подтверждена без позитивных свидетельств, однако позитивные свидетельства подтверждают ее лишь в той мере, в которой она экстраполируема. Число позитивных свидетельств в пользу гипотезы и степень ее экстраполируемости — это совершенно разные факторы для ее подтверждения.

Ясно, что на экстраполируемость H_4 может повлиять другая информация, доставленная гипотезами, связанными с H_4 теснее, чем G . Назовем G *позитивной сверхгипотезой для H_4* и вообще будем называть некоторую гипотезу позитивной сверхгипотезой для другой гипотезы, если антецедент и консеквент первой являются родительскими предикатами по отношению к антецеденту и консеквенту второй гипотезы. Так, если B есть маленькая коробка и находится в штате Юта, то гипотезы

Все маленькие коробки шариков содержат шарики одного цвета,

Все коробки с шариками в штате Юта содержат шарики одного цвета*

¹⁸. Предположительно экстраполируемой является не более чем одна такая гипотеза. Предположительно экстраполируемая гипотеза должна быть подтверждена, и если гипотеза, приписывающая всем шарикам в коробке B один цвет, утверждена, то любая другая гипотеза, приписывающая всем шарикам из коробки иной цвет, будет опровергнута.

Все коробки с шариками из набора S содержат шарик одного теплого цвета

и аналогичные им будут позитивными сверхгипотезами для Y_4 . Если они подтверждены и не опровергнуты, то степень, в которой они усиливают экстраполируемость $//_4$, будет зависеть от различных факторов, которые мы вскоре рассмотрим.

В некоторых случаях экстраполируемость гипотезы совсем не будет увеличиваться даже благодаря позитивной сверхгипотезе, которая подтверждена и не опровергнута. Такие гипотезы вообще не оказывают никакого влияния, если они не являются предположительно экстраполируемыми. Неэкстраполируемые сверхгипотезы можно использовать лишь для связи несущественной информации и данной гипотезы. Если, например, мы обследовали все военно-морские флоты в мире и обнаружили, что суда каждого из них окрашены в один цвет, и если предикат «коробфлот» применяется к таким флотам и к коробке B с шариками, то высказывание

Каждый коробфлот окрашен в один цвет

будет неопровергнутой, подтвержденной, позитивной сверхгипотезой для H_r . Тем не менее ясно, что наша информация относительно военно-морских флотов ничего не добавляет к экстраполируемости H_r . Учитываются только предположительно экстраполируемые гипотезы, а гипотеза о коробфлотах не является предположительно экстраполируемой, ибо она отбрасывается благодаря второму правилу устранения гипотез.

Более того, влияние сверхгипотезы будет зависеть от степени ее экстраполируемости. В высокой степени экстраполируемая сверхгипотеза, даже если она подтверждена всего несколькими позитивными примерами, способна значительно увеличить экстраполируемость данной гипотезы. С другой стороны, сверхгипотеза с незначительной экстраполируемостью, даже если она хорошо подтверждена, окажет столь малое влияние, как если бы она даже и не была предположительно экстраполируема. Таким образом, воздействие, которое наша информация относительно других коробок с шариками из набора S оказывает на экстраполируемость Y_4 , будет зависеть от экстраполируемости G . А экстраполируемость G будет определяться, конечно,

степенью ее первоначальной экстраполируемости и изменениями, которые приносят сверхгипотезы G . Поэтому установление степени экстраполируемости Y_4 будет требовать установления экстраполируемости таких сверхгипотез, как G . А это, в свою очередь, будет требовать установления экстраполируемости таких сверхгипотез для G , как/:

Каждый набор шариков в Y_4 однороден по цвету

(причем некоторый набор шариков однороден по цвету в том случае, если каждая коробка с шариками однородна по цвету или же каждая коробка с шариками имеет шарик разных цветов). Однако не следует опасаться, что мы отправились в бесконечное или даже слишком далекое путешествие, — конец уже виден. Совершенно ясно, что родительский предикат консеквента/не обладает ни собственной, ни унаследованной закрепленностью, поэтому сверхгипотезы/будут иметь чрезвычайно низкую первоначальную степень экстраполируемости. А как мы сейчас увидим, если первоначальная степень ничтожна, то и окончательная степень экстраполируемости будет ничтожна. А поскольку сверхгипотезы для/не будут иметь заметной степени экстраполируемости, постольку они не смогут заметно снизить первоначальную экстраполируемость/ Таким образом, экстраполируемость/, требуемая для установления экстраполируемости G и, следовательно, $//_4$, определена без восхождения ко все более высоким уровням.

Легко показать, что гипотезы с незначительной исходной экстраполируемостью будут обладать и незначительной окончательной степенью экстраполируемости. Гипотеза получает незначительную степень благодаря вхождению в нее предиката, не обладающего ни собственной, ни унаследованной закрепленностью. Если множество A , как и прежде, представляет собой некоторый совершенно беспорядочный набор шариков, то гипотеза

Каждый шарик из A является красным

обладает незначительной первоначальной степенью экстраполируемости, поскольку ее антецедент не обладает заметной ^лзакрепленностью. В таком случае этот антецедент «быть в A », ^{1с} обладая заметной унаследованной закрепленностью, не мо-

жет иметь родительского предиката с какой-либо закреплённостью. А поскольку любая позитивная сверхгипотеза нашей гипотезы должна включать в себя родительский предикат для «быть в A », постольку каждая такая сверхгипотеза будет обладать лишь незначительной исходной экстраполируемостью. Аналогичное рассуждение показывает, что каждая сверхгипотеза такой сверхгипотезы и каждая гипотеза более высокого уровня в этой иерархии будет обладать незначительной исходной экстраполируемостью. Но гипотеза, не обладающая первоначальной экстраполируемостью, может получить какую-то степень экстраполируемости только от экстраполируемых сверхгипотез. Таким образом, гипотеза из рассматриваемой иерархии может получить заметную экстраполируемость только благодаря сверхгипотезам более высокого уровня, а сверхгипотезы более высоких уровней находятся точно в таком же положении. Нигде в этой иерархии мы не можем найти гипотез, обладающих собственной экстраполируемостью и, поэтому, способных увеличить экстраполируемость гипотез более низкого уровня. Следовательно, первоначальная незначительная экстраполируемость нашей гипотезы относительно множества A не увеличится, и любая гипотеза с незначительной первоначальной экстраполируемостью в конечном итоге останется с той же незначительной степенью экстраполируемости¹⁹.

Отсюда вытекают два полезных следствия. Одно, как мы видели, заключается в том, что процесс оценки экстраполируемости некоторой гипотезы не требует от нас рассмотрения бесконечной иерархии сверхгипотез.

Другое следствие говорит о том, что если некоторая неправильная гипотеза, подобная, скажем, нашей гипотезе относительно множества A , не может быть устранена с помощью наших двух правил, то ее незначительная первоначальная экстра-

¹⁹ Отсюда не следует, конечно, что гипотеза с заметной степенью экстраполируемости не может получить значительно более высокую степень экстраполируемости. Например, если предикат, не обладающий собственной закреплённостью и очень небольшой наследственной закреплённостью, имеет родительский предикат с очень высокой закреплённостью, то гипотеза с этим предикатом может иметь сверхгипотезы, способные значительно увеличить ее экстраполируемость.

полируемость дает нам основание устранить ее как, по сути дела, неэкстраполируемую.

Мы все еще не приняли во внимание тот факт, что экстраполируемость гипотезы часто может быть уменьшена, а не увеличена, учитываемой информацией. Если при проверке шариков в коробках из набора S оказалось, что большая часть из них содержит шарики разного цвета, то экстраполируемость гипотезы Y_4 :

Все шарики в коробке B красные

значительно уменьшится. Свидетельства в пользу гипотезы M

Каждая коробка из набора S содержит шарики разного цвета

уменьшает степень доверия, передаваемого от позитивных примеров неустановленным примерам гипотезы H_4 . Антецедент гипотезы M является родительским предикатом антецедента H_4 , однако консеквент M не является родительским предикатом консеквента H_4 . Напротив, консеквент M является *дополнительным* по отношению к родительскому предикату консеквента H_4 в том смысле, что предикат «неопределенного цвета» применим ко всем и только тем коробкам из набора S , к которым неприменим предикат «одного цвета». Поэтому M , хотя и выглядит синтаксически позитивной, может считаться негативной сверхгипотезой для Y_4 . Как для позитивных, так и для негативных сверхгипотез критерии эффективности одни и те же. Экстраполируемость гипотезы уменьшается благодаря воздействию негативных сверхгипотез, но увеличивается вследствие воздействия позитивных сверхгипотез²⁰.

Конечно, ни при каких обстоятельствах нельзя M и позитивную сверхгипотезу G квалифицировать как эффективные сверхгипотезы, ибо если одна из них подтверждается, то другая бу-

²⁰ Поэтому высокая первоначальная степень отнюдь не гарантирует высокой конечной степени экстраполируемости. Когда две гипотезы обладают очень высокой степенью закреплённости своих предикатов и благодаря этому имеют высокую степень экстраполируемости, то все-таки для выбора одной из них могут найтись весьма серьезные основания: благодаря сверхгипотезам первоначальная степень экстраполируемости одной из них может быть уменьшена гораздо больше, чем другой.

дет опровергнута. Ясно, что если некоторые коробки из набора S однородны по цвету, а в других лежат шарики разного цвета, то экстраполируемость H_4 может быть увеличена или уменьшена согласно тому, какие коробки преобладают в наборе. Воздействие тех или иных свидетельств будет выражаться статистической сверхгипотезой, говорящей о том, что большинство (или какой-то процент) коробок из набора S содержат шарики одного (или нескольких) цвета. Как и прежде, влияние такой сверхгипотезы будет зависеть от ее экстраполируемости. Все, что было сказано до сих пор по поводу экстраполируемости простых универсальных гипотез, можно отнести также и к статистическим гипотезам. Но если в общем способ действий здесь достаточно ясен, подробности слишком сложны для того, чтобы излагать их здесь. Поэтому я буду продолжать считать, что мы имеем дело только с универсальными гипотезами.

Экстраполируемость и свидетельства для некоторой сверхгипотезы — не единственные факторы, которые нужно рассмотреть. Многое зависит также от того, насколько близким, так сказать, рассматриваемой гипотезе является свидетельство в пользу сверхгипотезы, иными словами, насколько конкретна сверхгипотеза²¹. Информация относительно коробок с шариками, проверенными из набора S , окажет большее влияние на J_4 , чем на аналогичную гипотезу относительно шариков из коробки, включенной в другой набор, находящийся в штате Юта, например на гипотезу H_6 :

Все шарики в коробке W красные,

причем $W \in T$ коробка из набора T . Проверка коробок с шариками из набора S дает нам такое же число позитивных примеров для сверхгипотезы U :

Каждая коробка шариков в штате Юта содержит шарики одного цвета,

как и для гипотезы G :

21. Если разные гипотезы, подпадающие под одну сверхгипотезу, имеют не взаимно исключающие antecedentes, то следует принять во внимание еще один фактор, а именно степень удвоения в свидетельстве, требуемом двумя или несколькими из этих гипотез.

Каждая коробка с шариками из набора S содержит шарики одного цвета.

Однако полученная нами информация оказывает меньшее влияние на рост степени экстраполируемости H_5 благодаря U по сравнению с ее влиянием на возрастание экстраполируемости H_4 благодаря G . Короче говоря, если экстраполируемость и степени подтверждения равны, влияние сверхгипотез будет обратно пропорционально их общности. На первый взгляд может показаться, что, напротив, более широкая и общая сверхгипотеза должна оказывать более сильное влияние. Однако это происходит лишь тогда, когда более общая гипотеза несет в себе больше информации, например когда $\{ \}$ подтверждается результатами проверки не только коробок с шариками из набора S , но и многих других коробок из других наборов, включая, быть может, и набор T . Если же две в равной степени экстраполируемые сверхгипотезы подтверждены равными свидетельствами, большее воздействие окажет более конкретная из них.

Таким образом, сравнительная эффективность разных предварительно экстраполируемых сверхгипотез зависит от трех факторов. Если такие гипотезы в равной мере конкретны и подтверждены, то их эффективность зависит от их экстраполируемости. Если равны степени общности и экстраполируемости, эффективность гипотез будет зависеть от их подтвержденности. А при равенстве степеней экстраполируемости и подтвержденностиTM эффективность определяется конкретностью.

Рассмотрение дальнейших подробностей было бы здесь излишним, ибо многие из них не являются ни новыми, ни специфичными для моего подхода. Не новость, что на экстраполируемость гипотезы влияют какие-то связанные с ней гипотезы или го воздействие соответствующей информации тем сильнее, чем этой информации больше и чем теснее она связана с рассматриваемой гипотезой. И нужно предполагать, что объяснение различий в законоподобности гипотез потребует ссылки на определенные «фундаментальные гипотезы». Однако обычно пускают из вида тот кардинальный факт, что эффективность фундаментальных гипотез зависит от их экстраполируемости. Поэтому именно эту сторону дела я здесь так настойчиво подчеркивал.

Поскольку у данной гипотезы может быть несколько разных сверхгипотез и поскольку требуется рассмотреть несколько свойств каждой сверхгипотезы, постольку нет ничего удивительного в том, что оценка экстраполируемости может оказаться длительным и сложным процессом. Однако на практике этот процесс может быть значительно укорочен. Для того чтобы решить, является ли данная гипотеза достаточно экстраполируемой, чтобы ее можно было принять в конкретной ситуации, мы ставим вопрос: является ли данная гипотеза экстраполируемой в той же мере, что и некоторая другая? При сравнении экстраполируемости двух реальных гипотез мы обычно очень хорошо знаем, при каких обстоятельствах между ними проявится заметное различие.

Конечно, наша главная задача здесь состоит не в рассмотрении практических вопросов, не в описании или предписании некоторого процесса, а в определении понятия экстраполируемости. Если говорить кратко, предложенный способ определения начинается с разъяснения исходного предиката «быть предикатом, закрепленным лучше, нежели другой» на основе реальных экстраполяции, а затем осуществляется следующим образом: во-первых, формулируется определение предположительной экстраполируемости с помощью правил устранения; во-вторых, дается определение исходной степени экстраполируемости для предположительно экстраполируемых гипотез; и, в-третьих, предлагается определение степени экстраполируемости на основе исходной степени и ее изменения благодаря соответствующей информации, выражаемой сверхгипотезами. Возникает естественный вопрос: нельзя ли вообще обойтись без правил устранения и без определения предположительной экстраполируемости, начав с приписывания первоначальной степени экстраполируемости всем гипотезам, а затем устраняя все неправомерные гипотезы с помощью двух принципов, один из которых говорит о том, что гипотеза должна быть устранена в пользу более экстраполируемой конкурирующей гипотезы²², а второй — о том, что все гипотезы с незначительной степенью

22. О предположительно экстраполируемых гипотезах я несколько неопределенно говорю как о *конкурирующих* в том случае, когда встает вопрос о выборе между ними, когда они расходятся друг с другом так, как мы описали выше или как-либо еще.

экстраполируемости должны быть отброшены? Дальнейшие исследования могут показать осуществимость такой процедуры. Однако пока я не решаюсь отказаться от четких правил устранения и от определения предположительной экстраполируемости, чтобы обратиться к более сложному и тонкому истолкованию степени экстраполируемости. Пока этот вопрос можно оставить открытым, ибо я отнюдь не претендую на полное и окончательное определение. Я просто пытался показать, какие средства дает новый подход для анализа трудной проблемы. Если вы ожидали большего, то я могу напомнить вам название этой лекции.

6. ОБЩИЙ ОБЗОР И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Если я прав, то корни индуктивной обоснованности следует искать в нашем использовании языка. По-видимому, обоснованным предсказанием является то, которое согласуется с прошлыми регулярностями в материале наблюдения. Однако всегда было трудно сказать, в чем заключается эта согласованность. Я развивал здесь предположение о том, что согласованность с регулярностями есть функция наших языковых практик. Поэтому разграничительная линия между обоснованными и необоснованными предсказаниями (индукциями и экстраполяциями) предопределена тем, каким образом мир описан и предвосхищен в словах.

Вы помните, что в нашем анализе различных и взаимосвязанных проблем мы обнаружили, что некоторые из них в конце концов могут быть редуцированы к проблеме экстраполируемости. А поскольку мы нашли способ рассмотрения этой проблемы, постольку мы не только открыли путь к анализу не замеченных ранее аспектов теории подтверждения и к ответу на постоянно возникающие вопросы относительно индукции, но получили также возможность продвинуться вперед в решении проблемы диспозиций и вопроса о возможных сущностях.

Теория экстраполируемости, или законоподобности, устраняет также одну из неясностей, препятствующих выработке Удовлетворительного истолкования условных контрфактических высказываний. Как мы видели, однако, эта проблема имеет свои собственные трудности. Но даже здесь мы можем продвигать

нуться вперед. Выше я говорил, что ложность контрфактического высказывания типа V^{**} :

Если бы этот пенс (также) был в моем кармане в День независимости, то (также) был бы серебряным в День независимости

обусловлена тем, что требуемый общий принцип P .

Все монеты, лежавшие в моем кармане в День независимости, были серебряными в День независимости,

хотя бы и был истинным, не является законоподобным. Однако этот анализ не полон. Допустим, обстоятельства таковы, что делают P законоподобным. Допустим, например, что мы поверили наборы монет, находящихся в кармане разных людей в различные дни, и обнаружили, что в каждом наборе все монеты изготовлены из одного материала, и допустим, что имеются и другие дополнительные свидетельства. Тем не менее, хотя P и стало законоподобным, оно не подкрепит U , которое остается ложным. Иногда даже истинный закон не способен подкрепить контрфактическое высказывание. Я полагаю, это объясняется тем, что противоположное контрфактическое высказывание

Даже если бы пенс также оказался в моем кармане в День независимости, он остался бы медным в День независимости

поддерживается здесь гораздо более сильным законом:

Монеты сохраняют материал, из которого они изготовлены, независимо от места нахождения.

Контрфактическое высказывание I неоправданно не вследствие отсутствия поддерживающего его закона, а благодаря наличию более обоснованного условного высказывания. Поэтому адекватная интерпретация контрфактических высказываний требует обратить внимание на его расхождение с другими такими высказываниями и на принципы, служащие для разреше-

23. В данном случае был использован - в несколько измененном виде с тем, чтобы избежать двусмысленностей, - пример, приведенный выше (1.8).

ния таких конфликтов. Действительно, двигаясь в этом направлении, мы вполне можем объяснить ложность такого контрфактического высказывания, как:

Если бы эта спичка была потерта о коробок, она не была бы сухой,

и даже ответить на наиболее трудные остающиеся вопросы относительно условных контрфактических высказываний.

Наша трактовка экстраполируемости открывает новые перспективы и в некоторых других направлениях. Она может позволить нам отличить «подлинные» классификационные роды от «искусственных» или более подлинные роды от менее подлинных. Благодаря этому она позволяет нам интерпретировать обыденные высказывания о том, что какие-то предметы относятся или не относятся к одному и тому же роду или в большей мере похожи друг на друга, чем какие-то другие предметы. Закрепленность классов является некоторой мерой их подлинности как естественных родов, грубо говоря, два предмета тем более сходны друг с другом, чем больше имеется конкретных и хорошо закрепленных предикатов, которые применимы к ним обоим. Адекватная теория естественных родов, в свою очередь, может пролить свет на некоторые сложные вопросы, касающиеся простоты идей, законов и теорий. Она может также указать подход к рассмотрению проблемы случайности: по крайней мере, в одном важном смысле проверенные случаи некоторой гипотезы тем менее случайны, чем больше они похожи, т. е. чем больше имеется конкретных и хорошо закрепленных предикатов, которые применимы ко всем ним. Я проиллюстрирую это с помощью двух разных множеств свидетельств для гипотезы, утверждающей, что каждая коробка с шариками из набора Соднородна по цвету: первое множество проверенных коробок состоит из коробок, взятых из верхнего слоя набора 5, второе множество состоит из коробок, взятых из разных слоев, из внутренних и внешних областей набора и т. д. Предикат «взят из верхнего слоя 5», справедливый для каждой коробки первого и менее случайного множества, обладает большей (унаследованной) закрепленностью, чем любой столь же конкретный предикат, справедливый для каждой коробки из второго, более случайного множества.

Однако все эти размышления не следует считать решениями. Я отнюдь не предлагаю какого-либо легкого и автоматического способа решения всех или хотя бы некоторых из этих проблем. О том, какая дистанция отделяет высказанную идею от стройной теории, предупреждают нас те трудности и сложности, над которыми мы бились, пытаясь развить наши идеи относительно эксплуатируемое™. Даже одна эта задача не была решена во всех подробностях. Я не могу отблагодарить вас за внимание приятным утверждением о том, что все было сделано, или почти столь же приятным утверждением, что ничего сделать нельзя. Я стремился просто исследовать не очень известный способ рассмотрения некоторых давно знакомых проблем.

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ МИРОВ

Посвящается

К. И. Г.

тому, кто расцветчивает миры

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Эта книга не следует прямым курсом от начала до конца. Она охотится, а на охоте иногда тревожит одну и ту же белку на разных деревьях или же разных белок, сидящих на одном дереве, а порою — даже то, что оказывается отнюдь не белкой, да к тому же и вовсе не на дереве. Она по несколько раз натывается на одну и ту же преграду и отправляется по новым следам. Она часто пьет из одних и тех же ручьев и бродит по суровой местности. Ей важна не добыча, а то, что удалось узнать на обследованной территории.

В третий раз в моей жизни работа над книгой оказалась связана с приглашением прочесть цикл лекций. Специальные лекции в университете Лондона привели к «Факту, фантазии и предсказанию». Локковские лекции в Оксфордском университете стали «Языками искусства», а первые кантовские лекции в Стэнфордском университете дали стимул для настоящей книги и основание для ее последних четырех глав, хотя основная часть заключительной главы написана заново. Первая глава читалась в университете Гамбурга на праздновании сотой годовщины со дня рождения Эрнста Кассирера; первые четыре главы появились как отдельные статьи.

Список тех, кто мне помог, как обычно, можно продолжать бесконечно, и я могу упомянуть лишь Стэнфордский университет и его философский факультет, особенно Патрика Суппеса, моих коллег Израэля Шеффлера, У. В. Куайна и Хилари Патнэма и моих партнеров по «Проекту Зеро» Пола Колерса и Вернона Хауарда.

Так как эти семь глав были написаны и переписаны в течение приблизительно семи лет и часто представляют собой скорее вариации на периодические темы, нежели последовательное развертывание цепочки аргументов, то повторения неизбежны и, я надеюсь, простительны. Мой опыт общения со

студентами и комментаторами не убедил меня в том, что многократное повторение бесполезно. Непоследовательность менее простительна, и ей я доверяю меньше. Очевидные недостатки — для удобства критиков.

Немногие из известных философских ярлыков пришлось бы в пору книге, которая вступает в разногласия равно с рационализмом и эмпиризмом, с материализмом, идеализмом и дуализмом, с эссенциализмом и экзистенциализмом, с механицизмом и витализмом, с мистикой и сциентизмом и с большинством других пылких доктрин. То, что возникает в данном произведении, может, вероятно, быть описано как радикальный релятивизм со строгими ограничениями, который находит свое выражение в концепции, чем-то родственной ирреализму.

Тем не менее я думаю, что эта книга принадлежит к той господствующей тенденции в современной философии, которая началась, когда Кант заменил структуру мира на структуру сознания, продолжилась, когда К. И. Льюис заменил структуру сознания на структуру понятий, и которая теперь приступает к замене структуры понятий на структуру нескольких символических систем науки, философии, искусства, восприятия и повседневного дискурса. Движение направлено от единственной истины, от неподвижного обнаруженного мира к разнообразию правильных, даже противоречащих друг другу версий или миров, находящихся в процессе создания.

Гарвардский университет

В книге используются следующие сокращения:

- SA для третьего издания «Структуры явления», *The Structure of Appearance*. D. Reidel Publishing Co., 1977 (first published 1951);
- FFF для третьего издания «Факта, фантазии и предсказания», *Fact, Fiction, and Forecast*. Hackett Publishing Co., 1977 (first published 1954);
- для второго издания «Языков искусства», *Languages of Art*. Hackett Publishing Co., 1976 (first published 1968);
- для «Проблем и проектов», *Problems and Projects*. Hackett Publishing Company, 1972.

1. Перевод выполнен к. ф. н. М. В. Лебедевым по изд.: *Goodman N. Ways of Worldmaking*. Hackett Publishing Company, 1978.

I. СЛОВА, ПРОИЗВЕДЕНИЯ, МИРЫ¹

1. ВОПРОСЫ

Бесчисленные миры, созданные из ничего при помощи символов — так мог бы сатирик обобщить некоторые важнейшие темы работ Эрнста Кассирера. Эти темы — множественность миров, неподлинность «данного», творческая сила понимания, разнообразие и формообразующая функция символов — являются также неотъемлемыми чертами и моего собственного мышления. Иногда я все же забываю, как красноречиво они были сформулированы Кассирером², — отчасти, возможно, потому, что его симпатии к мифу, его увлечение сравнительным изучением культур и размышления о человеческом духе ошибочно ассоциировались с современными тенденциями, ведущими к мистическому обскурантизму, анти-интеллектуальному интуиционизму или антинаучному гуманизму. Фактически эти тенденции так же чужды Кассиреру, как и моей собственной скептической, аналитической, конструктивистской позиции.

Цель, которую я ставлю перед собой в следующем ниже тексте состоит не столько в том, чтобы защитить некоторые тезисы, признаваемые Кассирером и мной, сколько в том, чтобы подвергнуть тщательному рассмотрению некоторые критические вопросы, которые они затрагивают. В каком именно смысле существует много миров? Чем подлинный мир отличается от поддельного? Из чего сделаны миры? Как они сделаны? Какую роль в их создании играют символы? И как создание миров связано со знанием? Мы не можем игнорировать эти вопросы, даже если до полных и окончательных ответов еще далеко.

1. «В переводных романах делаются иногда беспомощные сноски: „В оригинале — неперево́димая игра слов...“» (С. Довлатов. Ремесло. Строчкой ниже там идет цитата из Нильса Бора: «Истины бывают ясные и глубокие. Ясной истине противостоит ложь. Глубокой истине противостоит другая истина, не менее глубокая...») Поздние вещи Гудмена написаны трогательно-поэтичным языком со множеством аллитераций. Немногие из них сохранены в переводе, но ритм по возможности воспроизведен. — *Прим. перев.*

2. Например, в работе Кассирера «Language and Myth», переведенной Сюзанной Лангер (Langer, 1946).

Как намекает двусмысленное название книги Уильяма Джеймса «Плюралистическая вселенная», противоречие между монизмом и плюрализмом имеет свойство исчезать без следа при анализе. Если имеется всего лишь один мир, то он охватывает множество контрастирующих аспектов; если имеются много миров, то их совокупность составляет одну вселенную. Один мир может быть рассмотрен как многие, или многие миры могут быть рассмотрены как один; имеется ли один мир или же множество — это зависит от способа рассмотрения³.

Почему же тогда Кассирер подчеркивает разнообразие миров? В каком важном и часто упускаемом из виду смысле существует много миров? Подчеркнем, что речь здесь не идет о возможных мирах, созданием которых и их управлением заняты многие из моих современников, особенно в районе Диснейленда. Мы ведем обсуждение не в терминах множественных возможных альтернатив единственному действительному миру, но в терминах множественных действительных миров. Как интерпретировать такие термины, как «реальный», «нереальный», «вымышленный» и «возможный», — это следующий вопрос.

Рассмотрим для начала утверждения «Солнце всегда движется» и «Солнце всегда неподвижно», которые, хотя и одинаково истинны, противоречат друг другу. Будем ли мы в таком случае утверждать, что они описывают различные миры и что действительно существует столько различных миров, сколько имеется таких взаимоисключающих истин? Нет, скорее, мы склонны считать эти две цепочки слов не полными утверждениями со своими собственными истинностными значениями, но сокращенными формулировками таких высказываний, как «В системе координат А солнце всегда движется» и «В системе координат Б солнце всегда неподвижно», — высказываний, которые могут быть оба истинны по отношению к одному и тому же миру.

Однако системы координат, по-видимому, скорее принадлежат к системам описания, нежели к тому, что описывается; и каждое из этих двух утверждений связывает то, что описано, с такой системой. Если я спрашиваю о мире, вы можете предло-

3. Ноем, ниже раздел VII:1.

жить мне рассказать, каков он в одной или во многих системах координат; но если я настаиваю, чтобы вы сообщили мне, каким он является вне всех систем координат, то что вы можете сказать? Чтобы мы не описывали, мы всегда связаны способами описания. Наша вселенная, если можно так выразиться, состоит скорее из этих способов описания, чем из мира или миров.

Альтернативные описания движения, осуществляемые практически в одних и тех же терминах и обычно поддающиеся преобразованию друг в друга, представляют собой лишь второстепенный и довольно бледный пример разнообразия в объяснениях мира. Намного более серьезным оказывается громадное разнообразие версий и способов видения в отдельных науках, в произведениях различных живописцев и писателей и в нашем восприятии этих работ, обусловленном обстоятельствами и нашим собственным пониманием, интересами и прошлым опытом. Даже если мы отбросим все иллюзорные, неправильные, или сомнительные версии, остальные все же показывают нам новые измерения несоответствий. Здесь у нас нет никакого ясного множества систем координат, никаких готовых правил для преобразования физики, биологии и психологии друг в друга и никаких способов преобразования любой из этих наук в видение Ван Гога или преобразования Ван Гога в Каналетто. Те из этих версий, которые являются скорее изображениями, нежели описаниями, не имеют никакого истинностного значения в буквальном смысле и не могут быть соединены конъюнкцией. Различие между сопоставлением и соединением двух утверждений не имеет никакого очевидного аналога для двух изображений или для изображения и утверждения. Резко контрастирующие версии мира могут, конечно, быть релятивизованы: каждое правильно для данной системы — для данной науки, данного художника или данного воспринимающего и ситуации. Здесь мы снова сворачиваем от описания или изображения «мира» к разговору о самих описаниях и изображениях, но теперь у нас не останется даже утешения взаимопереводимости или любой очевидной организации этих нескольких рассматриваемых систем.

Тем не менее разве правильная версия не отличается от неправильной своей применимостью к миру, так чтобы сама правильность зависела от мира и подразумевала его? Скорее, нам

следовало бы сказать, что «мир» зависит от правильности. Мы не можем проверить ту или иную версию, сравнивая ее с миром неописанным, неизображенным, неосознанным; мы можем проверить ее только при помощи других средств, которые я буду обсуждать ниже. В то время как мы можем лести речь об определении того, какие версии являются правильными как «сообщающие нечто о мире», сам «мир» при этом считается тем, что описывают все правильные версии; но все, что мы знаем о мире, содержится в его правильных версиях. Хотя лежащий в основе мир даже без своих правильных версий не должен быть отвергнут теми, кто нуждается в нем, все же вполне возможно, что в целом это — затерянный мир. В некоторых целях у нас может возникнуть необходимость определить отношение, которое будет так распределять версии по группам, чтобы каждая группа составляла мир, а члены группы были бы версиями этого мира. Но с точки зрения многих целей правильные описания, изображения и восприятия мира, «способы, которыми мир существует», или просто версии, можно рассматривать как наши миры⁴.

Так как сам тот факт, что существует множество различных версий мира (*world-versions*), едва ли может послужить поводом для спора, а вопрос о том, сколько существует «миров в себе» (если таковые вообще имеются), по сути своей не имеет смысла, то, собственно говоря, в каком нетривиальном смысле Кассирер и согласные с ним плюралисты настаивают на существовании множества миров? Думаю, что ответ заключается в следующем: множество различных версий мира представляет собою самостоятельный интерес, они имеют самостоятельное значение, не требующее их сведения к какой-то единственной основе. Плюралист, далекий от того, чтобы занимать антинаучную позицию, принимает науки в их полной ценности. Его типичным противником является монополистический материалист, или физикалист, утверждающий, что одна система, — физика превосходит все остальные и включает их в себя — так, что каждая другая версия должна в конечном счете сводиться к ³той или же отклоняться как ложная или бессмысленная. Если

4. Ср. статью «Способ, которым существует мир» (The Way the World Is (1960) // pp. pp. 24—32), а также статью Ричарда Рорти «Затерянный мир» (*Richard Rorty. The World Well Lost* // Journal of Philosophy, Vol. 69 (1972), pp. 649—

все правильные версии могли бы так или иначе быть сведены к одной-единственной, то она — с некоторой долей правдоподобия⁵, — могла бы считаться единственной истиной, высказанной относительно единственного мира. Однако оснований для подобного рода сводимости не слишком много, и даже само такое требование туманно, поскольку сама физика фрагментарна и непостоянна, и тип же и последствия предполагаемой редукции неопределенны. (Как можно свести к физике мироощущения Констебля или Джеймса Джойса?) Меня самого вряд ли можно обвинить в недооценке конструкции и редукции⁶. Сведение одной системы к другой может внести ощутимый вклад в понимание взаимосвязей между версиями мира, но редукция в любом разумно строгом смысле этого слова встречается редко, она почти всегда фрагментарна, и вряд ли когда-либо бывает единственно возможной. Требование полной и единственной сводимости к физике или любой другой одной версии должно предшествовать почти всем другим версиям. Принятие плюрализмом других версий, нежели физические, подразумевает не ослабление требований, но признание того, что стандарты, отличающиеся от принятых в науках, но при этом не менее точные, оказываются вполне пригодными для оценки содержания перцептивных, художественных или литературных версий.

Коль скоро противопоставление правильных версий, не сводимых к единой, оказывается допустимым, единство должно быть найдено не в многозначном или нейтральном *нечто*, лежащем в их основе, а в общей организации, охватывающей все эти версии. Кассирер осуществляет такой поиск посредством межкультурного исследования развития мифа, религии, языка, искусства и науки. Мой подход связан скорее с аналитическим изучением типов и функций символов и символических систем. Ни в том, ни в другом случае не следует ожидать какого-то одного-единственного результата; вселенные миров — так же как и сами миры — могут быть созданы самыми разными способами.

5- Ноне значительной степени, поскольку ни один тип сводимости не служит всем целям.

6. См. мою статью: *Goodman N. The Revision of Philosophy* (1956) // *PP*, pp. 5–23; наст. изд. «Пересмотр философии», с. 258–281; а также *SA*.

3. НАСКОЛЬКО ПРОЧНО ОСНОВАНИЕ?

Не-кантианская тема множественности миров родственна кантианской теме пустоты понятия чистого содержания. Одна лишает нас уникального мира, другая — общего материала, из которого сделаны миры. Оба эти тезиса бросают вызов нашему интуитивному требованию какой-то прочной основы и оставляют нас на произвол судьбы, во власти наших собственных непоследовательных фантазий.

Непреодолимые доводы против восприятия без постижения, против чистого данного, абсолютной непосредственности, невинного глаза, субстанции как субстрата были так полно и так много раз сформулированы Беркли, Кантом, Кассирером, Гомбричем⁷, Брюнером⁸ и многими другими, что не нуждаются в повторении здесь. Разговор о неструктурированном содержании, или о неконцептуализованном данном, или о субстрате без свойств сам себя опровергает; ведь сам разговор налагает структуру, концептуализирует, приписывает свойства. Хотя понятие без восприятия просто *пусто*, восприятие без понятия *слепо* — оно совершенно не поддается применению⁹. Предикаты, картины, другие ярлыки, схемы выживают и не будучи применяемыми, но содержание исчезает без формы. Мы можем иметь слова без мира, но нет никакого мира без слов или других символов.

Многие вещи — материя, энергия, волны, явления, — из которых сделаны миры, сами сделаны наряду с мирами. Но из чего они сделаны? Не из ничего, в конце концов, а *из других миров*. Создание миров, поскольку мы знаем его, всегда начинается с уже имеющихся миров; создание есть переделка. Антропология и психология развития могут изучать социальные и индивидуальные истории такого строительства миров, но поиск универсального или необходимого начала лучше оставить богословию.

7- В книге «Искусство и иллюзия» (*E. H. Gombrich. Art and Illusion*. Pantheon Books, 1960) Гомбрич во многих местах приводит аргументы против понятия «невинного глаза».

8. См. эссе в: *Jerome S. Egunet. Beyond the Information Given* [далее — *BI*]. ed. Jeremy M. Anglin. (W. W. Norton, 1973). chap. I.

9- В данном случае Гудмен вольно цитирует знаменитое утверждение Канта¹⁰ «Критики чистого разума». — *Прим. перев.*

Мой интерес здесь заключается скорее в исследовании процессов, вовлеченных в создание мира из других миров¹⁰.

Когда оставлена ложная надежда на прочное основание, когда мир замещен мирами, которые являются всего лишь версиями, когда субстанция растворена в функции и когда данное признается как принятое, мы оказываемся перед вопросами о том, как миры сделаны, как они проверяются и как они познаются нами.

4. СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ МИРОВ

Не претендуя на наставление богов или других создателей миров или на попытку какого бы то ни было всестороннего или систематического обзора, я хочу проиллюстрировать и прокомментировать некоторые из процессов, из которых складывается создание миров. Фактически меня интересуют скорее определенные отношения, имеющие место между мирами, нежели то, как отдельные миры сделаны из других, если только дело действительно обстоит подобного рода образом.

(а) Композиция и декомпозиция

В значительной степени, но ни в коем случае не полностью создание миров состоит из разделения и сложения, которые часто идут рука об руку друг с другом: с одной стороны, из деления целого на части и родов на виды, из анализа состава комплексных величин, из проведения различий; с другой стороны, из составления целых и родов из частей, членов и подклассов, из объединения единиц в комплексы и создания связей. Эти композиция и декомпозиция обычно производятся, сопровождаются или поддерживаются применением ярлыков — таких, как имена, предикаты, жесты, картины и т. д. Таким образом, например, различающие во временном отношении события могут быть объединены под именем собственным или идентифи-

10. Cp. SA, pp. 127—145; * также «Sense and Certainty» (1952) и «The Epistemological Argument» (1967) // PP, pp. 60—75. Мы могли бы выстроить историю последовательного развития миров и применить нечто подобное кантианскому регулятивному принципу, в результате чего поиск первого мира следовало бы признать столь же дезориентирующим, как поиск первого момента времени.

цированы как составляющие «предмет» или «человека»; либо же снег может быть разделен на несколько веществ, согласно терминам эскимосского словаря. Метафорическая передача — например, когда предикаты вкуса применяются к звукам — может производить двойную реорганизацию, одновременно и перераспределяя новую область применения, и связывая ее с прежней областью (L4: II).

Идентификация основана на организации в объекты и рода. Ответ на вопрос «То же самое или не то же самое?» всегда должен быть «То же самое, что и...?»¹¹. Различные вещи могут быть теми же самыми, что и определенные другие вещи: то, на что мы указываем, вербально или иными способами, может представлять собой разные события, но тот же самый объект; разные города, но то же самое государство; разных членов, но тот же самый клуб или разные клубы, но тех же самых членов; разные подачи, но тот же самый бейсбольный матч. Позиция «мяч в игре» отдельной игры может состоять из темпоральных сегментов дюжины мячей. Когда психолог задает ребенку вопрос о тождестве содержимого при переливании из одного сосуда в другой, то он должен учитывать, о *каком* тождестве он спрашивает — о тождестве объема, или глубины, или формы, или материала и т. д.¹² Идентичность или постоянство в мире есть идентичность относительно того, чем является предмет в пределах организации этого мира.

Пересечение разнообразных объектов друг с другом в сложных образцах может принадлежать одному и тому же миру. Мы не создаем новый мир каждый раз, когда берем вещи по отдельности или сочетаем их некоторым способом; но миры могут *отличаться* в том, что не все принадлежащее одному принадлежит другому. Мир эскимоса, не постигшего объемного понятия снега, отличается не только от мира жителя Самоа, но также и от мира жителя Новой Англии, не постигшего различий эскимоса. В других случаях миры отличаются своим ответом скорее на теоретические, нежели на практические потребности. Мир,

¹¹ Это не требует, как иногда полагают, модификации лейбницевоу формулы * идентичности, но лишь напоминает нам, что ответ на вопрос «То же ли это? что и то?» может зависеть от того, на что в этом вопросе указывают «это» — на вещи или события, или цвета, или виды и т. д.

г.См.: Я/ ,pp. 331—340.

где точки представляют собой элементы, не может быть миром Уайтхеда, где точки представляют собой некоторые классы - семейства областей или где точки представляют собой некоторые пары пересекающихся линий или пересечения трех плоскостей. То, что точки нашего повседневного мира могут быть одинаково хорошо определены любым из этих способов, не означает, что точка может быть идентифицирована в любом мире с классом, парой линий и тройкой плоскостей, так как все они отличаются друг от друга. Опять-таки, мир системы, принимающей минимальные конкретные явления за атомарные, не может признать качества как атомарные части этих конкретных явлений¹³.

Повторение, так же как и идентификация, зависит от организации. Мир может быть неуправляемо гетерогенен или невыносимо монотонен в зависимости от того, как события классифицируются по видам. Как бы ни отличались два события друг от друга, решение вопроса о том, действительно ли сегодняшний эксперимент повторяет вчерашний или же нет, зависит от того, проверяют ли они общую для них гипотезу. Как выражает это сэр Джордж ТОМСОН¹⁴

Что-то всегда будет отличаться... Когда вы говорите, что повторяете эксперимент, то в действительности вы повторяете все особенности эксперимента, которые теория определяет как релевантные. Другими словами, вы повторяете эксперимент как пример теории¹⁴.

Точно так же два сильно отличающихся друг от друга исполнения музыкального произведения тем не менее являются исполнениями одного и того же произведения, если они соответствуют той же самой партитуре. Система нотной записи различает конститутивные и случайные аспекты исполнения, выбирая подобного способом те виды исполнения, которые могут считаться правильными (LA, pp. 115—13°). Вещи «продолжают существовать тем же самым способом» или же начинают существовать по-новому в зависимости от того, что понимает-

ся под выражением «тот же самый способ»; перефразируя Витгенштейна, можно сказать, что «я могу продолжать в том же самом духе»¹⁵, если я наткнулся на знакомый образец или же изменил его так, чтобы он подходил для всех данных случаев. Индукция требует принятия некоторых классов для того, чтобы исключить другие классы в качестве релевантных. Только так, например, наши наблюдения изумрудов показывают какую бы то ни было регулярность и подтверждают, что все изумруды скорее зеленые, чем «зелубые» (то есть они исследованы раньше данной даты и являются зелеными или не исследованы раньше данной даты и являются синими — FFF, pp. 72—80). Единообразие природы, которое поражает нас, или ее ненадежность, против которой мы протестуем, принадлежат миру, созданному нами самими.

В этих последних случаях миры отличаются по релевантным видам, которые в них входят. Я говорю здесь «релевантный», а не «естественный» по двум причинам: во-первых, «естественный» — термин, не подходящий для того, чтобы охватить не только биологические виды, но и такие искусственные виды, как музыкальные произведения, психологические эксперименты и типы машин; и во-вторых, «естественный» предполагает некоторый абсолютный категорический или психологический приоритет, в то время как рассматриваемые виды довольно привычны или традиционны или изобретены для новой цели.

(б) Нагрузка

В то время как мы можем сказать, что в обсужденных случаях некоторые релевантные виды¹⁶ одного мира отсутствуют в другом, мы могли бы, возможно, с большим основанием сказать, что эти два мира содержат одни и те же классы, по-разному распределенные по релевантным и нерелевантным видам. Некоторые релевантные виды одного мира могут не просто отсутство-

¹⁵ Обсуждение вопроса о том, что значит это выражение, занимает много параграфов «Философских исследований» Людвига Витгенштейна, начиная с § 4*. Я не предполагаю, что ответ, который я даю здесь, — это ответ Витгенштейна.

¹⁶ Я говорю здесь о родах достаточно свободно. О способах номинализации такого разговора см. 5L:11 и PRW.

13. См. далее SA, pp. 322, 132—136' 742~"145.

14- Sir George Thomson. *Some Thoughts on Scientific Method* (1963) // Boston Studies in the Philosophy of Science, Vol. 2. Humanities Press, 1965, p. 85.

вать в другом, а скорее присутствовать в нем как нерелевантные виды; некоторые миры различаются не столько теми объектами, которые они включают в себя, сколько их выделением, или акцентированием, и эти различия влекут за собой отнюдь не меньшие последствия. Точно так же как сделать ударение на всех слогах означает не сделать ударения ни на одном, так и принять все классы за релевантные виды означает не принять в качестве таковых ни один класс. В одном мире может иметься много видов, служащих различным целям, но для несовместимых акцентов и контрастирующих миров могут иметься противоречивые цели, равно как и противоречивые концепции того, какие виды служат данной цели. Цвет «зелубый» не может быть релевантным видовым признаком для индукции в том же самом мире, в каком им является зеленый, поскольку это устранило бы некоторые из решений, правильных или неправильных, которые составляют индуктивный вывод.

С некоторыми наиболее показательными особенностями акцентирования мы сталкиваемся в искусстве. Многие из различий, существующих между изображениями Домье, Энгра, Микеланджело и Руо являются различиями в специально выделенных аспектах. Конечно, то, что может считаться акцентированием, представляет собой определенного рода отклонение от того относительно заметного положения, которое занимают отдельные аспекты в текущем мире нашего повседневного наблюдения. С изменением интересов и новым пониманием визуальная нагрузка аспектов объема, линии, позиции или освещения изменяется, и мир, оставшийся в прошлом, кажется странно искаженным — реалистический пейзаж из вчерашнего календаря становится отталкивающей карикатурой.

Эти различия в акцентировании также приводят к различию в распознавании релевантных видов. Несколько изображений одного и того же предмета могут, таким образом, помещать его в различные категориальные схемы. Подобно тому как один и тот же изумруд может быть рассмотрен как имеющий зеленый или же «зелубой» цвет, так и «Христос» Пьеро Делла Франческа и «Христос» Рембрандта принадлежат мирам, организованным в различные виды.

Однако произведения искусства скорее характерно иллюстрируют релевантные виды, нежели называют или описывают

их. Даже там, где предметные области — описанные или изображенные вещи — совпадают, иллюстрируемые или выражаемые признаки или виды могут быть совершенно разными. Рисунок линии мягко драпированной ткани может иллюстрировать ритмичные линейные образцы, а стихотворение, не содержащее слова «печаль» или его синонимов и никакого упоминания о грустном человеке, может в силу самого своего языка быть грустным и выражать пронзительную печаль. Различие между высказыванием или представлением, с одной стороны, и показом или иллюстрированием — с другой становится даже более очевидным в абстрактной живописи, музыке, танце, которые не имеют никакого предмета, но тем не менее проявляют — экзemplифицируют или выражают — определенные формы и чувства. Экзemplификация и экспрессия, хотя они и направлены в противоположную сторону от обозначения — то есть от символа к его буквальным или метафорическим признакам, а не к самому символизируемому предмету, — тем не менее то же выполняют символические референциальные функции и служат инструментами создания миров¹⁷.

Акцент или нагрузка не всегда бинарны, как и сортировка на релевантные и иррелевантные виды или на важные и незначительные признаки. Оценки уместности, важности, полезности, ценности часто требуют скорее иерархии, чем дихотомии. Такого рода виды нагрузки являются также случаями особого типа упорядочения.

(в) Упорядочение

Миры, не отличающиеся по объектам или по акцентированию, могут отличаться по упорядочению; например, миры различных конструктивных систем отличаются порядком происхождения. Подобно тому, как нельзя определить, находится ли предмет в покое или в движении безотносительно к системе координат, точно так же нельзя определить, является ли элемент примитивным или производным иначе, чем относительно конструктивной системы. Однако происхождение в отличие от движе-

¹⁷ Об экзemplификации и экспрессии как референциальных отношениях см. LA, pp. 80-87. 8>7-ле

ния почти не представляет непосредственного практического интереса, и поэтому хотя мы в нашем повседневном мире почти всегда (по крайней мере, временно) принимаем систему координат, однако мы редко принимаем производное основание. Выше я сказал, что различие между миром, где точки являются парами линий, и миром, где линии состоят из точек, заключается в том, что последний в отличие от первого допускает в качестве объектов нелинейные элементы в пределах линий. Но мы можем выразиться и иначе, а именно сказать, что эти миры отличаются по своему производному упорядочению линий и точек производно неупорядоченного мира повседневной речи.

Упорядочения различного вида проникают в восприятие и практическое познание. Обычное упорядочение яркости цвета следует за линейным увеличением физической интенсивности света, но обычное упорядочение оттенков искривляет прямую линию увеличивающейся длины волны в круг. Порядок включает периодичность, так же как и смежность; обычное упорядочение высоты звука производится по тонам и октавам. Виды упорядочения изменяются в зависимости от обстоятельств и целей. Так же, как в различных геометриях изменяется природа формы, при различных упорядочениях изменяются и воспринятые образцы; образцы, воспринятые по шкале, включающей в себя двенадцать тонов, весьма отличаются от образцов, воспринятых по традиционной шкале, ограничивающейся восьмью тонами, и ритмы зависят от разметки на такты.

Радикальное переупорядочение другого вида происходит при построении статического изображения при сканировании картинки или при создании объединенного и всестороннего изображения предмета или города из временно, пространственно и качественно гетерогенных наблюдений и других единиц информации¹⁸. Читатели, владеющие скорочтением, иногда воссоздают нормальный порядок слов в результате ряда фиксаций, переходящих с нижней части левой страницы книги к верхней части правой¹⁹. Пространственный порядок на карте или в му-

зыкальной партитуре переводится во временную последовательность путешествия или исполнения произведения.

Более того, вообще все измерения основаны на порядке. В самом деле, мы можем перцептивно или познавательно обращаться с огромным количеством материала только при помощи подходящих измерений и правильных объединений. Гомбрич обсуждает десятичную периодизацию исторического времени на десятилетия, столетия и тысячелетия²⁰. Ежедневно время размечено на двадцать четыре часа, а каждый из них — на шестьдесят минут по шестьдесят секунд. Безотносительно к тому, что еще может быть сказано об этих способах организации, они не «обнаружены в мире», но *встроены в него*. Упорядочение, так же как композиция, разложение и нагрузка целого и видов, участвует в создании миров.

(г) Удаление и дополнение

Создание одного мира из другого также обычно требует обширной расчистки и наполнения — фактически оно подразумевает удаление старого материала и использования нового. Наша склонность упускать из вида какие-то вещи практически неограниченна, и то, что мы воспринимаем, обычно состоит из важных фрагментов и данных, требующих существенного пояснения. Нередко художники искусно пользуются этим: литография Джакометти полностью представляет идущего человека беглыми набросками одних лишь головы, рук и ног в надлежащих позициях и положениях на фоне пространства чистого листа; рисунок Кэтрин Стургис передает хоккеиста в движении единственной интенсивной линией.

Мы находим то, к обнаружению чего мы подготовлены (то, что мы ищем, или то, что бросает серьезный вызов нашим ожиданиям), и склонны игнорировать то, что ни способствует, ни препятствует нашему поиску, — все это хорошо известно из повседневной жизни и достаточно подтверждено в психологической лаборатории²¹. В тягостном опыте проверки опечаток и в

18. См.: Kevin Lynch. The Image of the City. Cambridge: Technology Press, 1960.

19. См.: E. Llewellyn Thomas. Eye Movements in Speed Reading // Speed Reading: Practices and Procedures. University of Delaware Press, 1962, pp. 104—114.

20. В докладе «Время, число и знак» (Zeit, Zahl, und Zeichen) на Кассиреровских чтениях в Гамбурге в 1974 г.

21. См.: «О готовности к восприятию» (On Perceptual Readiness (195?)) // pp. 7–42).

более радостном — наблюдения за квалифицированным фокусником мы неизбежно пропускаем что-то, что там есть, и наоборот, видим что-то, чего там нет. Память оказывается еще более безжалостной в своей избирательности; человек, одинаково хорошо владеющий двумя языками, может помнить пункты выученного списка, запамätовав при этом, на каком языке они были внесены в список²². И даже коль скоро дело касается того, что мы воспринимаем и помним, мы, тем не менее, отклоняем как иллюзорное или незначительное все то, что нельзя приспособить к архитектуре мира, который мы строим.

Ученый поступает не менее решительно, отклоняя или идеализируя большинство объектов и событий мира обычных вещей, наполняя растущим содержанием кривые, возникшие на основе скудных данных и создавая сложные структуры на основе ограниченного количества наблюдений. Тем самым он стремится построить мир, соответствующий выбранным им понятиям и повинующийся выдвинутому им универсальным законам.

Замена так называемой аналоговой системы на так называемую цифровую посредством объединения отдельных шагов требует процедуры удаления; например, чтобы использовать цифровой термометр с разметкой в десятых долях градуса, необходимо не учитывать температуру, величина которой колеблется между до и до, 1 градусами. Подобное удаление происходит и в стандартной нотной записи, которая не признает никакого тона между до и до-диез и никакой продолжительности между одной шестьдесятчетвертой и одной сто двадцать восьмой. С другой стороны, дополнение происходит, когда, скажем, аналоговый инструмент заменяет цифровой при регистрации посещаемости, или при сообщении о собранных средствах, или когда скрипач играет по партитуре.

Возможно, наиболее захватывающие случаи дополнения могут быть обнаружены в восприятии движения. Иногда движение в чувственно воспринимаемом мире является результатом запутанной и избыточной конкретизации физических стимулов. Психологам давно известен так называемый «фи-феномен»: при тщательно управляемых условиях, если два пятна света ми-

гают на коротком расстоянии друг от друга и в быстрой последовательности, то зритель обычно видит пятно света, непрерывно перемещающееся от первой позиции ко второй. Это явление достаточно замечательно само по себе, поскольку, конечно, направление движения не может*быть определено до второй вспышки; но восприятие имеет даже булыпую творческую силу. Пол Колере недавно показал²³, что, если первое пятно-стимул является круглым, а второе — квадратным, то увиденное перемещающееся пятно плавно преобразуется из круга в квадрат; часто без всяких проблем происходят также преобразования между двухмерными и трехмерными формами. Более того, если между двумя пятнами-стимулами поставлен световой барьер, то перемещающееся пятно обходит вокруг барьера. Почему происходят эти дополнения — замечательная тема для предположений (см. далее главу V).

(д) Деформация

Наконец, некоторые изменения формы могут в зависимости от точки зрения рассматриваться или как исправления, или как искажения. Физик сглаживает приблизительную кривую, которая удовлетворяет всем его данным, до самой простой формы. Линия, заканчивающаяся стрелками *вовнутрь*, кажется нам длиннее физически равной линии, заканчивающейся стрелками *вовне*. Наше зрение имеет тенденцию увеличивать размер меньшей, но более ценной монеты по сравнению с размером большей, но менее ценной²⁴. Карикатуристы часто переходят от избыточного акцентирования к фактическому искажению. Пикассо, отправляясь от «Менин» Веласкеса, а Брамс — от темы Гайдна, создали чудесные вариации, равные откровениям.

Таковы способы, которыми создаются миры. Я не говорю, что таковы *все* способы. Моя классификация не претендует ни на всесторонность, ни на четкость, ни на обязательность. Мало того что рассмотренные процессы часто происходят в комби-

22. См.: Paul Kolers, Bilinguals and Information Processing // Scientific American, 218, 1968, 78-86.

23- Aspects of Motion Perception. Pergamon Press, 1972, pp. 47 ff.

24. См. «Ценности и потребности как организующие факторы восприятия» (Value and Need as Organizing Factors in Perception (1947) // Я/, pp. 43~5").

нации, так еще и выбранные примеры иногда одинаково пригодны для более чем одного заголовка, например, некоторые изменения могут рассматриваться альтернативно как перенагрузки, или как переупорядочения, или как деформации, или же как все вышеперечисленное вместе взятое, а некоторые удаления также являются вопросом композиционных различий. Все, что я попытался сделать, — это намекнуть на многообразие процессов, с которыми постоянно приходится иметь дело. Конечно, можно придумать и более компактную систематизацию, однако ни одна систематизация не может быть окончательной, поскольку, как было отмечено ранее, уникальный мир миров наличествует не в большей степени, чем уникальный мир.

5. ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ

Но при всей этой свободе делить и объединять, подчеркивать, упорядочивать, удалять, замещать и заполнять и даже искажать — что же является целями и ограничениями? Каковы критерии успеха в создании мира?

В той степени, в какой версия является вербальной и состоит из утверждений, в роли подобного критерия может выступать понятие истины. Но истина не может быть определена или проверена посредством ее соответствия с «миром», потому что не только истины для различных миров различны, но и, кроме того, как известно, сама природа соответствия между миром и его версией довольно туманна. Скорее — если говорить в общем и не пытаться ответить на вопросы ни Пилата, ни Тарского — версия принимается за истинную тогда, когда она не ущемляет никаких устойчивых верований и ни одного из своих собственных предписаний. Среди верований, устойчивых в данное время, могут быть долговечные отражения логических законов, недолговечные отражения недавних наблюдений, а также другие убеждения и предрассудки различной степени устойчивости. Среди предписаний, например, может присутствовать выбор между альтернативными системами координат, нагрузками и производными основаниями. Но граница между верованиями и предписаниями не является ни четкой, ни устойчивой. Верования оформляются в понятиях, образованных в соответ-

ствии с предписаниями. И если собственно точки Бойля²⁵ оказываются вне объединяющей их изотермы, то мы можем или сказать, что наблюдаемые объем и давление суть свойства, отличающиеся от теоретических объема и давления, или признать, что истины, утверждаемые по поводу объема и давления, отличаются в зависимости от того, о каком мире идет речь — о мире наблюдаемом или же о мире, постулируемом теорией. Даже самое стойкое верование может в конце концов смириться с признанием альтернативных точек зрения: так, тезис «Земля неподвижна» утратил догматичность и попал в зависимость от предписания.

Истина — вовсе не неисполненный важности строгий хозяин. Она — смиренный, послушный слуга. Ученый, предполагающий, что целеустремленно занят поиском истины, обманывает себя. Он не принимает во внимание тривиальные истины, которые он мог бы перемалывать бесконечно; он рассматривает многогранные и нерегулярные результаты наблюдений, чтобы получить предположения о всеобъемлющих структурах и важные обобщения. Он ищет систему, простоту, границы, и, когда эти основания удовлетворяют его, он выкраивает подходящую истину (PPV11, 6—8). Законы, которые он формулирует, настолько же им предписываются, насколько обнаруживаются, а образцы, которые он обрисовывает, настолько же проектируются, насколько выявляются.

Истина, кроме того, относится исключительно к тому, что говорится, а буквальная истина — исключительно к тому, что сказано буквально. Мы видели, однако, что миры сделаны не только из того, что сказано буквально, но также и из того, что сказано метафорически, и не только из того, что сказано буквально или метафорически, но также и из того, что проиллюстрировано при помощи примеров и выражено, — то есть из того, что показано, так же как и из того, что сказано. В научном трактате основное значение имеет буквальная истина, но^в поэме или романе метафорическая или аллегорическая истина может быть важнее, поскольку даже буквально ложное утверждение может быть метафорически истинно (LA, pp. 51, 68—

²⁵ Определяющие температуру, при которой для данного реального газа применимо уравнение идеального газа. — *Прим. перев.*

70) и может отмечать или создавать» новые ассоциации и различные подходы, изменять акценты, производить исключения и дополнения. Как буквально, так и метафорически истинные или ложные утверждения могут показывать то, чего они не говорят, могут действовать как четкие буквальные или метафорические примеры не упомянутых признаков и ощущений. Например, в «Конго» Вэйчела Линдсея пульсирующий рисунок барабанного боя скорее настойчиво показан, чем описан.

Наконец, для невербальных версий и даже для вербальных версий, не содержащих утверждений, истина иррелевантна. Мы рискуем запутаться, когда говорим о картинах или предикатах как «истинных относительно» того, что они изображают или к чему применяются; они не имеют никакого истинностного значения и могут представлять или обозначать какие-то одни вещи, а не другие, в то время как утверждение имеет истинностное значение и истинно для всего, если вообще истинно для чего-нибудь²⁶. Абстрактная картина типа созданных Мондрианом ничего не говорит, ничего не обозначает, ничего не изображает и не является ни истинной, ни ложной, но многое показывает. Тем не менее показ или иллюстрирование, подобно обозначению, являются референциальными функциями, и для картин имеют силу почти что те же самые соображения, что и для понятий или предикатов теории: их уместность и значимость, сила и пригодность в сумме дают их *правильность*. Чем говорить о картинах, что они истинны или ложны, скорее, нам следовало бы говорить о теориях как правильных или неправильных, поскольку истина законов теории есть не более чем специфическое свойство и часто, как мы видели, уступает по важности таким свойствам, как убедительность, компактность, полнота, информативность и организующая сила системы в целом.

Утверждение «Истина, вся истина и ничего, кроме истины»

гб. Например, « $2 + 2 = 4$ » истинно для всего в том отношении, что для каждого x , x таков, что $2 + 2 = 4$. Утверждение S обычно не будет *истинно относительно* x , если S не относительно x в одном из смыслов термина «относительно», определенных в статье «Относительно» (PP, pp. 246—272), но определение «относительно» зависит по существу от признаков утверждений, которые не имеют никаких разумных аналогов для картин. См. далее: Джозеф Умиан, Нельсон Гудмен. Истина о Джонсе (*Joseph Ullian and Nelson Goodman. Truth about Jones* // *Journal of Philosophy*, Vol. 74, 1977, pp. 317—338); а также VII:5 ниже.

было бы поэтому превратным и парализующим кредо для любого создателя миров. Вся истина — этого было бы слишком много; это слишком обширно, изменчиво и пустяшно. Одна лишь истина сама по себе — этого было бы слишком мало, поскольку некоторые правильные версии не истинны, а не являются ни истинными, ни ложными. Даже для истинных версий правильность может иметь более важное значение.

6. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Не следует ли нам теперь от всего этого безумного умножения миров возвратиться к здравому смыслу? Не должны ли мы прекратить рассуждения о правильных версиях, будто бы являющихся какими-то особыми мирами или же имеющих каждая свой собственный мир, и признать, что все они являются версиями одного и того же нейтрального и лежащего в основе всего мира? Мир, который мы вновь обрели бы подобным образом, стал бы, как отмечено выше, миром, лишенным видов, или порядка, или движения, или покоя, или структур. Иными словами, он оказался бы миром, за который или против которого вовсе не стоит бороться.

Мы можем, тем не менее, предположить, что реальный мир — это мир одной из альтернативных правильных версий (или групп версий, связанных некоторым принципом сводимости или переводимости) и расценивать все другие версии как версии этого же самого мира, каким-то объяснимым образом отличающиеся от стандартной. Физик считает свой мир реальным, а изъяны, дополнения, нерегулярности, переакцентирования, свойственные другим версиям, приписывает несовершенству восприятия, практической спешке или поэтической специфике. Феноменалист признает мир, с которым человек знакомит^я при помощи данных органов чувств, основополагающим, а изъятия, абстракции, упрощения и искажения, присущие другим версиям, считает продиктованными научными, или практическими, или художественными соображениями. Для «человека с улицы» большинство версий, выдвигаемых наукой, искусством и чувственным восприятием определенным образом Хдоняется от знакомого, пригодного для использования мира, ^пленного на скорую руку из фрагментов научной и художе-

ственной традиции и своей собственной борьбы за выживание. В самом деле, этот мир чаще всего принимают за реальный, поскольку действительность в мире, подобно реализму в изобразительном искусстве, является в значительной степени вопросом привычки.

Как ни странно, однако, наше желание *одного* мира удовлетворяется, — в разное время и для различных целей, — *многими* различными способами. Не только движение, происхождение, нагрузка, порядок, но даже и действительность относительны. Существование множества правильных версий и действительных миров не стирает различия между правильными и неправильными версиями, не означает признания существования возможных миров, отвечающих неправильным версиям, и не подразумевает, что все правильные альтернативы одинаково хороши для любой цели. Даже муха вряд ли будет считать кончик своего крылышка фиксированной точкой. Мы не считаем молекулы или поля элементами нашего повседневного мира, не объединяем помидоры, треугольники, пишущие машинки, тифанов и торнадо в один вид, а физик не включит перечисленные выше предметы и события в число элементарных частиц. Живописец, разделяющий способ видения «человека с улицы», добьется скорее популярности, нежели успеха в искусстве. И сам я, который здесь метафилософски рассматривает обширное многообразие миров, считаю, что только версии, отвечающие требованиям упорного и дефляционного номинализма, удовлетворяют моим целям при строительстве философских систем.

Более того, в то время как готовность признавать альтернативные миры может раскрепощать и наводить на размышления о новых направлениях исследования, тяга к тому, чтобы приветствовать все миры, ни к чему не приводит. Само по себе признание множественности доступных систем координат еще не обеспечивает нас картой движений небесных тел; признание приемлемости альтернативных оснований еще не дает никакой научной теории или философской системы; понимание различных способов видения еще не рисует никаких картин. Широта взглядов не заменит упорного труда.

7. ЗАМЕТКИ О ЗНАНИИ

Сказанное касается природы знания. Будучи истолкованным подобным образом, знание утрачивает связь с бывшей прежде первостепенной проблемой определения того, что является истинным. Как при выстраивании изображения из отдельных фрагментов головоломки, открытие часто состоит не в том, что приходят к некоторой пропозиции, пригодной для утверждения или защиты, но в обнаружении соответствия. Многие знания направлены на какое-то иное, нежели истинное, верование. Скорее, происходит возрастание остроты проникновения или диапазона понимания, нежели изменение в веровании, когда мы находим в нарисованном лесу человеческое лицо, о котором мы уже знали, что оно там есть; когда мы учимся узнавать стилистические различия среди произведений, уже классифицированных художником, композитором или писателем; когда мы изучаем картину, концерт или трактат до тех пор, пока не обнаруживаем те признаки и структуры, которые мы не могли распознать прежде. Такой прирост знания связан не с формированием или закреплением верования²⁷, а с тем, что мы начинаем лучше понимать то, что нас интересует²⁸.

Кроме того, если миры в той же степени создаются, в какой обнаруживаются, то и знание в такой же мере вопрос переделки, как и отчета. Все процессы создания миров, которые я обсудил, касаются знания. Как мы видели, восприятие движения часто состоит в его создании. Обнаружение законов требует их составления. Распознавание структур часто заключается в их изобретении и применении. Понимание и создание протекают совместно.

В главах VI и VII я вернусь к рассмотрению многих из этих вопросов. Теперь же я намерен рассмотреть две более определенные темы: в главе II — детальную категоризацию, особенно существенную для искусств, а в главе III — пример отслеживания версий понятия в различных системах и средах.

²⁷ Я ссылаюсь здесь на статью Чарльза С. Пирса «Закрепление верования»¹⁸ 77) (The Fixation of Belief// Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 5, Harvard University Press, 1934, pp. 223-247).

²⁸ 0 природе и важности понимания в более широком смысле, см. М. Полани. Личное знание (М. Polanyi. Personal Knowledge. University of Chicago Press, 1960).

II ПОНЯТИЕ СТИЛЯ

1. ВОЗРАЖЕНИЯ

Считается очевидным, что содержание, тема, предмет есть то, что говорится, а стиль — как говорится. Менее очевидна ошибочность этой формулы. Архитектура, абстрактная живопись и большая часть музыки лишены предмета. Их стиль нельзя связать с тем, каким образом они что-то говорят, ибо непосредственно они не говорят ни о чем. Они делают и подразумевают что-то иными способами. Хотя большинство литературных произведений что-то говорит, эти произведения выражают еще и что-то другое, и некоторые способы этого выражения являются аспектами стиля. Более того, «что» одного образа действия может быть частью «как» другого образа действия. В самом деле, даже там, где единственной рассматриваемой функцией является высказывание, мы должны будем признать, что некоторые примечательные признаки стиля являются скорее признаками содержания, чем манеры высказывания. Предмет входит в определение стиля многими способами. По этой и другим причинам я не могу подписаться под принятым мнением¹, что стиль зависит от сознательного выбора художника между различными альтернативами. И я думаю, что мы должны будем также признать, что не все различия в манерах письма, написания картин, сочинительства или исполнения суть различия в стиле.

Однако я спорю здесь не с практикой критиков и историков искусства, а с их определениями и теориями стиля, зачастую расходящимися с этой практикой².

1. Например, Стивен Уллманн пишет: «Не может быть и речи о проблеме стиля, если говорящий или пишущий не имеют возможности выбора между альтернативными формами выражения. Синонимия в самом широком смысле термина лежит в основе всей проблемы стиля». (Стиль во французском романе. — *Stephen Ullmann. Style in the French Novel. Cambridge, 1957, p. 6.*) Этот абзац одобрительно процитирован Гомбричем в статье «Стиль» в Международной энциклопедии социальных наук (*E. H. Gombrich. Style // International Encyclopedia of the Social Sciences, Vol. 15, p. 353*).

2. Полезные соображения для этой главы были сделаны Хауардом Гарднером.

2. СТИЛЬ И ПРЕДМЕТ

Ясно, что когда что-то говорится, то некоторые аспекты способа, которым это говорится, относятся к вопросам стиля. В той мере, в какой речь идет об описательной* повествовательной или объяснительной функции литературы, стилистические разновидности — это разновидности выполнения текстами этой функции. Форма изменяется, содержание же остается неизменным — но даже с этим изречением не все так просто. Грэм Хью пишет: «... чем больше мы размышляем об этом, тем больше сомнений вызывает у нас положительный ответ на вопрос о том, можем ли мы говорить о различных способах высказывания; не является ли каждый различный способ высказывания фактически высказыванием другого содержания?»³ Позже Е. Д. Хирш-младший предпринял попытку защиты и определения синонимии, исходя из предпосылки, согласно которой стиль и стилистика обусловлены существованием альтернативных способов выражения при помощи языка в точности одного и того же содержания⁴.

Синонимия — подозрительное понятие, и мое собственное исследование предполагает, что никакие два термина не имеют в точности того же самого значения⁵. Но отличие стиля от содержания требует не того, чтобы одно и то же содержание могло быть высказано различными способами, но только того, чтобы сказанное могло изменяться независимо от способов высказывания. Довольно ясно, что часто почти что одинаковое содержание может быть высказано очень различными способами.

ром. Верноном Хауардом, Дэвидом Перкинсом, Шелдоном Саксом и Паоло Валесиио.

3- *Graham Hough. Style and Stylistics. London, 1969, p. 4.* Я также согласен с

⁴О скептицизм по поводу возрождения понятия синонимии при помощи трансформационной лингвистики.

4- *E. D. Hirsch, Jr. Stylistics and Synonymity // Critical Inquiry, Vol. I, March 1975, PP. 559-579*

5- «О сходстве значения» (*Nelson Goodman. On Likeness of Meaning (1949) // » Pp. 231—238*). Этот вызов синонимии ни в коем случае не был первым, но, первых, оказался радикальнее, чем более ранние, показывая, что каждые два

Ша отличаются по значению даже при анализе, зависящем исключительно экстенсивных терминов, а во-вторых, предлагал критерий для сравнительного сходства значения, таким образом обеспечивая основание для различия «стиля и содержания».

ми. И наоборот — часто это более важно — весьма отличающиеся друг от друга содержания могут быть сказаны почти одним и тем же способом — конечно, не тем же самым текстом, но разными текстами, имеющими некоторые общие характеристики, которые составляют стиль. Множество работ, посвященное самым разнообразным вопросам, может быть выполнено в одном стиле, и значительная часть дискуссий, которые ведутся по поводу проблемы стиля, не принимает во внимание проблемы содержания. Стили высказывания — так же как стили живописи, сочинения музыки или ее исполнения — могут часто сравниваться и противопоставляться друг другу независимо от того, чем являются их предметы и даже независимо от того, есть ли у них предметы вообще. Даже если не принимать во внимание синонимии, стиль и предмет не составляют какого-то единого целого⁶.

До сих пор мы мало чего достигли. Стиль не только не является предметом; но и там, где нет никакого предмета, стиль несколько не ограничен тем, что он не является предметным. Даже это утверждение — весьма рискованное. Потому что иногда стиль все же *является* вопросом предмета. В данном случае я имею в виду не просто то, что предмет может влиять на стиль, но и то, что некоторые различия в стиле полностью состоят из различий в том, что сказано. Предположим, что один историк пишет, используя терминологию военных конфликтов, другой же использует для этой же самой цели терминологию социальных изменений; или предположим, что один биограф делает упор на общественную карьеру, а другой — на личную жизнь. Здесь различия между двумя историями данного периода или между двумя биографиями данного человека состоят не в особенностях прозы, а в том, что сказано. Однако они не менее явно различаются по литературному стилю, чем по формулировке. Я преднамеренно выбрал примеры, связанные с наглядной или описательной литературой, но поэтический стиль может

отчасти состоять также и из того, что поэт говорит, — того, сосредоточивается ли он на хрупком и трансцендентном или на мощном и продолжительном, на чувственных качествах или на абстрактных идеях, и т. д.

Здесь вырисовывается парадоксальная перспектива. Если то, что говорится, иногда представляет собой аспект стиля и стиль есть способ высказывания того, что говорится, то в таком случае бестактный логик мог бы указать на неприятное последствие, состоящее в том, что то, что говорится, иногда есть аспект способа высказывания того, что говорится, — формула, от которой отдает двусмысленным ароматом внутренне противоречивого трюизма.

Выход кажется на первый взгляд даже более сверхъестественным. То, что говорится, может быть не только способом высказывания того, что говорится, но и способом разговора о чем-то еще; например, писать о сражениях времен Возрождения и писать об искусстве Возрождения — это не различные способы описания сражений или искусств, но различные способы описания Возрождения. Содержательно различающиеся высказывания можно считать различными способами разговора о чем-то более всестороннем, что охватывает и то, и другое. Таким образом, не отклоняясь от принципа, согласно которому стиль принадлежит способам высказывания, мы можем, например, признать аспектами стиля и описание сражений, а не искусства, и письмо романской прозой, а не англосаксонской. Но тогда мы отказываемся от того, что казалось самой сутью этого принципа: от контраста между способами высказывания и тем, что говорится, между стилем и предметом. Если и упаковка, и содержание суть вопросы стиля, то что им не является?

Посмотрев еще раз, пристальнее, мы можем заметить, что различия в стиле, зависящие от различия в предмете, не являются простым результатом того факта, что говорится не одно и то же. Когда военный историк пишет о двух различных периодах, то его стиль может остаться тем же самым даже при том, что он говорит нечто совсем иное — по крайней мере столь же >тличное, как то, что пишут о данном периоде он и историк, интересующийся искусством. Утверждение, что стиль — это вопрос предмета, является двусмысленным и вводящим в заблуждение. Скорее, только *некоторые признаки* того, что говорится,

6. «Предмет» довольно неоднозначно располагается между собственно темой и тем, что о ней говорится; некоторые нижеследующие замечания опираются на отношения между тем и другим. Но для целей настоящей главы различия между темой, субъектом, предметом, содержанием, тем, что говорится и что называется или описывается, или изображается в принципе значат меньше, чем их общие отличия от других признаков, обсужденные ниже.

могут считаться аспектами стиля; только определенные характерные различия в том, что говорится, составляют различия в стиле.

Аналогично, конечно, лишь определенные черты формулировки составляют признаки стиля. То, что два текста состоят из очень разных слов, еще не делает их различными по стилю. К признакам стиля обычно относят такие характеристики, как преобладание некоторых видов слов, структур предложений и использование аллитераций и рифм.

Таким образом, нас не должны волновать трудности, связанные с отделением формы от содержания⁷, поскольку это различие, в той степени, в какой оно вообще поддается прояснению, не совпадает с различием между тем, что является стилем, а что — нет, но лишь пересекается с этим различием. Стилль включает некоторые характерные признаки и того, что говорится, и того, как это говорится; он охватывает характерные черты и предмета, и формулировки; и содержания, и формы. Различие между стилистическими и не-стилистическими признаками следует проводить по другим основаниям.

3. СТИЛЬ И ЧУВСТВО

Но не упустили ли мы в наших усилиях до сих пор саму сущность стиля? Некоторые скажут, что стиль появляется там, где на смену факту приходит чувство; что стиль имеет дело с «аффективной и выразительной»⁸ стороной искусства в противовес логическим, интеллектуальным и познавательным его аспектам; что и то, что говорится, и то, как это говорится, имеет какое-либо отношение к стилю лишь постольку, поскольку как первое, так и второе оказываются связаны с выражением эмоций. Два сообщения о прогулке под дождем, использующие различные слова и описывающие различные происшествия, могут быть выдержаны в одном стиле, но они принадлежат различным стилям, если одно уныло, а другое полно ликования. Согласно данному представлению, стиль вообще состоит из таких, а зачастую и

еще более тонких, особенностей получивших свое выражение чувств.

Очевидно, что в качестве критерия, позволяющего отличить стилистические признаки от не-стилистических это предположение является явно ограниченным. При любой вероятной сортировке свойств на эмотивные и когнитивные окажется, что некоторые стилистические свойства являются эмоциональными, а некоторые — нет. Скованное или свободное построение, краткость или многословие, простой или цветистый словарь могут вызывать восхищение или антипатию, но едва ли они способны выражать их — и, конечно, сами по себе они не являются эмоциональными свойствами. Соответственно, «эмоция» в этом контексте заменяется более неопределенным термином «чувство», и каждое явно не-эмотивное стилистическое свойство считается имеющим специфическое чувствование. Возвышенные предложения чувствуются иначе, чем предложения, отличающиеся расплывчатостью слога; мы можем почувствовать различие между романским и англосаксонским словарем. Более того, эти чувственные качества часто становятся нам известны прежде, чем мы различаем лежащие в их основе фактические свойства, — так же как мы часто чувствуем боль раньше, чем замечаем рану. И именно эти чувства — скорее, чем их носители — могут считаться аспектами стиля. Таково требование.

В этой версии тезис практически испаряется. В любом смысле, в котором можно утверждать, что упомянутые признаки текста обладают специфическими чувственными качествами, можно также сказать, что ими обладают и все остальные признаки текста — буквально каждое слово и последовательность слов. Тот факт, что мы можем чувствовать такие свойства, означает, по видимому, прежде всего то, что мы можем воспринимать их без расчленения на составляющие черты — точно так же, как мы узнаем лицо. Но это, конечно, истинно для большинства свойств и бесполезно для различения стиля. Сделать теорию Достаточно широкой значит сделать ее слишком широкой, чтобы она могла работать.

Более того, определение стиля в терминах выраженных чувств не позволяет рассмотреть не только те структурные признаки, которые не являются ни чувствами, ни их выражениями; оно не позволяет принять во внимание также и те призна-

7. См. подробнее ниже в VII:2.

8. Например, Ш. Балли. См. изложение его взглядов у Хью, особенно я стр.23.

ки, которые, не будучи чувствами, в то же самое время *являются* выраженными. Хотя рисунок Стургис и гравюра Поллайоло оба изображают борющихся людей, у Стургис выражено стремительное действие, тогда как Поллайоло выражает сбалансированную мощь⁹. Литография Домье может выражать вес, пассаж Вивальди - визуальный или кинестетический рисунок конькобежцев, а «Улисс» Джойса - бесконечный круговорот времени.

Таким образом, стиль не сводится ни к тому, что выражается, ни к чувствам. Тем не менее экспрессия - это, по крайней мере, столь же важная функция многих произведений, как и высказывание; и то, что выражает то или иное произведение, часто является главным компонентом его стиля. Различия между сардоническим, сентиментальным, диким и чувственным письмом являются стилистическими. Эмоции, чувства и другие свойства, выраженные в высказывании, - часть способа высказывания; то, что выражено — аспект того, каким образом говорится то, что говорится. Аспект стиля может присутствовать - как это происходит в музыке и в абстрактной живописи - даже тогда, когда не говорится ничего.

Все это достаточно ясно, и все же этого явно недостаточно. Ведь если выражение - функция произведений искусства, то должны быть приняты во внимание *способы* выражения, так же как и способы высказывания. И поскольку различия в том, что выражено, могут считаться различиями в стиле высказывания, постольку различия в том, что говорится, могут считаться различиями в стиле выражения. Унылость может быть типична для авторского способа описания прогулок; акцент на дождливой погоде может быть типичен для его способа выражения уныния. Что говорится, как это говорится, что выражено и как это выражено - все эти аспекты тесно взаимосвязаны и напрямую касаются проблемы стиля.

4. СТИЛЬ И СТРУКТУРА

Хотя особенности того, что говорится и того, что выражено, и должны быть приняты во внимание, этим несколько не умаля-

д. Обе работы, конечно, выражают еще и многое другое.

ется основополагающее значение, свойственное структуре предложения, ритму, использованию повторения и антитезы и т. д. Точно также, как показывают некоторые характеристики словаря (романский или англосаксонский, академический или разговорный) в прозе и характеристики цвета в живописи, не все признаки стиля, не являющиеся свойствами того, что говорится или выражено, являются «формальными» или «структурными» в любом смысле, за исключением разве что чрезмерно натянутого.

Мы склонны считать все такие свойства существенными или внутренними на том основании, что в отличие от чьих-то свойств — свойств предмета или чувства, — к которым текст или картина обращаются посредством обозначения (описания, изображения и т. д.) или выражения, существенные свойства принадлежат, свойственны самим тексту или картине. Но философам всегда было трудно провести любую ясную границу между внутренними и внешними свойствами. В конце концов то, что текст говорит или выражает, — это свойство текста, а не чего-то еще; и, с другой стороны, свойства, которыми обладает текст, отличаются от него самого и не замыкаются в нем, но связывают его с другими текстами, разделяющими эти свойства.

Можно ли этот класс не исключительно формальных и не в точности внутренних признаков определить скорее в терминах различия между тем, что произведение *совершает*, и тем, чем оно *является*? Сказать, что земля круглая, или выразить уныние означает сделать что-то; быть аккуратно написанным или свободно нарисованным означает быть таковым. Но, боюсь, и это различие мало чем может помочь. Во-первых, уныние, выраженное поэмой или картиной, по моему мнению, принадлежит им, пусть скорее метафорически, чем буквально; то есть поэма или картина, выражающая уныние, *является* (метафорически) унылой¹⁰. Во-вторых, я думаю, что так называемые внутренние сти-

10. Даже при том, что метафорическое утверждение может быть буквально ложным, метафорическая истина отличается от метафорической ложности во ^МНОГОМ так же, как буквальная истина отличается от буквальной ошибочности. Этот и другие существенные в этой связи вопросы — имеющие отношение к метафоре, к обозначению, к иллюстрации при помощи примера, выражению ¹ к символизации или референции в общем — лишь кратко рассмотрены в данной главе и более полно объясняются в LA:II.

листические особенности произведения никогда не принадлежат ему просто, но относятся к числу тех неперменных свойств, которые проявлены, раскрыты, *проиллюстрированы примерами* — подобно тому как цвет, фактура и узор, но не форма или размер представлены в качестве примера лоскутком ткани, который портной использует как образец. Таким образом, выражение и иллюстрация равно являются вопросами существования и действия, обладания свойствами и указания на них. Это и в самом деле позволяет нам провести искомое различие: все рассматриваемые здесь признаки, структурные или неструктурные, являются свойствами, буквально экзemplифицируемыми тем или иным произведением.

Хотя иллюстрация при помощи примера остается одной из наиболее распространенных и важных функций произведений искусства, она является наименее заметной и наименее понимаемой из них. Не только некоторые трудности, связанные со стилем, но и многие бесплодные дебаты о символическом характере искусства можно было порицать за то, что они не принимают во внимание уроки, которые нетрудно выучить, опираясь на повседневные случаи функционирования предмета в качестве образца чего-либо. Как явствует из этих уроков, простое обладание свойством не сводится к экзemplификации; экзemplификация включает референцию к обладаемому свойству, осуществляемую вещь, которая этим свойством обладает, и, таким образом, хотя экзemplификация, что само собою понятно, отличается от денотации (или описания, или репрезентации), она тем не менее представляет собой разновидность отношения референции.

Итак, признак стиля может быть признаком того, что говорится, того, что иллюстрируется при помощи примера или того, что выражено. Гойя и Эль Греко показательно отличаются друг от друга в трех отношениях: в предмете, манере письма и чувстве. Признаки любого из этих родов могут также быть способами выполнения одной или нескольких из этих трех функций. Например, формы, которые иллюстрируются при помощи примера при изображении складок одежды, могут в одно и то же время представлять способ репрезентации некоторого одеяния, и способ выражения очертаний тела, движения или достоинства; драпировка «может виться, вращаться, вздымать-

ся, таять; она может сопротивляться столь же устойчивой структурой бугров и пустот, как скала, обрамленная волнами», она может стать «инструментом гармоничной уверенности»¹¹. В других случаях различия в том, что выражено — например, в фигуре вознесшегося Христа на гравюре Д.Оантенъи и картине Пьеро делла Франческа, — могут состоять в различных способах изображения одного и того же предмета. Опять-таки, признаки того, что говорится, могут быть способами высказывания или выражения; выбор детали у Уитмена является аспектом и его способа описания людей, и его способа прославления жизненной силы, а различные предметы, которые выбирали Вермер, де Хеем, ван дер Хейден и ван Эвердинген, одновременно представляют и различные способы изображения жизни Голландии в XVII веке, и различные способы выражения ее особенностей. Иногда признаки того, что поясняется при помощи примера, такие, как цветовая гамма, сами иллюстрируют при помощи примера другие признаки, например, такие, (как пространственный рисунок; цвет производит разное впечатление на отдельных шелковых экранах работы Элберса и, позже, Патрика Херона. И конечно же заданная структура, такая, как сонетная форма, может быть проиллюстрирована стихотворениями, написанными на весьма различные темы, так что особенности темы могут считаться способами иллюстрации формы.

Но нам нет никакой нужды перечислять все изменения или обсуждать отдельные примеры. Моя цель была вовсе не в том, чтобы предложить сложную и жесткую систему классификации признаков стиля, а, скорее, в том, чтобы освободить теорию стиля от деформирующих оков распространенной догмы — от вводящего в заблуждение противопоставления стиля и предмета, формы и содержания, «что» и «как», внутреннего и внешнего. Я вовсе не утверждаю, что вкратце очерченная трехчленная таксономия является обязательной или лучшей из возможных, или же в целом адекватной; я призываю к открытому признанию тех аспектов стиля, которые, хотя и рассматривались час-⁰ критиками, были оставлены без внимания традиционной

¹¹ 1. Цитаты из книги Кеннета Кларка «Пьеро делла Франческа» (Kenneth Clark. ¹⁶ «p» délia Francesca. 2nd ed. London, 1969, p. 14).

теорией. Тем самым мы не отвечаем на вопрос о том, что вообще отличает одни стилистические признаки от других, но лишь подчеркиваем его. Идентификация свойств литературного, художественного или музыкального стиля имеет большее значение, чем их дальнейшая классификация по способам высказывания, иллюстрации и выражения.

5. СТИЛЬ И ПОДПИСЬ

Впрочем, хотя стиль охватывает несколько разновидностей описанных выше признаков, эти признаки не всегда являются стилистическими. Если произведение выполнено в данном стиле, то только некоторые определенные аспекты из всей совокупности аспектов, присущих предмету, форме и настроению этого произведения будут являться элементами этого стиля.

Во-первых, свойство — будь то свойство сделанного утверждения, выявленной структуры или переданного чувства — будет стилистическим свойством только тогда, когда оно связывает произведение с одним, а не с другим художником, периодом, регионом, школой и т. д. Стиль — это сложная характеристика, выступающая как индивидуальная или групповая подпись, которая выдает Рене, Уистлера, или же Бородину, которая отличает раннего Коро от позднего, барокко от рококо, бауле от пауэн¹². Более того, мы можем говорить о работе одного автора в стиле другого или о пассаже произведения как о совпадающем или не совпадающем по стилю с другими пассажами того же самого или же какого-то иного произведения. Но в целом стилистические свойства помогают ответить на вопросы: кто? когда? где? Признак, который не является показательным сам по себе, может объединяться с другими, характеризуя произведение; свойство, общее для многих произведений, может составлять элемент стиля в одних из этих произведений, но в то же самое время быть стилистически иррелевантным для других. Некоторые свойства могут быть скорее обычными, нежели постоянными признаками данного стиля, а некоторые могут быть

стилистически важны не тем, что всегда или часто присутствуют в произведениях данного автора или данного периода, а тем, что никогда или почти никогда не появляются в других произведениях. Невозможно составить никакого установленного перечня элементарных свойств стиля, и надо обычно удастся определить стиль, не прибегая к анализу составляющих его признаков. Правильность осуществленного нами определения стиля проверяется надежностью и тонкостью произведенной нами классификации произведений.

Во-вторых, не каждое свойство, которое помогает определить создателя, или период, или происхождение произведения, относится к разряду стилистических. Ярлык на картине, упоминание в художественном каталоге, письмо от композитора, отчет о раскопках могут помочь установить авторство, подлинность, место и время создания произведения; но само подобного рода маркирование, или регистрация, или же обнаружение в ходе раскопок не связаны с проблемой стиля. Также не являются стилистическими химические свойства пигментов, с помощью которых идентифицируется живопись. Даже наличие подписи Томаса Эйкинса или Бенджамина Франклина, будучи идентифицирующим свойством, не является стилистическим. Хотя метафорически стиль — это подпись, буквальная подпись вовсе не играет роль признака стиля.

Почему такие свойства, даже при том, что они явно помогают установить авторство, а также место и время создания произведения, нельзя считать стилистическими? Коротко говоря — потому, что они не являются свойствами, обуславливающими функционирование произведения в качестве символа. Напротив, такие типичные стилистические качества как внимание к оформлению, специфическая разработка изогнутых форм, тонкое сладостно-горькое настроение, являются аспектами того, что поэма, картина или фортепьянная соната говорит, иллюстрирует или выражает. Стиль имеет отношение исключительно к символическому функционированию произведения, как такового¹³. Ранее мы уже видели, что любой аспект такого символического функционирования имеет отношение к стилю, теперь

12. Названия племен Западной (Французской Территориальной) Африки и, соответственно, стилей их прикладного искусства. — *Прим. перев.*

*3· И только как такового; не так, как, например, в случае с символическим функционированием поэмы как сообщения в военном шифре.

же мы видим, что это справедливо *только* для аспектов такого символического функционирования.

Итак, перед нами — очертания определения стиля. Стиль состоит прежде всего из тех признаков символического функционирования произведения, которые являются характерными для автора, периода, места или школы. Это определение не выглядит особенно новаторским, но тем не менее не следует упускать из виду его расхождение с некоторыми распространенными мнениями о том, что собой представляет стиль. Согласно этому определению, стиль не является исключительно вопросом формы в ее противопоставлении содержанию, он не зависит ни от синонимичных альтернатив, ни от сознательного выбора между различными альтернативами. Он охватывает исключительно аспекты, — причем не все, — того, что и какими средствами произведение символизирует.

Ранее я постоянно говорил о стиле произведений искусства. Но должен ли стиль, как он понимается здесь, быть ограничен только произведениями искусства или же термин «произведение» в нашем определении мог бы быть также заменен «объектом» или «чем бы то ни было»? В отличие от некоторых других определений наше не основано на намерениях художника. Значение имеют только символизируемые свойства, причем совершенно независимо от того, были ли они преднамеренно выбраны художником или нет, отдает он себе отчет в сделанном выборе или же нет; ведь помимо произведений искусства, существует еще множество других вещей, которые тоже что-то символизируют. Коль скоро рассматриваемые свойства характерны для автора или изготовителя, стиль действительно принадлежит только артефактам, если только понятие «изготовитель» не относится также к человеку, который представляет *objet trouvé*¹⁴ в качестве произведения искусства. Но природные предметы и события могут функционировать как символы, а символизируемые ими свойства могут быть характерны для времени или места происхождения или возникновения. Восход солнца на тропическом берегу может быть не просто восходом солнца на тропическом берегу, но восходом солнца, выражающим незапность грома, — восходом в стиле «на тропическом берегу».

14. «Найденный предмет» — один из видов поп-арта. — *Прим, перев.*

Однако в настоящем контексте мы поступим правильно, если ограничим понятие «стиль» произведениями, действиями и предметами искусства¹⁵.

Некоторые стилистические признаки более заметны и сообщают больше, чем другие; но граница между тривиальными стилистическими признаками и признаками, подобными рассмотренным выше, которые вообще не являются стилистическими, редко проводилась отчетливо. Рассмотрим некую вычурную статистическую характеристику романов данного автора, например, больше ли вторых слов его предложений начинаются с согласных, чем это обычно встречается. Является ли различие между этим и какими-то подлинно важным признаком стиля категориальным или сравнительным? Это — статистическое свойство, но таковы же и многие явно стилистические свойства типа частоты рифмы или аллитерации. Это свойство может быть определено только в результате кропотливого труда, но ведь и некоторые из наиболее существенных свойств стиля настолько трудноуловимы, что обнаружить их можно лишь с большим трудом. Наконец, тот факт, что это свойство носит чересчур случайный характер, чтобы быть интересным, представляет собой вопрос степени. Так же как обобщения в науке тем более случайны, чем меньше у них связей с теоретической основой и чем слабее эти связи, так и стилистические свойства тем более случайны, чем меньше у них связей с сетью других стилистических понятий и чем слабее эти связи.

Итак наше нелепое свойство практически ничем не отличается от явно стилистических свойств. Тем не менее наше определение стиля раскрывает здесь категориальное различие. Хотя наше свойство действительно принадлежит рассматриваемым романам и даже приписывает их данному автору, оно едва ли каким-либо способом иллюстрируется или символизируется этими романами как произведениями искусства. В этом оно подобно размеру и форме используемого портным образчика тка-

15. Хотя мои примеры в этой главе — произведения искусства, то, что я говорю о стиле, равно применимо к их исполнению, к действиям. Вопрос, которым часто злоупотребляют — «Что такое искусство?», — то есть как или, скорее, когда что-либо может быть рассмотрено как произведение искусства, хорошее или плохое, — и связанные с ним вопросы относительно *objet trouvée* концептуального искусства исследуются еще раз в главе ГУ.

ни, который служит образцом не этих свойств, а цвета и фактуры. Так как наше свойство не символизируется романами, оно не удовлетворяет нашему определению стиля. В отличие даже от самых странных или наиболее незначительных стилистических свойств это — вообще не стилистическое свойство.

Итак, общепризнанно, что, в то время как достаточно очевидно, какие именно свойства иллюстрируются образчиком ткани, используемым портным, а какие — нет, для произведения искусства или его исполнения зачастую нелегко определить, какие именно свойства иллюстрируются ими. Различие, о котором идет речь в определении, иногда трудно применить. Но точно так же нам зачастую трудно сказать, что именно это произведение говорит или выражает. Тот факт, что нам трудно установить это, подразумевает, что имеется нечто, подлежащее установлению, а именно — говорит ли произведение в действительности что-либо или нет, иллюстрирует (или выражает) ли оно данное свойство или нет. Является ли свойство стилистическим — не в большей степени зависит от трудности установления или от важности того, что иллюстрируется при помощи примера или говорится, чем то, о чем говорится в этом произведении.

6. ЗНАЧЕНИЕ СТИЛЯ

Стилистика — явно узкий участок критики. Критика может включать в себя обсуждение не только исторических, биографических, психологических и социологических факторов, но и вообще любых свойств изучаемых произведений. Стилистика, напротив, ограничена признаками того, что и как произведение символизирует, и далее теми из этих признаков, которые характерны для данного автора, периода, региона, школы и т.д.

Свидетельствует ли это о том, что стилистические понятия — это не более чем инструменты, которыми пользуется историк литературы или искусства, своего рода полезные приспособления для сортировки произведений в зависимости от их происхождения? Являются ли стили, подобно инвентарным спискам и отчетам о раскопках, попросту удобной формой регистрации или же они имеют эстетическое значение? Является ли стилис-

тика просто частью исследовательского механизма или рассматривает произведения как искусство?

Поставленный таким образом вопрос вводит в заблуждение. Он предполагает, что установление авторства, подлинности и иных свойств произведения чуждо эстетике, что «простое» определение художника, периода, места или школы не имеет к эстетике никакого отношения, что история и критика — полностью независимые друг от друга занятия. Это ошибка. Как я показал в другом месте (LA:III, i и 2), знание происхождения произведения, пусть даже полученное благодаря химическому анализу или же другими вполне научными средствами, определяет способ, которым следует смотреть, слушать или читать произведение, обеспечивая тем самым основание для открытия не столь очевидных способов, благодаря которым произведение оказывается схожим с другими произведениями или же отличается от них. В самом деле, определение стиля при помощи чувственного восприятия обычно должно начинаться с предшествующей идентификации произведений, представляющих художника или школу. Таким образом, определение авторства, подлинности, места и времени создания произведения, какими средствами оно ни было бы осуществлено, вносит свой вклад в понимание произведений именно как произведений искусства.

Настоящий предмет спора здесь заключается в следующем: имеют ли стилистические свойства более прямое эстетическое значение, чем не-стилистические свойства, помогающие определить авторство, подлинность, место и времени создания произведения. Ответ неявно содержится в том, что уже было сказано. Идентификация произведения сама по себе эстетически существенна постольку, поскольку она способствует открытию стилистических качеств. Тот факт, что стиль, по определению, является характеристикой автора, периода, региона или школы, вовсе не сводит его до средства определения этих свойств произведения; скорее, коль скоро речь идет об эстетике, определение авторства, места и времени создания, подлинности и прочих соответствующих свойств произведения есть предварительный, или вспомогательный, или побочный продукт восприятия стиля. История и критика отличаются не по наличию отдельных предметов или несвязанных задач, а по противополож-

^{10M}У пониманию целей и средств. Там, где историк использует

свое понимание стиля для того, чтобы идентифицировать картину как принадлежащую Рембрандту или поэму как написанную Хопкинсом, критик использует идентификацию авторства как шаг к установлению авторских — то есть Рембрандта или Хопкинса — свойств произведения.

Почему тем не менее стиль должен иметь большее значение, чем некоторое качество, которое могло бы быть обнаружено при достаточным изучении как характеристика произведения при случайном выборе? Отчасти по той же самой причине, по которой случайные стилистические свойства немного стоят. Им недостает интересных взаимосвязей с развивающейся структурой других признаков, вовлеченных в организацию нашего эстетического опыта. Отчасти же это происходит потому, что в отсутствие какой-либо требуемой корреляции с такими экстраполируемыми (*projectible*) факторами, как авторство или школа, наше предварительное восприятие не может быть подкреплено, очищено или расширено путем исследования дальнейших случаев¹⁶. В этом отношении ничто не противоречит тому известному факту, что интересные качества иногда обнаруживаются через сопоставление работ, помещенных в смешанной антологии, на выставке, собрании, концерте, или даже разбросанных в беспорядке на складе.

Стиль Гайдна, или Харди, или Гольбейна не заявляет о себе случайному слушателю, читателю или посетителю музея и редко может быть распознан на основе четких указаний. Стили обычно доступны только знающему глазу или уху, искушенному восприятию, информированному и любознательному уму. Это вовсе не удивительно, более того, это составляет отличительную черту стилей. Никакой признак чего-либо не является настолько основополагающим или настолько потенциально заметным, чтобы его нельзя было пропустить даже при близком и повторном рассмотрении. То, что мы находим или в создании чего преуспеваем, существенно зависит от того, как и что мы ищем. Как было отмечено ранее, мы можем быть не в состоянии увидеть лицо на картинке-головоломке. Мы можем пропустить форму и чувство, когда мы сосредотачиваемся на том, что говорится, или пропустить то, что говорится, когда мы слуша-

ем рифму и ритм. Если мы равно свободно владеем двумя языками, мы можем едва заметить и быстро забыть, какому языку принадлежат те слова, которые мы слышим или читаем. Общий проект может отвлекать внимание от прекрасной детали или вообще быть проигнорирован из-за нее.*Восприятие любого образца, не вписывающегося в структуру поиска, часто представляет большие трудности.

Все же чем более сложен и неуловим стиль, тем больше он стимулирует исследование и вознаграждает нас ясностью понимания. Ясный стиль, легко идентифицируемый некоторой поверхностной причудой, справедливо порицают как маньеризм. Сложный и утонченный стиль, подобно резкой метафоре, сопротивляется тому, чтобы его сводили к буквальной формуле. Мы обычно чувствуем стиль или степенность картины или поэмы, не будучи способными ни анализировать эти свойства по элементам, ни определить необходимые и достаточные для этого условия. Именно по этой причине восприятие, когда оно достигнуто, увеличивает число измерений нашего понимания произведения. Чем менее стиль доступен нашему подходу и чем больше мы вынуждены его адаптировать, тем большего понимания мы достигаем и тем больше развивается наша способность открытия. Распознавание стиля — составной аспект понимания произведений искусства и миров, которые они представляют.

¹⁶ См. далее в главе VII:6 и *η*.

III. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЦИТИРОВАНИЯ

1. ВЕРБАЛЬНАЯ ЦИТАТА

В последние годы философы языка обратили определенное внимание на проблему прямого цитирования, особенно в дискуссиях, предостерегающих от смешения употребления (*use*) и упоминания (*mention*) языковых выражений. Возможно, еще больше внимания было уделено правильной интерпретации косвенных цитат. Фактически, вся эта работа была ограничена исключительно лингвистическим или вербальным цитированием. Ну а как насчет цитат других видов? Если цепочка слов может цитировать другую цепочку слов, то может ли картина цитировать картину или симфония цитировать другую симфонию? И если я могу цитировать ваши слова, то могу ли я также цитировать ваши жесты, или только подражать им, или описывать их?

Прежде чем мы исследуем подобного рода вопросы, связанные с невербальным цитированием, нам стоило бы рассмотреть то, что мы знаем о вербальном цитировании. Начнем со следующего предложения:

А1. Треугольники имеют три стороны.

Его истинность здесь не важна для нас, но я преднамеренно выбрал лишенное временной формы утверждение — такое утверждение, все точные копии (*replicas*) которого имеют одно и то же истинностное значение, — чтобы нам не нужно было различать его отдельные копии.

Ставя А1 в кавычки, тем самым мы создаем для него имя, а также *прямо цитируем* его:

Аг. «Треугольники имеют три стороны».

Обратите внимание, что А3 в отличие от А1 — не предложение, а имя. Конечно, мы могли бы назвать или описать А1, не цитируя его, например:

А3-Пункт А1.

Или мы могли бы, предваряя А1 словом «что», косвенно процитировать его:

А4. что треугольники имеют три стороны.

Итак, Аг и именует, и содержит А1; А3 цитирует, но не содержит А1. А что же А4? Оно содержит А1; но А1 может также быть косвенно процитировано выражением, которое его не содержит, например:

А5. что треугольные многоугольники имеют три прямых стороны;

или

А5', que les triangles ont trois bords.

Но разве А4 или А5 именуют А1? Вовсе нет. А4 и А5 — скорее *предикаты*, приписанные к А1 и ко всем его парафразам¹. Например, А4 является сокращением для «выражение, гласящее, что треугольники имеют три стороны».

Резюмируем:

А3 и именует, и содержит А1

А3 именует, но не содержит А1

А4 содержит, но не именует А1

А5 ни содержит, ни именует А1.

То есть прямая цитата предложения и именует, и содержит его; косвенная цитата не именует и не должна содержать его. Для симметрии мы можем также обратить внимание на то, что выражение может содержать А1 без того, чтобы прямо или косвенно цитировать его, например:

А6. Никакие треугольники не имеют такие три стороны, что любые две из них были бы параллельны.

Просмотрев это резюме, мы можем задаться вопросом, почему А3 и А5 рассматриваются как некоторого вида цитаты, в

1. В отношении косвенного цитирования я принимаю подход и терминологию Исаэла Шеффлера. См. его статьи «Инскрипциональный подход к косвенному цитированию» и «Инскрипционализм и косвенное цитирование» (*An "inscriptional Approach to Indirect Quotation // Analysis, Vol. 14, 1954, pp. 83—90; Inscriptionalism and Indirect Quotation // Analysis, Vol. 19, 1958, pp. 12-18).*

то время как АЗ и А6 — нет. Для прямой цитаты необходимы и именование, и содержание². По крайней мере, одно из этих требований выполнено АЗ и А6, но ни одно не выполнено АЗ- Все же мы связываем АЗ с Аг, называя и то, и другое предложения цитатами. Есть ли для этого серьезное основание?

Возможно, объяснение состоит в том, что и Аг, и АS указывают на — точнее, обозначают — А1 и что оба предложения содержат некоторый парафраз А1, так как каждое выражение, конечно, перефразирует само себя. Очевидно, два необходимых условия для прямого или косвенного цитирования таковы:

- (а) *содержание* некоторого парафраза того, что цитируется, и
- (б) *указание* на то, что цитируется, посредством именования или предикации.

Согласно этой теории, прямое цитирование превращается в частный случай косвенного цитирования.

Согласно этой теории, не столько косвенная цитата получает свое имя за счет расширения использования «цитаты» за пределы прямой или точной цитаты, сколько прямая цитата становится частным случаем косвенного цитаты. Но нельзя позволить этой объединяющей формуле скрыть важное различие. Требуемое в прямой цитате отношение между тем, что цитируется, и тем, что содержится — отношение синтаксической идентичности или, если мы рассматриваем то, что цитируется, скорее как произнесение или запись, чем как универсальный тип, — синтаксическое копирование, тождество орфографии³. С другой стороны, отношение, необходимое при косвенной цитате — это семантический парафраз, некий вид эквивалентности референции или значения.

В данном случае, в то время как имя (например, «Пегас») может быть фиктивным, не именуя ничего, а предикат может быть пустым, не обращаясь ни к чему, имена и предикаты, которые являются цитатами, не могут быть фиктивными или пустыми. Имя, которое является прямой цитатой, не может быть фиктивным, поскольку содержит то, что оно именует, а предикат, ко-

2. Я не говорю, что они являются *достаточными* условиями, в действительности, как мы увидим позже, в рассматриваемом виде они не являются таковыми.

3- О произнесении, записи и точных копиях см. 5A:X, 1 и 2. По поводу общего понятия сходства записи см. LA:YV, 2.

торый является косвенной цитатой, не может быть пустым, поскольку содержит один из парафразов того, к чему он применяется.

Конечно, то, что цитируется, вовсе не обязательно должно быть предложением. Слово, слог, буква, даже знак препинания могут цитироваться. Например, вот параллели к А1 — АЗ:

- В1. Дерево
- Вг. «Дерево»
- Вз. Пункт В1.

Но какова будет параллель для А4? Поскольку А4 — предикат, обращающийся ко всем парафразам А1, нам нужен здесь предикат, обращающийся ко всем парафразам «(есть) дерево». Параллели А4 — А6:

- 84- Термин дерева
- 85- Термин для больших древесных растений
- В5*. mot pour les arbres
- В6. Дерево — не стихотворение.

Если то, что цитируется, — буква или бессмысленный слог, а не слово, то параллели для А1 — АЗ снова очевидны:

- С7. Д
- Сг. «Д»
- Сз- Пункт С1.

Но нам трудно найти параллель для А4- Иногда предлагаются предикаты типа «(есть) дэ» или «5-я буква алфавита», которые относятся к всем написаниям буквы «д». Но отдельные случаи или точные копии буквы не являются ее парафразами, поскольку отношение парафраза, как мы видели, является семантическим и зависит от референции или значения. Парафраз термина обращается к тому, к чему обращается сам термин; парафраз предложения вновь заявляет то, что говорит само предложение. Но буква, которая не является ни словом, ни предложением, не имеет ни референции, ни значения и не имеет парафразов. Таким образом, здесь нет *никаких* параллелей для А4 — АЗ'. Параллелью к А6 будет любое слово, содержащее эту букву, например:

- Сб. Дуб.

Интересно, что совсем другая ситуация с термином «Пегас» — даже при том, что это слово, подобно букве «д», не имеет денотата. Параллели к А1 — А3:

Di. Пегас
Ds. «Пегас»
Oz. Пункт D i.

Но есть ли здесь параллель для А4, как для «дерева», или нет ни одной, как для «д»? Если «термин дерева» означает просто «выражение, имеющее тот же экстенционал, что и „дерево“», то понятие парафраза для «Пегас» столь же бесполезно, как понятие парафраза для «д». Но «Пегас» в отличие от «д» — слово, принадлежащее к категории имен, и если соединить его с такими словами, как «картина» или «описание», то в результате мы получим термины, имеющие ненулевые экстенсионалы. Экстенсионалы таких составных терминов — вторичные экстенсионалы⁴ «Пегаса».

Теперь мы имеем параллель к А4 и 1Ц в

Вф «Пегас-термин»,

применимую ко всем парафразам «Пегаса», где парафраз термина сохраняет не только первичный, но также и необходимые⁵ вторичные экстенсионалы этого термина. Короче говоря, «Пегас» может перефразироваться, потому что, хотя этот термин лишен первичного, он не лишен вторичных экстенсионалов — потому что, выражаясь общепринятым образом, он не является бессмысленным. Точно так же параллелями к А5 — А6 будут:

05. Термин для крылатого коня Беллерофона
DS*. *mot pour le cheval ailé de Bellerophon*
06. Крыло Пегаса.

До сих пор мы обсуждали исключительно вербальную или лингвистическую цитату и нашли, что для такой цитаты, прямой или косвенной, есть два необходимых условия:

4- О понятии вторичных экстенсионалов см. мои статьи «О сходстве значения» (1949) " «О некоторых различиях относительно значения» (On Likeness of Meaning (1949) и On Some Differences about Meaning (1953) // PRV, 2 и 3).

5. Сохранение *всех* вторичных экстенсионалов было бы слишком сильным требованием; см. статьи, цитируемые в примечании 4.

(а) содержание того, что цитируется, или некоторой другой его копии или парафраза, и

(б) указание — именованием или предикацией — на то, что цитируется.

Надо заметить, что эти условия не являются достаточными. Термин

Е. 5~я буква алфавита

и обозначает, и имеет нужное содержание, но, конечно, не цитирует описанную букву. Таким образом, мы должны добавить следующее требование для прямой цитаты:

(в) замена обозначенного и содержащегося выражения любым другим выражением языка дает выражение, которое обозначает заменяющее выражение.

Очевидно, что замена в пределах кавычек удовлетворит этому требованию, но включение некоторой другой буквы (или слова и т. д.) для описываемой буквы в описании вышеприведенного типа — нет. Обычным результатом будет бессмыслица типа

Г. первгя буквг глфгвитг.

2. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЦИТАТА

Когда мы встречаем цитирование в невербальных системах? Начнем с изображения и с прямого цитирования. Когда одна картина прямо цитирует другую?

Ясно, что, когда одна картина просто находится в другой, она составляет цитату не в большей степени, нежели составляет ее одно выражение, содержащееся в другом, как в случаях А6, В6 и т. д. Двойной портрет не цитирует содержащиеся в нем портреты; морской пейзаж не цитирует изображение судна на нем.

Таким же образом и указание одной картиной на другую еще не представляет собой цитату. Предположим, что на некоторой висящей в музее картине, изображающей галерею, виден только фрагмент «Ночного дозора» Рембрандта или показан «Ночной дозор», часть которого заслонена головами зрителей. Эта картина изображает «Ночной дозор», указывает на него, но не цитирует его, потому что не содержит его. Картина непосред-

ственно цитирует другую только в том случае, если она и указывает на нее, и содержит ее. Но каковы те средства, которыми картина указывает на другую, которую она содержит? Другими словами, что является изобразительным аналогом кавычек?

Вполне очевидно, что как кавычки ставятся вокруг выражения, чтобы прямо его процитировать, так и вокруг картины, чтобы прямо ее процитировать, можно нарисовать картинку рамы. Есть и другие средства, действующие подобным же образом, — изобразить ее как находящуюся на мольберте или как висящую на стене. Но теперь мы сталкиваемся со специфической трудностью. Если я хочу написать картину, непосредственно цитирующую «Ночной дозор», я вряд ли смогу поместить «Ночной дозор» непосредственно на мой холст и нарисовать вокруг него раму. Подразумевает ли требование содержания, что картина может цитировать только то, что фактически находится в ее пределах? Это было бы, конечно, слишком строгим требованием.

Вернемся снова к А₁ и А_г. Мы отметили, что А₂ содержит А₁, если мы рассматриваем их как универсалии или типы, но если мы рассматриваем их как конкретные надписи, то должны скорее сказать, что А₃ (или каждая его точная копия) содержит некоторую точную копию А₁. *Надпись* А₃ содержит не *надпись* А₁, а, скорее, точную копию этой надписи.

Проблема с картинами тем не менее состоит в том, что они (в отличие от выражений) принадлежат тому, что я называю *единичной* символической системой⁶. Каждое произведение живописи уникально: в техническом смысле выражения *точная копия* не существует никаких точных копий картин в противоположность точным копиям слов. Мы должны помнить, что быть точной копией (*replica*) и быть копией (*copy*) — это две весьма разные вещи; точные копии могут решительно различаться постольку, поскольку они записаны с той же орфографией⁷. Так как изображение не имеет никакого алфавита и никакого связанного с системой записи критерия для тождества орфогра-

6. Осингулярных, множественных, автографических и аллографических символических системах см. LA: III, 3^а 4^а.

7- Речь идет об отношении вида type — token; вместо термина token Гудмен использует термин replica, т. е. «точная копия». — Прим, перев.

фии, прямая вербальная цитата не имеет никакого строгого аналога в живописи.

Фотография, с другой стороны, не уникальна. Фотографическое изображение — множественная символическая система. Отношение между несколькими отпечатками с одного негатива до некоторой степени сопоставимо с отношением между несколькими точными копиями слова; но эти два отношения — неодинаковые. В первом случае мы имеем дело с автографической, а во втором — с аллографической символической системой, то есть отношение между отпечатками состоит в том, что они произведены с одного негатива, в то время как отношение между надписями состоит в том, что они записаны одним и тем же способом. Однако, так как обе системы являются множественными, т. е. их символы имеют многочисленные отдельные случаи реализации, «дублирование» отпечатков может считаться допустимым (хотя конечно же и неточным) аналогом точного копирования надписей. Тогда фотография может фактически содержать дубликат второй фотографии, и первую фотографию можно было бы считать прямо цитирующей вторую, если бы она указывала на последнюю, показывая ее как бы в рамке и т. д.

Возвращаясь к картинам и рисункам, можем ли мы обосновать дальнейшее расширение аналогии, используя понятие «копии» вместо «дубликата» или «точной копии»? Пожалуй, это было бы натяжкой, поскольку мы видели, что копирование как отношение в автографической сингулярной символической системе решительно отличается от отношения точного копирования в аллографической множественной. Тем не менее если мы стали проводить аналогию, то можем остановиться в довольно произвольной точке. Все, что я хочу здесь сказать, сводится к следующему: то, что мы можем рассматривать как прямую изобразительную цитату, будет зависеть от того, что мы намерены принять за адекватный аналог точной копии в прямой вербальной цитате.

А косвенная изобразительная цитата? Можем ли мы отыскать изобразительный аналог предиката, применимого ко всем парафразам картины? Требуемая здесь общность не вызывает особых проблем. Картина может указывать не на какую-то другую конкретную картину, но на многие другие картины — может быть, не именно на «Ночной дозор», а на групповые жанровые

картины или на картины Рембрандта⁸, и т. д. Также, возможно, мы могли бы таким образом рассмотреть *изобразительную копию*, чтобы сделать это понятие достаточно аналогичным *парафразу*. Но в этом случае мы сталкиваемся с неприятным вопросом: если нарисованная рама — изобразительный аналог кавычек, то что является изобразительным аналогом для союза «что» (или для «-термина») косвенной цитаты? Ответ, как я подозреваю, может состоять в том, что различие между прямой и косвенной цитатой в изображении не столь резко, как в языке, и что нарисованная рама может функционировать как аналог или кавычек, или «что» при том, что только контекст определяет, аналогом чего она является в данном случае, если это вообще имеет место. Наш естественный язык легко может включать некоторые равно неоднозначные средства, скажем

— такое, что в отношении фразы

Джон сказал {треугольники имеют три стороны}

будет очень сложно понять, произнес ли Джон конкретные рассматриваемые слова или только некоторый их парафраз. Если контекст не решает двусмысленность в пользу интерпретации с прямой цитатой, то в результате предпочтение отдается интерпретации с косвенной цитатой. В известной степени, конечно же «что» естественного языка также способно под воздействием контекста принимать силу кавычек, например, во фразе:

Джон сказал этими самыми словами, что у треугольников три стороны.

3. МУЗЫКАЛЬНАЯ ЦИТАТА⁹

Проблемы музыкального цитирования весьма своеобразны. Ограничимся здесь той музыкой, которая, будучи традиционной

или нет, записана при помощи традиционного нотного письма. Нотная запись определяет характер копирования: два исполнения одной и той же партитуры, как бы они ни отличались друг от друга в остальном, считаются копиями друг друга. Таким образом, можно признать, что одно музыкальное событие содержит точную копию другого.

Проблема здесь возникает с референцией. Когда речь идет о языке, то понятно, что одно языковое выражение, просто содержащее другое, еще не цитирует его. Но что в музыке создает различие между содержанием в себе точной копии некоторого пассажа и его цитированием? Другими словами, что в музыке является аналогом кавычек? При такой постановке вопроса кажется, что ничего. Любопытно, что из двух требований для цитаты условие содержания создает проблемы с картинами, в то время как условие референции создает проблемы с музыкой.

То, что в музыке не используются символы, которые выполняли бы роль кавычек, — скорее, непонятное исключение. Ничто не мешает ввести в музыкальное письмо знаки, хотя бы самые обычные кавычки, которые функционировали бы как кавычки¹⁰. Если эти маркировки не исполняются музыкантом — то есть если они не имеют никакой звуковой реализации, — то аналогия с языком является очень близкой, так как кавычки в языке не произносятся; они наличествуют в письменной форме, но не в разговоре. В устной речи мы не проводим различия между:

- (а) Джон сказал, что треугольники имеют три стороны и
- (б) Джон сказал: «треугольники имеют три стороны».

То, что мы говорим или слышим, может быть произнесением или (а), которое является эллипсисом для

(с) Джон сказал, что треугольники имеют три стороны, или (б). Мы можем разрешить наше сомнение, вставив союз «что» — который в отличие от кавычек произносится, но мы не можем в нашем языке — таком, какой он есть, — разрешить это сомнение никаким другим способом. Конечно, некоторые под-

8. Об общих репрезентациях, см LA:I, 5, а также мой ответ Монро Бердсли (Erkenntnis, Vol. 12 (1978), pp. 169—173).

9. В работе над этой темой мне помогли дискуссии с Верноном Хауардом.

10. Мне говорили, что некоторые композиторы использовали кавычки именно этим способом, но я не могу привести примеры.

сказки дают контекст, ударение и паузы, например, если в вышеупомянутом случае «сказал» подчеркнуто ударением и сопровождается заметной паузой, то прямая цитата ясно обозначена. И такие подсказки, будучи достаточно стандартизованными, могли бы играть роль аудиосредства для прямой цитаты в языке или в музыке.

Возможно, причина, по которой у нас фактически нет беззвучных кавычек в системе музыкальной записи, несмотря на то, что мы легко могли бы их ввести, состоит в том, что в музыке звук является конечным продуктом. В естественном языке, напротив, то, что написано, не просто служит тому, что говорится, но имеет, по крайней мере, равную значимость само по себе. Тот факт, что некоторые написанные знаки остаются непроизнесенными, еще не доказывает того, что они вообще не нужны.

Что касается косвенной цитаты в музыке, то что могло бы быть аналогом парафраза? *Парафраз чего-либо*, как было отмечено, является семантическим отношением, а музыка чаще всего ничего не обозначает. Термин перефразируется другим, имеющим тот же самый первичный экстенционал и (в зависимости от типа рассуждения) какие-то другие идентичные вторичные экстенционалы. Но музыка, не имеющая никакого экстенционала, поддается перефразировке не в большей степени, чем слог или буква. Неизбежно напрашивающееся предположение о том, что музыкальным аналогом парафраза является *транспозиция* или *вариация*, явно ошибочно, поскольку музыкальные транспозиция и вариация являются скорее синтаксическими, чем семантическими отношениями, основанными в большей степени на отношениях самих нот и структур, нежели на чем-нибудь обозначаемом ими¹¹.

Там, где музыка является описательной, где она обозначает нечто, парафраз обретает значение. Но для косвенной цитаты, которая требует аналога предиката, применимого ко всем па-

рафразам данного пассажа, нам в дальнейшем потребуются музыкальный аналог выражений «что» или «-термина» в естественном языке. Поскольку последние в отличие от кавычек производятся в речи, то простое дополнение к музыкальной записи некоторого беззвучного знака было бы не совсем подходящим решением. Косвенная цитата в музыке может быть произведена, если это вообще возможно, посредством звуковых указаний — так же как в устной речи, когда опускается «что».

4- МЕЖСИСТЕМНОЕ ЦИТИРОВАНИЕ

Мы уже показали, что то, что цитируется, и то, что цитирует, иногда принадлежат различным системам. Предикаты косвенной цитаты весьма очевидно охватывают парафразы не только по-английски, но также и на других языках. Такое утверждение как

Жан сказал, что треугольники имеют три стороны,

могло бы быть истинным только в том случае, если бы Жан говорил по-французски.

Кроме того, выражение любого языка может непосредственно цитироваться по-английски, будучи заключенным в кавычки. Иностранное выражение, поставленное в кавычки, дает термин на английском языке — английское имя цитируемого выражения. Как настаивал Алонзо Чёрч¹², такое предложение, как

Jean a dit «Les triangles ont trois bords»

должно быть переведено на английский язык как

John said «Les triangles ont trois bords» (Джон сказал: «^s triangles ont trois bords»),

а не как

Жан сказал: «У треугольников три стороны»,

поскольку в этом последнем случае складывается неверное представление, будто бы Жан произнес предложение по-английски.

12. См. его статью «О карнаповом анализе суждений утверждения и убеждения» (On Carnap's Analysis of Statements of Assertion and Belief // Analysis, Vol. 10 > 1950 PP. 97-99) —

11. Верной Ховард сделал интересное предложение, что если мы считаем парафраз вопросом сохранения референции вообще, как экзemplификационной, так и денотационной, то музыкальная *вариация* могла бы, возможно, быть рассмотрена как парафраз в смысле сохранения экзemplификационной референции. См. его статью «О музыкальном цитировании» (Howard V. On Musical Quotation // The Monist, Vol. 58, 1974, pp. 307-318).

Конечно, когда французский роман переведен на английский язык, диалог, так же как и остальная часть текста, дается по-английски. Это скорее литературное, нежели буквальное использование кавычек приводит к появлению чего-то среднего между прямой и косвенной цитатой. Здесь в отличие от буквальной прямой цитаты, то, что цитирует, не содержит того, что цитируется; но в отличие от косвенной цитаты, то, что содержится, должно не быть просто парафразом, но переводом того, что цитируется, а перевод — более узкое отношение, чем парафраз.

Рассмотрим изобразительный аналог этого более свободно-го «литературного» вида цитаты. Предположим, что картина, нарисованная согласно стандартным западным представлениям о перспективе, изображает японскую гравюру, висящую на стене. Эта гравюра, изображенная на картине, сделана согласно восточным представлениям, как и требуется от цитаты в более строгом смысле. Аналог перевода на английский язык того, что заключено в кавычки во французском романе, здесь состоял бы в переводе японской гравюры в западную перспективу! Аналогия для музыки очевидна.

Если слова любого другого языка могут цитироваться по-английски, то могут ли символы нелингвистических систем аналогично цитироваться по-английски? Картина, подпадающая под перечисленные выше оговорки по поводу изобразительного цитирования картин, подобно иностранному слову заключается в английском тексте в кавычки, чтобы создать английский термин. Напротив, если картины (или иностранные слова) употребляются без кавычек, текст перестает быть английским текстом, но становится комбинацией нескольких систем.

Кроме того, поскольку парафразы могут осуществляться на любом языке, то нам мало что мешает принять также нелингвистические парафразы. Если мы предполагаем (*contra* VII, 5 ниже), что картины делают утверждения, то в предложении

Джон утверждал, что облака полны ангелов

предикат, начинающийся с «что», может считаться применимым как к изобразительным, так и к вербальным парафразам предложения

Облака полны ангелов.

Джон, возможно, произнес эти слова по-английски или по-турецки или нарисовал картину. Часто, конечно, контекст ограничивает применение предиката, например, лингвистическим парафразам, если «утверждал» заменить на «сказал», или к изобразительным парафразам, если «утверждал» заменить на «выразил в красках».

Точно также как картины могут подобным образом прямо или косвенно цитироваться в языке, так и лингвистические выражения могут цитироваться картинами. Известный случай — девиз, показанный на картинке викторианской комнаты. Нарисованная рамка объединяется с содержащимися в ней словами, например

Дом, милый дом

в создании изобразительного, а не вербального символа. Чередую изобразительные и вербальные системы, можно цитировать по-английски изобразительную цитату английского девиза, затем цитировать в картине получившуюся вербальную цитату, и т. д.

В общем, визуальная система, которая имеет средства для цитирования своих собственных символов, обычно также располагает средствами и для цитирования других визуальных символов.

5. КРОСС-МОДАЛЬНАЯ ЦИТАТА

В то время как английский текст, цитирующий изображение или иностранное слово, остается английским, а картина, цитирующая слова, остается картиной, каким образом картина могла бы цитировать звук или звук — цитировать картину? Ясно, что звук может содержаться в картине или картина содержаться в звуке только в том случае, если понятие содержания расширено сверх всякой меры.

Все же мы вынуждены поставить этот вопрос под влиянием того факта, что устная речь легко цитируется в письменной форме, а письменная речь — в устной. Пропасть между видом и звуком, по-видимому, слишком велика, чтобы ее края могли быть соединены цитатой (подразумевающей включение) — однако они непреднамеренно соединяются в повседневной речи.

Объяснение кроется в близком соответствии между написанием и произнесением одного и того же выражения. Действительно, произнесение и написание выражения обладают равным статусом как отдельные случаи этого выражения; они могут считаться точными копиями друг друга. До тех пор, пока сохраняется идентичность орфографии, точные копии могут отличаться по виду и звучанию или даже по носителю (LA:IV, 7). Только по этой причине я могу цитировать в письменной форме то, что Джон произнес, или цитировать в речи то, что он написал. Но слуховые и изобразительные символы, в общем, не находятся в подобного рода определенном отношении друг к другу.

Самая близкая аналогия с языком в этом отношении может быть найдена в музыке. Отношения между партитурой и ее исполнением, напоминая скорее семантические отношения между символом и символизируемым, чем синтаксические отношения между точными копиями на различных носителях, являются столь же детерминированными, как и отношения между написанным и произнесенным словом. Таким образом так же, как мы можем цитировать речь в письменной форме, заключая ее выражение на письме в кавычки, мы можем цитировать и музыкальный звук на бумаге, помещая партитуру в кавычки. Картина, изображающая лист партитуры, до этой определенной степени также цитирует звучащую музыку. И если Джон говорит «Это было вот так...» и затем мычит увертюру Пятой симфонии Бетховена, то можно считать, что он цитирует не только звук, но также и партитуру.

6. РАЗМЫШЛЕНИЕ

Вопрос о цитировании жестов, поднятый в конце вступительного абзаца, я оставляю на размышление читателя.

Моя цель в этой главе состояла не в том, чтобы навязать лингвистическим системам строгие аналогии с цитированием в языке. В таких строгих аналогиях нет никакой нужды, да они и вряд ли достижимы. Скорее, я предпринял сравнительное изучение цитаты и ее ближайших аналогов. Будучи способами объединения и построения символов, они входят в число инструментов создания миров.

IV. КОГДА ЕСТЬ ИСКУССТВО?

1. ЧИСТОЕ В ИСКУССТВЕ

Если попытки ответить на вопрос «Что есть искусство?» обычно приводят к замешательству и смятению, то можно предположить, как это часто бывает в философии, что причина этого кроется в неправильной постановке самого вопроса. Переосмысление проблемы, в сочетании с применением некоторых результатов изучения теории символов может помочь прояснить такие дискуссионные вопросы, как роль символов в искусстве и статус в искусстве «найденных объектов» и так называемого «концептуального искусства».

Примечательное представление об отношениях символов к произведениям искусства проиллюстрировано следующим случаем, который язвительно описала Мэри Маккарти:

Семь лет назад, когда я преподавала в прогрессивном колледже, в одном из классов у меня была симпатичная студентка, которая хотела стать писательницей. Она не училась у меня, но знала, что я иногда пишу рассказы, и вот в один прекрасный день, затаив дыхание и сияя, она подошла ко мне в коридоре, чтобы рассказать, что она только что написала рассказ и что ее преподавателю литературы, некоему мистеру Конверсу, он ужасно понравился. «Он думает, что рассказ замечательный, — сказала она, — и поможет мне подготовить его для публикации».

Я спросила, о чем ее рассказ; девушка была довольно простодушным созданием, обожавшим наряды и свидания. В ее ответе послышалось неодобрение. Рассказ был о самой девушке и о моряках, которых она встретила в поезде. Но тут же ее лицо, на мгновение ставшее встревоженным, вновь просветлело.

«Мы с мистером Конверсом пройдемся по нему и поместим туда необходимые символы»¹.

1. *Mary McCarthy*. Settling the Colonel's Hash // *Harper's Magazine*, 1954; перепечатано в *On the Contrary*. Farrar, Straus and Cudahy, 1961, p. 225.

Сегодня изучающему искусство студенту с сияющими глазами с большей вероятностью, но с равной проницательностью порекомендуют держаться подальше от символов. Но основное предположение остается прежним: символы, служа улучшению или отвлечению, в любом случае являются внешними по отношению к самому произведению. Родственное понятие, по-видимому, отражается в том, что мы считаем символическим искусством. В этой связи нам сперва приходят на ум такие работы, как «Сад радостей земных» Босха, или «Капричос» Гойи, или гобелены с единорогом, или стекающие часы Дали, затем, возможно, религиозные картины, чем более мистические, тем лучше. Здесь примечательна не столько ассоциация символического с эзотерическим или неземным, сколько классификация работ как символических по принципу присутствия у них символов в качестве их предмета, то есть скорее на основании того, что они изображают, чем на основании того, что они являются символами. Это значило бы отнести к несимволическому искусству не только работы, которые ничего не изображают, но также и портреты, натюрморты и пейзажи, где предметы представлены прямо, без тайных намеков и сами по себе не выступают в роли символов.

С другой стороны, когда мы определяем произведения как несимволические, как искусство без символов, мы ограничиваемся беспредметными произведениями, например чисто абстрактными, декоративными или формальными картинами, зданиями или музыкальными композициями. Работы, изображающие что-либо, независимо от того, что именно, и независимо от того, сколь прозаически, оказываются исключены, поскольку изображать — это всегда указывать, представлять, символизировать. Каждое фигуративное произведение — символ, а искусство без символов сводится к искусству без предмета.

Тот факт, что фигуративные произведения могут быть символическими при одном использовании и несимволическими — при другом, имеет не слишком большое значение, если мы не путаем эти два вида их использования. Но тем не менее, как полагают многие современные художники и критики, очень важно изолировать произведение искусства, как таковое, от того, что оно символизирует или на что указывает каким-либо спо-

собом. Сформулирую — в кавычках, так как я предлагаю его для рассмотрения, не выражая здесь никакого мнения о нем — развернутое утверждение, выражающее популярную в настоящее время программу — иди политику, или точку зрения:

То, что картина символизирует, является внешним по отношению к ней и чуждым картине как произведению искусства. Ее предмет, если он имеется, ее указания — завуалированные или явные, которые осуществляются при помощи символов какого-то более или менее хорошо известного словаря, — не имеют никакого отношения к ее эстетическому или художественному значению или характеру. То, на что картина указывает или что представляет каким-либо способом, явным или неявным, находится вне ее. На самом деле имеет значение не отношение картины к чему-либо еще, не то, что картина символизирует, а то, чем она является сама по себе, каковы ее собственные сущностные качества. Кроме того, чем больше картина привлекает внимание к тому, что она символизирует, тем больше мы упускаем из виду ее собственные свойства. Соответственно, всякая символизация при помощи картины не только не относится к делу, но и является помехой. По-настоящему чистое искусство избегает всякой символизации, ни на что не указывает и должно приниматься только за то, чем оно является, в соответствии со своей собственной природой, а не за нечто такое, с чем оно связано столь отдаленным отношением, как символизация.

Это — довольно претенциозный манифест. Совет сосредоточить внимание прежде всего на внутреннем, а не на внешнем, настоятельное утверждение, что произведение искусства является прежде всего тем, что оно собою представляет, нежели тем, что оно символизирует, и заключение, что чистое искусство обходится без внешней референции любого рода, — все это звучит весьма убедительно, кажется результатом основательных размышлений и делает намеки на освобождение искусства от Удушающих путь интерпретации и комментария.

2. ДИЛЕММА

Но здесь мы сталкиваемся с дилеммой. Если мы принимаем эту доктрину формалиста или сторонника чистого искусства, то мы, по-видимому, тем самым утверждаем, что содержание таких работ, как «Сад радостей земных» и «Капричос» в действительности не имеет значения и лучше было бы его вообще не принимать в расчет. Если же мы отказываемся от этого учения, то мы, по-видимому, утверждаем, что важно не только то, чем является само произведение, но и множество вещей, которыми произведение не является. В одном случае мы, кажется, защищаем лоботомию многих великих произведений; в другом мы, кажется, потворствуем загрязнению искусства, подчеркивая внешние и посторонние для него аспекты.

Я полагаю, что в нашем случае лучший выход заключается в том, чтобы признать позицию сторонника чистого искусства совершенно верной и полностью ошибочной. Но как это возможно? Согласимся для начала с тем, что то, что является внешним, внешне. Но всегда ли то, что символизирует символ, является внешним по отношению к нему? Конечно, это справедливо не для всех видов символов. Рассмотрим символы:

- (А) «это словосочетание», который представляет сам себя;
- (В) «слово», который применим к себе среди других слов;
- (С) «краткий», который применим к себе и некоторым другим словам и многим другим вещам; и
- (D) «наличие восьми слогов», который имеет восемь слогов.

Очевидно, то, что символизируют некоторые символы, не полностью находится вне символов. Приведенные случаи, конечно, весьма специфичны, и аналогами среди картин — то есть картинами, которые являются картинами себя или включают себя в то, что они изображают, — можно, вероятно, пренебречь как слишком редкими и своеобразными для того, чтобы играть какую-то роль. Давайте пока согласимся, что то, что произведение изображает, является внешним ему и посторонним, за исключением нескольких случаев, подобных вышеуказанным.

Подразумевает ли это, что любое произведение, которое ничего не изображает, отвечает требованиям сторонника чистого

го искусства? Ни в коей мере. Прежде всего, некоторые явно символические работы типа изображений сверхъестественных монстров у Босха или гобеленов с единорогом ничего не изображают, поскольку такие монстры, демоны или единороги не существуют нигде, кроме как на таких изображениях или в словесных описаниях. Сказать, что гобелен «изображает единорога», означает лишь сказать, что он является картиной единорога, а не то, что существует такое животное или вообще нечто такое, что он изображает². Эти работы, даже при том, что в природе нет ничего такого, что они изображают, вряд ли удовлетворят сторонника чистого искусства. Возможно тем не менее, что это лишь еще один софизм философа, и я не буду настаивать на этом пункте. Давайте согласимся, что такие картины, хотя они ничего не изображают, являются изобразительными по своему характеру, а следовательно, символическими и, таким образом, не «чистыми». Тем не менее нам следует по ходу дела обратить внимание на то обстоятельство, что их фигуративный характер не подразумевает того, что они изображают что-либо, находящееся вне них, и поэтому возражение сторонника чистого искусства не могло быть адресовано им на этом основании. Его требование должно быть так или иначе изменено, притом с некоторой потерей своей простоты и силы.

Во-вторых, не только фигуративные произведения являются символическими. Абстрактная картина, которая ничего не изображает и вообще не является фигуративной, может выражать — и таким образом символизировать — чувство, эмоцию, или идею³. Только потому, что выражение есть способ символизации чего-то вне живописи — которая сама по себе не ощущает, не чувствует и не думает, — сторонник чистого искусства отвергает абстрактный экспрессионизм, так же как он отвергает предметные произведения.

Для того, чтобы произведение могло считаться относящимся к «чистому» искусству, к искусству, не прибегающему к помощи символов, оно не должно, согласно этой точке зрения, ни

2. См. далее статьи «О сходстве значения» (1949)¹ «О некоторых различиях, связанных со значением» (1953) (^ PP. 221—238; также LA, pp. 21—26).

3. Движение, например, так же как эмоции, может быть выражено в черно-белой картинке; например, см. картинки выше в Пц. Также см. обсуждение Сражения в LA, pp. 85-95-

изображать, ни выражать, ни даже быть изображающим или экспрессивным. Но достаточно ли этого? Согласимся с тем, что такое произведение не представляет ничего находящегося за его пределами; все, что оно имеет — это свои собственные свойства. Но если мы представим дело подобного рода образом, то в любом случае все свойства любой картины или чего бы то ни было еще — даже такое свойство, как свойство изображать данного человека, — это свойства картины, а не свойства чего-то находящегося вне нее.

Напрашивающийся ответ состоит в том, что важное различие среди нескольких свойств произведения может проводиться между его внутренними, или характерными, и внешними, или посторонними свойствами; что, в то время как все они и в самом деле являются его собственными свойствами, некоторые из них, очевидно, связывают картину с другими вещами и что не-изобразительное, неэкспрессивное произведение имеет только внутренние свойства.

Этот ответ явно является неудовлетворительным, поскольку при любой вероятной классификации свойств на внутренние и внешние оказывается, что любая картина имеет свойства обоих родов. То, что картина находится в музее «Метрополитен», что она была написана в Дулуте, что она моложе Мафусаила, едва ли может быть названо внутренними свойствами. Избавление от изображения и выражения еще не освобождает нас от таких внешних, или посторонних, свойств.

Кроме того, само различие между внутренними и внешними свойствами печально известно как нечеткое. Предположительно цвета и формы в картине должны рассматриваться как внутренние свойства; но если внешнее свойство — это то, которое связывает картину или предмет с чем-то еще, то цвета и формы, очевидно, должны быть расценены как внешние свойства, поскольку цвет или форма предмета может не только разделяться другими предметами, но также и связывать предмет с другими, имеющими те же самые или отличные цвета или формы.

Иногда термины «внутренний» и «свойственный» заменяются на «формальный». Но формальное в этом контексте не может быть лишь вопросом формы. Оно должно включать цвет, а может быть, и что-то еще помимо цвета. Но что? Фактуру? Размер? Материал? Конечно, мы можем по желанию перечислять

свойства, которые следует назвать формальными; но здесь нас выдают слова «по желанию». Испаряется разумное объяснение, обоснование. Свойства, не отнесенные к числу неформальных, больше не могут характеризоваться как единственные из тех, что связывают картину с чем-либо вне ее. Так что перед нами все еще стоит вопрос, идет ли здесь речь о каком-либо *принципе*, — вопрос о том, как те свойства, которые имеют значение в нефигуративной, неэкспрессивной живописи, отличаются от остальных.

Я думаю, что на этот вопрос есть ответ, но чтобы приблизиться к нему, нам придется расстаться с этим высоколобым разговором об искусстве и философии и опуститься на грешную землю.

3. ОБРАЗЦЫ

Рассмотрим снова обычный образчик ткани в альбоме образцов портного или обойщика. Он вряд ли будет произведением искусства или вряд ли будет изображать или выражать что-нибудь. Это просто образец — простой образец. Но образцом чего он является? Фактура, цвет, переплетение нитей в ткани, толщина, структура волокон... Мы скажем, что вся суть этого образца в том, что он был отрезан от рулона и имеет все те же свойства, что и остальная часть материала. Но это было бы слишком поспешно.

Расскажу вам две истории — или* одну историю в двух частях. Госпожа Мэри Тришес изучила такой альбом образцов, сделала выбор и заказала в своем любимом текстильном магазине достаточное количество материала для стула и дивана. При этом она настаивала на том, что заказанный материал должен быть в точности подобен образцу. Как только привезли тюк, она с нетерпением распаковала его и пришла в ужас, когда на пол выпорхнули несколько сотен кусочков ткани размером два на три дюйма с зигзагообразными краями, в точности подобных образцу. Когда она позвонила в магазин с шумными протестами, обиженный и изнуренный владелец ответил: «Но, госпожа Тришес, вы сказали, что материал должен быть в точности подобен образцу. Когда его вчера привезли с фабрики, я продержал здесь помощников полночи, пока они все не порезали по образцу».

Этот инцидент был почти забыт несколькими месяцами позже, когда госпожа Тришес, сшив кусочки вместе и обив мебель, решила устроить вечеринку. Она отправилась в местную пекарню, выбрала шоколадное пирожное из выставленных на витрине и заказала с тем расчетом, чтобы его хватило на пятьдесят гостей, приказав доставить заказ через две недели. Как только гости начали собираться, подъехал грузовик с одним-единственным огромным пирожным. Дама, управляющая пекарней, была совершенно обескуражена жалобой. «Но, госпожа Тришес, вы не представляете себе, чего нам это стоило. Мой муж управляет текстильным магазином, и он предупредил меня, что ваш заказ должен представлять собой единое целое».

Мораль этой истории не просто в том, что в жизни нет счастья, но и в том, что образец является образцом некоторых из свойств, но не других. Образчик ткани — образец структуры, цвета, и т. д., но не размера или формы. Пирожное — образец цвета, структуры, размера и формы, но все еще не всех свойств. Госпожа Тришес жаловалась бы даже более горько, если бы то пирожное, которое ей привезли, было подобно образцу в том, что было приготовлено в тот же самый день двумя неделями ранее.

Итак, образцом каких вообще свойств является образец? Не всех свойств, потому что тогда образец был бы образцом только непосредственно самого себя. Не является он также и образцом «формальных» или «внутренних», равным образом как и любого множества определяемых свойств. Вид демонстрируемого свойства отличается от случая к случаю: пирожное является образцом размера и формы, а образчик ткани — нет; образец руды может быть образцом той горной породы, которую добыли в данное время в данном месте. Кроме того, демонстрируемые свойства значительно меняются в зависимости от контекста и обстоятельств. Образчик ткани обычно дает образец ее фактуры и т. д., но не ее формы или размера. Однако если я показываю его вам как ответ на вопрос «Что является образцом обойщика?», то тогда он функционирует не как образец материала, но как образец используемого обойщиком образчика ткани. В этом случае его размер и форма также включаются в диапазон тех свойств, образцом которых он является.

В общем и целом, все дело в том, что образец является образцом только некоторых из свойств — или *служит примером* этих свойств и свойства, с которыми его связывают эти отношения экземплификации⁴, изменяются в зависимости от обстоятельств и могут быть различаемы только как те свойства, образцом которых он служит при данных обстоятельствах. Быть образцом чего-либо, или экземплифицировать что-либо, — это отношение наподобие дружбы: мои друзья не обладают никаким единственным опознавательным свойством или группой свойств, но могут быть идентифицированы, только оставаясь в течение продолжительного времени в дружеских отношениях со мной.

Выводы для нашей проблемы, связанной с произведениями искусства, теперь могут быть очевидны. Свойства, которые важны в живописи для сторонника чистого искусства, — это те свойства, которые картина декларирует, подчеркивает, ставит в центр внимания, выставляет напоказ, гиперболизирует в нашем сознании, то есть те свойства, которые она прокламирует. Короче говоря, это такие свойства, которыми картина не просто обладает, но которые она экземплифицирует, которые выступают как те свойства, образцом которых она является.

Если я прав в этом, то даже самая чистая с точки зрения сторонника чистого искусства живопись все же что-то символизирует. Она экземплифицирует некоторые из своих свойств. Но экземплифицировать — это всегда символизировать. Экземплификация не в меньшей степени, чем изображение или выражение, является формой референции. Произведение искусства, даже будучи свободным от изображения и выражения, все же является символом даже в том случае, если то, что оно символизирует, — не вещи, люди или чувства, а некоторые образцы формы, цвета, фактуры, которые оно демонстрирует.

Как же тогда быть с исходным высказыванием приверженца чистого искусства, которое я в шутку назвал совершенно верным и полностью ошибочным? Сторонник чистого искусства совершенно прав, когда утверждает, что постороннее является Сторонним, когда он замечает, что зачастую совершенно неясно, что именно картина изображает, когда он утверждает,

⁴-Далее обсуждение отношения экземплификации см. в LA, pp. 52—67.

что от произведения не требуется ни изображения, ни выражения, и подчеркивает важность так называемых сущностных, или внутренних, или «формальных» свойств. Но его заявление полностью ошибочно в том, что касается предположения, будто изображение и выражение являются единственными символическими функциями, которые картины могут выполнять, и допущения, что символизируемое символом всегда находится вне него. Ошибочна также и твердая уверенность приверженца чистого искусства в том, что в живописи имеет значение скорее простое обладание некоторыми свойствами, нежели их экземпляфикация.

Кто бы ни искал искусство без символов, не найдет ничего, если только учесть все способы, посредством которых происходит символизация. Искусство без изображения, или без выражения, или без экземпляфикации возможно; искусство, у которого отсутствовали бы все эти три функции одновременно — *нет*.

Указать, что искусство для поклонника чистого искусства состоит просто в отказе от некоторых видов символизации, еще не значит осудить его, но только раскрыть ошибку, свойственную манифестам, защищающим чистое искусство и исключаящим все другие его виды. Я не обсуждаю относительные достоинства различных школ, типов или способов живописи. Более важным мне представляется то, что признание наличия символической функции даже в чистом искусстве дает нам ключ к решению традиционной проблемы — когда мы имеем дело с произведением искусства, а когда — нет.

Эстетическая литература изобилует отчаянными попытками ответить на вопрос «Что есть искусство?». Этот вопрос, часто безнадежно смешиваемый с вопросом «Что представляет собой хорошее искусство?», остро стоит в случае найденного искусства — например, камня, подобранного на дороге и выставленного в музее, — и еще больше усугубляется рекламным поощрением так называемого экологического и концептуального искусства. Является ли разбитое автомобильное крыло в художественной галерее произведением искусства? Или то, что даже не является предметом и не выставлено ни в какой галерее или музее, например рытье и засыпка ямы в Центральном парке, как предписано Ольденбургом? Если это произведения искусства,

то являются ли ими все камни на дороге и все предметы и события? Если нет, то что отличает то, что является произведением искусства, от того, что им не является? Тот факт, что художник называет это произведением искусства? Или же тот, что это выставлено в музее или галерее? Ни один подобный ответ не выглядит убедительным.

Как я уже отметил вначале, частично проблема возникла в результате неправильной постановки вопроса, не учитывающей, что в одно время вещь может функционировать как произведение искусства, а в другое — нет. В решающих случаях настоящий вопрос будет звучать не как «Какие предметы являются (постоянно) произведениями искусства?», а как «Когда предмет является произведением искусства?», или более кратко, как в названии этой главы — «Когда есть искусство?».

Мой ответ состоит в том, что, так же как предмет может быть символом, например образцом, в определенное время и в определенных обстоятельствах и не являться таковым в другое время и при других обстоятельствах, точно так же предмет может в одно время быть произведением искусства, а в другое — не быть таковым. Действительно, только функционируя определенным способом в качестве символа, предмет становится произведением искусства. Камень обычно не является произведением искусства в то время, когда он лежит на дороге, но может быть им, когда демонстрируется в музее искусств. На дороге он, как правило, не выполняет никакой символической функции. В музее искусств он экземпляфицирует некоторые из своих свойств, например свойства формы, цвета, структуры. Рытье и засыпка ям становится произведением постольку, поскольку наше внимание направлено на это действие как на экземпляфицирующий символ. С другой стороны, картина Рембрандта может перестать функционировать как произведение искусства, когда она используется, чтобы закрыть разбитое окно, или же как одеяло.

Конечно, так или иначе функционировать в качестве символа само по себе еще не значит функционировать как произведение искусства. Когда кусочек ткани играл роль образца, то он в то время еще не становился произведением искусства. Вещи функционируют как произведения искусства только тогда, когда их символическое функционирование имеет определенные

характеристики. Камень в музее геологии выполняет символические функции образца камней данного периода, происхождения или состава, но в этом случае он не функционирует как произведение искусства.

Вопрос о том, какие отличительные черты характерны для символизации, обуславливающей функционирование предмета в качестве произведения искусства, требует тщательного изучения в свете общей теории символов. Это исследование выходит за рамки того, что я могу здесь предпринять, но я рискну высказать предположение, что имеются пять симптомов эстетического⁵: (1) синтаксическая плотность, когда самые тонкие различия в некоторых отношениях составляют различие между символами, например неградуированный ртутный термометр в его сопоставлении с электронным инструментом с цифровым дисплеем; (2) семантическая плотность, когда символы относятся к вещам, определяющимся самыми тонкими различиями в некоторых отношениях, например не только неградуированный термометр, но также и повседневный язык, хотя он и не является синтаксически плотным; (\$) относительная насыщенность, при которой существенное значение имеет сравнительно большое число символических аспектов, например рисунок Хokusая, изображающего гору единственной линией, где имеет значение каждый признак формы, линии, толщины и т. д. в отличие, возможно, от той же самой линии в качестве диаграммы ежедневных биржевых индексов, где значение имеет только высота линии над осью; (4) экзemplификация, когда символ вне зависимости от того, обозначает ли он что-либо или нет, что-то символизирует, служа образцом тех свойств, которыми он буквально или метафорически обладает; и, наконец, (5) многократная и сложная референция, где символ выполняет несколько объединенных и взаимодействующих референциальных функций⁶, одни из которых осуществляются непосредственно, а другие опосредуются другими символами.

5. См. *LA*, pp. 252—255 ¹⁰ предыдущие места, к которым там содержатся отсылки. Пятый симптом был добавлен в результате бесед с профессорами университета Айовы Полом Хернади и Аланом Нагелем.

6. Сюда не входит обычная многозначность, когда у термина есть два или несколько независимых обозначений в совершенно разное время и в совершенно разных контекстах.

Эти симптомы не дают никакого определения; в еще меньшей степени их можно считать полнокровным описанием или приветствием. Присутствие или отсутствие одного или нескольких из них не характеризует что-либо как эстетическое или же не являющееся таковым; равным образом степенью наличия этих симптомов не измеряется степень, в которой предмет или опыт является эстетическим⁷. Симптомы, в конце концов, являются всего лишь подсказками; у пациента могут быть симптомы болезни, но не быть самой болезни, или наоборот. И для того, чтобы даже эти пять симптомов могли хотя бы приблизительно считаться дизъюнктивно необходимыми и конъюнктивно (как синдром) достаточными, могло бы понадобиться перечертить заново неопределенные и зыбкие границы эстетического. Все же заметьте, что эти свойства имеют тенденцию сосредотачивать внимание скорее на символе, нежели на том, на что он указывает; или, во всяком случае, они привлекают внимание как к символизируемому, так и к самому символу. Там, где мы не можем точно определить, с каким именно символом системы имеем дело или имеем ли дело с тем же самым символом во второй раз, там, где референт настолько неуловим, что для соответствующего соотнесения с ним символа требуются бесконечные усилия, там, где значение имеет скорее большее, чем меньшее количество признаков символа, где символ является частным случаем тех свойств, которые он символизирует, и может выполнять многие взаимосвязанные простые и сложные референциальные функции, — там мы не можем просто посмотреть сквозь символ на то, на что он указывает, как это мы делаем, повинаясь сигналам светофора или при чтении научных текстов, но должны постоянно следить за символом непосредственно, как при разглядывании картин или при чтении поэтических произведений. Этот акцент на непрозрачность произведения искусства, на примат произведения над тем, на что оно указывает, далек от опровержения или игнорирования символических функций;

7. Отсюда вовсе не следует, что, например, поэзия, не будучи синтаксически плотной, в меньшей степени или с меньшей вероятностью является искусством, чем живопись, демонстрирующая все четыре симптома. Некоторые эстетические символы могут иметь меньше симптомов, чем некоторые неэстетические символы. Это не всегда хорошо понимают.

он восходит к определенным характеристикам произведения как символа⁸.

Безотносительно к вычленению определенных свойств, при помощи которых эстетическая символизация отделяется от всех прочих, ответ на вопрос «Когда есть искусство?» должен быть дан, на мой взгляд, в терминах символической функции. Возможно, утверждать, что предмет является искусством тогда и только тогда, когда он функционирует в качестве такового, означает утрировать ситуацию или выражаться эллиптически. Картина Рембрандта остается произведением искусства, точно так же как она остается картиной, функционируя только как одеяло, а камень с дороги может не стать в строгом смысле произведением искусства, функционируя в качестве такового⁹. Точно так же стул остается стулом, даже если на нем никогда никто не сидел, а упаковочный ящик остается ящиком даже в том случае, если его использовали исключительно для того, чтобы на нем сидеть. Сказать, что делает искусство, еще не значит сказать, чем искусство является; но я утверждаю, что первое — вопрос, заслуживающий основного и особого внимания. Дальнейший вопрос определения устойчивых свойств в терминах эфемерной функции — «что» в терминах «когда» — не ограничен искусством, но является весьма общим и остается для определения стульев тем же вопросом, что и для определения предметов искусства. Вереница мгновенных и неадекватных ответов во многом та же: является ли предмет произведением искусства — или стулом, — зависит от намерения или от того, выполняет ли он соответствующую функцию иногда, или обычно, или всегда, или исключительно. Поскольку все это скорее затеняет более специальные и существенные вопросы, касающиеся искусства, я переключил свое

8. Это еще один способ сказать, что сторонник чистого искусства совершенен и прав и в то же самое время полностью ошибается.

9. Так же как то, что не является красным, может выглядеть или быть названо красным *в определенное время*, так и то, что не является искусством, может функционировать как произведение искусства или быть названо искусством *в определенное время*. То, что предмет функционирует как произведение искусства в данное время, что он в это время обладает статусом искусства и в это время является искусством — все это может рассматриваться как утверждения об одном и том же, пока мы не принимаем ни одну из этих характеристик за приписывающую предмету устойчивый статус.

внимание с того, чем является искусство, на то, что искусство делает.

Заметный признак символизации, я уверен, состоит в том, что она может приходить и уходить. Предмет может символизировать различные вещи в разное время и ничего не символизировать в другое время. Нейтральный или чисто утилитарный предмет может функционировать как произведение искусства, а произведение искусства может функционировать как нейтральный или чисто утилитарный предмет. Возможно, не столько искусствоечно, а жизнь коротка, столько оба они переходящи.

Значение, которое это исследование природы произведений искусства имеет для общей цели этой книги, должно было стать теперь весьма ясным. То, как предмет или событие функционирует в качестве произведения, объясняет, как то, что функционирует подобного рода образом, может — благодаря определенным способам референции, — вносить вклад в созерцание и создание мира.

V. ЗАГАДКА ВОСПРИЯТИЯ

1. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЯВЛЕНИЯ

Время от времени кто-нибудь довольно раздраженно спрашивает меня: «Разве вы не видите, что перед вами?» И да, и нет. Я вижу перед собой людей, стулья, газеты и книги, а также их цвета, формы и образцы. Но разве я вижу молекулы, электроны и инфракрасный свет, которые также находятся передо мной? И разве я вижу этот штат или Соединенные Штаты, или вселенную? На самом деле я вижу только части этих целостных объектов, но в этом случае следует также признать, что я вижу только части людей, стульев и т. д. Если я вижу книгу, а она представляет собой скопление молекул, то вижу ли я скопление молекул? Но с другой стороны, как я могу видеть скопление молекул, не видя ни одной из них в частности? Если нельзя сказать, что я вижу скопление молекул, потому что «скопление молекул» - это изощренный способ описания того, что я вижу непосредственно, то как можно сказать, что я вижу магнит или ядовитый гриб? Предположим, что кто-то спрашивает, видел ли я на своей лекции футбольного тренера, и я говорю: «Нет». Но он был в аудитории, а я, конечно, видел каждого в аудитории. Хотя я видел его, я говорю, что не видел, потому что я не знал, что человек в правом конце восьмого центрального ряда — футбольный тренер.

Тем самым мы уже подверглись опасности запутаться в до боли знакомом нагромождении не слишком ясных вопросов. Поэтому Вам будет приятно узнать, а мне еще приятнее Вам сообщить, что в этой главе я займусь не вопросами о том, видим мы или нет то, что находится перед нами, а, скорее, некоторыми случаями наблюдения того, чего перед нами нет.

2. СОВЕРШЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

То, что мы часто — и со значительной регулярностью и предсказуемостью - видим то, чего перед нами нет, подтверждено явлениями оптической иллюзии, описанными в психологичес-

кой литературе, наблюдениями за фокусниками и фактами пропуска ошибок при проверке правописания. В первую очередь я намереваюсь обсудить наблюдение отсутствующего движения или отсутствующих изменений, потому что это ставит некоторые интригующие теоретические проблемы. Мой первичный источник — книга Пола А. Колерса «Аспекты восприятия движения»¹.

Самое простое и лучше всего известное явление видимого движения имеет место в том случае, когда цветное пятно, появляющееся на контрастирующем фоне в течение очень короткого времени, сопровождается после интервала от 10 до 45 миллисекунд появлением подобного цветного пятна на коротком расстоянии от первого². При более кратком интервале времени на том же самом расстоянии мы видим, что два цветных пятна высвечиваются одновременно; при более длинном интервале мы видим два цветных пятна, высвеченных последовательно; но в пределах указанного интервала времени мы видим одно цветное пятно, перемещающееся от первой позиции ко второй. Согласно Колерсу, это явление было «известным лабораторным курьезом», когда Зигмунд Экснер впервые подверг его формальному эксперименту в 1875¹ -> но вплоть до появления работ Макса Вертхаймера в 1910-м оно так и не стало предметом какого-либо систематического исследования (*АМР*, 1—2). Колере считает, что причиной этого отчасти послужило отсутствие подходящей аппаратуры, но еще в большей степени эта задержка была обусловлена сопротивлением «механистической философии», которая приводила доводы в пользу непосредственного соответствия между физическим стимулом и психологическим опытом. Явление видимого движения — драматическое нарушение этой принятой эквивалентности» (*АМР*, 3). К сожалению, драматические нарушения часто не в состоянии поколебать догму.

В настоящее время этот самый простой и наиболее банальный случай видимого движения уже никого не удивляет. Мы не-

1. Paul A. Kolers. Aspects of Motion Perception. Oxford: Pergamon Press, 1972.

*та книга (далее — *АМР*) является выдающимся документом экспериментальной и теоретической психологии. Мое изложение, будучи фрагментарным, интимно связано с беседой с Полом Колерсом.

2. Скажем, один дюйм четыре линии. О пределах и вариациях интервалов и Расстояний, также как и о деталях аппарата и процедуры, см. *АМР*, гл. 5.

брежно списываем его на некоторый предполагаемый скачок нервных дуг, замыкание на сетчатке или подкорке. Фактически, это ставит некоторые трудные и существенные вопросы. Во-первых, насколько восприятие видимого движения подобно восприятию реального движения, когда цветное пятно действительно перемещается из одного места в другое? Что происходит в последнем случае — прослеживаем ли мы цветное пятно вдоль всей его траектории или, скорее, фиксируем его в нескольких местах и заполняем промежутки, как если бы по этой траектории не двигалось никакого пятна? Участвуют ли «датчики движения»³ в восприятии видимого движения так же, как в восприятии реального движения? Если так, то не являются ли они, скорее, датчиками быстрой последовательности? А если нет, то движение, которое мы видим, не всегда зависит от них. Во-вторых, каким образом мы способны при восприятии видимого движения расположить пятна в пространственно-временных промежутках по траектории, идущей от первой ко второй вспышке *прежде, чем эта вторая вспышка происходит?* Откуда мы знаем, в каком направлении двигаться? Ван дер Вала и Релофс предложили интригующую гипотезу, согласно которой движение производится ретроспективно, строится только после того, как происходит вторая вспышка, и проецируется назад во времени⁴.

Колере в своей книге отклоняет и аналогию с восприятием реального движения, и гипотезу ретроспективного построения. Однако ни одна из этих идей не выглядит настолько неправдоподобной или непривлекательной, чтобы от нее можно было так просто отказаться, и впоследствии у нас может возникнуть необходимость в том, чтобы исследовать их аргументы.

3. ФОРМА И РАЗМЕР

Колере начал свое экспериментальное исследование с вопроса о том, что происходит, когда последовательно высвечиваются

не точки или пятна, а фигуры. Так как фигура в некотором смысле состоит из многих точек, мы могли бы с уверенностью предположить, что, когда одна и та же фигура высвечена оба раза, она будет восприниматься движущейся так же, как точка. Но что, если высвечены различные фигуры, скажем, сначала квадрат, а потом треугольник или круг? Или предположим, что две фигуры имеют одинаковую форму, но различаются по размеру. Можно ожидать, что маленькие различия любого вида будут плавно преодолены; но до какой степени различие должно увеличиться для того, чтобы прервать плавность перехода и разделить видимые события так же, как физические? Например, является ли различие между маленьким кругом и большим кубом достаточным — или более чем достаточным?

Ставя вопрос подобного рода образом, мы исходим из допущения того, что мы уже имеем соответствующую меру подобия, которую нужно использовать при определении границ несходства для плавного видимого изменения. Но в то время как мы имеем очевидную меру подобия размера для постоянной формы, у нас нет такой меры подобия для различных форм. Похож ли круг на тонкий эллипс больше, чем на правильный шестиугольник или сферу? Похож ли куб на квадрат больше, чем на тетраэдр? Похож ли длинный прямоугольник со срезанным уголком больше на целый прямоугольник, чем на правильный шестиугольник? Любое количество равно разумных принципов дает разные требования к подобию форм.

Почему бы тогда не переменить нашу позицию на противоположную? Предположим, что две фигуры тем более подобны друг другу, чем более легко и плавно они преобразуются друг в друга? Вспомним о заманчивой перспективе, которую я обсуждал с Колерсом на ранней стадии его экспериментального исследования, — отыскать эмпирически обоснованную меру или, по крайней мере, общий сравнительный тест для психологического подобия по какому-либо важному признаку. Позвольте мне воздержаться от более подробного рассказа об экспериментах и ограничиться признанием, что они похоронили эту счастли-^вук> надежду, показав, что почти любое различие между двумя фигурами может быть плавно преодолено. Видимое изменение^{1с} представляет собой чувствительного инструмента для измерения подобия (AMP, 46 и далее).

3- См.: Дж. Леттвин, Х. Матурана, У. Маккалюх, У. Питтс. Что глазлягушки говорит ее мозгу (/ J. Y. Lettvin, J. K. Maturana, W. S. McCulloch, W. H. Pitts. What the Frog's Eye Tells the Brain // Proceedings of the Institute of Radio Engineers, Vol. 47, New York, 1959, pp. 1940—1951). См. далее раздел 4 и примечание 7.

4. Дальнейшее обсуждение этого вопроса см. ниже в разделе 4.

Очевидно, термин «видимое движение» является слишком узким для масштабов исследования Колерса, рассмотревшего видимые изменения многих родов: в позиции, в форме, в размере или в любых двух или всех трех из этих измерений. В некоторых экспериментах следовавшие друг за другом эпизоды накладывались друг на друга так, что видимое изменение влекло увеличение, или уменьшение, или деформацию, или их некоторую комбинацию без движения целой фигуры. В то время как изменение в форме часто может считаться приводящим к движению частей, это не обязательно так для увеличения или уменьшения. Более того, даже термин «изменение» слишком узок, чтобы покрыть случаи, когда следовавшие друг за другом эпизоды рассмотрения одной и той же фигуры в точности накладываются друг на друга; в данном случае заполнение интервала с целью дать одну постоянную фигуру приводит скорее к устойчивости, чем к изменению. В основе всех этих случаев лежит одно общее явление — перцептивное соединение или дополнение, которое строит объединенное целое, фиксированное илидвигающееся, устойчивое или изменяющееся.

Как я уже сообщил, эксперименты показывают, что в пределах указанных интервалов времени и расстояния между последовательными вспышками обычно происходит дополнение, соединяющее их в одно протяженное и, возможно,двигающееся, растущее, сокращающееся или иначе изменяющееся феноменальное целое, будь две стимульные фигуры одинаковы или решительно отличны друг от друга. Это справедливо для плоских и объемных фигур, физических предметов, букв и других символов, соединенных гетерогенно так, что подобная трансформируемость не приводит к появлению каких-либо пригодных классов подобия форм. Колере пишет: «Если все двухмерные [и трехмерные]⁵ формы — члены одного класса, как это, видимо, уже почти доказано полученными результатами,... то нет никакой надежды установить классы форм согласно выполненным с ними визуальным действиям» (*AMP*, 190). Так как эти результаты накапливаются в таком едином строю, что начинают терять новизну, мы не должны упустить из виду изобрета-

тельность, показанную в некоторых случаях при импровизации маршрутов перехода. Я говорю «импровизация», потому что маршруты, проходящие между одними и теми же двумя фигурами, могут значительно изменяться в зависимости от обстоятельств, предмета и случая. Например, переход от куба к квадрату может выполняться иногда извлечением, а иногда сжатием; а переход от трапецоида к его аннулированию — иногда плоским преобразованием, а иногда вращением по глубине (*AMP*, 88—91)⁶. Кстати, некоторым из нас такая импровизация представляется более «свойственной человеческой природе», чем так называемые «врожденные» идеи. Я даже задавался, хотя и безуспешно, вопросом, могли ли бы некоторые типы маршрутов передвижения соотноситься с некоторыми психологическими способностями или другими психологическими характеристиками в такой степени, чтобы обеспечить основание для некоторого диагностического теста.

Однако что происходит, если между местами расположения двух вспышек установлен фиксированный барьер? Скажем, на белом поле с черной линией посередине черный круг появляется сначала слева от линии, а затем (в пределах предусмотренных временных и пространственных интервалов) справа от нее? Полностью ли предотвращено тогда видимое движение или только прервано? Ни то, ни другое, говорит Колере. Круг перемещается вправо, огибает барьер и движется ко второй позиции (*AMP*, 79—80).

ODOD ODO

Рис. 1

Во всех до сих пор рассмотренных случаях появлялась только одна фигура или предмет. Однако Колере исследовал и намного более сложные и зачастую имеющие огромное теоретическое значение примеры. Например, в одном эксперименте

6. При этом единое общее описание может учитывать широкие вариации в маршруте. Например, когда Колере говорит о «вращении трапециoids по горизонтальным осям через третье измерение» без дальнейшего уточнения, вращение может предположительно происходить в различных направлениях в разных случаях.

5- Принимая во внимание результаты Колерса, нет смысла ограничиваться двухмерными формами.

(AMP, 82) последовательно появлялись две группы по четыре фигуры (рис. 1).

Когда сначала появляется первая группа слева, а потом вторая — справа от нее, то по какому маршруту обычно идет переход? Поскольку при использовании отдельных фигур квадраты и круги легко преобразовываются друг в друга, не будет ли здесь каждый круг становиться квадратом, а каждый квадрат кругом по мере того, как группа перемещается вправо? Вовсе нет. Вместо этого три правые фигуры первой группы, не меняя форму, двигаются как единое целое на место трех левых фигур второй группы, в то время как крайний левый круг первой группы перемещается вокруг, чтобы стать самой правой фигурой второй! Во втором эксперименте, когда крайней правой фигурой второй группы стал квадрат, крайний левый круг первой группы изменился на квадрат по мере того, как он посредством кругового движения к правому краю.

Визуальная система явно устойчива, изобретательна и иногда довольно упряма в построении мира по своим собственным меркам; достраивание до целого искусно, гибко и зачастую разработано до мелочей. Прежде чем мы рассмотрим следующие важнейшие эксперименты, необходимо остановиться на некоторых теоретических вопросах и выводах.

4. СЛЕДСТВИЯ И ВОПРОСЫ

Какие заключения мы можем сделать? Во-первых, приведенных данных более чем достаточно для того, чтобы отбросить любую теорию замыкания. Последние два примера лишают такого рода объяснения всякого остатка правдоподобия. Если бы электрические токи вели себя таким образом, то компьютеры работали бы еще хуже, чем сейчас. Однако привычка редуцировать психологические явления к электрическим исчезает медленно. Колере пишет по этому поводу следующее (AMP, 180): «Теория короткого замыкания опровергалась чаще, чем любая другая теория в рамках психологии восприятия, и все же у нее должны быть какие-то качества, которые многие исследователи находят привлекательными, потому что она все еще сохраняет свою силу». Без сомнения, какая-нибудь ее версия переживет всех нас.

Во-вторых, попытки сформулировать теорию в терминах движения глаза, предпринятые многими физиологами, терпят такую же неудачу (AMP, 72 и далее). В обсужденных выше экспериментах глаза, чтобы произвести различные движения для крайнего левого круга первой группы и остальных трех фигур, должны были бы двигаться с разной скоростью и скреститься посередине. Кроме того, во втором из этих двух случаев один глаз должен был бы в то же самое время выполнить и другие невообразимые акробатические трюки, чтобы преобразовать крайний левый круг в квадрат по мере того, как он перемещается. Глаза, вращающиеся подобным образом, заслуживали бы наблюдения в большей степени, чем любые фигуры. Не менее красноречив и другой эксперимент (AMP, 77)»¹ Д° сначала показан круг, расположенный в центре (рис. г), а затем четыре круга, расходящиеся в различных направлениях от него.

РИС. 2

Центральный круг разделяется на четыре круга, двигающихся поодиночке одновременно в четыре разные стороны. Следует ли признать, что оба глаза двигаются во всех четырех направлениях сразу? Или они двигаются по отдельности, каждый в двух разных направлениях?

Высмеивать такие теории легче, чем найти какую-то удовлетворительную. Когнитивный подход выглядит более многообещающим. Зрительная система стремится к однородности и непрерывности, обусловленной ее анатомией и физиологией, ее поведение подвергается воздействию увиденного и сделанного. Ранее, но в ней постоянно присутствует импровизация. Этого² совсем не достаточно для теории, которая объясняла бы особенности различных результатов этих экспериментов. Даже Довольно осторожные *обобщения*, которые могли бы послужить

шагами к более широким принципам, часто терпят

неудачу. Например, в некоторых случаях фигура из числа показанных первыми будет перемещаться к *ближайшей* фигуре из показанных вторыми и преобразовываться в нее; в других случаях она будет двигаться, не изменяясь, к ближайшей фигуре *той же формы*, игнорируя более близкую фигуру другой формы (AMP, 100—102). В результате Колере делает вывод: «Не было предложено никакой теории иллюзорного движения, которая объясняла бы значительное количество наблюдений» (AMP, 181). Я подозреваю, что зрительная система, организуя мир по своей мерке, получает дополнительное удовольствие, сводя на нет наши поиски теории.

Однако о паре теоретических вопросов, поднятых ранее, можно сказать и больше. Прежде всего, являются ли восприятие видимого движения и восприятие реального движения в принципе тождественными? Основания для того, чтобы дать утвердительный ответ, настолько серьезны, что, согласно Колерсу, «Гибсон однажды охарактеризовал как „неудачное“ проведение различия между действительными и иллюзорными движениями» (AMP, 175). Мы знаем, что при обычном чтении, например, мы выбираем фрагментарные опорные точки в тексте и основательно дополняем их, и вряд ли найдется много причин предположить, что восприятие реального движения, напротив, происходит путем непрерывного слежения. Кроме того, когда наряду с движением происходят другие изменения, постоянное слежение за всем, что происходит, представляется весьма маловероятным. В том, что восприятие и реального, и видимого движения происходит благодаря дополнению промежуточных намеков, эти два вида восприятия действительно подобны. Однако они также весьма отличны друг от друга. Во-первых, когда реальное движение отклоняется от обычной траектории видимого движения, это отклонение обычно заметно. Таким образом восприятие реального движения, в отличие от восприятия видимого движения не может быть сведено к вопросу заполнения промежутка между крайними позициями; так или иначе, но в ситуации, когда невозможно непрерывное слежение, нам тем не менее необходим значимый выбор опорных точек. Колере полагается вместо этого на два других аргумента (AMP, 35 и далее, 174 и далее). Первый состоит в том, что субъект может обучиться довольно неплохо распознавать, воспринял ли

он реальное или видимое движение. Когда мы наблюдаем перемещение цветового пятна, которого в действительности не происходит, то это наблюдение заметно отличается по качеству от наблюдения действительно перемещающегося цветового пятна. Но, возможно, еще более убедительно-экспериментальное определение Колерса: в то время как реальное движение по пересекающимся траекториям вполне может быть воспринято, траектории видимого движения никогда не пересекаются.

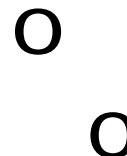

Рис.3

Например (AMP, 77), если сначала появляется верхний ряд на рис. 3, а потом нижний, то каждая из двух фигур, составляющих верхний ряд, перемещается прямо вниз и преобразуется в отличную форму нижнего; круг и квадрат никогда не перемещаются по диагонали к нижним фигурам той же формы. Восприятие реального движения и восприятие видимого движения, хотя они и похожи друг на друга в ряде важных отношений, все же часто весьма различны. Но догадка, согласно которой различие можно было бы объяснить в терминах активации/не-активации «датчиков движения», была дискредитирована экспериментальным показом того, что глаз лягушки реагирует на последовательное дискретное возбуждение так же, как на непрерывное движение⁷.

Второй вопрос — как дополнение может начинаться в правильном направлении прежде, чем происходит вторая вспышка? Откуда зрительная система знает заранее, идти ли направо или налево, вверх или вниз, начинать преобразовывать квадрат в круг или в треугольник? Вероятное объяснение, по моему мнению, состоит в том, что, хотя видимое движение или измене-

7. См. у Колерса (AMP, 169) обсуждение соответствующих работ различных исследователей (напр., O. J. Grosser and Ursula Grusser-Carnhels. Neurophysiology the Anuran Visual System // Frog Neurobiology: A Handbook. R. Llinas and • Fecht, eds. Springer, 1976, pp. 297-385).

ние воспринимается как перемещение от первой ко второй вспышке, оно строится только по мере того, как происходит вторая вспышка или после этого. Вне зависимости от того, считается ли это восприятие первой вспышки отсроченным, сохраненным или вспомненным, я во всех этих случаях называю это теорией ретроспективного построения — теорией, согласно которой конструкция, воспринятая как появившаяся между двумя вспышками, возникает не ранее второй. Если это кажется сложным и даже несколько причудливым объяснением, оно все же весьма соответствует по характеру тем сложным и замечательным явлениям, с которыми мы столкнулись. Кроме того, я думаю, что схожее объяснение пригодно для сна, в котором снится источник фактического шума, от которого спящий просыпается. Колере, по-видимому, в меньшей степени, чем я, готов приписать зрительной системе некоторую своеобразную изобретательность; в своей книге он отклоняет теорию ретроспективного построения видимого движения и изменения, настаивая на том, что «построение происходит в режиме реального времени» (AMP, i84)⁸. Он высказывает предположение, что направление дополнения определено ожиданием, выработанным практикой (AMP, 196). Так как наблюдатель обычно не очень хорошо воспринимает видимое движение, пока не получит некоторой практики, можно предположить, что такая практика обеспечивает необходимое руководство.

Меня это объяснение не удовлетворило, и через некоторое время после выхода своей книги Колере сказал мне, что он стал

8. Возможно, я здесь слишком упрощаю; может быть, единственное различие состоит в том, что именно Колере и я считаем теорией ретроспективного построения. Аргумент Колерса в общем таков: поскольку восприятие стимула занимает до трети секунды, в то время как интервал между вспышками — около десятой части, то вторая вспышка происходит намного раньше восприятия первой вспышки; процесс строительства видимого движения может — так же как процесс восприятия вспышек должен — начаться прежде, чем восприятие вспышек завершено; таким образом, дополнение может быть выполнено наряду с восприятием вспышек без всякого ретроспективного строительства. Однако процесс дополнения едва ли может начаться прежде, чем *произойдет* вторая вспышка; все же при перцептивном упорядочении видимое движение находится между двумя вспышками и соединяет их. Начальная последовательность «вспышка-1 — вспышка-2 — дополнение» сменяется при восприятии на последовательность «вспышка-1 — дополнение — вспышка-2». Такое перцептивное переупорядочение я считаю ретроспективным построением.

более сочувственно относиться к теории ретроспективного построения. Для разрешения этой проблемы мы крайне нуждались в некоторых легко осуществимых экспериментах. Например, при практическом обучении при первой вспышке всегда располагать точку в центре поля, а при второй — наугад в различных направлениях от центра. Если после этого видимое движение воспринимается легко и ясно, то успех дополнения в обнаружении его пути не может быть приписан практике. Только очень недавно такие эксперименты, поставленные в университете Орегона⁹, окончательно разрушили гипотезу практики. Это, кажется, оставляет нам выбор между теорией ретроспективного построения и верой в ясновидение.

Итак, мы видели, что глубокая и важная книга Колерса поднимает много загадок, однако ни одна из них не является *загадкой* восприятия, упомянутой в названии этой главы.

5. ЦВЕТ

В ходе работы, описанной в книге Колерса, я часто убеждал его изучить другой вопрос: что происходит, когда следующие друг за другом вспышки различаются по цвету? Колере согласился с тем, что это интересный вопрос, но не имел возможности спроектировать и построить аппаратуру для таких экспериментов, пока шло исследование изменений в позиции, форме и размере. Таким образом, в своей книге Колере обращается только к нескольким отрывочным исследованиям этого вопроса другими учеными, например Сквайрсом, который «подтвердил предположение Вертхаймера, согласно которому различия в цвете преодолеваются зрительной системой плавно» (AMP, 43). Но, видимо, никто не исследовал *маршрут* такого разрешения. Этот вопрос особенно заинтересовал меня по следующей причине: если бы мы могли выяснять, проходит ли маршрут изменения °т, скажем, красного к зеленому через умеренно-серый или через спектральные оттенки оранжевого и желтого или обходит °х все, то мы могли бы получить новое экспериментальное доказательство для подтверждения или переделки стандартного

9- См.: Beck, Ann Eisner, C. Silverstein. Position Uncertainty and the Perception of Apparent Movement // Perception and Psychophysics, Vol. 21, 1977, pp. 33—38.

упорядочения цветов¹⁰. Иначе говоря, мы могли бы принять траекторию совершенного подобным образом перехода между каждыми двумя цветами за прямую линию — кратчайшее расстояние — между ними, и продолжать реконструировать то, что могло бы оказаться либо знакомым цветным телом, либо чем-то совсем другим, но в любом случае представило бы характерную картографию важного вида цветового подобия.

После окончания своей книги Колере с партнером, фон Грюнау, провел предложенные эксперименты по изменению цвета и сообщил о полученных ими результатах в двух статьях¹¹. В этих экспериментах последовательно показываемые фигуры имели различные цвета — иногда контрастирующие, даже дополнительные, цвета типа красного и зеленого, иногда более схожие типа красного и темно-розового. Иногда появляющиеся фигуры были одними и теми же по размеру и форме; иногда первым мог быть, скажем, маленький красный квадрат, в то время как вторым — большой зеленый (или розовый) круг.

Как и ожидалось, различия в цвете несколько не мешают плавному видимому изменению места, размера или формы. Но каким путем происходит изменение цвета? Прямо через ровный цвет? На поверхности? Или неким иным способом? В течение нескольких лет Колере и многие другие физиологи, так же как и не-физиологи, подобно пишущему эти строки, строили предположения на этот счет. А вы как думаете? Ни один из нас не оказался даже приблизительно прав — и вы тоже! Здравый смысл, конечно, сообщает нам в свете экспериментов с видимым изменением в других отношениях, что цветное изменение пройдет плавно по той или иной траектории, — и подводит нас здесь даже хуже, чем обычно. Фактический результат экспери-

мента поразителен. Высветите маленький красный квадрат, а затем большой зеленый (или розовый) круг в пределах указанных ограничений времени и расстояния, и вы увидите, как квадрат при плавном перемещении, преобразовании и превращении в круг *остается красным примерно до середины пути, а затем резко меняет цвет на зеленый (или розовый)*.

Это представляется мне одним из наиболее неожиданных и драматичных результатов в истории экспериментальной психологии. И здесь мы обнаруживаем загадку восприятия, упомянутую мной в названии этой главы.

6. ЗАГАДКА

Как получается, что цветовой переход не только происходит совершенно иначе, чем переход в позиции, размере или форме, но и так упорно? Даже когда этот переход сопровождается плавными изменениями в других отношениях (и можно было бы предположить, что испытывает их влияние), цвет изменяется скачкообразно. По-прежнему происходит полное соединение: каждое из прошедших мест по траектории между двумя вспышками заполнено, но скорее одним из высвеченных цветов, чем последовательными промежуточными цветами.

Возможно, первая мысль здесь такова: поскольку, в конце концов, цвет — не позиция, не форма и не размер, то предположение, что видимое цветовое изменение должно быть параллельно изменениям в этих других отношениях, в той или иной степени необоснованно. Но без некоторого объяснения того, как определенная особенность цвета может сделать понятным резкое изменение, это предположение мало чем помогает, поскольку позиция, форма и размер также отличаются друг от друга по Целому ряду параметров¹², и все же во всех этих отношениях происходит плавный переход.

Рассмотрим три взаимосвязанных признака обычного «реального» перцептивного изменения пространственно-временных свойств¹³, помимо тех специальных явлений, которые мы рассматривали.

** См., например, SA, pp. 53 ff. *99> 260 ff.

¹³ То есть такого перцептивного изменения, которое сопутствует изменению в представленном стимуле. Это не всегда подразумевает коррелятивное

10. Стандартное упорядочение состоит из сферы или двойной пирамиды, где оттенки расположены в спектральной последовательности вокруг экваторной линии, интенсивность цвета изменяется по широте, а чистота — по близости к поверхности. Эта модель имеет важное достоинство, состоящее в том, что она является стандартом, но нет никакого устойчивого требования, согласно которому она являлась бы единственным или первичным перцептивным упорядочением цветов. Это обычно предполагается, но редко подвергается радикальному теоретическому и экспериментальному исследованию. См. далее SA, pp. 268–276.

11. См. Science, Vol. 187, [1975] PP. 757–759; Vision Research, Vol. 16, 1976» PP. 329–335.

Во-первых, плавное перцептивное изменение формы, размера и положения предмета по мере того, как изменяются расстояние и угол зрения, пронизывает собой повседневный опыт. По мере того как я наблюдаю поворот кубического объекта, его визуальная форма постепенно преобразуется; по мере того как он перемещается ко мне или от меня, он визуально растет или сокращается; а по мере того как он перемещается влево или вправо, вверх или вниз, он может пересекать поле зрения.

Во-вторых, такое перцептивное изменение часто происходит, когда перемещаемся мы сами или наши глаза или же при манипуляции с предметом. Таким образом, подобное изменение не только происходит снова и снова при нормальном течении событий, но во многих случаях мы можем вызывать его и произвольно его испытывать. Оно полностью усвоено и наблюдением, и практикой.

В-третьих, незаполненные пространственно-временные промежутки редко заключены в пределах самого предмета. Мощно и находчиво, сознательно и автоматически боремся мы за все, что может потребоваться, чтобы соединить отдельные части в один предмет или псевдо-предмет, как в случаях на рис. ф

Рис.4

Но если только нам так или иначе не удастся — перцептивно, концептуально или предположительно — заполнить интервал между двумя отдельными объектами или событиями, мы сопротивляемся их объединению в одну вещь. Там, где мы наблюдаем резкое изменение в форме или размере без изменения в ме-

физическое изменение в наблюдаемом предмете. Например, когда я иду вокруг пирамиды, перцептивная форма и представленный стимул сопутственно изменяются, в то время как физическая форма остается постоянной.

стоположении, мы, естественно, воспринимаем это скорее как замену предмета, чем как его преобразование. Связность — стандартное, если не безусловное, требование для единства объекта.

Теперь рассмотрим во всех этих деталях наш опыт с цветом. Во-первых, постепенное цветовое изменение никоим образом не является столь преобладающим, как постепенное пространственно-временное изменение. Плавный переход между оттенками цвета происходит в бледном свете рассвета или заката или при повороте регулятора освещенности. С другой стороны, плавный переход между контрастирующими оттенками встречается редко, тогда как резкие изменения происходят в изобилии всякий раз, когда наш взгляд движется через пестрые цвета, почти всегда окружающие нас.

Во-вторых, мы не можем *вызывать* постепенный переход между различными цветами так же легко, как между различными позициями, формами или размерами. Ничто сравнимое с простым осознанным движением глаз или тела, без вспомогательного аппарата, не изменит цвет плавно или каким бы то ни было регулярным и предсказуемым способом.

В-третьих, разрывы в цвете в отличие от пространственно-временных разрывов не представляют собою препятствия для единства предмета. Самые обычные вещи, от людей до зданий и галстуков, содержат в своих пределах резко ограниченные области контрастирующих цветов, а цвета, располагающиеся между черным и красным, между цветами шашечной доски, не нужны нам для того, чтобы воспринимать доску как отдельный предмет. Обычно все, что требуется, — это контраст внешних границ с фоном¹⁴. Кроме того, мы принимаем быстрые изменения цвета при мигающем свете за изменения в воспринятом Цвете того же объекта скорее, чем за его замену предметом другого цвета. Предмет не теряет своей идентичности, проходя по очереди через солнце и тень¹⁵.

¹⁴ Иногда перцептивная система даже поставляет отсутствующие части конъюра. См., например, интересные недавние обсуждения: /oAn Kennedy. Attention, brightness, and the Constructive Eye // Vision and Artifact. M. Henle, ed. Springer, 1976, pp. 33–47; Gaetano Kanizsa. Contours without Gradients or Cognitive Contours? // Italian Journal of Psychology, Vol. i, 1974, pp. 93–113.

¹⁵ Поскольку цветовые скачки совместимы с идентичностью предмета или УРы, мы можем задаться вопросом, почему, когда черный квадрат дважды

Итак, плавное разрешение пространственно-временных несоответствий в отличие от плавного разрешения цветовых контрастов является общим местом в повседневном опыте, часто может осуществляться произвольно и неоднократно и требуется для обращения с большинством предметов, с которыми мы имеем дело в нашем повседневном мире. По-моему, это верный путь к объяснению того, почему в экспериментах Колерса перцептивная система — в точном соответствии со своим опытом, практикой и ролью — обращается с пространственно-временными и цветовыми несоответствиями по-разному.

Можем ли мы остановиться на этом? Все ли этим сказано об удивительных результатах цветовых экспериментов? Напротив, я думаю, что мы пропустили наиболее важное и очевидное соображение: *практически каждый ясный случай визуального восприятия движения зависит от резкого изменения в цвете.*

Рассмотрим ровный черный квадрат, перемещающийся с умеренной скоростью слева направо на белом фоне. В каждый момент левый край черного сменяется белым, сливаясь с фоном, в то время как белое на границе с правым краем черного сменяется черным, становясь частью квадрата. Нет никаких воспринимаемых пространственно-временных промежутков между непосредственно следующими друг за другом изменениями на каждом краю — они составляют непрерывный процесс. Но составляющие его цветовые изменения сами являются скачками между черным и белым — нет никакого прохождение через промежуточное звено серого. Это составляет восприятие движения. Только так сохраняется непрерывность контура; черный квадрат повсюду остается тем же самым черным квадратом (или в других случаях плавно преобразуется по размеру или форме), контрастируя по всему периметру с белым фоном. В более общем случае, независимо от размера, формы и цвета рассматриваемой фигуры или предмета, такие непрерывные скачки меж-

появляется на белом фоне без изменений в позиции, размере или форме, мы видим в этот момент последовательность «черный — затем белый — затем черный»? Ответ очевиден: протяженность черного (или другого цвета, отличного от белого) требуется для протяженности фигуры. Белая стадия разграничивает контур так, чтобы вспышки черного квадрата могли быть восприняты как отдельные события. Обычно цветовые промежутки вполне приемлемы, но ради сохранения контура и непрерывности они могут быть заполнены.

ду разными цветами на границах — неотъемлемая часть восприятия реального движения, и это справедливо также для восприятия видимого движения, поскольку оно приближается к восприятию реального движения.

В силу того, что зрительная система совершает такие прыжки одним махом, что они совершенно необходимы для восприятия движения, и что идентичность объекта зависит не от плавного цветового перехода, а от контраста с фоном по контуру, цветовые скачки в экспериментах Колерса кажутся такими неизбежными, что нам впору задаться вопросом, как же мы позволили ложной аналогии обманывать нас, заставляя ожидать чего-то другого.

Наша загадка восприятия исчезает, но остаются захватывающие факты видимого изменения и проблема получения общего объяснения. Загадка, хотя ее происхождение представляется мне обворожительным и оскорбительным одновременно, имеет для наших целей меньше значения, чем сами эти явления. Заметим напоследок, что они изучены, стали предметом экспериментов и обсуждены столь же объективно, сколь обсуждаются физические факты. Задача обнаружения фактов не станет произвольной или бессмысленной от того, что они являются фактами скорее «видимого», чем «реального» или физического движения. «Видимый» и «реальный» здесь — лишь коварные и пагубные ярлыки для разнородных фактов. Так же как движение точки поперек экрана иногда «не присутствует» в стимуле или предмете, так и отдельные статические вспышки иногда «вне» восприятия. Мы видели некоторые поразительные примеры того, как восприятие изготавливает свои факты¹⁶. Это, вместе с обсуждением в главах II-IV некоторых других специфических средств и родов создания миров, возвращает нас к более общему исследованию, начатому в главе I.

6. Другие поразительные примеры могут быть найдены в перцептивном фаивании контуров (см. выше примечание 14) и цвета, который, согласно

СЛэнду, зависит не от специфической длины волны, а, скорее, от «вне-КНХ изменений энергии»; (см. его статьи: *Land E. H. Our polar partnership the world around us* // *Harvard Magazine*, vol. 80, 1978, pp. 23-26; *The*

Theory of Color Vision // *Scientific American*, vol. 237, 1977, pp. 108-110). О дальнейших экспериментах по восприятию движения см. *E. Sigman, L. Stroboscopic Movement based on Perceptual Intelligence* // *Perception*,

* 3. 1974, pp. 9-28.

VI. ФАБРИКАЦИЯ ФАКТОВ

1. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ИЗОБРЕТЕНИЕ

Предыдущая глава начиналась с довольно укоризненного вопроса: «Разве вы не видите, что перед вами?» и заканчивалась разъясняющим ответом: «Это зависит от...». Одна из обстоятельств, от которых это зависит, — это ответ на другой вопрос: «Хорошо, а что находится передо мной?» Этим вопросом я начинаю данную главу и должен признаться, что ответом на него также является «Это зависит от...», а одно из обстоятельств, от которых это сильно зависит, — это ответ на еще один вопрос: «Что вы об этом думаете?»

Достоинство данного мною названия, — «Фабрикация фактов», — заключается не только в том, что оно совершенно ясно указывает ту тему, которую я собираюсь обсуждать, но также и то, что оно раздражает тех фундаменталистов, которые очень хорошо знают, что факты обнаруживаются, а не создаются, что факты составляют один-единственный реальный мир и что знание состоит из веры в факты. Эти догматы, в которые непоколебимо верит большинство из нас, так связывают и ослепляют нас, что выражение «изготовление факта» кажется нам парадоксом. «Фабрикация» стала синонимом «ложности» или «фикции» в противоположность «истине» или «факту». Конечно, мы должны отличать ложность и фикцию от истины и факта; но я уверен, что мы не можем сделать это на том основании, что фикция изготовлена, а факт обнаружен.

Обратимся вновь к случаю так называемого видимого движения. Экспериментальные результаты, которые я обобщил, не являются универсальными; они не более чем типичны. Помимо того что различные наблюдатели воспринимают движение по-разному, некоторые из них и вовсе не могут заметить видимое движение. Тех, кто неспособен видеть то, чего, как им известно, перед ними нет, Колере считает наивными реалистами; при этом он обращает внимание на тот факт, что непропорционально высокий процент людей, придерживающихся наивно-реалистических взглядов, встречается среди инженеров и врачей (AMP, 160).

Тем не менее если наблюдатель сообщает, что видит две различные вспышки даже при настолько коротких расстояниях и интервалах, что большинство наблюдателей видят одно перемещающееся цветное пятно, то, возможно, это означает, что он видит два пятна, поскольку мы могли бы сказать, что видим скопление молекул, когда смотрим на стул, или поскольку мы говорим, что видим круглую крышку стола даже тогда, когда мы смотрим на нее под наклонным углом. Так как наблюдатель может научиться хорошо отличать реальное движение от видимого, он может принимать видимое явление движения за знак, что произошли две вспышки, как мы принимаем видимое явление овальной крышки стола за знак, что она круглая; и в обоих случаях знаки могут быть настолько прозрачными, что мы смотрим сквозь них на физические события и предметы. Когда наблюдатель визуально определяет, что то, что находится перед ним, — это то, что, как мы согласны, находится перед ним, мы едва ли можем обвинить его в ошибке визуального восприятия. Должны ли мы в таком случае утверждать, что он неправильно истолковывает предписание, которое требует от него, чтобы он сообщал исключительно о том, что он видит? Как в таком случае мы можем, не предвещая заранее результата, переделать эту предписание, дабы предотвратить подобного рода «недоразумение». Попросить наблюдателя не пользоваться никаким предшествующим опытом и избегать всякой концептуализации — значит, очевидно, оставить его безмолвным, поскольку для того, чтобы вообще что-то высказать, он должен использовать слова.

Лучшее, что мы можем тут сделать, — это определить виды терминов, тот словарь, который он должен использовать, попросив его описывать то, что он видит, в терминах восприятия или в феноменальных терминах, а не в физических. Вне зависимости от того, получим ли мы в результате другие ответы или нет, происходящее предстанет перед нами в совершенно ином свете. Сама необходимость конкретизации тех инструментов, которые нужно использовать при формировании фактов, делает бессмысленным любое отождествление физического с реальным и чувственно воспринимаемым с всеголишь видимым. Чувственно воспринимаемое не в большей степени является полускаженной версией физических фактов, чем физическое — крайне искусственной версией чувственно воспринимаемых

фактов. Если мы склонны говорить, что «и то, и другое — версии одних и тех же фактов», то это не в большей степени подразумевает наличие независимых фактов, версиями которых является физическое и чувственно воспринимаемое, чем сходство значений двух терминов подразумевает существование некоторых объектов, называемых значениями. «Факт», как и «значение», — это синкатегорематический термин, поскольку факты, в конце концов, очевидно фиктивны¹.

Классический пример здесь снова дают различные версии физического движения. Зашло ли солнце на закате или поднялась земля? Солнце вращается вокруг земли или земля вокруг солнца? В настоящее время мы беспечно распоряжаемся тем, что когда-то было вопросом жизни и смерти, говоря, что ответ зависит от системы отсчета. Опять-таки, если мы говорим, что геоцентрическая и гелиоцентрическая системы — это различные версии «одних и тех же фактов», то мы должны задаваться не вопросом о том, чем являются эти факты, а о том, как должны быть поняты такие фразы, как «версии одних и тех же фактов» или «описания одного и того же мира». Это зависит от обстоятельств; например, геоцентрическая и гелиоцентрическая версии, говоря об одних и тех же специфических предметах — солнце, луне и планетах, — приписывают этим предметам очень разные движения. Однако мы можем говорить, что эти две версии имеют дело с одними и теми же фактами, если подразумеваем тем самым, что они не только говорят об одних и тех же предметах, но также и регулярно взаимно переводимы. Как значения исчезают в пользу определенных отношений между терминами, так и факты исчезают в пользу определенных отношений между версиями. В данном случае отношения сравнительно очевидны; иногда они намного более расплывчаты. Например, физические и воспринимаемые версии движения, о которых мы говорили, несомненно, имеют дело с разными предметами, а отношение — если оно вообще имеет место, — которое дает возможность сказать, что эти две версии описывают одни и те же факты или один тот же мир, не является отношением готовой взаимопереводимости.

Упомянутые физические и воспринимаемые мировые вер-

сии — всего лишь две из обширного множества версий, существующих в науке, искусстве, чувственном восприятии и повседневной речи. При конструировании таких версий миры создаются при помощи слов, цифр, картин, звуков или любых иных символов в какой угодно среде; сравнительно же изучение этих версий и способов видения, а также способов их создания составляет то, что я называю критическим анализом создания миров. Я начал такое исследование в главе i, а теперь должен очень кратко обобщить и разъяснить некоторые пункты этой главы, прежде чем перейти к другим проблемам, которые являются главной темой настоящей главы.

2. СРЕДСТВА И МАТЕРИЯ

То, что я говорил до сих пор, явно указывает на радикальный релятивизм, но на него налагаются серьезные ограничения. Готовность принимать бесчисленные альтернативные истинные и правильные версии миров означает не то, что все возможно², что небывлицы так же хороши, как быть, что истина больше не отличается от лжи, но только то, что истина должна пониматься иначе, нежели соответствие некоему готовому миру. Хотя мы делаем миры, делая их версии, все же складывая символы наугад, мы преуспеем в создании мира не в большей степени, чем плотник, который делает стул, произвольно скрепляя куски дерева. Множественные миры, которые я допускаю, суть действительные миры, созданные их истинными или правильными версиями и соответствующие им. Возможным или невозможным мирам, предположительно соответствующим ложным версиям, нет места в моей философии.

Вопрос о том, какие миры должны быть признаны действительными — это совсем иной вопрос. Хотя эта проблема касается самых разных аспектов философской позиции, все же даже те представления, которые кажутся чересчур ограниченными, могут признавать бесчисленные версии одинаково правильными^{Ми}. Например, меня иногда спрашивают, как мой релятивизм может сочетаться с моим номинализмом. Ответ прост. Хотя

1. В оригинале: facts... are obviously factitious. — *Прим., пер.*

2. В оригинале: everything goes - Гудмен перефразирует известное выражение Г.С. Фейерабенда «Anything goes». - *Прим. пер.*

номиналистическая система говорит только об индивидах, запрещая говорить о классах, за индивид в ней может приниматься что угодно; иными словами, номиналистический запрет направлен против расточительного размножения сущностей, выходящих за пределы выбранного основания индивидуации, но он оставляет выбор такого основания совершенно свободным. Таким образом, сам по себе номинализм допускает существование множества альтернативных версий, основанных на физических частицах, или феноменальных элементах, или обычных вещах, или на чем бы то ни было еще, что принимается за индивиды³. Ничто не мешает какому-нибудь конкретному номиналисту предпочесть, — руководствуясь какими-то иными соображениями, — некоторые из систем, признанных тем самым правомочными. Напротив, типичный физикализм, не скупясь на в платонистский инструментарий, которые он использует для бесконечного порождения объектов, допускает только одно правильное (пусть по-прежнему неопознанное) основание.

Таким образом, хотя физикалистская доктрина, согласно которой не существует «никакого различия без физического различия» и номиналистическая доктрина, согласно которой нет «никакого различия без различия индивидов» кажутся похожими друг на друга, они, тем не менее, заметно отличаются в этом отношении⁴.

В этом общем обсуждении проблемы создания миров я не налагаю никаких номиналистических ограничений, поскольку хочу учесть различие во мнениях относительно того, какие миры являются действительными⁵. Не достаточно удовлетвориться просто возможными мирами. Платоник и я можем не согласиться относительно того, что делает мир действитель-

ным, и в то же время мы согласимся в отклонении всего остального. Мы можем не согласиться в том, что мы принимаем за истину, и одновременно мы согласимся, что ничто не соответствует тому, что мы принимаем за ложь.

Утверждение, что миры создаются их версиями, часто вызывает раздражение — и в силу своего неявного плюрализма, и в силу игнорирования им того, что я называл «чем-то бесстрастным в основании». Позвольте мне, насколько это в моих силах, вас успокоить. Подчеркивая многообразие правильных версий мира, я ни в коем случае не настаиваю, что существует множество миров — или вообще какой бы то ни было мир, — поскольку, как я предположил ранее, на вопрос, являются ли две версии версиями одного и того же мира, есть столько хороших ответов, сколько есть хороших интерпретаций словосочетания «версии одного и того же мира». Монист всегда может заявить, что двум версиям достаточно быть правильными, чтобы считаться версиями одного и того же мира. Плюралист всегда может ответить вопросом о том, чем является мир помимо всех своих версий. Возможно, лучший ответ дает профессор Вуди Аллен, когда пишет⁶:

Можем ли мы действительно «знать» вселенную? Боже, да в Чайнатауне и то трудно не потеряться! Вопрос, однако, в том, есть ли что-нибудь там, снаружи? И почему? И обязательно ли от этого должно быть столько шума? Наконец, вне всякого сомнения, одна из характеристик «действительности» состоит в том, что у нее отсутствует сущность. Не то чтобы в ней вообще не было никакой сущности, но она отсутствует. (Действительность, о которой я здесь говорю, та же, что описана Гоббсом, но немного меньше).

Суть этого суждения, насколько я понимаю, заключается в следующем: не обращайтесь внимания на сознание, сущность не существенна, а материя не имеет значения⁷. Мы добиваемся большего успеха, сосредоточивая наше внимание скорее на версиях, чем на мирах. Конечно, мы хотим различать имеющие и

3- См. SA, pp. 26—28; PP, pp. 154—161.

4. Как и в целом ряде других, особенно в том, что номиналистическая доктрина требует конструктивистской интерпретации каждого различия в терминах различий между индивидами, в то время как физикалистская доктрина менее эксплицитна, часто требуя лишь некоторой неуточняемой или в лучшем случае каузальной связи между физическими и другими различиями.

5- Хотя в SA выражены номиналистические взгляды, предложенные там критерии для конструктивных определений и для простоты были по ряду причин сделаны достаточно широкими, чтобы охватить также и платонистские системы. С другой стороны, ни там, ни здесь не сделано никаких допущений для отклонений от экстенционализма.

6- Woody Allen. My Philosophy // Getting Even. 1966, Chap. 4, Sec. 1.

7- В оригинале неприводимая игра слов... «never mind mind, essence is not ential, and matter doesn't matter». - Прим. перев.

не имеющие референцию версии, хотим говорить о вещах и мирах, если таковые вообще имеются, как о предметах референции; но эти вещи и миры и даже материал, из которого они сделаны — материя, антиматерия, сознание, энергия и т. д. — сами изготавливаются версиями и изготавливаются наряду с версиями. Факты, как говорит Норвуд Хэнсон, теоретически нагружены⁸; они настолько же теоретически нагружены, насколько, как мы надеемся, фактически нагружены наши теории. Или, другими словами, факты — маленькие теории, а истинные теории — большие факты. Это не означает, я должен повторить, что к правильным версиям можно прийти случайно или что миры построены на пустом месте. В любом случае мы начинаем с некоторой прежней версии или с некоторого прежнего мира, который находится у нас под рукой и с которым мы имеем дело до тех пор, пока у нас не появится достаточно решимости и навыков, чтобы переделать его в новый. Ощущаемое упорство фактов — отчасти лишь власть привычки: наше устойчивое основание действительно беспристрастно. Создание миров начинается с одной версии и заканчивается другой.

3. НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНИЕ МИРЫ

Давайте ненадолго остановимся на некоторых ранних примерах создания миров. Я всегда считал, что досократики добились почти всех важных достижений и совершили практически все важные ошибки в истории философии. Прежде чем я рассмотрю, как их взгляды иллюстрируют самые важные для настоящего обсуждения темы, я должен дать, — в сильно сжатом виде, — внутреннюю историю этого периода философии.

Эти философы, подобно большинству из нас, отталкивались от мира, сделанного из религии, суеверия, подозрения, надежды, мучительного и сладостного опыта. Тогда Фалес, ища некоторое единство в этом беспорядке, заметил, что при испарении воды на солнце и при ее нагревании на огне она превращается на облаках из газообразного в жидкое или твердое состояние, падает и впитывается в землю — и, согласно легенде, вода нахо-

дится на дне некоторого колодца. Пришло решение: мир состоит из воды.

Анаксимандр на это возразил: «И земля, и воздух, и огонь, и вода переходят друг в друга, так почему выбирать именно воду? Что отличает ее от трех остальных элементов? Надо найти нечто нейтральное, из чего сделаны все они». Так он изобрел Безграничное, одним махом обременив философию двумя ее самыми большими проблемами — бесконечностью и субстанцией.

Эмпедокл вывел Безграничное из границ. Если нет никакого выбора среди элементов, то мы должны принять все четыре; важно то, как они смешаны. Он видел, что действительная тайна вселенной — смешение.

Когда Гераклит потребовал действия, Парменид ответил знаком остановки, сведя философию к формуле «Это есть», что означало, конечно, «Это не есть» или, точнее, «Поглядите, на какую путаницу мы себя обрекли!»

Всех нас искусно спас Демокрит. Он заменил «Это есть» на «Они суть». Дело в том, что если вы разделите вещи на достаточно мелкие части, то все они будут одинаковыми. Все частицы подобны друг другу; в зависимости от способа, которым они сочетаются, они становятся водой, воздухом, огнем или землей или чем бы то ни было еще. Качество вытесняется количеством и структурой.

Проблема, поставленная Фалесом и его преемниками, прослеживается через всю историю философии. Фалес свел все четыре элемента к воде; Анаксимандр и Эмпедокл возразили, что они могли бы быть сведены и к любому из трех других элементов. Пока обе стороны одинаково правы. Аквациентрическая система Фалеса по отношению к трем своим альтернативам обоснована не лучше, чем обосновано геоцентрическое описание солнечной системы по отношению к своим очевидным альтернативам. Но критики Фалеса ошиблись, предполагая, что если ни одна из альтернативных систем не является исключительно правильной, то это значит, что все они неправильные. Если мы можем обойтись без любой из них, то это означает не то, что мы можем обойтись без всех, а лишь то, что мы имеем выбор. Неявным основанием для отклонения теории Фалеса стало то, что признаки, по которым различаются альтернативные системы, не могут отражать действительность такой, какой она есть.

8. *Norwood Hanson. Patterns of Discovery. Cambridge University Press, 1958, гл. 1 и далее.*

Так, Эмпедокл упорно утверждал, что любое упорядочение этих четырех элементов произвольно налагается на действительность. Он упустил из виду, что любое разложение на элементы представляет собой не меньшее наложение, и что если мы запрещаем все такие наложения, то мы остаемся ни с чем. Анаксимандр понял и использовал это следствие, трактуя все четыре элемента как производные от нейтрального и недействительного Безграничного. Логичный Парменид заключил, что если только нечто полностью нейтральное может быть общей основой для миров всех альтернативных версий, то только *оно* и является реальным, а все остальное — просто иллюзия; но даже он организовывал действительность особым способом: То, что существует, есть Единое. Демокрит, приняв этот вызов, быстро организовал все по-другому, разделив все на мелкие части, — и мы вновь очутились у разбитого корыта.

В основе значительной части противоречий относительно того, что к чему все может быть сведено, лежит регулярно повторяющийся вопрос о том, что собой представляет сведение. Анаксимандр возражал, что, хотя вода превращается в другие элементы, это еще не делает их водой. На это Эмпедокл отвечал, что понимание элементов как сделанных из нейтральной субстанции еще не делает нейтральной субстанцией. В них можно увидеть предшественников нынешних баталий, которые ведут друзья и враги физических предметов, явлений, феноменальных данных (*concreta*), качеств, сознания или материи за то или против того, чтобы обойтись без чего-то из них в пользу других. Такие баталии обычно возникают из-за неправильного понимания требований как к построению чего-либо, так и к редукции, а также из-за неправильного понимания их значения.

4. РЕДУКЦИЯ И КОНСТРУКЦИЯ

Дебаты о критериях конструктивных определений часто сосредоточивались на том, какое согласование требуется между определяющим (*definienti*) и определяемым (*definiendum*) выражениями — интенциональное или только экстенциональное. Требование абсолютной синонимии было основано на убеждении, что определяющее должно объяснять значение определяемого. Проблема с понятием значений и даже с идеей точного подо-

бия значения привела к вопросу о том, могла ли бы здесь помочь экстенциональная идентичность, но она, в свою очередь, показала себя слишком тесной, так как часто множественные альтернативные определяющие выражения (*definientia*), которые не являются коэкстенсивными, очевидным образом равно приемлемы. Например, точка на плоскости может быть определена как пересечение некоторой пары линий, или совсем другой пары линий, или как семейство областей и т. д., но определяющие выражения, имеющие эти несовпадающие экстенсионалы, конечно, не могут все совпадать по объему с определяемым выражением.

Такие соображения указывают на критерий, выраженный в терминах экстенционального изоморфизма, который требует сохранения структуры, а не экстенционала. Поскольку структура может быть общей для многих различных экстенсионалов, это уравнивает в правах альтернативные определяющие выражения. Рассматриваемый изоморфизм носит всеобъемлющий характер и должен существовать между целым множеством определяющих выражений системы и целым множеством их определяемых выражений. Однако он не симметричен: обычно, как в упомянутых определениях точек, определяющее выражение артикулирует свой экстенционал более полно, чем определяемое выражение, и, таким образом, осуществляет анализ и представляет средства для систематической интеграции⁹.

Подобное определение точек в терминах линий или множеств вовсе не предполагает, что точки являются просто линиями или множествами; а происхождение других элементов из воды не означает того, что сами они состоят из воды. В той мере, в какой определения или рассмотрение происхождения оказываются успешными, они организуют точки и линии или четыре элемента в систему. Наличие альтернативных систем не подвергает сомнению ни одну из них, так как здесь нет иной альтернативы, кроме как слепоты в отношении альтернативных систем, слепоты в отношении организации того или иного рода. Фалес мог бы ответить своим преемникам, жаловавшимся на искусственность введенных им порядков и приоритетов, что

9. См. далее *SA:i*. В некоторых обстоятельствах могут быть уместны даже более свободные критерии, чем экстенциональный изоморфизм.

именно так и поступают и наука, и философия и что полное устранение так называемого искусственного оставило бы нас с опустошенным сознанием и пустыми руками¹⁰. Принимая переосмысление природы и важность редукции, построения, установления происхождения или систематизации, мы отказываемся от бесполезного поиска исконного мира и признаем, что системы и другие версии столь же продуктивны, как и репродуктивны.

В предшествующей истории мысли от Фалеса до Аллена было проиллюстрировано несколько процессов создания миров — или отношения между мирами, — которые я обсуждал в главе I: *упорядочение*, которое заключается в установлении происхождения всех четырех элементов из одного; *дополнение*, суть которого в привлечении понятия Безграничного; *удаление*, которое представляет собой устранение всего прочего; и *разделение*, то есть дробление Единого на атомы. Дополнение и удаление также ярко иллюстрируются отношением, имеющим место между миром физики и обычным чувственно воспринимаемым миром. Среди других упомянутых процессов или отношений были *композиция*, когда события объединены в протяженный предмет; *деформация*, как при сглаживании ломаных кривых, и *нагрузка* или акцент. Последний из этих процессов, реже отмечаемый и наименее понятый, наиболее важен для нижеследующего изложения и заслуживает особого внимания.

Иногда создание миров, не добавляя и не отбрасывая сущности, изменяет акцент; и различие между двумя версиями, состоящее прежде всего или даже исключительно в нюансах, связанных с оценкой одних и тех же объектов, может быть поразительным и иметь важное значение. Вот один примечательный пример: рассмотрим различия, касающиеся того, что в двух версиях может приниматься за естественные виды (*natural kinds*), то есть виды, важные для описания, исследования или индукции. Наша обычная экстраполяция «зеленого» и «голубого» не отрицает, что «зелубой» и «голузелый» могут именовать классы, но принимает эти классы за тривиальные¹¹. Поменять обыч-

ю. См. ниже VII:2 о конвенции и содержании.

11. Такое свободное платонистское обсуждение должно быть принято за общепотребительное при номиналистической формулировке в терминах предикатов.

ный порядок вещей на противоположный — то есть экстраполировать «зелубой» и «голузелый» вместо «зеленый» и «синий» — значило бы создать другой мир и жить в нем. Второй пример эффекта нагрузки появляется в различии между двумя историями Возрождения: той, которая, переключая сражений, делает упор на искусствах, и той, которая, не исключая искусств, делает упор на сражениях (11:2). Это различие в стиле представляет собой различие в нагрузке, которое дает нам два различных мира Ренессанса.

5. ФАКТ ИЗ ФИКЦИИ

При всем разнообразии версий внимание обычно сосредотачивается на буквальных, денотирующих, вербальных версиях. В то время как они охватывают часть — думаю, далеко не все — способов научного и квази-научного создания миров, за их пределами остаются перцептивные и изобразительные версии, все фигуративные и экземплифицирующие средства и все невербальные средства. Миры беллетристики, поэзии, живописи, музыки, танца и других искусств созданы в значительной степени такими небуквальными устройствами, как метафора, такими не-денотирующими средствами, как экземплификация и выражение, а зачастую — при помощи картин, звуков, жестов или других символов нелингвистических систем. Такое создание миров и такие версии и интересуют меня в первую очередь, поскольку главный тезис этой книги состоит в том, что искусства должны не менее серьезно, чем науки, восприниматься как способы открытия, создания и расширения знания, если последнее трактовать в широком смысле как достижение определенного уровня понимания, и, таким образом, философия искусства должна составлять неотъемлемую часть метафизики и эпистемологии.

Рассмотрим сначала версии, которые являются скорее способами видения, изображениями, а не описаниями. С синтаксической стороны картины радикально отличаются от слов — картины не состоят из элементов алфавита, не идентифицируются по почерку и шрифту, не объединяются с другими картинами или со словами в предложения. Но и картины, и термины обозначают нечто — применяются как ярлыки того, что они

представляют, называют или описывают¹². Имена и такие картины, как индивидуальные и групповые портреты, обозначают единственным способом, в то время как предикаты и такие картины, как в орнитологическом справочнике, обозначают общим образом. Итак, картины могут создавать и представлять факты и участвовать в создании миров почти таким же способом, что и термины. Действительно, наша повседневная так называемая картина мира — продукт совместного производства описания и изображения. Все же я должен повторить, что я здесь не подписываюсь ни под какой картинной теорией языка¹³, ни под какой лингвистической теорией изображения, поскольку картины принадлежат нелингвистической, а термины — неизобразительной символической системе.

Некоторые изображения и описания, однако, ничего не обозначают буквально. Нарисованные портреты или письменные описания Дон Кихота, например, не обозначают Дон Кихота — обозначать просто некого. Художественные произведения в литературе, основанные на авторском вымысле, и их аналоги в других искусствах, очевидно, играют заметную роль в создании миров; наши миры являются наследием как ученых, биографов и историков, так и романистов, драматургов и живописцев. Но как ничего не обозначающие версии могут участвовать в создании действительных миров? Неизбежно напрашивающееся предложение представить в качестве денотатов фиктивные объекты и возможные миры ничем не поможет в разрешении этого вопроса даже тем, кто в состоянии переварить подобно-го рода предложение. И все же ответ, который мы ищем, лежит на поверхности.

Словосочетание «Дон Кихот», понятое буквально, ни к кому не применимо, но если его истолковать фигурально, то оно окажется применимым ко многим из нас — например, ко мне в моих распрах с ветряными мельницами нынешней лингвистики. Ко

многим другим людям этот термин не применим ни буквально, ни метафорически. Буквальная ложность или неприменимость полностью совместимы с метафорической истиной, но, конечно, не дают никаких гарантий для нее, а граница между метафорической истиной и метафорической ложностью пересекается с границей между буквальная истиной и буквальная ложностью, но не более произвольна, чем она. Является ли человек Дон Кихотом (то есть ведет ли он себя по-донкихотски) или Дон Жуаном — столь же реальный вопрос, как и тот, является ли человек параноиком или шизофреником, причем ответить на первый вопрос легче, чем на второй. Применение вымышленного термина «Дон Кихот» к действительным людям, подобно метафорическому применению невымышленного термина «Наполеон» к другим генералам и подобно буквальному применению некоторых недавно изобретенных терминов типа «витамин» или «радиоактивный» к материалам, производит реорганизацию нашего обычного мира, выбирая и подчеркивая как релевантный вид категорию, которая срезает угол поперек заезженной дороги. Метафора не просто декоративное риторическое устройство, но способ, которым мы заставляем наши термины служить нам по совместительству¹⁴.

14. О метафорической истине см. далее *ЛА*, pp. 68—70. Об отношениях значения между различными вымышленными терминами, подобными «Дон Кихот» и «Дон Жуан», см. *РР*, pp. 221—238, а также важную статью Израэла Шеффлера: *Scheffler L. Ambiguity: an Inscriptional Approach // Logic and Art*, R. Rudner and I. Scheffler, eds. Bobbs-Merrill, 1972, pp. 251—272. Заметим, что, поскольку «Дон Кихот» и «Дон Жуан» имеют один и тот же (пустой) буквальный экстенционал, их метафорическая классификация людей не может отражать никакую буквальную классификацию. Как может тогда метафорическое поведение этих терминов быть подведено под общую теорию метафоры? Двумя близко взаимосвязанными способами. Метафорическая классификация может отражать: (1) различие в буквальном экстенционале между параллельными составами из двух терминов — например, «Дон-Кихотовский-термин (или картина)» и «Дон-ЛСуановский-термин (или картина)» имеют различные буквальные экстенсионалы; ил., (2) различие в терминах, которые обозначают два термина и могут быть экземплифицированы ими — например, «Дон Жуан» является «термином-неисправимого-соблазнителя», а «Дон Кихот» — нет. В итоге, «Дон Кихот» и «Дон Жуан» обозначены в соответствии с различными терминами (например, «Дон-Кихотовский-термин» и «Дон-Жуановский-термин»), которые также обозначают различные другие термины (например, «идиотский рыцарский поединок» и «неисправимый соблазнитель»), которые, в свою очередь, обозначают Личных людей. Если это несколько усложнено, то составляющие шаги все же просты и избегают любых обращений к вымышленным сущностям.

12. Об общих вопросах различия между лингвистическими и изобразительными символическими системами см. *ЛА*, особенно стр. 4¹⁻⁴³» 225—227. Дальнейшее обсуждение обозначения картинами см. в моих комментариях к статье Монро Бердсли [Monroe Beardsley] (*Goodman N. // Erkenntnis*, vol. 12, ig?^{8*} pp. 169-70).

13. Имеется в виду «Логико-философский трактат» Витгенштейна и аналогичные репрезентационистские теории языка. — *Прим, перев.*

Вымысел — письменный, живописный или разыгранный — по-настоящему не применим ни к ничто, ни к прозрачным возможным мирам, но, хотя и метафорически, применим к действительным мирам. Некоторым образом, так же как я показал в другом месте, что возможное¹⁵ — насколько оно вообще допустимо — находится в пределах действительного, мы могли бы здесь повторить, хотя и в другом контексте, что так называемые возможные миры вымысла лежат в пределах действительных миров. Вымысел работает в действительных мирах почти таким же способом, как и документальная литература. Сервантес, Босх и Гойя не меньше, чем Босуэлл, Ньютон и Дарвин, принимают, разрушают, переделывают и снова принимают знакомые нам миры, преобразуя их примечательными и иногда причудливыми, но в конечном счете *распознаваемыми*¹⁶ способами.

А как же полностью абстрактные картины и другие произведения, которые не имеют никакого предмета, которые не обращаются к чему-либо ни буквально, ни метафорически, и которые даже наиболее снисходительные философы едва ли бы сочли изображением какого бы то ни было мира, возможного или действительного? Такие произведения, в отличие от портретов Дон Кихота или изображений кентавра — это не буквальные этикетки на пустых банках или красочные этикетки на полных; они вообще не являются этикетками. Должны ли они в таком случае почитаться только в себе и для себя, не загрязняя чистоту своего духа контактом с каким-либо миром? Конечно же, нет; наши миры не менее мощно наполнены структурами и эмоциями абстрактных произведений, чем буквальным натюрмортом Шардена или аллегорическим «Рождением Венеры». После того как мы проведем час-другой на какой-нибудь выставке абстрактной живописи, нам все начинает казаться

ся квадратами геометрических заплата, оно вращается кругами или переплетается в текстурные арабески, контрастирует до черно-белых тонов или вибрирует новыми цветными гармониями и диссонансами. Как все же может то, что ни буквально, ни фигурально ничего не изображает, не описывает, не провозглашает, не обозначает и ни к чему не обращается никаким иным образом, преобразовывать наши изрядно потрепанные миры?

Мы видели ранее, что то, что не обозначает, может все же *указывать* на что-либо посредством экзemplификации или выражения, и что не-описательные, не-репрезентирующие произведения тем не менее функционируют как символы тех признаков, которыми они обладают буквально или метафорически. Служа образцами некоторых — часто не замечаемых или пренебрегаемых — разделенных или разделяемых форм, цветов, чувств и таким образом привлекая к ним наше внимание, такие работы стимулируют реорганизацию нашего обычного мира в соответствии с этими признаками, тем самым деля и объединяя прежние релевантные роды, добавляя и вычитая, производя новые разделения и объединения, заново расставляя приоритеты. Действительно, символы могут действовать посредством экзemplификации и выражения, так же как они действуют посредством обозначения в любом или во всех упомянутых способах создания миров.

Музыка очевидно действует подобным способом на слух, но она также участвует в создании конгломератной вербальной и невербальной визуальной версии, которую мы принимаем в данный момент за нашу «картину мира». Формы и чувства музыки ни в коем случае не ограничены звуком; многие структуры и эмоции, формы, контрасты, рифмы и ритмы предстают общими для слуха, зрения, часто для осязания, а также для кинестезии. Поэма, картина и фортепьянная соната могут буквально и метафорически экзemplифицировать одни и те же признаки, и любое из этих произведений может, таким образом, иметь эффекты, выходящие за пределы ее собственной среды. Широко практикуемое в настоящее время экспериментирование с комбинацией средств в исполнительских искусствах прекрасно. Оказало, что музыка воздействует на зрение, картины затрагивают слух, и обе влияют на движение танца и испытывают его

15. FFF, pp. 49–50. Я никоим образом не отгораживаюсь здесь от признания просто возможных миров, но только предполагаю, что ясный разговор «о возможных вещах» может быть с пользой реинтерпретирован как разговор «о действительных вещах».

16. В оригинале: *re-cognizable* — Гудмен подчеркивает префикс *re-*, указывающий на повторность действия. Внутренняя форма английского термина «recognizable» (распознаваемый) примерно соответствует значению «вновь познаваемый». — Прим. перев.

воздействие. При создании мира все они глубоко проникают друг в друга.

Экземплификация и выражение — это конечно же функции не только абстрактных произведений, но также и многих описательных и изобразительных произведений, вымышленных и документальных. То, что экземплифицирует или выражает портрет или роман, часто реорганизует мир более решительно, нежели то, что произведение буквально или фигурально говорит или изображает; иногда предмет служит просто носителем того, что экземплифицировано или выражено. Как поодиночке, так и в сочетании эти несколько способов и средств символизации представляют собой мощные инструменты. С их помощью японское хайку или стихотворение из пяти строчек Сэмюэля Менаша может обновлять и реконструировать мир; без них и перемещение гор художником-инвайронменталистом было бы бесполезно.

Ресурсы художника — способы референции, буквальной и небуквальной, вербальной и невербальной, обозначающей и не обозначающей, во многих средах — кажутся более разнообразными и внушительными, чем ресурсы ученого. Но предположить, что наука является неуклюже-вербальной, буквальной и денотирующей, значило бы пренебречь, например, часто используемыми аналоговыми инструментами, метафорой, вовлеченной в измерение, когда числовая схема применяется в новой области, и использованием в текущей физике и астрономии понятий очарованности, странности и черных дыр. Даже если конечное произведение науки в отличие от произведения искусства является буквальным, вербальным или математическим, денотирующие теория, наука и искусство действуют в своем поиске и построении почти таким же образом.

Мое изложение фактов, касающихся изготовления фактов, конечно, само является чем-то изготовленным, но, как я уже неоднократно предостерегал, признание множественных альтернативных мировых версий не означает политики *laissez-faire*¹⁷. Стандарты, отличающие правильные версии от неправильных, приобретают, если они вообще имеются, скорее большую, чем меньшую важность. Но что это за стандарты? Мало

того что одобрение непримиримых альтернатив выставляет истину в ином свете, но также и расширение нашего кругозора за счет включения версий и способов видения, которые ничего не утверждают и не могут даже описывать или изображать что-либо, требует рассмотрения иных стандартов, чем истина. Понятие истины часто неприменимо; оно редко является достаточным и должно иногда уступать конкурирующим критериям. Эти вопросы я хочу обсудить в следующей главе.

17. Безразличия (*фр.*). — Прим. перев.

VII. О ПРАВИЛЬНОСТИ ПЕРЕДАЧИ

1. КОНФЛИКТУЮЩИЕ МИРЫ

Принимая во внимание существование множества зачастую неприменимых и даже не поддающихся примирению теорий и описаний, рассматриваемых в качестве допустимых альтернатив, наши представления об истине требуют определенного пересмотра. Поскольку наши взгляды на создание миров выходят далеко за пределы теорий, описаний, утверждений, за пределы языка и даже за пределы обозначения и включают в себя версии и способы видения, как метафорические, так и буквальные, как изобразительные и музыкальные, так и вербальные, иллюстрацию при помощи примера и экспрессию наряду с описанием и изображением, постольку различия между истинным и ложным не достаточно для того, чтобы провести общее различие между правильными и неправильными версиями. Например, какой стандарт правильности будет в этом случае играть роль истины для беспредметных произведений, которые представляют миры при помощи иллюстрации примером или экспрессии? Эти неприятные вопросы требуют осмотрительного обращения.

В названии этой главы выражения «передача» и «правильность» должны пониматься в довольно общем смысле. Под «передачей» я понимаю не только то, что делает чертежник, но и все способы создания и представления миров — в научных теориях, произведениях искусства и версиях всех видов. Я выбираю этот термин, чтобы не создалось впечатления, будто я обсуждаю моральную или этическую правильность¹. Под «правильностью» я понимаю, наряду с истиной, стандарты приемлемости, которые иногда дополняют истину или даже соперничают

1. Любая трактовка правильности может, конечно, вызывать теоретические размышления о том, как соотносятся друг с другом правильность как таковая и моральная работа; но я охотно оставляю это занятие другим. Однако заслуживает внимания следующее обстоятельство: по крайней мере в данном случае, относительность правильности и допустимость противоречивых правильных представлений никоим образом не устранили строгих стандартов для различения правильного и неправильного.

с ней там, где она применима, или заменяют истину там, где изложение ведется не в повествовательной манере.

Хотя моя главная тема здесь — эти другие стандарты, я должен начать с первых и рассмотреть проблему истины более тщательно. Большинство из нас давно усвоили такие основополагающие принципы, как: истины в действительности никогда не противоречат друг другу; все истинные версии истинны в единственном действительном мире² и явные разногласия между истинами указывают лишь на различия в принятых системах координат или конвенциях. Хотя большинство из нас позже научились не доверять основополагающим принципам, усвоенным ранее, я боюсь, что сделанное мною выше замечание о противоречащих друг другу истинах и множественных действительных мирах может быть опущено как чисто риторическое. Это не так; не боясь повториться, я считаю себя обязанным разъяснить свою позицию при помощи более последовательного изложения некоторых замечаний, уже часто появлявшихся на этих страницах. Нам понадобится надежное основание для сравнения, когда мы перейдем к главной цели этой главы.

Для всех, кроме отъявленных абсолютистов, альтернативные и кажущиеся конфликтующими версии часто представляются равноправными претендентами на истину. Поскольку из любого противоречия следуют все утверждения, мы едва ли можем принимать противоречивые утверждения за истинные в одном и том же мире без того, чтобы признать все утверждения какого угодно сорта истинными в одном и том же мире, а мир сам по себе — невозможным. Таким образом, мы должны либо отвергнуть одну из двух кажущихся противоречивыми версий как ложную, либо считать, что эти версии являются истинными в различных мирах, либо найти, если возможно, какой-то другой способ их согласования.

В некоторых случаях кажущиеся противоречащими друг другу истины могут быть согласованы благодаря устранению дву-

2. Я говорю, что утверждение истинно сданном действительном мире (или ел* Данного действительного мира), если это утверждение истинно постольку, поскольку в рассмотрение принимается только этот единственный мир. О других выражениях — «истинный о чем-либо» и «истинный относительно чего-либо» — см. мою статью с Джозефом Уллианом «Истина о Джонсе» (*with Joseph n. Truth About Jones // Journal of Philosophy*, Vol. 74, 1977, pp. 317-338).

смысленности того или иного рода³. Иногда, например, предложения кажутся несовместимыми только потому, что они эллиптические, и если их расширить за счет включения прежних скрытых ограничений, то оказывается, что они явно говорят о разных вещах или разных частях вещей. Утверждения о том, что все солдаты вооружены луками и стрелами и что ни один солдат так не вооружен, оба истинны — для солдат различных эпох; утверждения, что Парфенон не поврежден и что он разрушен, оба истинны — для частей здания, взятых в разное время, а утверждение, что яблоко — белое и что оно — красное, оба истинны — для различных пространственных частей яблока. Предложения, находящиеся в разногласиях друг с другом, лучше ладят, когда сохраняют дистанцию. В каждом из этих случаев два диапазона применения без труда объединяются в узнаваемый вид или предмет, а эти два утверждения истинны в различных частях или подклассах одного и того же мира.

Но примирения не всегда можно достичь так легко. Рассмотрим снова описания движения (или отсутствия движения) земли. На первый взгляд, два утверждения

- (1) Земля всегда покоится
- (2) Земля танцует партию Петрушки

конфликтуют, поскольку из каждого следует отрицание другого. И оба эти утверждения, по-видимому, касаются одной и той же Земли. Все же каждое из них истинно — в пределах соответствующей системы⁴.

Теперь нам, конечно, скажут, что эти последние четыре слова указывают выход: эти утверждения эллиптические, а когда они расширены эксплицитной релятивизацией, например:

- (3) В Птолемеевой системе Земля всегда покоится

3- О различных типах неоднозначности см. статью Израэля Шеффлера (*Israel Scheffler*, *Ambiguity: An Inscriptional Approach* // *Logic and Art*, Rudner and Scheffler, eds. Bobbs-Merrill, 1972, pp. 251—272), а также его готовящуюся к печати книгу.

4- Я не касаюсь здесь противоречий, связанных с тем, покоится ли Земля в некотором абсолютном смысле или все же перемещается специфическим способом. Читатель, считающий, что ни одно или только одно из (1) и (2) истинно, может подставить свой собственный пример; скажем, он может согласиться, что утверждения «Земля вращается по часовой стрелке» и «Земля вращается против часовой стрелки» оба истинны с различных точек зрения.

- (4) В некоторой системе Стравинского — Фокина Земля танцует партию Петрушки,

то они, как видно, являются полностью совместимыми. Но этот аргумент работает слишком хорошо. Чтобы понять, почему (3) и (4) никак не могут быть приняты за более полные формулировки (1) и (2) — или даже за одни из более полных формулировок (1) и (2), — заметим, что, в то время как, по крайней мере, одно из противоречивых утверждений:

- (5) Спартацкие цари имели два голоса
- (6) Спартацкие цари имели только один голос

является ложным, оба нижеследующие истинны:

- (7) Согласно Геродоту, спартацкие цари имели два голоса
- (8) Согласно Фукидиду, спартацкие цари имели только один голос.

Ясно, что (5) и (8) в отличие от (5) и (6) дают совершенно уклончивые ответы на вопрос о том, сколько голосов имели спартацкие цари. Делает ли кто-то утверждение и истинно ли это утверждение — это совершенно разные вопросы. Точно также и утверждения (3) и (4) в отличие от (1) и (2) дают совершенно уклончивые ответы на вопрос о движении Земли; они не сообщают нам, как она движется и движется ли вообще, пока к каждому утверждению не будет добавлен пункт, раскрывающий, что именно в рассматриваемой системе считается истинным. Но коль скоро это сделано, то конечно же утверждения (1) и (2) подтверждены сами по себе, и конфликт остался неразрешенным. Кажущийся мощным и универсальным инструмент соотношения утверждения с системой или версией не достигает, таким образом, цели.

Возможно, тем не менее мы сможем согласовать предложения вида (1) и (2), соотнеся их скорее с элементами или системами координат референции, нежели чем с системами или версиями. Здесь легче рассмотреть более простой пример. Одинаково истинные противоречивые предложения относительно ежедневного движения⁵ Земли и Солнца

5- Я намеренно применяю здесь безобидное упрощение, игнорируя всякое Другое движение типа ежегодного обращения.

- (g) Земля вращается, в то время как Солнце неподвижно
- (io) Земля неподвижна, в то время как Солнце обращается вокруг нее

могли бы интерпретироваться как означающие

- (11) Земля вращается относительно Солнца
- (i2) Солнце обращается относительно Земли,

которые истинны и непротиворечивы.

Однако следует заметить, что предложение (i1) в отличие от предложения (g) не говорит, что Земля вращается, а предложение (i2), в отличие от предложения (io) не говорит, что Земля неподвижна. Из того, что объект движется относительно другого, вовсе не следует, что первый перемещается или что второй неподвижен⁶. Действительно, при соответствующей формуле/предложения (i1) и (i2) равно сводятся к одному утверждению

- (13) Пространственные отношения между Землей и Солнцем изменяются со временем согласно формуле f' ,

и оно не приписывает ни движения, ни состояния покоя ни Земле, ни Солнцу, но при этом полностью совместимо не только с утверждениями (g) и (m), но также и с утверждением, что Земля какое-то время вращается, а затем останавливается, в то время как Солнце перемещается вокруг нее. Согласование утверждений (g) и (io) в данном случае осуществлено за счет изъятия признаков, обусловивших разногласие между ними; утверждения (i1), (i2), (13) обходятся без движения в любом смысле, в каком мы могли бы спросить, действительно ли данный объект движется или нет или как он движется.

На этой стадии мы можем сказать: «Тем лучше! Такие вопро-

6. Велико искушение заменить такую фразу, как «относительно Солнца» чем-либо вроде «принимая Солнце за фиксированную точку отсчета». Но что это означает? Возможно, что-то вроде «представление Солнца фиксированной точкой на листе бумаги»; но это значит лишь сказать «представление солнца точкой, фиксированной относительно листа бумаги», и первоначальная проблема возвращается.

7- Пока я намеренно опускаю положение предмета относительно наблюдателя или же системы координат, задающей расстояния между предметами; но см. раздел 2 ниже.

сы, очевидно, в любом случае являются бессодержательными». С другой стороны, мы испытаем серьезные затруднения, если вместо ответа на вопрос, движется ли данный объект и как он движется, ограничимся описанием изменений его относительного положения. Система отсчета обязательно присутствует в большинстве контекстов. Астроном при осуществлении наблюдений может использовать нейтральное утверждение типа (13) не в большей степени, нежели мы можем использовать карту для того, чтобы найти дорогу в городе, не определяя при этом на ней своего собственного местоположения. Если нет никакого различия в том, что описывают утверждения (g) и (io), то все же, по-видимому, имеется существенное различие в том, как они описывают это. Поразмыслив, мы склонны будем заявить, что «бессодержательные» вопросы являются по большей части «внешними» вопросами в противоположность «внутренним»⁸, что они принадлежат языку, противопоставленному фактам, принадлежат конвенции, противопоставленной содержанию. Но тогда мы, скорее всего, усомнимся, можем ли мы опираться в чем бы то ни было на такие сомнительные дихотомии. Давайте, однако же, на время оставим это затруднение и рассмотрим другой случай.

Предположим пока, что вселенная нашей речи ограничена квадратной долей плоскости с двумя парами границ, маркированных как «вертикальные» и «горизонтальные». Если мы предполагаем, что имеются точки, независимо от того, что они могли бы собой представлять, то два предложения

- (14) Каждая точка состоит из вертикальной и горизонтальной линий
- (15) Ни одна точка не состоит из линий или чего-либо еще⁹

8. О противоречиях между Карнапом и Куайном см.: The Philosophy of Rudolph Carnap, Schupp, ed. LaSalle, 1963, pp. 385-406; 915-922.

9- Ср. *SA:I*. В данном контексте я использую такие неформальные термины, как «составлено из», «комбинация», «содержит», безотносительно к различиям между терминологией индивидов и терминологией классов.

Конечно, имеется бесчисленное множество других альтернатив помимо (14) " (15) > конфликтующих с обоими; точки можно объяснять как состоящие из противоположных диагоналей или из любых других двух или более линий, имеющих общее пересечение, или же их можно объяснить различными способами при помощи терминов областей.

противоречат друг другу, но при этом они одинаково истинны в соответствующих системах. Мы знаем, что простое соотнесение утверждения с определенной системой, как это имеет место в случаях (3) и (4), является показным способом решения конфликта. Истинность обсуждаемого утверждения, сделанного в рамках соответствующей системы, также должна быть подтверждена, и если системы, соответственно, производят утверждения (14) и (15) (как то и есть на самом деле), то конфликт сохраняется.

Может быть, мы тогда можем согласовать предложения (14) и (15) при помощи ограничения их сферы применения? Если в нашем пространстве присутствуют только линии и комбинации линий, тогда утверждение (14), но не утверждение (15) может быть истинно; если же в нашем пространстве имеются одни только точки, то утверждение (15), но не утверждение (14) может быть истинно. Проблема тем не менее состоит в том, что если в нем есть и линии, и точки, то все равно утверждения (14) и (15) не могут быть одновременно истинными, хотя ни одно из них не выделено как ложное. Если (14) и (15) — альтернативные истины, то они являются таковыми в пределах различных царств, и эти царства не могут быть объединены в одно, где оба утверждения были бы истинны¹⁰. Этот случай, таким образом, радикально отличен от тех, где кажущиеся противоречащими друг другу утверждения о цвете предмета или снаряжении солдат могут быть согласованы друг с другом посредством ограничения их области действия различными частями предмета или различными солдатами; напротив, утверждения (14) и (15) нельзя без натяжки считать применимыми к различным точкам или к различным частям точки. Вместе они говорят, что каждая точка состоит из линий, но при этом ни одна точка не состоит из них. Хотя утверждение (14) может быть истинно в на-

10. Равным образом и утверждение (14), и противоположное ему утверждение (назовем его «143»), согласно которому точки состоят из противоположащих диагоналей, не могут оба быть истинными в царстве всех линий и всех их комбинаций. Царства (14) и (143) должны быть по-разному ограничены: например, для (14) линиями, параллельными границам, а для (143) диагоналями. Или все эти линии могут быть допущены для обоих, но комбинации пересекающихся линий ограничены для (14) вертикально-горизонтальными случаями, а для (143) противоположащими диагоналями. Заметим, кстати, что «царство» не используется здесь в специальном техническом смысле, данном в LA, p. 7².

Ем типовом пространстве, которое считается состоящим исключительно из линий, а утверждение (15) — истинно в том пространстве, которое считается состоящим исключительно из точек, все же оба они не могут быть истинны в том пространстве или в любой его области, которые считаются состоящими из точек и линий. Там, где мы имеем более всеобъемлющие системы или версии, которые противоречат друг другу так же, как и утверждения (14) и (15), их царства, таким образом, уместно считать скорее находящимися не в пределах одного мира, но составляющими два различных мира и даже — поскольку они сопротивляются мирному объединению — представляющими собою конфликтующие миры.

2. КОНВЕНЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ

Поскольку это заключение имеет шанс не встретить сочувственного приёма, поищем какой-нибудь способ уладить конфликт между утверждения (14) и (15), не соотнося их с конфликтующими мирами. Наши предыдущие усилия по согласованию утверждений путем соотнесения их с системой были, возможно, не столько неверно направлены, сколько слишком простодушны. Мы должны не только предположить, что правильность рассматриваемых систем считается чем-то само собою разумеющимся, но и более тщательно исследовать, что утверждают высказывания (14) и (15) в пределах этих систем.

Если, как я утверждал прежде, критерий правильности для подобного рода систем состоит в том, что они устанавливают всеобъемлющую корреляцию, удовлетворяющую некоторым условиям экстенционального изоморфизма, то наши два утверждения могут быть заменены на

(16) В рамках правильной системы, которую мы рассматриваем, каждая точка соотносится с комбинацией вертикальной и горизонтальной линий.

(17) В рамках (другой) правильной системы, рассматриваемой нами, никакая точка не соотносится с комбинацией любых других элементов

и они полностью совместимы друг с другом. Они не говорят ничего о том, что составляет точку, каждое говорит только о

том, что составляет то, что соотносится с точкой в правильной системе, подвергнутой рассмотрению. Кроме того, поскольку изоморфизм не гарантирует идентичность, и не устраняет ее (хотя сам и гарантируется ею), постольку в утверждении (16) речь идет только о линиях и комбинациях линий, в то время как в утверждении (17) речь идет исключительно о точках. Таким образом, эти утверждения, которые в отличие от утверждений (14) и (15) не содержат одновременно сделанных заявлений, что точки составлены из линий и что они не составлены из линий, оба могут быть истинны в мире, содержащем и линии, и точки, и только в нем одном.

Очевидно, что мы что-то упустили из виду как при переходе от утверждений (g) и (10) к утверждениям (11) и (12), так и при переходе от утверждений (14) и (15) к утверждениям (16) и (17). В обоих случаях мы произвели согласование, опустив те признаки, которыми было обусловлено разногласие. В первом случае мы отвлеклись от движения и удовлетворились происходящими с течением времени изменениями расстояния; во втором — отвлеклись от состава и удовлетворились корреляцией. Мы отменили противоречившие друг другу требования утверждений (14) и (15) и отступили к нейтральным утверждениям.

Мы чувствуем, что кое-что упустили. Является ли точка простой или составной, и если составной, то из каких элементов она состоит — всё это в значительной степени зависит от основания и способов сочетания, принятых в рамках определенной системы. Не является в этом случае интересующий нас вопрос просто вопросом выбора, подобно системе отсчета для движения, в то время как изоморфизм корреляции, подобно происходящему с течением времени изменению расстояния — это вопрос факта? Большинство из нас время от времени ведут такие разговоры, иногда — до, иногда — после осуждения или отрицания самого различия между конвенцией и содержанием. Что скажем об этом мы?

В любом случае, если составление точек из линий или линий из точек носит скорее конвенциональный, чем фактический характер, то сами точки и линии конвенциональны не в меньшей степени. Утверждения, подобные (16) и (17)» нейтральны не только в отношении вопроса о том, из чего составляются точки, линии или области, но также и относительно вопроса о

том, чем они являются. Если мы говорим, что наше типовое пространство — комбинация точек, или линий, или областей, или комбинации комбинаций точек, или линий, или областей, или комбинации всех их вместе, или множество всех этих сущностей в целом, то, поскольку все они не тождественны друг другу, мы даем одно из бесчисленных альтернативных противоречивых описаний того, чем является это пространство. Таким же образом мы можем расценивать разногласия как относящиеся не к фактам, но к различиям в конвенциях — по поводу линий, точек, областей и способов комбинации, — принятых в организации или описании пространства. Что собой в таком случае представляет тот нейтральный факт или вещь, описанные при помощи этих различных терминов? Это не пространство ни как (a) неразделенное целое, ни (b) как комбинация всего, что вовлечено в эти несколько теорий, поскольку (a) и (b) — всего лишь два из множества различных способов его организации. Но *что именно* организовано подобного рода способом? Когда мы снимаем, как слои, составляющие конвенцию, все различия, которые можно встретить среди способов описания этого *нечто*, то что остается в итоге? Очищая луковицу, мы добрались до ее пустой сердцевины.

Когда мы расширяем нашу сферу действия, чтобы включить в нее не только наше типовое пространство, но и вообще все пространство и все остальное тоже, то разнообразие контрастирующих версий чрезвычайно умножается, и в дальнейшем согласование достигается подобными же средствами. Вернемся к нашему примеру видимого движения:

(18) Точка движется через экран

(19) Ни одна точка так не движется.

Если мы предполагаем, что области стимулов и зрения полностью разделены, то эти утверждения могут быть согласованы сегрегацией, как в случае противопоставления цветовых описаний, приложимых к различным частям предмета. Но если, как это обычно и случается, мы считаем, что стимульная версия и визуальная версия, которым принадлежат соответствующие утверждения, охватывают одну и ту же территорию различными способами, что они представляют собой разные сообщения об одном и том же мире, то в этом общем мире будут отсутствовать и

видимые точки, и невидимые стимулы. Вспомним утверждение (13) о том, что расстояние изменяется с течением времени: хотя оно нейтрально относительно противостоящих описаний движения Земли в утверждениях (g) и (ю), оно расходится с чувственно воспринимаемыми версиями, которые не допускают такие физические предметы, как Земля. Физические предметы, события и чувственно воспринимаемые явления ведут себя точно так же, как точки, линии, области и пространство.

Короче говоря, если мы отвлечемся от всех признаков, обуславливающих расхождения между истинами, у нас не останется ничего, кроме версий, лишенных какой бы то ни было связи с вещами, или фактами, или мирами. Как могли бы сказать Гераклит или Гегель, существование миров зависит, по всей видимости, от конфликта. С другой стороны, если мы считаем любые две истины расходящимися в своей оценке фактов и, таким образом, признаем их истинными в разных мирах, то не вполне понятны соображения, позволяющие преуменьшать или вообще игнорировать значение других конфликтов между истинами, сводя их всего лишь к различиям в манере изложения. Если мы скажем, например, что противоречивые утверждения применимы к одному и тому же миру лишь постольку, поскольку они говорят об одних и тех же вещах, то тем самым мы резонно сделаем (g) и (ю) утверждениями об одном и том же мире, но в большинстве случаев это мало поможет. Например, говорят ли утверждения (14) и (15) об одних и тех же точках? Действительно ли экран, через который движется точка, тот же самый, что и тот, через который никакая точка не движется? Является ли увиденный стол тем же, что и скопление молекул? Подобные вопросы подробно обсуждались в философской литературе, и я подозреваю, что ответ на них — твердое *да* и твердое *нет*. Реалист будет сопротивляться заключению о том, что мир не существует; идеалист будет сопротивляться заключению о том, что все противоречивые версии описывают различные миры. Что касается меня, то я нахожу эти представления одинаково восхитительными и одинаково прискорбными — постольку, в конце концов, различие между ними носит исключительно конвенциональный характер!

Практически конечно же мы проводим границу там, где хотим, и меняем ее так часто, как того требуют наши цели. На

уровне теории мы бросаемся из крайности в крайность так же беспечно, как физик между теориями частиц и полей. Когда многословное представление угрожает растворить все в ничто, мы настаиваем, что все истинные версии описывают миры. Когда чувство права на жизнь угрожает перенаселенностью миров, мы называем все это разговорами. Другими словами, у философа, как у волокиты, всегда либо никого, либо слишком много.

Кстати, признание множественных миров или истинных версий предлагает безвредные интерпретации необходимости и возможности. Утверждение необходимо истинно во вселенной миров или истинных версий, если истинно во всех них, необходимо ложно, если истинно ни в одном из них, и случайно или возможно, если истинно в некоторых. Повторение было бы истолковано в терминах вселенных вселенных: утверждение с необходимостью необходимо истинно в такой супервселенной, если оно с необходимостью необходимо истинно во всех составляющих ее вселенных, и т. д. Аналогии теорем модального исчисления здесь легко выводимы. Но едва ли такая теория удовлетворит энергичного защитника возможных миров в большей степени, чем ключевая вода удовлетворит алкоголика.

3. ИСПЫТАНИЯ И ИСТИНА

Наши предшествующие заключения, наблюдения или подозрения связаны с обсуждением проблемы истины, по крайней мере, тремя способами: стандартная, хотя и неинформативная формула истины требует модификации в другую, не более информативную; соображения, отличные от истины, приобретают Дополнительную важность в выборе утверждений или версий, а трудная проблема отношения между истиной и ее проверкой может быть немного смягчена.

Прежде всего (это наименее важно), известное выражение «Снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел» должно быть пересмотрено в пользу чего-либо вроде «„Снег бел” истинно в данном мире тогда и только тогда, когда в этом мире снег бел», которое, в свою очередь, если различия между истинными версиями не могут быть несомненно отличаемы от различий между мирами, означает лишь «„Снег бел” истинно со-

гласно истинной версии тогда и только тогда, когда снег бел согласно этой версии».

Во-вторых, конфликт истин эффективно напоминает нам, что истина не может быть тем единственным фактором, который играет роль при выборе между утверждениями или версиями. Как мы видели ранее, даже в тех случаях, где нет никакого конфликта между истинами, одной только истины далеко не достаточно. Некоторые истины тривиальны, иррелевантны, непостижимы или избыточны; слишком широки, слишком узки, слишком скучны, слишком причудливы, слишком сложны или же взяты из другой версии, чем рассматриваемая, как если бы охранник, получивший приказ стрелять в любого из пленников, который пошевелится, немедленно перестрелял бы их всех, пояснив, что они быстро перемещались вокруг оси Земли и вокруг Солнца.

Далее, для нас не более типично выбирать некоторые утверждения как истинные и затем, применяя другие критерии, выбирать среди них, чем выбирать некоторые утверждения как релевантные, пригодные к использованию и затем рассматривать, какие из них являются истинными. Скорее мы начинаем с исключения утверждений, которые мы первоначально сочли или ложными, хотя, возможно, в других отношениях правильными, или же неправильными, хотя, возможно, истинными, и продолжаем с этого момента. Такая теория не отрицает, что истина — необходимое условие, но она лишает ее определенного превосходства.

Но конечно же при выборе утверждения истина является не более необходимым, чем достаточным соображением. В нашем выборе мы часто предпочитаем утверждение, которое является более близким к правильности в других отношениях тому утверждению, которое является более близким к истине; но, более того, там, где истина слишком привередлива, слишком неуравновешенна или неудачно сочетается с другими принципами, мы можем сделать выбор в пользу ближайшей податливой и разъясняющую ложь. Большинство научных законов относятся к подобного типа утверждениям: они представляют собой не прилежные отчеты о тщательно подобранных данных, но радикальные прокрустовы упрощения.

Столь непочтительный взгляд на научные законы часто от-

вергается на том основании, что они суть лишь неявные утверждения приблизительного свойства — например, знак « $=$ » в уравнении « $v = p + t$ » должен читаться не как «равняется», но как «приблизительно равняется». Таким образом, сохраняются святость и превосходство истины. Но говорим ли мы, что такой закон есть приближение к истине или истинное приближение, — это не играет особой роли. Важно то, что приближения предпочитают тому, что может быть расценено или как истина, или как более точная истина.

До сих пор я принимал другие критерии правильности за носящие дополнительный — по отношению к истине — характер и даже время от времени боролся с этим. Но не служат ли некоторые из этих других соображений также и тестами истинности? Эта точка зрения кажется достаточно правдоподобной. В конце концов, при оценке истины мы должны использовать некоторую проверку, и такие признаки, как полезность и когерентность — видные кандидаты на эту роль. То, что мы можем легко привести очевидные примеры бесполезных запутанных истин и полезной четкой лжи, показывает самое большее то, что тесты являются скорее подтверждающими, чем решающими. Хорошие тесты и не должны быть решающими; способность быть притягиваемым магнитом — хорошая, но не решающая проверка железа. Не должны мы также и объяснять, почему полезность, или когерентность, или какой-то другой признак указывает на истину. Мы можем использовать магнитное притяжение как испытание на железо, вовсе не понимая связи между притяжением и составом железа; все, что нам нужно, — это удовлетвориться разумно надежной корреляцией между ними. Если притяжение принимается в качестве теста еще до того, как мы узнаем состав железа, то рассматриваемая корреляция является корреляцией между притяжением и либо результатами других испытаний, либо предшествующей классификацией предметов на железные и не железные. Почти то же можно сказать об истине: при отсутствии всякой определенной и информативной характеристики мы применяем различные тесты, результаты которых сравниваем друг с другом и с 'рубой и частичной предшествующей классификацией утверждений на истинные и ложные. Быть может, истина, подобно интеллекту, — это то, что проверяют испытания, а лучшая те-

ория истины — это, возможно, «операционная» теория, объясняющая истину в терминах тестов и процедур, используемых при ее оценке.

Философы хотели бы тем не менее добиться столь же определенной характеристики истины, как и научное определение железа, и некоторые со значительной изобретательностью приводили аргументы в пользу идентификации истины с тем или другим доступным признаком.

Одна из известных попыток такого рода — предложенная прагматистами интерпретация истины в терминах полезности¹¹. Тезис о том, что истинные утверждения — это те, которые позволяют нам предсказывать природу, управлять ею или побеждать ее, обладает немалой привлекательностью, но при этом требуют объяснения некоторые заметные несоответствия между полезностью и истиной. То, что в отличие от истины полезность — это вопрос степени, можно, по всей видимости, уладить, принимая полезность скорее за показатель близости к истине, чем непосредственно за критерий истины. В отличие от истины полезность всегда соотносится с целью, но это обстоятельство может показаться не столь уж серьезным, если истина признается, как на предыдущих страницах, скорее относительной, чем абсолютной. Но соотносимость с целью вовсе не тождественна соотносимости с миром или с версией, поскольку среди альтернативных истинных версий или утверждений одни могут быть очень полезны для многих целей, другие — почти совершенно бесполезны для каких угодно целей; в действительности многие истинные версии и утверждения гораздо менее полезны, чем некоторые ложные версии или утверждения. Здесь можно выдвинуть основной аргумент: с истиной может быть идентифицирована полезность для одной первичной цели — приобретения знания. Но тогда прагматический тезис кажется исчерпанным по мере того, как он одерживает победу, — тезис, что истины лучше всего удовлетворяют цели приобретения истин, столь же бессодержательны, сколь и очевиден.

11. Этот и последующие абзацы ни в коей мере не являются изложением, карикатурой, защитой или бесцеремонным отбрасыванием обсуждаемых представлений, но лишь напоминанием о некоторых из связанных с ними проблемах и возможностях.

Попытки объяснять истину в терминах устойчивого верования или правдоподобия (*credibility*), как некоторой кодификации верования — в терминах начального правдоподобия вместе с выводом, подтверждением, вероятностью, и т. д.¹² — сталкиваются с очевидным возражением, состоящим в том, что наиболее правдоподобные утверждения часто оказываются ложными, а наименее правдоподобные — истинными. Правдоподобие, таким образом, не может служить мерой близости к истине. Но это препятствие не так уж непреодолимо. Рассмотрим понятие постоянства — принимаемого здесь означавшим вечную длительность после некоторого данного времени. Хотя мы никогда не можем установить постоянство предмета или материала, мы можем установить длительность существования в той или иной степени, не доходя до постоянства. Аналогичным образом, хотя мы никогда не можем установить полное и постоянное правдоподобие, мы можем установить ту или иную степень силы правдоподобия, а также того отрезка времени, когда мы склонны рассматривать утверждение как правдоподобное; при этом степени не будут достигать полного правдоподобия. Следует ли нам в таком случае отождествить недостижимое полное и постоянное правдоподобие с недостижимой истиной? На возражение, что мы можем иметь всеобъемлющее и постоянное ложное верование — т. е. на возражение, что полностью и постоянно правдоподобное может и не быть истинным — возможный ответ таков: до тех пор, пока верование или правдоподобие действительно всеобъемлюще и постоянно, любое расхождение с истиной вообще не имеет для нас значения. Тогда если имеется любое такое расхождение, то тем хуже для истины: она подвергается пересмотру в пользу полного и постоянного правдоподобия. Но, как указал мне Хартри Филд, полное и постоянное правдоподобие едва ли может быть принято за необходимое условие истины, так как дизъюнкция может быть постоянно и

12. Правдоподобие, хотя оно и не тождественно уверенности, в данном случае считается объясняемым в терминах уверенности. Мы можем быть не слишком уверены в некоторых утверждениях, которые хорошо подтверждены, и Упрямо уверены в других, которые плохо подтверждены; но подтверждение и вероятность — результаты усилий по кодификации и стандартизации наших верований. См. далее статью «Смысл и достоверность» (*Sense and Certainty*, *PP*, *PP*. 60–68); также *FFF*, *pp*. 62–65.

полностью правдоподобна даже при том, что ни один из ее компонентов не таков¹³.

Большим уважением, чем полезность или правдоподобие, в качестве определения истины пользуется когерентность, интерпретируемая различными способами, но всегда требующая непротиворечивости. Проблемы здесь также были огромны. Но классическое и пугающее возражение, заключающееся в том, что для любой когерентной мировой версии имеются одинаково когерентные конфликтующие версии, ослабевает, когда мы готовы принять обе конфликтующие версии как истинные. Трудность установления корреляции между внутренней когерентностью и внешним соответствием уменьшается, когда самое различие между «внутренним» и «внешним» ставится под вопрос. По мере того как ослабевает различие между конвенцией и содержанием — между тем, что говорится, и тем, как это говорится, — соответствие между версией и миром теряет свою независимость от таких признаков версий, как когерентность. Конечно, когерентности, как бы она ни была определена, не достаточно для истины; она действует совместно с суждениями начального правдоподобия в наших усилиях определить истину¹⁴. Но, по крайней мере, — и это третье из соображений, упомянутых в начале раздела, — когерентность, как и другие так называемые внутренние признаки версий, более не отвергается в качестве проверки истины.

Итак, достаточно этого беглого взгляда на истину и ее отношения с компаньонами и конкурентами. Теперь рассмотрим некоторые ясные случаи, где мы со значительным доверием и

13. Ср. статью Ч. С. Пирса «Закрепление верования» (С. 5. *Pence. Fixation of Belief*// Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Cambridge, Mass., 1931-1958 Vol. V, pp. 223-247); но см. также обсуждение этой статьи Израэлем Шеффлером в его книге «Четыре прагматиста» (*Israel Scheffler. Four Pragmatists*. London,

Примечание к пятому изданию. В настоящем тексте конец первого абзаца был пересмотрен, как и два последние предложения третьего с конца абзаца главы («Полная и постоянная приемлемость, тем не менее...»). Обсуждение истины и приемлемости было заменено решительно иной трактовкой в книге Нельсона Гудмана и Кэтрин Элгин «Реконцепции», глава X (*Nelson Goodman and Catherine Z. Elgin. Reconceptions*. Hackett, 1988, Chapter X).

14. См. *PP*, pp. 60-68.

постоянством судим о правильности того, что не является ни истиной, ни ложью.

4. ДОСТОВЕРНОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ

К числу наиболее явно выраженных и четких стандартов правильности относятся стандарты обоснованности дедуктивного аргумента. Обоснованность конечно же отличается от истины тем, что посылки и выводы обоснованного аргумента могут быть ложны. Обоснованность состоит в соответствии с правилами вывода — правилами, которые систематизируют дедуктивную практику в принятии или отклонении определенных выводов¹⁵. Хотя дедуктивная обоснованность и отличается от истины, все же в целом она не независима от нее, но связывает утверждения таким образом, что имеющий силу вывод из истинных посылок дает истинные заключения. Действительно, первичная функция обоснованного вывода заключается в том, чтобы связывать истины друг с другом. Кроме того, обоснованность — не единственное требование к правильному дедуктивному аргументу. Дедуктивный аргумент правилен в более полном смысле, только если посылки истинны, а выводы — обоснованны. Таким образом, правильность дедуктивного аргумента, включая обоснованность, все же тесно связана с истиной.

Теперь рассмотрим индуктивную обоснованность. Здесь также не требуется ни истинности посылок, ни истинности заключения; индуктивная, как и дедуктивная, обоснованность заключается в соответствии принципам, которые систематизируют практику. Но индуктивная обоснованность на один шаг дальше от истины, чем дедуктивная, поскольку обоснованный индуктивный вывод из истинных посылок не дает истинного заключения.

С другой стороны, в то время как индуктивная *правильность*, подобно дедуктивной правильности, требует как истинности посылок, так и обоснованности, она также требует кое-чего

¹⁵ Об этом и других вопросах, которые будут обсуждены в этом разделе, см. далее *FFFilll* и IV. Кстати, хотя выше обоснованность идентифицирована с ^ответствием правилам вывода, иногда даже в моих собственных работах она идентифицируется, скорее, с общей правильностью, которая включает удовлетворение также и других требований.

еще¹⁶. Прежде всего правильный индуктивный аргумент должен быть основан не только на истинных посылах, но и на всех доступных подлинных данных. Индуктивный аргумент, основанный на положительных случаях, охватываемых гипотезой, не является правильным, если опущены отрицательные случаи; все исследованные случаи должны быть приняты во внимание. Подобное требование не предъявляется к дедуктивному аргументу — он является правильным, если обоснованно следует из любых истинных посылок, какими бы неполными они ни были.

Однако индуктивная правильность не полностью характеризуется как индуктивная обоснованность плюс использование всех исследованных случаев. Если все исследованные случаи были исследованы до 1977 г.¹⁷ то аргумент, что все случаи вообще будут исследованы ранее 1977 г.¹⁸ тем не менее индуктивно неправилен; и даже если все исследованные изумруды были зелеными, тем не менее индуктивный аргумент в пользу гипотезы о том, что все изумруды являются зелеными, неправилен. Индуктивная правильность требует, чтобы и утверждения, выражающие данные, и гипотеза были представлены скорее в терминах «подлинных» или «естественных» видов — или, в моей терминологии, в терминах экстраполируемых (*projectible*) предикатов типа «зеленый» и «синий», — чем в терминах неэкстраполируемых предикатов типа «зелубой» и «голузелый». Без такого ограничения всегда могли бы быть найдены правильные индуктивные аргументы, дающие бесчисленные противоречивые заключения: например, что все изумруды являются зелеными, зелубыми, золтыми и т. д.

Итак, индуктивная правильность требует, чтобы аргумент вытекал из посылок, состоящих из всех истинных сообщений об исследованных случаях в терминах экстраполируемых предикатов. Таким образом, индуктивная правильность, при сохранении требования истинности посылок, выдвигает и серьезные дополнительные требования. И хотя мы надеемся посредством индуктивного аргумента достичь истины, индуктивная правильность в отличие от дедуктивной не гарантирует истину. Дедук-

тивный аргумент неправилен, а его выводы необоснованны, если он приходит к ложному заключению из истинных посылок, но индуктивный аргумент, который обоснован и правилен во всех отношениях, может все же прийти к ложному заключению из истинных посылок. Это коренное различие вдохновило некоторые неистовые и бесполезные попытки оправдать индукцию, показав, что правильная индукция будет всегда или в большинстве случаев давать истинные заключения. Любое выполнимое оправдание индукции, скорее, должно показать, что правила вывода систематизируют практику индукции, — то есть осуществить взаимное регулирование между правилами и практикой, — и отличить экстраполируемые или индуктивно правильные категории от других.

Это приводит нас к вопросу о том, что такое индуктивно правильные категории, и, таким образом, к третьему роду правильности вообще — к правильности классификации. Такая правильность еще на один шаг отдалается от истины, поскольку, в то время как дедуктивная и индуктивная правильность все еще имеет отношение к утверждениям, имеющим истинностное значение, правильность классификации приложима к категориям или предикатам или к системам категорий и предикатов, которые не имеют никакого истинностного значения.

На вопрос о том, что отличает правильные индуктивные категории от других, я могу ответить лишь указанием на суть той попытки ответа, которую я дал в другом месте (*FFFiTV*). Первичный фактор в экстраполируемости — это привычка; там, где конфликтуют гипотезы, одинаково хорошо фундированные во всех прочих отношениях, решение обычно принимается в пользу той из них, предикаты которой являются более укоренившимися. Очевидно, здесь должно оставаться место для маневра, для введения новых порядков, которые создают или учитывают вновь появляющиеся важные связи и различия. Инерция изменяется в соответствии с исследованием и изобретением, несколько ограниченными, в свою очередь, укоренившимися общими «фоновыми» принципами или метапринципами и т. д.¹⁷

16. Единичное утверждение, полученное путем рассмотрения какого-то отдельного случая, охватываемого гипотезой, представляет собой положительный случай, когда при рассмотрении оно определяется как истинное, и отрицательный — когда оно определяется как ложное.

17- См. *FFF*, p. 9y; а также On Kahane's Confusions // *Journal of Philosophy*, v⁷¹: 69, 1972, pp. 83—84, и мои комментарии к статье Кучеры, *Erkenntnis*, Vol. 12, *978, pp. 282-284.

Формулировка правил, основанных на тех факторах, которые в действительности определяют экстраполируемость или правильную индуктивную классификацию, — трудная и запутанная задача. Категории, являющиеся индуктивно правильными, имеют тенденцию совпадать с категориями, правильными для науки вообще, но вариации цели могут отражаться на изменениях релевантных видов.

Иногда выбор между версиями, принимающими различные классификации, подобно выбору среди описаний движения, принимающих различные системы отсчета, осуществляется главным образом исходя из соображений удобства. В конце концов, мы можем несколько неуклюже переформулировать наши обычные индуктивные аргументы в терминах, подобных «зелубой» и «голузельный», практически так же, как мы можем перевести гелиоцентрическую систему в геоцентрическую. Мы должны будем только заменить «зеленый» на «зелубой», если исследован ранее t , иначе голузельный, и заменить «голубой» на «голузельный», если исследован ранее i , иначе зелубой». Однако, согласно существующей практике, сине-зеленая классификация правильна, а голузело-зелубая классификация неправильна как маркировка направлений, по которым мы делаем наши индуктивные выводы. Полагать, что за использование неправильных категорий мы расплачиваемся всего-навсего какими-то неудобствами, правомерно не в большей степени, чем считать, что выбор охранником неправильной системы отсчета всего-навсего причинил какие-то преходящие неудобства пристреленным пленникам. Приказ «Стреляй, если они изменят цвет» был бы столь же фатален, если бы охранник экстраполировал ненормативные цветовые предикаты. Индукция по неэкстраполируемым категориям не просто неуклюжа, но неправильна, какое бы индуктивное заключение ни было выведено в результате. Правильность индукции требует правильности экстраполируемых предикатов, что, в свою очередь, может изменяться с практикой.

Время от времени критики моих работ обвиняют меня в том, что я допускаю неаргументированные заявления по тем или иным вопросам. Один из примеров звучал приблизительно так: «Гудмен неаргументированно заявляет, что ядро представления — обозначение». Это заставило меня задуматься, почему я

сделал столь серьезное заявление, не приводя аргументов. Причина в том, что аргумент, коль скоро он подразумевает какой-то вывод из определенных посылок, был бы здесь в высшей степени не к месту. В таком контексте я не столько выражаю свою веру или выдвигаю тезис или доктрину, сколько предлагаю классификацию или схему организации, привлекаю внимание к способу расстановки наших сетей, чтобы ухватить то, что может быть существенными сходствами и различиями. Аргумент, предложенный в пользу классификации, схемы, не мог бы быть аргументом в пользу ее истины, так как она не имеет истинностного значения, но аргументом в пользу ее эффективности в создании и понимании миров. Аргумент состоял бы, скорее, в привлечении внимания к важным параллелям между изображением и вербальным обозначением, из указания на неясности и путаницу, которые разъясняются этой ассоциацией, из показа, как эта организация работает с другими аспектами теории символов. Для категориальной системы надо показать не то, что она является истинной, но то, что она может делать. Грубо говоря, в таких случаях требуется скорее не аргументация, а сбыт.

5. ПРАВИЛЬНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

Правильность дедуктивного и индуктивного вывода и экстраполируемость предикатов в различной степени зависят не от истины, а от языка. Все они являются стандартами, применяемыми к версиям, изложенным словесно. А как же насчет правильности несловесных версий? Когда, например, является правильным изображение?

Два привычных ответа заключаются в том, что изображение является правильным в той мере, в какой оно походит на то, что им изображается, и что изображение является правильным, если в действительности оно сводится к истинному утверждению. Оба эти ответа неудовлетворительны.

Недостатки первого ответа, сформулированного в терминах подобия, были столь обстоятельно изложены в литературе, что "х детальное обсуждение здесь было бы излишним"¹⁸. Правиль-

¹⁸ См., например, многие места в: *E. H. Gombrich. Art and Illusion. New York, 1960*, а также *LA:l*.

ность изображения, подобно правильности описания, зависит от системы или системы координат; вопрос «Является ли эта картина правильной?», таким образом, подобен вопросу «Движется ли Земля?» Картина, нарисованная в обратной или иначе искаженной перспективе¹⁹, или заменяющая цвета на дополнительные, может быть столь же правильна в данной системе, как картина, которую мы называем реалистической в современной стандартной западной системе представления. Но здесь мы должны помнить, что имеются два различных употребления термина «реалистический». Согласно более частому употреблению, картина реалистична в той степени, в какой она правильна в привычной изобразительной системе; например, в современной западной культуре картина Дюрера более реалистична, чем картина Сезанна. Реалистическое или правильное представление в этом смысле, подобно правильной классификации, требует соблюдения традиции и имеет тенденцию свободно соотноситься с обычными суждениями подобия, которые также определяются привычкой.

С другой стороны, изображение, которое в соответствии с этим стандартом является нереалистичным, может весьма правильно изображать нечто в другой системе, примерно так же, как Земля может танцевать партию Петрушки в некоторой необычной системе координат. В некоторых обстоятельствах «неестественная» система координат может быть правильной благодаря своему преобладанию в другой культуре или завоеванию признания для каких-либо специальных целей. Когда живописец или фотограф создает или раскрывает нам ранее невидимые аспекты мира, то иногда мы говорим, что он достиг новой степени реализма, обнаруживая и изображая новые аспекты действительности. Изображение в правильной, но не знакомой нам системе является реалистическим не в смысле привычности, а в смысле раскрытия каких-то новых черт действительности. Два смысла «реалистического» отражают факторы инерции и инициативы, которые, как мы видели, соперничают в случае правильности индукции и категоризации.

Проблема с другим ответом на вопрос о правильности изоб-

ражения — ответом, который формулируется в терминах истинности утверждаемого картиной — состоит в том, что картина ничего не утверждает. Изображение огромного желтого поломанного старинного автомобиля, подобно описанию «огромный желтый поломанный старинный автомобиль», не содержит обязательств по отношению ни к одному из следующих утверждений:

Огромный желтый поломанный автомобиль — старинный
 Огромный желтый старинный автомобиль поломан
 Огромный поломанный старинный автомобиль — желтый
 Желтый поломанный старинный автомобиль огромен,

ни к любому другому. Хотя изображение и описание и различаются в целом ряде немаловажных отношений, ни в том, ни в другом случае правильность не может сводиться к истинности.

Для описательных, точно так же как и для повествовательных версий, конфликт может быть рассмотрен в терминах отрицания: «всегда красный всюду» и «никогда не красный где бы то ни было» конфликтуют, в то время как «зеленый» и «круглый» — нет. Там, где две правильные версии противоречат друг другу и не могут быть согласованы некоторым способом, подобным показанному выше, они являются версиями различных миров, если вообще являются версиями мира. Однако что отличает пару правильных изображений различных вещей от пары различных правильных изображений одной и той же вещи в изобразительных версиях, не содержащих отрицания? Изображают ли картина Сутина и рисунок Утрилло — одна выполненная наложением красок густым слоем и изогнутыми линиями и показывающая фасад с двумя искривленными окнами, а Другой — в прямых черных линиях и показывающий фасад с дверью и пятью окнами — различные здания или одно и то же здание различными способами? Мы должны здесь иметь в виду, что Даже для повествовательных версий мы не можем провести никакое ясное и устойчивое общее различие между содержанием и манерой высказывания. Иногда предложение и его отрицание так или иначе совместимы — например, как относящиеся к различным частям или периодам мира. Аналогичным образом две Движущиеся картинки — сфера, вращающаяся по часовой стрелке, и сфера, вращающаяся против часовой стрелки, — могут

ig. См. мою заметку: *Goodman N. On J. J. Gibson's New Perspective* // *Leonardo*, vol. 4, 1971, pp. 359-360.

изображать Землю одинаково правильно с различных точек зрения. Показать, что две версии являются версиями одного и того же мира, значит показать, как они соответствуют друг другу. И вопрос о Сутине и Утрилло во многом подобен вопросу, являются ли некоторое скопление молекул и мой стол одним и тем же.

Оставив такие темы, скажем, что утверждение истинно, а описание или изображение правильно для мира, которому оно соответствует. Вымышленная версия, словесная или изобразительная, при метафорическом истолковании может соответствовать некоторому миру и быть для него верной. Я думаю, что, пытаясь свести описательную правильность и правильность изображения к истинности, мы добьемся меньшего успеха, чем подводя истину наряду с ними под общее понятие правильного соответствия²⁰. Это приводит нас, прежде чем мы исследуем далее природу и критерии правильного соответствия, к версиям, которые не являются ни фактическими, ни вымышленными утверждениями, описаниями или изображениями.

6. ХАРАКТЕРНЫЙ ОБРАЗЕЦ

Правильность абстрактных визуальных или музыкальных произведений будет обладать такими аспектами, как правильность их композиции, и здесь мы рискуем быть обвиненными во вторжении в священное царство красоты вместо того, чтобы ограничиться видами правильности, сопоставимыми с истиной. Любой протест подобного рода послужил бы свидетельством подхода, прямо противоположного сделанному мною акценту на непрерывности, единстве и близости искусства, науки и восприятия как способов создания миров. Правильность абстрактных произведений или тех аспектов неабстрактных произведений, которые не связаны с функцией обозначения, не является ни идентичной истине, ни полностью чуждой ей; и то, и другое — разновидности более общего понятия правильности.

20. Читателям предшествующих страниц хорошо известно, что ничто из изложенного выше не подразумевает ни того, что некий готовый мир ожидает описания или представления, ни того, что неправильные, так же как правильные, версии создают миры, которым они соответствуют. См. далее раздел 7 ниже.

Если мы скажем, что красота или эстетическая правильность является истиной или что она несопоставима с истиной, то это будут, как мне кажется, лозунги, равным образом вводящие в заблуждение, и я упоминаю здесь о красоте только для того, чтобы исключить ее из дальнейшего рассмотрения.

Мы видели ранее, что произведения или другие символы, которые не объявляют, не описывают или не изображают что-либо, буквально или метафорически, или даже не подразумевают обозначения чего-либо, могут представлять миры путем экземплификации. Что составляет правильность или неправильность такой экземплификации? Когда правилен образец?

Наиболее очевидно, что, так же как предикат или другой ярлык может неправильно применяться к данному предмету, — как, скажем, «красный» к зеленому предмету — так и предмет может быть неправильным образцом в том смысле, что он не является даже частным случаем применения ярлыка, не обладает рассматриваемым свойством. Но так же нечто может быть частным случаем предиката или свойства, не будучи его образцом, как в случае с портновским образчиком ткани, который является частным случаем некоторого размера и формы, но не их образцом, так как он не указывает на эти признаки.

Поэтому следующий вопрос — может ли фактический образец признака²¹ все еще не быть его правильным образцом? Мы заметили, что даже в том случае, когда все исследованные изумруды зелубые, индуктивный аргумент «все изумруды — зелубые» является неправильным, и что далее при том, что пленники двигались, охрана не должна была стрелять в них. Но, хотя эти соображения и могут дать нам кое-какие указания относительно того, что делать с интересующим нас вопросом, они не представляют собой непосредственного ответа.

Говоря обычным языком, мы различаем свойства «не быть образцом признака» и «быть образцом, но нетипичным». Портновский образчик, отрезанный от штуки ткани и используемый в качестве образца, — не всегда показательный образец. Он может быть слишком мал, чтобы продемонстрировать узор, или

21. Поскольку «свойство» обычно близко связывается с «предикатом», я часто использую термин «признак» в надежде, что он может послужить напоминанием о том, что не все ярлыки являются вербальными.

может быть вырезан так, что покажет входящий в него мотив только частично или же в искаженном виде. Пять образцов, показанных на рис. 5, могут все происходить из одной штуки ткани. Каждый содержит то же количество материи, что и остальные, и, конечно, ни один из них не содержит целый узор, который может состоять из многих длинных полос²².

Рис. 5

Все же среди этих пяти образцов тот, что находится справа внизу, может быть единственным показательным образцом. Почему это так? Что это означает?

Прежде чем мы попробуем ответить, рассмотрим несколько отличный случай: образцы смеси семян трав в данной бочке. При желании мы можем применить любой из двух критериев для определения характерности образца смеси: первый, гласящий, что смесь в образце находится в той же самой пропорции, как и во всей бочке, или второй, согласно которому отобранный образец является типическим в том отношении, что содержание бочки полностью размешалось, части образца взяты с разных уровней и т. д. Хотя объяснение для первого критерия ясно, такие критерии неприменимы во многих случаях, и мы обращаемся к более спорным критериям, таким, как второй. Когда мы знаем пропорцию различных родов семян в бочке, мы можем сделать образец характерным в первом смысле, сохраняя пропорции в образце теми же. Но когда мы берем пробы

22. Экземплифицируемые узоры могут сильно варьироваться по своим деталям, например, быть в полоску, в тонкую полоску, в тонкую синюю и белую полоску в четверть дюйма шириной и т. д. Экземплификация, подобно обозначению, может, таким образом, быть более или менее общей; но принимая во внимание, что общность предиката — вопрос масштаба его применения, общность образца — вопрос масштаба экземплифицируемого признака.

морской или питьевой воды, мы не можем знать, что образцы являются характерными в первом смысле, хотя и надеемся на это. Мы полагаемся на то, что считаем способом отбора характерных образцов, как на основание для предположения, что наша проба точно отражает состав воды в гавани или емкости. Но что определяет такую характерность в осуществлении выборки?

Вопрос — и ответ — приводит к привычному кругу. Характерный образец в этом смысле — это тот, который может быть правильно экстраполирован на узор, или смесь, или другой релевантный признак целого или следующих образцов. Такая характерность или экстраполируемость, скорее чем требование или гарантия соглашения между произведенной экстраполяцией и действительным признаком целого или следующих образцов, зависят от соответствия хорошей практике в интерпретации образцов — и в восхождении от образца к рассматриваемому признаку²⁸, и в определении, является ли этот признак экстраполируемым. Хорошая практика, в свою очередь, зависит от привычки, которая подвержена постоянному пересмотру под влиянием разочарования и новых изобретений. Когда результаты правильно сделанных предсказаний неверны, неудачу можно списать на невезение; если же такие случаи заметны или распространены, то представления о том, что составляет хорошую практику, могут быть пересмотрены. Некоторое соответствие среди образцов является показателем хорошей практики и типичности образца, но такое соответствие сильно зависит также и от того, какие ярлыки или роды являются релевантными и правильными. Таким образом, здесь так же, как и в обычной индукции, важнейшим фактором является новое укоренение предикатов, определяющее, что именно экземплифицируется, правильно ли взят образец, является ли экземплифицируемый признак экстраполируемым и что составляет соответствие среди образцов. Действительно, экстраполируемость данных отличается от характерности образца прежде всего тем, что данные

28. Требования к процедуре меняются при необходимости в различных случаях: для образцов семян скорее должна быть выбрана пропорция типов семян, чем такие признаки, как действительный подсчет, а для портновского образчика нужный узор мог бы быть построен обычным сложением повторов на лоскутах.

и гипотезы выражаются при помощи утверждений, а образцы и то, что они экзemplифицируют, могут быть неязыковыми. Таким образом, некоторые образцы и неязыковые ярлыки или признаки, экзemplифицированные ими или экстраполируемые из них, в отличие от утверждений, выражающих данные, и гипотез могут принадлежать к таким символическим системам, которые не являются ни обозначающими, ни артикулированными²⁴.

В случаях с тканью и семенами я говорил о том, что экстраполяция узора или смеси производится на целую штуку ткани, или бочку, или емкость; однако обычно мы экстраполируем их на другие разумно выделенные части: на пакеты семян, или отрезки ткани, или на какие-то порции воды. Это обстоятельство заслуживает упоминания по целому ряду причин. Во-первых, все такие доли, часто представляющие для нас первичный интерес, могут весьма отличаться от целого в требуемом отношении; например, даже если смесь в бочке находится в соотношении 50:50, каждый пакет мог бы содержать семена только одного или только другого сорта. Во-вторых, в таком случае не достигается соответствие среди образцов, которое предстает, таким образом, более прямым способом проверки типичности образца для нормальной экстраполяции. И в-третьих, наше внимание привлечено к виду соответствия, которого требуется достичь среди образцов: не все образчики должны быть одинаковыми до тех пор, пока из них можно сложить тот же самый узор, и не все пакеты семян должны содержать точно ту же смесь, скажем, в пропорции $5^\circ 5' >^a$ только должны варьироваться вокруг этого соотношения избранным статистическим способом (как медиана, среднее число или метод) или таким образом, чтобы логическая сумма всех принятых образцов приблизительно давала соотношение $5^\circ 5'$.

Произведения искусства не отрезаны от рулона и не вынуты из бочки — они взяты из моря. Они буквально или метафорически экзemplифицируют формы, чувства, сходство, контрасты, обнаруженные в мире или встроенные в мир. Признаки целого не определены, и характерность образца зависит не от

того, хорошо ли перемешалось содержимое бочки или на каком расстоянии друг от друга находятся места забора воды, а скорее от координации образцов. Иными словами, правильность композиции, цвета, гармонии — типичность произведения как образца этих признаков — проверена нашим успехом в обнаружении и применении того, что экзemplифицируется. Что считать успехом в достижении соответствия зависит от того, что именно мы по привычке, постепенно изменяющейся под воздействием новых столкновений и новых предложений, принимаем за экстраполируемые виды. Композиция картины Мондриана правильна, если она поддается экстраполяции на модель, позволяющую наблюдать мир. Когда Дега изобразил женщину, сидящую около края картины и выглядывающую из нее, он бросил вызов традиционным стандартам мизансцены, и предложил на примере новый способ видения, организации опыта. Правильность композиции отличается от правильности изображения или описания не столько по своей природе или стандартам, сколько по типу символизации и используемому способу референции.

7. ПРАВИЛЬНОСТЬ, ПОДВЕРГНУТАЯ ПЕРЕСМОТРУ

Итак, истинность утверждений и правильность описаний, представлений, экзemplификаций, выражения — композиции, рисунка, дикции, ритма — это прежде всего вопрос соответствия тому, к чему осуществляется та или иная референция, или другим представлениям, или способам и методу организации. Различия между соответствием версии миру, мира — версии и версий — друг другу или другим версиям исчезают, когда признана роль версий в создании миров, которым они соответствуют. Знание или понимание рассматриваются как переход от приобретения истинных верований к открытию и изобретению соответствия всех видов.

Процедуры и тесты, используемые при поиске правильных версий, располагаются в диапазоне от дедуктивного и индуктивного вывода до выбора характерного образца и соответствия среди образцов. Несмотря на нашу веру в такие тесты, их притязания на определение правильности часто могут казаться неясными. Действительно, вместо того, чтобы пытаться оправ-

24 Об артикулированных, или дифференцированных символических системах в противопоставлении плотным системам см. LA:FV.

дать нашу веру при помощи индуктивного вывода или процедур подбора характерных образцов, мы обращаемся, скорее, к самой вере за любым из тех обоснований, которое может существовать для этих процедур. Выбор скорее «зеленого», чем «зелубого» как экстраполируемого предиката или размешивание содержимого и встряхивание бочки с семенами могут выглядеть как ритуальный танец, направленный на заклинание дождя и сопровождающийся отдельными празднуемыми успехами и пренебреженными неудачами, который культивируют до тех пор, пока он не окажется слишком пагубным или не вызывающим доверия. Но столь мрачное представление подразумевает дискредитированное требование обоснования, мыслимого как убедительный аргумент, согласно которому тест или процедура будет гарантировать или по крайней мере улучшать наши возможности достичь правильных заключений. Мы видели, напротив, что правильность категоризации, которая входит в большинство других множеств правильности, — скорее вопрос соответствия с практикой; что без организации, без выбора релевантных видов, производимого развивающейся традицией, нет никакой правильности или неправильности категоризации, никакой обоснованности или недействительности индуктивного вывода, никакой характерности или нехарактерности образца и никакой однородности или неравенства среди образцов. Таким образом, обоснование подобных тестов правильности может состоять прежде всего в показе не того, что они являются надежными, но того, что они являются заслуживающими доверия.

В любом случае результаты тестов являются временными, в то время как об истине и правильности мы думаем как о вечных. Прохождение многих различных тестов увеличивает приемлемость; но то, что однажды было максимально приемлемо, может позже быть неприемлемо. Полная и постоянная приемлемость тем не менее может быть принята как достаточное условие правильности. Такая окончательная приемлемость, хотя и столь же недоступна, как абсолютная правильность, является, однако, объяснимой в терминах тестов и их результатов.

Правильна ли композиция картины и точно ли содержащееся в утверждении описание — это проверяется рассмотрением

и повторным рассмотрением картины или утверждения и того, на что они так или иначе указывают, тестирующим его соответствие в различных применениях и с другими структурами и утверждениями. Можно вспомнить интригующее замечание Констебля, подчеркнутое Гомбричем²⁵, что живопись — это наука, где картины — эксперименты. Согласие по изначально непроверенным суждениям²⁶ или среди них и их устойчивость после проверки встречаются довольно редко среди композиций, так и среди утверждений. Кроме того, правильность композиции и истинность утверждения в равной степени зависят от системы: композиция, которая неправильна в мире Рафаэля, может быть правильной в мире Сера, подобно тому, как описание движения бортпроводницы, которое является неправильным с контрольной вышки, может быть правильным с пассажирского кресла; такая относительность не должна быть принята за субъективность ни в одном из этих случаев. Хваленое требование принятия мнения научным сообществом как критерия его истинности опровергается спорами, бушующими по самым основополагающим вопросам почти в каждой науке от психологии до астрофизики. Суждения о Парфеноне и Келской Книге²⁷ менялись едва ли менее сильно, чем суждения о законах тяготения²⁸. Я не утверждаю, что правильность в искусстве менее субъективна или даже не более субъективна, чем научная истина, но только предполагаю, что граница между художественным

25. Art and Illusion, p. 33 и в других местах.

гб. Понятие «суждение» в том виде, в котором оно используется здесь, должно быть освобождено от исключительной ассоциации с утверждениями; оно включает, например, предчувствие соответствия композиции или решения о нацеливании ударов, принимаемые биллнардом.

27. Келская Книга (по названию ирландского города Keils) — средневековый манускрипт четырех Евангелий Вульгаты, считающийся самой красивой книгой в мире. С XVII в. хранится в Тринити-колледже в Дублине. — Прим. перев.

28. Любопытно, что такие наблюдения иногда приводятся, чтобы показать, что, поскольку наука прогрессирует, а искусство — нет, суждения научной истины более объективны, чем суждения художественной правильности. Причина того, что более ранние теории могут устареть благодаря появлению более поздних, а более старые работы — нет, часто состоит, как я думаю, в том, что более ранние теории, насколько они обоснованы, поглощаются поздними и становятся заново выводимы из них, в то время как произведения искусства, функционируя как символы, не могут быть поглощены новыми или получены из них. Я не могу здесь войти в детали этого объяснения.

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ МИРОВ

и научным суждением не совпадает с границей между субъективным и объективным и что любое приближение к универсальному согласию о чем-либо существенном встречается достаточно редко.

Мои читатели могут ослабить это последнее убеждение, единодушно соглашаясь с предшествующим — довольно уклончивым и в двойном смысле пытливым — ходом мысли.

СТАТЬИ

ПЕРЕСМОТР ФИЛОСОФИИ¹

Заголовок моей статьи отсылает не к переработке, но, скорее, к пересмотру философии — к новому взгляду на философию, к новой концепции ее природы и целей и, следовательно, к новой оценке ее методов и результатов. Я не собираюсь вносить какие-либо изменения в то, что было сделано талантливыми философами начиная с Фалеса; меня интересует, скорее, пересмотр в указанном выше смысле или же новая версия того, что было сделано, и того, что делается.

Позвольте мне признаться, что этот «новый взгляд» не является моим собственным изобретением; да он не такой уж и новый. Он постепенно проникал в наше сознание на протяжении длительного периода, и он, как я думаю, молчаливо принимался время от времени теми, кто внес наибольший вклад в философию. Однако это обстоятельство зачастую затемнялось тем, что даже вот эти вышеуказанные люди говорили о философии; более того, оно практически никогда не понималось теми, чей вклад в философию является исключительно полемическим. Поэтому я считаю, что было бы правильно стряхнуть пыль с этого довольно старого нового видения и еще раз предъявить его публике.

Нижеследующий текст представляет собой статью, написанную для готовящегося к публикации сборника, посвященного Карнапу². Хотя она и написана в форме обсуждения значимости карнаповского «*Der Logische Aufbau der Welt*»³, она практически целиком посвящена более общим вопросам, на которые необходимо дать ответы прежде, чем может быть оценена значимость произведения Карнапа. Таким образом, я одновременно имплицитно защищаю точку зрения, например, своей соб-

ственной книги⁴, которая, помимо всего прочего, содержит экспозицию и критику значительной части *Aufbau*.

1. ЧЕРНЫЕ ДНИ ДЛЯ *AUFBAU*

Aufbau в значительной степени представляет собой кристаллизацию много из того, что принято считать наихудшим в философии XX в. Эта работа представляла собой своего рода анафеме антиэмпирических метафизиков и алогических эмпириков, аналитических оксонианцев и антианалитических бергсонянцев, тех, кто ставил философию выше наук, равно как и тех, кто хотел отказаться от философии ради наук. Значительная часть современных полемических выступлений, публикуемых в философских журналах, направлена против взглядов, в смертоносной форме обнаруживаемых в *Aufbau*. *Aufbau* — в качестве ужасного примера — занимает совершенно исключительное положение.

Моя цель состоит в том, чтобы рассмотреть обвинения, выдвинутые против *Aufbau*, и дать им оценку, а также сформулировать некоторые соображения, касающиеся значимости этого труда. Это виртуально равносильно малообещающему, однако правомочному делу защиты *Aufbau* практически от всех, включая самого Карнапа, — конечно же включая последовательность Карнапов, которые по разным основаниям и в разное время приуменьшили значение этого раннего труда за те двадцать восемь лет, что прошли со дня его публикации. Однако меня больше интересует нынешняя атмосфера сложившихся вокруг *Aufbau* мнений, нежели то, что отдельные люди говорили в то или иное время; так что мой оппонент, за исключением специально оговоренных случаев, — это некая собирательная фигура, встречающаяся столь же часто в разговорах, сколь и в журналах.

2. ФЕНОМЕНАЛИЗМ И *AUFBAU*

На место «впечатлений» или «простых идей» английской философии XVIII в. Карнап — в качестве основы своей системы —

1. Перевод выполнен Т. А. Дмитриевым по изданию: Goodman N. The Revision of Philosophy // Goodman N. Prospects and Projects. Hackett Publishing Company, 1972, p. 5-23.

2. The Philosophy of Rudolf Carnap. Schilpp Paul. ed. LaSalle, Illinois: Open Court, 1963.

3. Carnap R. Der Logische Aufbau der Welt. Berlin, 1928.

4. Goodman N. The Structure of Appearance. 1951.

поставил всеобъемлющие элементарные переживания — *elementarerlebnisse* — для того, чтобы начать, насколько это только возможно, с того, что он считал неанализируемым и необработанным опытом. Его система является откровенно феноменалистической, а феноменализм всегда провоцировал мощную и непрекращающуюся критику.

Наиболее популярное возражение состоит в том, что феноменализм является *принципиально неполным* (*incompletable*). Считается, что на чисто феноменалистской основе невозможно дать полное и адекватное описание объективного и интересубъективного мира науки. Первое возражение, которое Карнап выдвигает против своих идей⁵, изложенных в *Aufbau*, состоит в том, что феноменалистская система в отличие от физикалистской не может носить всеохватывающего в отношении науки характера; и возможно, ничто из написанного им не нашло такого широкого согласия, как это утверждение.

Аргументы, которые обычно приводятся в поддержку обвинений в неполноте феноменализма, не могут, в силу своего характера, быть убедительными сами по себе, поскольку тезис, на доказательство которого они направлены, не является достаточно точным; и нет какой-либо доступной развитой совокупной теории, в рамках которой могло бы быть дано надежное доказательство. Доказательство, согласно которому полная система не может быть построена на каком-либо феноменалистском базисе, предполагает некоторое точное ограничение класса феноменальных базисных единиц, исчерпывающей формулировки допустимых методов конструкции и ясного представления о том, что конституирует требуемую полноту, а каждое из этих требований не так-то просто удовлетворить. Таким образом, например, аргумент, что феноменализм является неполным, поскольку бесконечный мир математики и наук нельзя объяснить при помощи конечного базиса, на первый взгляд просто утверждает, что бесконечное множество предметов не может быть построено из конечного множества. Однако если мы поймем, что вопрос заключается скорее в том, можем ли мы интерпретировать в терминах высказываний о конечном числе сущ-

ностей все неустрашимые высказывания, *которые prima facie отсылают к бесконечному числу сущностей*, то окажется, что проблема не может быть разрешена столь просто.

С другой стороны, тезис, согласно которому феноменализм является неполным, вряд ли нуждается в доказательстве. Конечно же невозможно предложить какую-либо полную систему в рамках какого-то предсказуемого отрезка времени; и в перспективе нет никаких иных средств, позволяющих доказать полноту системы. Задача конструкции столь трудна, а тенденция считать ее безнадежной столь сильна, что все предположения говорят против притязания, что какая-либо феноменалистская система — или, по существу говоря, какая-либо система с довольно узким базисом — может в принципе быть полной. Даже без доказательства или прояснения тезиса о том, что феноменализм является в принципе неполным, вполне оправданно принимать этот тезис, по крайней мере до тех пор, пока противоположный тезис не будет сочтен заслуживающим большего доверия.

Однако если этот тезис — доказанный или нет — принимается, то какое заключение можно из него вывести? Обычно феноменализм считается полностью дискредитированным, если признана его неполнота. Именно этот шаг в аргументации — шаг, который обычно считается чем-то само собой разумеющимся, — я и хотел бы оспорить. Я готов отстаивать ту точку зрения, что значимость попыток построить систему на феноменалистском или каком-либо ином узком базисе в весьма малой степени затрагивается вопросом о том, может ли система быть полной или нет. Геометрия Евклида не лишается своего значения оттого, что при помощи ее средств нельзя вычислить площадь круга. Действительно, тот факт, что до Евклида было принято считать, что невозможно вычислить площадь круга при помощи циркуля и линейки, ни в малейшей степени не умилил бы важности развития Евклидовой геометрии; и эта точка зрения, как я полагаю, не стала бы основанием для того, чтобы обратить все внимание на обсуждение адекватности различных основ или на развитие геометрии на более широкой, нежели евклидова, основе. Более того, пропозиции, утверждающие неразрешимость определенных проблем на основе евклидовой геометрии, вряд ли могли бы быть точно сформулированы или Доказаны иначе, нежели как в рамках тщательно разработан-

5- Carnap R. Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft // Erkenntnis, vol. 2 (1931), pp. 432—465.

ных, пусть даже неполных, математических систем. Однако мое мнение не ограничивается соображением, что было психологически необходимо и полезно работать в этом направлении. Достижения, к которым приходят в рамках неполной системы, обладают непреходящей ценностью, если они включаются в более полную систему. Конечно же после того как система типа Евклидовой оказывается развитой настолько, насколько это только возможно, вопросы о том, чего можно достичь при помощи даже более скудных средств (например, без линейки или без данного постулата), зачастую все еще сохраняют определенный интерес.

Аналогия, я полагаю, является довольно прозрачной. Сама по себе неполнота не является решающим возражением против попытки построить систему на феноменалистической основе. Только посредством положительных усилий со строго ограниченными средствами мы можем достичь прогресса в конструкции; только так можем мы установить точные пределы основы и то, какие в точности дополнения необходимы. Причем наши достижения могут быть сохранены в рамках более широкой системы и помогут нам разрешать параллельные проблемы в альтернативных системах. Предположение Карнапа о том, что выбранной им единственной основы могло бы быть достаточно для полной системы, было конечно же поспешным и несостоятельным. Однако сделанная им ошибка была не более страшной, чем ошибка людей, считавших систему Евклида достаточной для разработки плоскостной геометрии. Принципиальная неполнота системы *Aufbau* или же феноменалистской системы вообще не является таким уж разрушительным обвинением.

Принципиальная неполнота не является единственным обвинением, выдвигаемым против феноменализма. Иногда возражение заключается, скорее, в том, что феноменалистская система, будь она завершаемой или нет, является эпистемологически ложной; это означает, что она представляет процесс познания в ошибочном виде. Принято считать, что феноменальные события или качества являются не исходными элементами знания, но продуктами искусственного и в высшей степени уточненного анализа, так что феноменалистская система дает весь ма искаженный образ действительного познания.

Любые взгляды подобного рода опираются на посылку, со-

viacНо которой вопрос «Каковы исходные элементы знания?» ясен и на него легко дать ответ. Причем это допущение остается неоспоримым до тех пор, пока мы находимся под преобладающим влиянием традиции, согласно которой имеется широкая дихотомия между данным и той интерпретацией, которой это данное подвергается, — до тех пор, пока мы представляем познающего в виде машины, которая поглощает определенные куски опыта, а затем переваривает их и заново объединяет различными способами. Однако я не думаю, что эта точка зрения на проблему выдержит тщательное исследование. Поскольку вопрос «Каковы единицы, в которых в действительности дан опыт?» кажется равносильным вопросу «Какова реальная организация опыта до того, как появляется какая-либо познавательная организация?», а этот вопрос, в свою очередь, требует, по-видимому, описания познавательного неорганизованного опыта. Однако любое описание само по себе производит, так сказать, познавательную организацию; и независимо от описания трудно понять, какой могла бы быть организация. Поиск исходно данного временами напоминает опрос, когда меня впервые спрашивают о том, что я только что видел. «Самого страшного преступника из всех живущих на свете», — отвечаю я; однако тот, кто меня спрашивает, выражает недовольство тем, что я делаю слишком много суждений по поводу того, что я видел; он хочет, чтобы я сообщил ему исключительно то, что я мог видеть, и ничего сверх того. А так как он продолжает давить на меня, я отвечаю последовательно: «Я видел человека», «Я видел человекообразное животное», «Я видел движущийся объект», «Я видел такую-то конфигурацию цветовых пятен». Однако если тот, кто меня спрашивает, является человеком последовательным и настойчивым, ни один из моих ответов — или каких-либо иных, которые я могу дать ему, — не удовлетворит его, поскольку все мои ответы описывают мой опыт при помощи слов и тем самым навязывают ему некоторую организацию или интерпретацию. Все мои ответы могут быть истинными описаниями того, что я видел, но ни одно мое описание не может быть удовлетворительным ответом на вопрос о том, что я *просто* видел⁶, поскольку этот вопрос является фиктивным.

6. Соответствующие ловушки, касающиеся вопроса о том, описывает ли ка-

Но конечно же я не в состоянии подробно обсуждать здесь в целом проблему того, какие элементы знания являются исходными. Да в этом и нет необходимости. Ведь ценность и надежность конструктивной системы не зависит от эпистемологической первичности тех элементов, из которых она исходит, вне зависимости от того, как такая первичность могла бы быть определена. Старая идея, согласно которой философия нацелена на описание того, как осуществляется процесс познания, уже была отвергнута в *Aufbau*. Карнап предупреждал, что его конструкции направлены на сохранение исключительно «логической», а не «эпистемологической значимости» определенных терминов, и открыто заявлял, что его систему не следует считать изображением процесса приобретения знания. Тем не менее он считал свою систему «рациональной реконструкцией» процесса познания, демонстрацией того, как идеи, с которыми приходится иметь дело, «могли бы быть» выведены из исходно данного; и по этой причине он строит свою систему в опоре на элементы, которые максимально близки к тому, что он считает данным. Однако почти сразу же становится ясно, что если нам безразлично, отражают ли этапы в рамках системы соответствующие этапы в познании, то нам безразлично и то, отталкивается ли система от изначально данного. Функция системы заключается не в том, чтобы изобразить происхождение — действительное или гипотетическое — идей, но в том, чтобы выявить взаимосвязи между ними. Поэтому при выборе элементов для системы играют роль не соображения первичности в познавательном процессе, но соображения инструментальной пригодности в качестве основы для экономной, понятной и интегрированной системы.

По мере того как мы продвигаемся вперед, мне следовало бы высказаться более обстоятельно по поводу природы и целей конструктивных систем, в особенности в следующем разделе; однако краткий ответ на обвинение в адрес феноменалистских систем, что они являются ложными изображениями познавательного процесса, состоит в том, что системам такого рода нет

никакой необходимости быть истинными в подобном отношении. Со своей стороны, Карнап считает, что его система отчасти отвечает указанному выше требованию, более того, он считает, что она соответствует требованию полноты; однако на мой взгляд систему не следует оценивать в терминах этих ненужных и ошибочных притязаний.

Третье и более важное направление атаки на феноменализм сводится к стремлению показать не неполноту или ложность феноменалистские системы, но ее неадекватность; иными словами, оно нацелено на показ того, что поставленных важных целей можно достичь быстрее, если исходить из физикалистской основы. Отмечается, что даже наиболее распространенные объекты повседневного опыта в высшей степени трудно сконструировать на феноменалистской основе, что *elementarerlebnisse*, или качества, или события-явления, от которых отталкивается феноменалистская система, являются незнакомыми единицами рассуждения, обманчивыми, если не иллюзорными, такими единицами, которые сложно ухватить и опознать, и что система, опирающаяся на такие элементы, представляет собой замкнувшееся в себе развитие технической философии, далекое от практических интересов или научного рассуждения. В противоположность этому принято считать, что физикалистская система исходит из знакомых и хорошо понятных элементов, что она способна иметь дело непосредственно с миром повседневного опыта, и со значительно большей легкостью предоставляет объекты научному знанию.

Этот аргумент, с его обращением к знакомому, практическому и научному, обладает столь непреодолимым обаянием, что те, кто тратит время на феноменалистские конструкции, считаются прямыми и старомодными чудаками, невоспринимающими факты жизни и науки. Тем не менее давайте исследуем этот аргумент подробнее.

Прежде всего принято считать, что одним из величайших достижений, связанных с физикалистской системой, является то, что она не сталкивается с трудной и, возможно, неразрешимой проблемой конструирования физических объектов на основе феноменов. Это совершенно верно. Равным образом верно и то, что если вы используете двойной циркуль (циркуль с тремя ножками), то можете разделить на три равные части лю-

кое-то описание опыт в точности так, как он испытывается, обсуждались в моей книге «The Structure of Appearance. 1951, pp. 138—141), и в «Философских исследованиях» Витгенштейна.

бой угол. И поскольку двойной циркуль нетрудно создать и поскольку цель заключается в том, чтобы осуществить трисекцию угла, разве практично отрицать использование нами этого инструмента? Если физические объекты трудно сконструировать в терминах феноменов, почему бы не начать с физических объектов? Однако надо отдать себе отчет в том, что в обоих случаях мы не решаем проблему, а ускользаем от нее. Различие, как будет утверждаться, состоит в том, что в случае с геометрией выбор происходит между двумя одинаково простыми и обычными основами, а в случае с переходом от феноменистской системы к физикалистской мы отбрасываем невразумительную и малопонятную основу в пользу основы явно более вразумительной и знакомой. Поэтому в данном случае аргумент, выдвигаемый в пользу физикализма, не может иметь характера утверждения о том, что он разрешает проблему, с которой не в состоянии справиться феноменизм; скорее, он утверждает, что физикализм исходит из более приемлемой основы и избавляет нас от необходимости иметь дело с трудной и малозначительной проблемой, прежде чем мы начнем соприкасаться с областью повседневной жизни и науки.

Комфортабельный, по-домашнему уютный характер выбранной физикалистом основы сохраняется лишь до тех пор, пока он лишь защищает свою основу, а не пытается применить ее. Как только он предпринимает попытку начать всерьез систематическое построение, то быстро обнаруживает, что обычные вещи типа обеденных и письменных столов, стульев слишком велики, сложны, плохо сгруппированы и разбросаны, чтобы служить его целям; и, пользуясь тем, что мы отвлеклись, физикалист незаметно протаскивает суррогаты. Например, в статье «Проверяемость и значение»⁷ Карнап сперва говорит о «вещном языке», в котором атомарные предложения состоят из наблюдаемых предикатов, применяемых к обычным вещам⁸. Однако несколькими страницами ниже он говорит о «наблюдаемых предикатах вещного языка, приписываемых наблюдаемым вещам любого вида или пространственно-временным точкам»⁹.

7- Carnap R. Testability and Meaning // Philosophy of Science, vol. III, 1936, pp. 419-471; vol. PV, 1937, pp. 1-40.

8. Ibid., vol. III, p. 466.

9. Ibid., vol. IV, p. 9.

Последняя фраза вносит радикальное дополнение. Вне зависимости от того, являются такие вот пространственно-временные точки сущностями физики или минимально воспринимаемыми областями, они никоим образом не являются знакомыми вещами повседневного опыта. То, что делают оба — как физикалист, так и феноменилист, — заключается в следующем: они оба неформально начинают с обыденного рассуждения и выражают в терминах этого рассуждения ряд сущностей, которые довольно-таки отличны от обычных вещей, но обладают единообразием, простотой и всеохватностью, что и делает их работоспособными элементами системы. Физикалист принимает обычные объекты повседневного опыта в качестве базисных элементов своей системы не в большей степени, чем феноменилист.

Более того, имеется множество двусмысленностей в том, что касается пространственно-временных точек, принимаемых физикалистом в качестве элементарных. Когда он полагает, что занимает более выгодную позицию в отношении конструирования объектов науки, то допущение состоит в том, что его элементами являются пространственно-временные точки математики и физики. Однако дело не может обстоять подобным образом, ведь он поддерживает «наблюдаемые предикаты». В качестве примеров допустимых атомарных высказываний Карнап приводит следующие: «Эта пространственно-временная точка — теплая» и «В этой пространственно-временной точке находится твердый объект»¹⁰. Ясно, что ни одна математическая пространственно-временная точка не является теплой и ни в какой подобной точке не находится какой-либо объект, который является твердым или красным или имеет какое-либо иное наблюдаемое качество; наблюдаемые качества принадлежат объектам, размер которых делает их доступными для восприятия. Однако если элементы, называемые пространственно-временными точками, являются доступными для наблюдения областями, то мы сталкиваемся со множеством проблем — например, с проблемой объяснения невоспринимаемых различий, — которые физикалист пытался избежать. И утверждение Карнапа, что предлагаемое им основание является адекватным для конструирования объектов науки, больше уже не выглядит столь убе-

ю. Ibid.

дительным. Проблема выведения объектов физики из такой основы вряд ли является менее труднопреодолимой, нежели проблема конструирования обыденных объектов на строго феноменалистической основе; во многих отношениях первая не слишком отличается от второй; и нет никакого *prima facie* основания предполагать, что первая является разрешимой, тогда как вторая — нет. Физикалист предлагает аргумент, согласно которому «относительно каждого термина в физическом языке физик знает, как его использовать на основе наблюдений. Таким образом, каждый такой предикат сводим к наблюдаемым предикатам...»¹¹, однако феноменалист точно так же утверждал, что «относительно каждого термина, который используется надлежащим образом, лицо, его использующее, знает, как использовать его на основании того, что является этому лицу, и, таким образом, любой термин сводим к феноменальным предикатам». Если первый аргумент хорош, то таким же является и второй; если второй плох, то таковым же оказывается и первый. Пригодность обыденного вещного языка для конструирования области физики остается совершенно необоснованным притязанием.

Если проблема конструирования сущностей физики из наблюдаемых вещей является столь проблематичной, то можно было бы ожидать, что физикалист опустит ее как несущественную, точно так же как он уже отбросил проблему конструирования обычных объектов из феноменов и достигнет адекватного для физики языка, отталкиваясь от частиц и предикатов самой физики. Это вполне согласовывалось бы с популярной ныне идеей, согласно которой целью всех исследований является предсказание и контроль над природой¹², однако на самом деле он никогда не делает этого шага, поскольку сделать его означало бы отбросить философию ради физики. Физикалист и иные

конструктивисты пытаются послужить какой-то цели, которая не выполняется физикой и другими науками, однако они не в состоянии ясно сформулировать это различие и часто производят впечатление людей, вовсе о нем не подозревающих.

Здесь возникает главный и щекотливый вопрос. Большая часть дискуссий по поводу относительных достоинств различных исходных элементов, которые можно было бы положить в основу системы, возникает из путаницы, касающейся подходящих стандартов. Критерии, к которым обращаются чаще всего — такие, как эпистемологическая первичность и полезность для науки, — являются, очевидно, неподходящими, и каковы именно требования относительно приемлемого базиса для философской системы в отличие от системы психологии или физики — это важная и вызывающая раздражение проблема, которую часто игнорируют.

В таком случае аргумент, согласно которому феноменализм является принципиально неполным, не более убедителен в опровержении *Aufbau*, чем аргумент о том, что углы не могут быть разделены на три равные части при помощи линейки и циркуля — в опровержении евклидовой геометрии; а аргумент, согласно которому феноменализм является эпистемологически ложным, не более убедителен, нежели аргумент, согласно которому постулаты Евклида не являются фундаментальными, самоочевидными истинами. Более того, популярные аргументы в пользу физикалистской и против феноменалистской системы проявляют нерешительность относительно той физикалистской основы, которую следует использовать; кроме того, они содержат необоснованные утверждения по поводу возможных конструкций и неявно обращаются к критериям, которые, если их последовательно применить, привели бы к отказу как от физикалистских, так и от феноменалистских систем, а также к отказу от философских исследований ради занятий специальными науками.

Позвольте мне подчеркнуть, что моя цель состоит не в том, чтобы защищать феноменализм в противоположность физикализму, но исключительно в том, чтобы показать слабость критических замечаний, выдвигаемых против феноменализма. Системы обоих типов вполне могут оказаться ценными.

11. Ibid., vol. III, p. 467.

12. Мне представляется, что нынешнее господство этой идеи блокировало всякое ясное понимание как философии, так и наук. Однако кое-какие контуры наметить можно. Психологи некоторое время назад привели экспериментальные данные, согласно которым обезьяны будут прилагать больше усилий для любопытства, чем для поиска пищи. Удовлетворение любопытства может со временем стать столь же почтенной целью, что и удовлетворение голода; и тогда мы уже не будем обязаны оправдывать астрофизику тем, что она потенциально может сделать для урожая пшеницы.

3. КОНСТРУКТИВИЗМ И *AUFBAU*

До сих пор я рассматривал только возражения против феноменализма в отличие от возражений против конструктивизма в целом. Однако существует также и активное противодействие конструктивизму (или, как его называют противники, «редукционизму») во всех его видах — не только как выбору определенной основы, но как самой программе систематической логической конструкции на основе какого-либо ряда примитивных единиц.

Источником подобного противодействия является, конечно же, антиинтеллектуализм, который в наиболее непосредственной форме выражается Бергсоном. Причина недовольства всеми определениями, анализом и систематическим описанием состоит в том, что они используют статичные, абстрактные и втиснутые с прокрустово ложе понятия с тем, чтобы сконструировать бескровную карикатуру на богатый и пульсирующий мир опыта. Концептуализация, абстракция, символизация являются инструментами рассечения и иссушения. Это кажется атакой скорее не на какой-то вид философии, но на философию в целом в ее сравнении с поэзией. Или, если поэзия использует слова и символы и выделяет аспекты, протест скорее осуществляется против любых вербализаций в противоположность невербальному переживанию. В экстремальном выражении эта позиция не будет нас сейчас интересовать, поскольку мы рассматриваем *Aufbau* в сравнении с другими философскими попытками, а не в сравнении с происходящим по ночам уничтожением посевов и скота или с пьяным скандалом. Тем не менее основополагающее антиинтеллектуалистическое недовольство тем, что философия не дублирует опыт, требует того, чтобы на нем остановиться, поскольку оно лежит в основе многих иных возражений против попыток достичь точности и системности в философии.

Функция конструктивной системы состоит не в том, чтобы воссоздавать опыт, а в том, чтобы отображать его. Хотя карта и производна от наблюдаемой территории, она не обладает очертаниями, цветами, звуками, запахами и жизнью территории и в отношении размера, формы, веса, температуры и большинства иных характеристик может быть столько же непохо-

жа на то, что она отображает, насколько это только можно вообразить. Она может быть даже очень маленькой, как и другие равным образом пригодные карты той же самой территории. Карта является схематичной, избирательной, условной, компактной и единообразной. И эти ее свойства являются скорее достоинствами, нежели недостатками. Карта не только обобщает, проясняет и систематизирует, она часто раскрывает факты, которые мы вряд ли смогли бы непосредственно извлечь из наших исследований. Мы можем создавать крупномасштабные и более сложные карты и даже трехмерные модели с тем, чтобы получить больше информации, однако это не всегда к лучшему. Ведь когда наша карта становится столь же масштабной и во всех иных отношениях сходной с изображаемой территорией — и конечно же задолго до того, как достигается эта стадия, — она больше уже не выполняет своей роли. Не существует такой вещи, как совершенно несокращенная карта, поскольку сокращение является существенной стороной составления карт.

Это соображение подсказывает, как я полагаю, ответ не только безудержному антиинтеллектуализму, но и многим иным возражениям против абстрактности, скудности, искусственности конструктивных систем и их общего несоответствия действительности. Но пусть никто не жалуется на то, что скоростная дорога не является красной, как линия на карте, что отмеченные на карте пунктиром государственные границы не просматриваются на местности или же что город, в который мы приезжаем, не является круглой черной точкой. Пусть никто не думает, что если карта, составленная в соответствии с одной схемой экстраполяции, является точной, то карты, составленные в соответствии с альтернативными схемами, являются неверными. И пусть никто не упрекает картографа в безжалостном редукционизме за то, что его карта не зеленеет весной.

Антиинтеллектуалист подводит нас к ложной дилемме. Выбор осуществляется не между ошибочной репрезентацией и мелочно-дотошным воспроизведением. Релевантный вопрос относительно системы или карты состоит в том, являются ли они работоспособными и точными в предполагаемом отношении.

Многие современные философы противятся не анализу как таковому, но использованию логики и искусственной термино-

логии, а также поэтапной конструкции. Возражение состоит в том, что система формальных определений ставит не относящиеся к делу проблемы, что она является слишком косной и точной, и что она нечувствительна к тонким нюансам обычного словоупотребления. Считается, что философская проблема возникает из недостаточной осмотрительности при употреблении обыденного языка, и в качестве противоядия рекомендуется разяснять при помощи обыденного языка природу ошибочного словоупотребления или ошибочного понимания словоупотребления. Разновидности анализа, предлагаемые в качестве примеров этого метода, зачастую являются весьма полезными и в высшей степени поучительными. Они подобны своего рода указаниям, которые объясняют, как пройти от почты к парку, не сделав при этом ошибочного поворота у сарая. В общем, мы должны обращаться к подобного рода указаниям только в тех случаях, когда мы заблудились или испытываем затруднение, поскольку большую часть наших повседневных передвижений мы достаточно эффективно осуществляем и без их помощи. И хорошие вербальные указания в сравнении с картой имеют явные достоинства: они являются общераспространенными, легко поддающимися опознанию ориентирами и сразу же сообщают нам именно то, что нам в данный момент нужно знать.

Однако карта также имеет свои преимущества. Она конечно же составлена на искусственном языке и должна быть прочитана и соотнесена с отображаемой областью, но она является непротиворечивой, исчерпывающей и связной. Она может дать избыточную информацию, которой мы уже располагаем; но она также может и открыть нам неожиданные маршруты и дать возможность исправить ошибочные представления, которые в противном случае могли бы остаться незамеченными. Она передает организованное всеохватывающее мнение, согласно которому ни один ряд вербальных указаний и никакой опыт, связанный с передвижением, не может считаться бесполезным. Вербальные указания очень часто могут быть полезны даже в тех условиях, когда мы располагаем картой; они могут помогать нам в интерпретации карты или избавлять от проблем. Но они не могут занять место карты или вытеснить ее.

Конечно же с картами связаны определенные опасности.

Карта может быть воспринята слишком буквально или ошибочно прочитана каким-то иным образом. Однако карта не виновата в том, что лицо, ее использующее, воспринимает отметки долготы в качестве шкалы метафизических приоритетов или ведет полемику по поводу того, находятся ли в большем согласии с реальностью измерения в квадратных метрах или же в минутах.

Пока что мы, по общему признанию, еще находимся на довольно примитивной стадии философского картографирования; и не следует никого порицать за склонность доверять скорее искусным вербальным ориентациям, нежели новым и несовершенным картам. Не улучшается репутация картографии и за счет детальных карт, выполненных чересчур поспешно на основании недостаточно обстоятельного исследования. И тем не менее неприятие принципов конструктивизма со стороны философов обыденного языка всегда вызывало у меня удивление, поскольку я полагал, что в данном случае отсутствует непримиримый конфликт целей или даже методов. Анализ обыденного языка представляет собой необходимое предварение и дополнение к систематической конструкции, и он имеет отношение к той же самой области проблем. Например, философ обыденного языка вполне может интересоваться объяснением смутного выражения, которое мы используем, говоря, что некоторые вещи «похожи друг на друга» (*are alike*); и он вполне может исследовать различие между утверждением, что какой-то цвет находится в данном месте в данное время, и утверждением, что какой-то цвет находится в данном месте *и* в данное время. Конструктивист, имеющий дело с качествами и особенностями (*particulars*), сходным образом должен будет отдавать себе ясный отчет по поводу этих проблем. Аналитик, рассматривая эти две проблемы в качестве самостоятельных, может и не обратить внимания на то, что они взаимосвязаны, тогда как систематическое рассмотрение показывает, что они являются двумя случаями одной логической проблемы¹³. Однако вербальный аналитический логический конструктивизм скорее являются взаимодополняющими, чем несовместимыми. Конструктивист видит в антиин-

13. По поводу дальнейшего объяснения см.: Goodman N. The Structure of Appearance, pp. 204-214.

теллектуалисте своего главного противника, но при этом он смотрит на философа обыденного языка как на своего ценного и уважаемого, хоть и необъяснимо враждебно относящегося к нему союзника.

Не считая сложившихся философских позиций, неприятие конструктивизма вырождается в то, что всякое предполагаемое определение того-то и того-то (*so-and-so*) как такого-то и такого-то (*such-and-such*) встречается наивным протестом, согласно которому то-то и то-то есть Не Просто такое-то и такое-то, но Не-что Большее. Этот подход свидетельствует просто о неудаче постичь то, что делает конструктивист. Определяя то-то и то-то как такое-то и такое-то, он отнюдь не заявляет, что то-то и то-то есть не что иное, как такое-то и такое-то. Карнап отрицает любую такую идею, настаивая на том, что его определяющие выражения (*definientia*) должны иметь в точности тот же самый объем, что и определяемые выражения (*definienda*); и, как показывает обсуждение, проведенное мною выше, « $= df$ » в конструктивном определении следует читать не как «есть не что иное, как», но, скорее, как «должно в данном случае картографироваться как». Однако природа и значение конструктивного определения нуждаются теперь в более тщательном исследовании.

4. ЭКСТЕНСИОНАЛИЗМ, ОПРЕДЕЛЕНИЕ И *AUFBAU*

Некоторые критики *Aufbau* в первую очередь высказывали несогласие не с феномениалистической ориентацией этой работы и не с конструктивизмом вообще, но со специфической концепцией конструктивного метода, которую *Aufbau* формулирует и воплощает.

Первое возражение такого рода направлено против экстенционализма *Aufbau*. Единственное неформальное требование, которое накладывается в данном случае на конструктивное определение, состоит в том, чтобы определяемое и определяющее выражения применялись в точности к тем же самым предметам так, чтобы замена одного на другое в допустимых контекстах сохраняла истинностное значение¹⁴. В противоположность это-

му многие критики, включая Карнапа, утверждают, что, поскольку такая экстенциональная идентичность не гарантирует тождества значения, следует принять какой-то более строгий критерий.

Давайте примем посылку, что экстенциональная идентичность не является достаточным условием синонимии. Само по себе это не решает основного вопроса, поскольку в данном случае предметом разногласий является не теория значения, но теория конструктивного определения; и принятие неэкстенционального критерия синонимии не влечет за собой принятие неэкстенционального критерия конструктивного определения.

Из сказанного мною в предыдущем разделе ясно, почему я резко не согласен с утверждениями в том, что к конструктивным определениям должно предъявляться требование более строгое, чем требование экстенциональной идентичности. Это было бы ошибкой и помехой для исходной функции конструктивной системы. Как мне представляется, эта функция состоит в том, чтобы выразить сеть отношений, имеющих место в рамках предметной области, и потому то, что требуется в данном случае, — это просто определенное структурное соответствие между миром системы и миром досистематической речи.

Только таким вот образом, то есть скорее как «структурное описание»¹⁵, чем как книгу синонимов или полноцветное изображение реальности, мы можем понять систему типа представленной в *Aufbau*. Экстенциональный критерий конструктивного определения, отнюдь не будучи слишком слабым, является слишком сильным. Требовать, чтобы определяющие выражения были экстенционально идентичными с определяемыми выражениями, означает в действительности притязать на буквальную и исключительную истину для выбранных определений, поскольку, если качество на деле идентично с определенным классом *elementarerlebnisse*, оно не идентично с классом некоторых иных опытных элементов, которые могли бы быть выбраны как базисные для другой системы. Любое такое утверждение единственности истины совершенно чуждо духу и цели конструкти-

14. Общепринятый экстенционализм столь знаменитого памятника феномениализма и конструктивизма, каковым является *Aufbau*, опровергает, по-ви-

Димому, нынешнее обвинение Куайна (*Mind*, vol. 62, 1953) P. 434» согласно которому понятие аналитичности представляет собой «пережиток феномениалистического редукционизма».

15. Относительное термина Карнапа *Strukturbeschreibung* см.: раздел 12 *Aufbau*.

визма. Если мы осознанно попытаемся выявить критерии, которые мы применяем при обсуждении и оценке правильности отдельных конструкций, то, как я полагаю, обнаружим, что подходящее требование состоит не в том, чтобы каждое определяющее выражение было экстенционально идентично своему определяемому выражению, но скорее в том, чтобы вся система определяющих выражений была *изоморфной*, определенным специфицируемым образом¹⁶, всей системе определяемых выражений. Этот подход устраняет неуместные и неудовлетворительные требования и оставляет место для множества различных, но равным образом обоснованных альтернативных систем.

Второе общераспространенное возражение против концепции метода, воплощенной в *Aufbau*, является почти полной противоположностью первому. Сам Карнап проявил тут инициативу, утверждая, что недостаточно ограничиваться определением как единственным методом конструкции. Мы не только имеем слишком мало надежды дать всеобъемлющее определение всем терминам, которые мы хотим ввести, но наряду с этим, утверждает он, имеется иной равным образом правомочный метод введения новых терминов в систему. В действительности он заявляет, что введение терминов при помощи того, что он называет «редукционными предложениями», имеет то преимущество, что отражает общую действительную реальность научной работы.

Последний аргумент совершенно не относится к делу, однако главное затруднение заключается в том, что этот предположительно новый метод введения терминов ничего не добавляет к тем средствам, которые уже находились в нашем распоряжении. Редукционные предложения представляют собой простые постулаты, а термины, вводимые при помощи постулатов, вводятся просто как исходные термины. Введение примитивных терминов не требует нового метода, и имеется определенная опасность в сокрытии этого введения под новым именем. Поскольку предположение, что редукционные предложения, в принципе, сравнимы с определениями, не принимает во внимание того факта, что всякое добавление нового и неустранимого исходного элемента (при помощи редукционного постула-

та или каким-то иным способом) представляет собой жертвование экономией основы и конечной интеграцией нашей системы. Различие между открытым принятием термина в качестве исходного и введением его при помощи редукционных предложений представляет собой эвфемистическое различие между утратой основания и стратегическим отступлением.

Мы действительно можем время от времени добавлять новые исходные элементы при строительстве системы и захотеть использовать новые синтаксические или семантические техники, однако принятие новых исходных элементов не является новой техникой.

Поэтому стандартная критика понятия конструктивного метода, предложенного в *Aufbau*, представляется мне ошибочной в двух отношениях. Во-первых, экстенциональный критерий конструктивного определения требует скорее ослабления, нежели усиления. Во-вторых, предлагаемое дополнение метода определения так называемым методом «редукции» вообще ничего не добавляет.

5. НЕДОСТАТКИ КОНСТРУКЦИИ

Если мы отложим в сторону размышления, касающиеся общих принципов, и детально исследуем действительные конструкции *Aufbau*, то обнаружим множество недостатков¹⁷. Часть из них отмечается в самой книге, поскольку Карнап претендует исключительно на создание несовершенного наброска системы. Однако имеются и иные трудности; и кумулятивный эффект заключается в том, что вряд ли какая-либо конструкция свободна от недостатков. Более того, не все эти дефекты являются второстепенными ошибками или просто деталями, которые еще ждут своей проработки. Некоторые из них являются столь существенными и важными, что исправить их может, пожалуй, только коренной пересмотр всей системы.

Ничто из того, что может быть сказано, не позволит устранить эти недостатки или сделать их менее серьезными, однако их надо увидеть в перспективе. Они являются недостатками

16. См.: Goodman N. The Structure of Appearance, ch. I.

17. Более детальное изложение многих из этих недостатков см.: Goodman N. The Structure of Appearance, ch. V.

добросовестного и своевременного движения в новом направлении. Такого рода затруднения всегда можно обойти, ничего не предпринимая или предусмотрительно сохраняя неясность; вероятность ошибки возрастает вместе с со степенью серьезности и оригинальности попытки достичь точности. Однако делание ошибок и обнаружение недостатков есть первый шаг на пути к их исправлению. Что-то всегда совершенствовалось, когда то, что было сделано и достигнуто, прояснялось в степени, достаточной для того, чтобы сделать возможным убедительное обвинение в ошибке. Если мы сравним *Aufbau* не с тем, что мы желаем, но с тем, что мы имели прежде, то даже если мы не можем простить Карнапу недостатки, допущенные в этом произведении мы, тем не менее, можем оценить их значимость.

Более того, некоторые из наиболее важных ошибок, встречающихся в *Aufbau*, были изобретены не Карнапом. Они постоянно и непредвиденным образом делались предыдущими поколениями философов, и они все еще делаются в настоящее время. Если Карнап не исправил их или даже вообще не обратил на них внимания, то все равно та строгая логическая артикуляция, которой он требовал и реализовывал, сделала эти ошибки более поддающимися обнаружению, а их своевременное раскрытие — неизбежным. Вот только один пример: в дискуссиях по поводу статуса качеств часто предполагалось, что если мы рассматриваем сходство как отношение между любыми двумя предметами, имеющими общее качество, то мы можем определить класс предметов, имеющих общее качество, как класс предметов, которые являются подобными друг другу. Однако если утверждать, что все (предметы) подобны друг другу, означает просто утверждать, что каждые два (предмета) подобны друг другу, то тем самым не гарантируется, что имеется качество, общее всем (предметам); и в действительности невозможно выдвинуть достаточное условие исключительно в терминах диадического сходства предметов. Эта трудность обычно маскируется удобным выражением «подобны». Даже Рассел попал в сходную логическую ловушку¹⁸. Но вряд ли можно интенсивно

изучать *Aufbau*, не отдавая себе ясного отчета в наличии этой проблемы.

То, что предлагают нам оппоненты *Aufbau*, касается обычно не требований заменить его чем-то иным, но обсуждения методов и программ, аргументов в пользу одной основы в противоположность другой, дебатов по поводу того, что может быть сделано, а что — нет. В целом философия нынешнего времени в чрезмерной степени является, как и сама эта статья, философией по поводу философии; характерным философским прибежищем современности является не метафизика, но метафилософия. Признание того, что *Aufbau* содержит много недостатков, следует связать с наблюдением, что игрок на поле всегда рискует совершить больше ошибок, чем игрок на скамейке запасных. А по поводу многих конструктивных недостатков *Aufbau* мы можем, по-видимому, сказать, обобщая, что они были серьезными, неоригинальными и стоящими.

6. ЗНАЧЕНИЕ *AUFBAU*

Я никоим образом не хочу сказать, однако, что *Aufbau* является исключительно или по преимуществу ценным в силу содержащихся в нем ошибок. После того как недоразумения и беспочвенные возражения были устранены, позитивная ценность работы становится совершенно очевидной.

Aufbau привносит в философию могущественные техники современной логики вместе с беспрецедентными стандартами эксплицитности, когерентности и строгости. Оно применяет к основным философским проблемам те новые методы и принципы, которые всего лишь за несколько лет до этого пролили новый и яркий свет на математику. Его потенциальная важность для философии сопоставима с важностью введения Евклидова дедуктивного метода в геометрию. *Aufbau* при всей его фрагментарности и при всех его недостатках все-таки представляет собой один из наиболее исчерпывающих примеров логического рассмотрения проблем в нематематической философии. Однако его значимость в конечном счете будет измеряться не столько тем, насколько далеко оно пойдет, но тем, насколько оно будет превзойдено.

Подчеркивая новизну такого вклада, мы не должны впадать в

¹⁸ Фрагменты, касающиеся совместного присутствия и совокупностей в работах Бертрана Рассела «Исследование значения и истины» (М., 1999) с. 333–385 и «Человеческое познание» (М., 1952) страдают от параллельных эквивоканий, связанных с совместным присутствием качеств.

ошибку и считать *Aufbau* совершенно самостоятельным произведением, никак не зависящим от хода развития предшествующей мысли. Оно в значительной степени принадлежит к основной традиции новой философии и в какой-то мере развивает дело британских эмпириков XVIII в. Хотя эти философы считали, что исповедуют «исторический, ясный метод» обращения со знанием, они внесли наибольший вклад скорее в географию, нежели в историю наших идей. То, что казалось анализом проблемы, каким образом определенные идеи (например, идеи качеств) психологически выводятся из некоторых других идей (например, идей особенностей), гораздо чаще, как я полагаю, представляло собой анализ проблемы, каким образом первые идеи могут быть определены в терминах вторых. А это как раз та самая проблема, с прояснением которой и имеет дело *Aufbau*. Язык может быть новым, но проблема поставлена достаточно давно.

Aufbau нельзя тем не менее отнести к классу памятников, представляющих чисто исторический интерес. Его уроки так и не были усвоены в полном объеме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в чем же состоит пересмотр философии, предполагавшийся всем предыдущим обсуждением? Я думаю, что главная составляющая этого пересмотра — это новое и более скромное понятие природы философской истины, выражающееся в признании того, что философия стремится к описанию, а не к удвоению мира и что анализ, точность и систематичность поэтому являются скорее достоинствами, нежели недостатками. Но позволение быть точным, аналитически строгим и систематичным связано с большой ответственностью; и огромные трудности, лежащие на пути достижения этих целей, даже одного разумного рассмотрения самых ограниченных проблем, могли бы нас совершенно обескуражить, если бы дело не шло о дополнительном аспекте нашего нового видения философии. А это просто означает, что мы должны дать самой философии совет, который философы охотно дают кому угодно, но только не философии, а именно совет взирать на нее *sub specie aeternitatis*TM.

19. Под знаком вечности (лат.). — Прим. перев.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ДОГМА¹

(В течение пяти лет, прошедших с тех пор, как данная тема впервые обсуждалась (1951), основания для ее осуждения быстро исчезали. Со времен Второй мировой войны, произошедшей за десять лет до этого, слабеющие воспоминания о нашем столкновении с безумием вынуждают нас мучиться приступами набожности. Молнии в пустыне уже начали пригибать голову и закрывать глаза на меру всех вещей. И дети спасителей черничного пирога искушаются звучащим символом²).

Одна из наиболее длинных поэм Роберта Фроста заканчивается строкой «У меня была любовная ссора с миром». Философ находится в такой же ссоре со здравым смыслом. Он не является, как некоторые думают, его³ заклятым врагом; скорее, он — пылкий сторонник здравого смысла, которому последний постоянно изменяет.

Это стало более ясным за последние годы, когда многие философы перешли от фабрикации претенциозных космологических предположений к детальному исследованию более земных проблем. Ведь, как мы можем видеть, даже в наиболее близких нам проблемах нас преследуют парадоксы и путаница. Позвольте мне привести несколько иллюстраций. Несомненно, некоторые из них вам знакомы, но я надеюсь, что кое-кого из вас они все еще беспокоят.

Первая иллюстрация наиболее известна, и вы можете вспомнить ее, если прослушали курс логики. Очевидно, что ни одно высказывание не может быть одновременно истинным и ложным, поскольку высказывание истинно как раз в тех случаях, когда оно не ложно, и ложно, когда оно не истинно. Рассмотрим следующие высказывания:

1. Перевод выполнен д. ф. н. Е. Е. Ледниковым по изд.: Goodman N. Definition and Dogma // Goodman N. Problems and Projects, pp. 49—55.

2. Аллюзии на темы творчества Р. Фроста. — Прим. перев.

3- Автор рассуждает о здравом смысле как персоне женского рода. — Прим. перев.

1. Университетское общежитие является прекрасным.
2. Высказывание 1 является ложным.
- 3- Высказывание 2 является ложным.

Мы прекрасно знаем, что высказывание 1 настолько ложно, насколько это возможно, и, следовательно, высказывание 2 - истинно. Но как теперь насчет высказывания 3? Оно говорит о своей ложности. Поэтому, если оно утверждает истину, оно должно быть ложным; если же оно утверждает ложь, оно должно быть истинным. Короче говоря, если данное высказывание истинно, то оно — ложно; а если ложно, то истинно.

Рассмотрим теперь пример совершенно иного рода. Предположим, мы исследуем истинность научной гипотезы, согласно которой все северные медведи являются белыми. Очевидно, что каждый белый северный медведь, обнаруженный нами, представляет свидетельство или же пример, подтверждающий справедливость данной гипотезы. Общий принцип, используемый в данном случае, таков, что все, что одновременно является А и В выступает подтверждающим примером гипотезы «Все А суть В». Следует также согласиться с тем, что все свидетельства в пользу данной гипотезы будут также свидетельствами в пользу любой логически эквивалентной гипотезы, поскольку логически эквивалентная гипотеза представляет собой просто другой способ выражения той же самой мысли. Теперь известно, что высказывания «Все небелые предметы являются несеверными медведями» и «Все северные медведи — белые» являются логически эквивалентными. В соответствии с нашим общим принципом, касающимся свидетельств, все небелое и то, что не северный медведь — например, черный ботинок, — подтверждают первое высказывание, согласно которому все небелые предметы являются несеверными медведями. На этот черный ботинок должен также служить подтверждающим свидетельством эквивалентной гипотезы, согласно которой все северные медведи являются белыми. Должны ли мы в таком случае сделать вывод, что можно подтвердить гипотезу, согласно которой все северные медведи являются белыми, коллекционируя черные ботинки и другие подобные предметы? Такой вывод был бы с радостью воспринят кабинетным зоологом, предпочитающим домашний очаг арктичес-

кому безмолвию, но он сильно обескуражил бы философа науки⁴.

Другого рода проблемы возникают в связи с сослагательным наклонением, которым мы часто и с полным доверием пользуемся в обычных рассуждениях. Такое суждение, как «Если бы я прибыл двумя минутами раньше, я бы успел на поезд», столь же обычно, как и высказывание «Я опоздал ровно на две минуты». Мы без колебаний говорим, что, если бы Гитлер был Наполеоном, ему пришлось бы воевать без аэропланов. Но мы также без колебаний говорим, что, если бы Наполеон был Гитлером, он имел бы в своем распоряжении аэропланы. Такого рода ситуация требует большой осторожности. Ведь если бы Гитлер был Наполеоном, то Наполеон определенно был бы Гитлером, поэтому можно было бы сказать, что в этом случае индивид Гитлер-Наполеон имел бы аэропланы и не имел бы их. Или рассмотрим несколько иной случай. Кажется, ни один великий человек никогда не родился на Алеутских островах. Могу ли я в таком случае сказать: «Если бы Авраам Линкольн родился на Алеутских островах, он не стал бы великим», или же я должен высказаться так: «Если бы Авраам Линкольн родился на Алеутских островах, тогда, по крайней мере, один великий человек родился бы там»? Поэтому следует начать с вопроса: что мы подразумеваем при использовании произвольного контрфактического высказывания?

Теперь я хочу перейти к обнаружению случая, совершенно отличного от рассмотренных выше. Большинство из нас знакомо с понятием порога раздражимости в психологии. Предположим, мы имеем множество серых кругов, крайне мало отличающихся друг от друга по интенсивности цвета, и допустим, что они линейно упорядочены от более светлых к более темным следующим образом:

abcdefghi...

Для произвольного элемента этой последовательности, скажем *d*, другой элемент явно отличим от *d*, если он является ближайшим элементом (с любой стороны), явно отличимым от *d*. Предположим, *h* является первым таким кругом справа от *d*. Может быть так, что *e*, не отличимое явно от *d* из этой последо-

I 4- См. далее гл. VIII.

вательности, *является* явно отличимым от *A* и является первым элементом слева от *A*, который явно отличим от него. В таком случае *ей* *A* являются явно различимыми, но *аи* *A*, как видно из сказанного выше, также являются явно различимыми, хотя *d* и *A* более удалены друг от друга, чем *e* и *A*. Сказать, что *e* и *A*, так же как *d* и *A*, явно различны, все равно что сказать, что, хотя Филадельфия дальше от Нью-Йорка, чем от Трентона, Филадельфия все еще находится на расстоянии сто миль как от Нью-Йорка, так и от Трентона.

Возможно, однако, что наше определение явно фиксируемого различия было не слишком продуманным. Возможно, нам следовало бы сказать, что два элемента являются явно различными, если они ближайшие различимые элементы в том смысле, что никакие элементы из интервала между ними не отличимы друг от друга. В таком случае *e* и *A* являются явно различными, но таковыми не являются *d* и *h*. Но в таком случае мы получаем другой нежелательный результат: хотя многие элементы лежат справа от *d* и являются явно отличными от него, даже самый крайний (а именно, *A*) не отличим явно от *d*. Нам очень не хотелось бы отказываться от признания того, что *A* явно отлично от *d*. Но если мы еще чуть изменим наше определение, так чтобы позволить *d* и *A* (но не *e* и *h*) считаться явно различными, наша ситуация не улучшится. Ведь в таком случае, хотя *e* явно отлично от *A*, являясь первым таким элементом слева от *A*, по нашему определению, *e* и *A* все еще не будут явно различными. Кажется, следует сделать единственно возможное заключение: ни одно определение не удовлетворяет минимальным и простым требованиям здравого смысла⁵.

По-видимому, указанные случаи нуждаются в тщательном анализе и точном определении, прежде чем мы будем уверены в том, что используем обсуждаемые термины осмысленным и непротиворечивым образом. Я проиллюстрировал скорее вопросы, чем ответы, чтобы показать, что трудные и важные проблемы возникают в связи с совсем простыми и хорошо известными тактическими обстоятельствами.

Однако склонность многих философов концентрировать внимание на такого рода проблемах встречает резкое неприятие.

5- См. далее гл. IX, п. I.

Чем больше философ становится ученым в том смысле, что исследует проблемы, а не защищает доктрины, тем более он становится объектом претензий, которые обычно предъявляются ученым. Его упрекают в том, что он тратит время скорее на тривиальные вопросы интеллектуальной любознательности, чем на жизненно важные проблемы человеческого бытия. Его обвиняют в недостатке внимания к важной проблеме установления шкалы человеческих ценностей. И на его скептический дух, на его критическое исследование самых прочных убеждений, его разоблачение заблуждений в наиболее элементарных и общепринятых мнениях возлагают ответственность за подрыв веры, которая нам нужна, чтобы защититься от нашествия тоталитарных учений.

Вы все слышите эти обвинения ученых и научно ориентированных философов почти ежедневно: стенания по поводу того, что «слишком много тактов, слишком мало оценок», «слишком много деталей, слишком мало широты взглядов», «слишком много сомнений, слишком мало веры» и т. д. Упреки, настолько громкие и постоянные, что должно быть, много людей убеждены в том, что единственная надежда на спасение лежит в возврате к невежеству, колдовству и идолопоклонству. Но давайте взглянем на эти претензии более внимательно.

Прежде всего, можем ли мы надеяться на получение хороших ответов на все великие и глубокие проблемы, с которыми сталкиваемся, коль скоро мы все еще не способны иметь дело с простейшими и самыми ясными вопросами, не впадая в путаницу и противоречия? В состоянии ли мы дать ответы, когда мы все еще не уверены в значении простейших из обсуждаемых терминов? Разве это не то же самое, что пытаться решать уравнения высшей алгебры, прежде чем мы усвоили законы арифметики? Призывать забросить анализ деталей и обратиться к великим проблемам означает призывать забыть о методе и сразу переходить к выводам. Действительно, бывают критические ситуации, когда мы вынуждены так поступать. Но принятие экстренных решений не является подходящим занятием для ученого или философа. Его работа состоит в расширении, пусть и медленном, той сферы, где он может восстановить ясность и методичность. Если бы правители Древней Греции столкнулись с проблемой строительства Бруклинского моста, им бы при-

шлось призвать величайших строителей своего времени, но, в конечном счете, работа была бы сделана быстрее, чем если бы они обратились к Евклиду.

Теперь обратимся к тому обвинению, что наука и аналитическая философия подрывают все наши верования и оставляют нас на растерзание сильнодействующей пропаганды. Мне кажется, что нет более ошибочной идеи и большего непонимания движущих сил веры. На самом деле наиболее перспективный кандидат в апостолы новой веры чаще всего оказывается страстным приверженцем старых догм, а не скептиком, восприимчивым ко всем заявкам на критическое испытание. Нет ничего удивительного в том, что политический фанатик внезапно становится религиозным фанатиком. Что оставляет нас беззащитными перед новыми догмами, так это привычка к некритическому восприятию мнений. Именно поэтому миссионер может приобрести больше новообращенных в джунглях, чем в научной лаборатории.

Таким образом, я думаю, что самой большой ошибкой было бы предполагать, что настоящей защитой от фанатического вероучения является другая вера. Это все равно что сказать, что хорошим способом бросить пить виски является употребление джина, хотя мы хотели бы бросить пить вообще. С точки зрения трезвенника, употребление одного спиртного напитка не отличается от употребления другого; и чем чаще некто пьет, тем больше хочет пить снова. Для того чтобы стать трезвенником, человек должен научиться различать различные предложения и говорить «нет». Но это же требуется и для защиты нас от пропаганды.

Позвольте мне ясно сказать, что я хотел бы видеть большее распространение критической позиции и научной беспристрастности. Вопреки тому, что провозглашается во всеуслышание, мы нуждаемся в большем скептицизме, а не в большей вере, считать любое мнение столь же хорошим, как и все остальные, и воздерживаться от любых оценок. Подобный нигилизм в той же степени далек от критической установки и интеллектуальной честности, как и фанатичная вера в религиозные доктрины. Сущность скептической научной установки состоит в том, чтобы использовать все наши способности при выборе гипотез. Однажды выбранная гипотеза может стать *убеждением*, руководящим нашими действиями. Но она не превращается в догму,

если мы не считаем ее неизменяющейся доктриной и отказываемся подвергать ее постоянной проверке на истинность. Я не призываю к тому, чтобы мы прекратили оценивать и сравнивать гипотезы — правильнее будет постоянно направлять наши усилия на такую оценку и сравнение.

Мы должны сказать, что все это против человеческой природы. Как говорится, для человека естественно и характерно верить во что-то или кому-то больше, чем самому себе, неосознанно доверять сверхъестественным силам или опытным племенным вождям. Говорят, что все примитивные племена придерживаются таких верований и все люди, пребывая в бедности и нужде, ищут утешения в подобной неразумной вере. У меня нет потребности оспаривать подобные факты. Это одинаково естественно для всех людей — ползать на четвереньках в детстве и повторять это в более зрелом возрасте в моменты слабости. Но если это естественно в периоды слабости и незрелости, то менее естественное отвержение догматизма и фанатизма, как я полагаю, все же лучше.

Но теперь можно поставить по-настоящему серьезный вопрос. Имеем ли мы право, пока не укрепились в вере, защищаться от лишенных сомнений фанатиков? Существует широко распространенная идея, что сила деяний прямо связана с твердостью веры, что фанатик с безумным взглядом является более чем достойным противником для более беспристрастного оппонента. Я не могу предложить никакого окончательного опровержения этого мнения, но хотел бы обратить внимание на два момента. Во-первых, если это мнение справедливо, мы в любом случае что-то теряем. Если за победу нужно платить интеллектуальной честностью, то цена победы оказывается равной цене поражения. Если мы можем побеждать сумасшествие, только будучи сами сумасшедшими, то мы побеждены еще до начала сражения. Но, как я понимаю, в этом слабое утешение. Я думаю, что можно сказать кое-что более обнадеживающее. Я подозреваю, что чем больший человек фанатик, тем более активен он в защите своих догм, что скептик обычно более спокоен и потому способен к лучшей самооценке. Возможно, вы помните, что во время последней войны приходили сообщения от корреспондентов, которые опрашивали солдат, за что они воюют. Все опрашивавшие были обеспокоены тем обстоятельством,

ством, что получали примерно такой единодушный ответ: «Мы сражаемся за то, чтобы вернуться домой и отведать черничного пирога». И хотя я испытываю огромное уважение и глубокое наслаждение от черничного пирога, больше всего меня поразило в этих ответах то, что кт было сказано. Солдаты не сражались за возвышенные идеи или лозунги, они не сражались за абстрактный идеал или чью-то систему — черничный пирог начал их недоверие к подобным идеалам. Это представляется мне весьма симптоматичным. И как окончательный критерий пирог оказывает прагматически, а также интеллектуально и телесно куда большее влияние, чем богиня судьбы. Возможно, надежда заключается именно в этом.

Итак, жалобы на то, что наука не служит нам моральным руководством, кажутся мне явно несправедливыми и глупыми. Конечно, наука и аналитическая философия не «устанавливают шкалу ценностей». Я даже не знаю, что бы это значило. Но в развитии и практике научного метода и научных установок наука предлагает нам образец поведения, исключающий конфликты. Ученые, коль скоро они ведут себя как ученые, не ведут сражений друг с другом. Без сомнения, для них характерны не конфликты, а мнения. Кровавые войны велись за различные убеждения, даже за убеждения, призывающие к всеобщей братской любви, но никто никогда не воевал с человеком, доказывающим гипотезу, никто, я полагаю, никогда не сражался на дуэли, защищая юмовский скептицизм. Вопрос не в том, какие вызывающие беспокойство высказывания мы принимаем, а в том, почему мы их принимаем. То, что воспринимается как гипотеза, может оказаться порочным как догма.

Пусть же никто не введет нас в заблуждение, будто мы можем выбирать только между догмой и догмой. Коль скоро мы свободны в выборе, давайте предпочтем выбор определения, а не догмы, гипотезы, а не истерии. Время истерии наступает тогда, когда утрачивается надежда, а время догмы — когда она влияет на нас.

Я не знаю, как подействовали на вас мои рассуждения. Если они оставили вас безучастными, мы попусту потратили время. Если они вызвали у вас раздражение, я буду вполне удовлетворен. Но если они восприняты вами как новая проповедь — это было бы самым печальным итогом.

НА ПУТИ К КОНСТРУКТИВНОМУ НОМИНАЛИЗМУ¹

(СОВМЕСТНО С У. КУАЙНОМ)

1. ОТКАЗ ОТ АБСТРАКТНЫХ СУЩНОСТЕЙ

Мы не верим в абстрактные сущности. Никто не предполагает, что абстрактные сущности — классы, отношения, свойства и т. д. — существуют в пространстве и во времени, но мы подразумеваем больше. Мы их отвергаем полностью.

Мы не будем отказываться от любого употребления предикатов и других слов, которые часто выбираются для наименования абстрактных объектов. Мы по-прежнему можем писать «х есть собака» или «х расположен между у и z», поскольку здесь «есть собака» и «расположен между... и» могут быть сконструированы как синкатегорематические выражения, имеющие значение в контексте, но ничего не именующие. Но мы не можем употреблять переменные, которые требуют абстрактных объектов в качестве значений². В предложении «Хесть собака» только конкретные объекты являются подходящими значениями переменной. Напротив, переменная в предложении «Хесть зоологический вид» требует в качестве значений абстрактные» объекты (конечно, пока мы не сможем как-то отождествить различные зоологические виды с определенными конкретными объектами). Любую систему, которая санкционирует абстрактные объекты, мы считаем неудовлетворительной в качестве завершенной философии.

Отказ от абстрактных объектов может оставить нас с миром, образованным из физических объектов или событий, или из единиц чувственного опыта в зависимости от решений, которые нет необходимости сейчас принимать. Более того, даже

¹ Л перевод выполнен д. ф. н. Е. & Ледниковым по изд: Goodman N., Quine W. v. O. Steps Toward a Constructive Nominalism // Goodman N. Problems and Projects, pp. 173—197.

² У. Куайн настаивал на том оостоятельстве, что онтологию теории следует искать в значениях переменных, а не в предполагаемых десигнатах констант. См.: Quine W. u O. Notes on Existence and Necessity // The Journal of Philosophy, 1943, v. 40, pp. H3—¹²⁷—

если устанавливается стандарт эмпиризма, который допускает воспроизводимые чувственные качества наряду с чувственными событиями³, философия математики все еще существенным образом сталкивается с той же проблемой, с которой имеют дело тогда, когда отрекаются от всех универсалий. Простые чувственные качества не создают никакого адекватного базиса для неограниченного универсума чисел, функций и других классов» объявленных в качестве значений переменных классической математикой.

Почему мы отказываемся допускать абстрактные объекты, в которых нуждается математика? Фундаментально данный отказ основывается на философской интуиции, которая не может быть оправдана обращением к чему-то более элементарному. Это, однако, подкрепляется определенными *апостериорными* соображениями. Тот принцип абстрагирования классов или свойств, который выглядит наиболее естественным, ведет к парадоксам. Избавление от парадоксов, кажется, может быть достигнуто только обращением к альтернативным правилам, чья искусственность и произвольность приводит к подозрению, что мы заблудились в мире наших фантазий⁴.

2. ОТКАЗ ОТ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Мы отклоняем допущение, что существует бесконечно много объектов. Не только наш собственный опыт конечен, но и среди физиков нет общего согласия по поводу того, что во Вселен-

3. Как, например, в «Структуре качеств». Качественные («абстрактные») частицы опыта и ограниченные в пространстве и во времени («конкретные») частицы рассматриваются там как в равной степени приемлемые базисные элементы системы. Средства, описанные в настоящей статье, возможно позволят так пересмотреть упомянутое исследование, что ни одна конструкция не будет зависеть от существования классов. (С тех пор это было сделано в «Структуре явления»).

4. Простой принцип абстракции класса, ведущий к парадоксу Рассела и другим парадоксам, таков: если дана произвольная формула, содержащая переменную «х», то существует класс, членами которого являются все те и только те объекты х, для которых справедлива эта формула. См. кн.: *Quine W. u O. Mathematical Logic*, pp. 128-130. Краткий обзор систем, предназначенных исключить парадоксы см. на ее. 163—166 названной работы. Также см. ст.: *Quine W. v. O. Element and Number // Journal of Symbolic Logic*, 1941, v. 6, pp. 135-149.

ной существует более чем конечное число объектов⁵. Если конкретный мир фактически является конечным, то принятие любой теории, предполагающей бесконечность, потребовало бы от нас допущения, что помимо конечного числа конкретных объектов, существуют также абстрактные сущности.

Классическая арифметика предполагает бесконечную область чисел. Следовательно, если в попытке примирить арифметику с нашим отказом от абстрактных сущностей мы намерены произвольно отождествить числа с определенными вещами в конкретном мире, мы тем самым сильно урежем классическую арифметику; ведь мы не можем допустить существование бесконечного множества подобных вещей.

Классический синтаксис, как и классическая арифметика, предполагает бесконечную область объектов; ведь он допускает существование бесконечно длинных выражений, которые он считает допустимыми цепочками символов. Но если выражения, как и все остальное, должны находиться в конкретном мире, тогда бесконечную область выражений невозможно допустить. В самом деле, выражения, обычно строящиеся как абстрактные типографские формы, вообще не существуют в конкретном мире; элементы языка в конкретном мире являются надписями или метками, объектами определенной формы, но не самими формами⁶.

Запас наличных надписей легко можно увеличить, если мы включим в него не только те, которые контрастируют с их окружением по цвету или звуку, но также все подходящим образом оформленные пространственно-временные области, даже если они не будут отличимы от их окружения по цвету, звуку или строению. Но число и длина надписей все еще будут ограничены, поскольку пространственно-временной мир сам ограничен.

5- Согласно квантовой физике, каждый физический объект состоит из конечного числа рассеянных в пространстве и во времени квантов действия. Если имеется бесконечно много физических объектов, тогда мир должен иметь бесконечную протяженность по крайней мере одного из своих пространственно-временных измерений. Так ли это, вопрос, по поводу которого, кажется, нет согласия в продолжающихся спекуляциях физиков.

6. Конечно, номиналистический синтаксический язык все еще может содержать предикаты форм, позволяющие нам говорить, что надпись, например, имеет форму точки, форму линии из точек, форму Одиссеи. См. ниже разделы 5 и ю.

Следовательно, мы не можем сказать, что в общем случае, если даны две надписи, существует надпись достаточно длинная для того, чтобы быть сочленением этих двух.

Более того, может существовать столько же надписей, сколько и конкретных объектов. Отсюда, если число конкретных объектов конечно, обязательно должны быть такие, для которых отсутствуют какие-либо имена или описания. В противном случае каждый конкретный объект был бы именем или описанием другого неповторимого и отличного от него конкретного объекта, и мы, таким образом, были бы лишены всех предикатов и связей, возможности что-либо сказать о синонимах, дубликатах надписей и ненадписях.

3. ПРОБЛЕМЫ НОМИНАЛИСТА

Отказываясь от абстрактных сущностей, мы, разумеется, исключаем все те предикаты, которые не являются предикатами конкретных индивидов или же не объяснены в терминах предикатов конкретных индивидов. Более того, мы отвергаем любое высказывание или определение, даже то, которое объясняет некоторые предикаты конкретных индивидов в терминах других, если оно обязывает нас к принятию абстрактных сущностей. Например, до тех пор, пока мы не найдем способ конструировать предикат «является предком» в терминах «является родителем» иначе, чем тем путем, которым наследственное отношение обычно определяется в системах логики⁷, отношение между этими предикатами остается для нас необъясненным.

Мы столкнемся в таком случае с проблемами сведения предикатов абстрактных сущностей к предикатам конкретных индивидов, а также с проблемами конструирования определенных предикатов конкретных индивидов в терминах других таких же, либо тех, которые удовлетворяют некоторому более или менее хорошо определенному критерию. Кроме предикатов конкретных объектов, которые допускаются по сути данной проблемы в качестве определяющих, ничто не может использоваться в

языке, кроме индивидуальных переменных, кванторов по ним и функций истинности. Средства, подобные рекурсивному определению и понятию наследственности, следует исключить до тех пор, пока сами они не будут удовлетворительно объяснены.

Как номиналисты, мы не руководствуемся никакими иными мотивами, кроме требования, чтобы данный предикат конкретных индивидов был определен в терминах других таких же предикатов. Данное требование часто может естественно возникнуть из ощущения, что последние предикаты более ясны, и мы как личности часто можем разделять это ощущение, но исключительно как номиналисты мы не знаем различия в ясности у предикатов конкретных индивидов⁸. Наша проблема состоит исключительно в том, чтобы обеспечить там, где необходимо определения, такие их виды, которые свободны от любых терминов или средств, испорченных верой в абстрактное. Мы, естественно, прежде всего попытаемся найти определения там, где, по разным основаниям, чувствуем наибольшую в них потребность; и мы не будем попусту тратить время на поиски определений в терминах тех предикатов, которые, как мы предполагаем, являются двусмысленными или самопротиворечивыми. Но как возможно было показано на примере «предка» и «родителя», нельзя сказать, что объяснение одного предиката в терминах другого представляет интерес только в том случае когда последний предикат считается более ясным. Действительно, если мы имеем только псевдообъяснение (использующее абстрактные сущности), связывающее предикаты индивидов, то проблема его замещения приемлемой конструкцией представляет непосредственный интерес как проблема определения данного предиката в терминах других, что приводит к определенному стандарту ясности, или же как проблема объяснения предиката абстрактных сущностей.

8. Можно было бы предположить, что номиналист должен считать неясным любой предикат индивидов, для которого не существует объяснения, не зависящего от абстрактных сущностей. Но до тех пор, пока «объяснение», как оно здесь понимается, зависит от стандартов ясности, которые не имеют отношения к номиналисту как номиналисту, подходящее объяснение всегда может быть тривиально получено путем приравнивания обсуждаемого предиката произвольному единичному слову.

7- Имеется в виду обычное определение, которое впервые было предложен Фреге в 1879¹ - (*Fnge G. Begriffsschrift*, p. 60) и стало известным благодаря Уайтхеду, Расселу и другим авторам. Оно будет еще раз рассмотрено в следующем разделе.

4. НЕКОТОРЫЕ НОМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕДУКЦИИ

Некоторые высказывания, которые выглядят как высказывания об абстрактных сущностях, могут быть преобразованы хорошо известными способами в высказывания о конкретных объектах. Так, если «А» и «Б» мыслятся как фиксированные термины, а не связанные переменные, высказывание

Класс *A* входит в класс *B*

можно перефразировать как:

Все, что есть *A* есть *B*

Здесь предикаты «есть *A*» и «есть *B*» являются предикатами конкретных объектов и рассматриваются как не именующие ничего сами по себе; другими словами, позиции, которые они занимают, истолковываются как не пригодные для связанных переменных.

Некоторые высказывания, которые даже явно используют квантификацию по классам, заменимы эквивалентными высказываниями, которые согласуются с требованиями номинализма. Возьмем в качестве простого примера следующее высказывание:

Класс *A* входит в некоторый класс, отличный от *A*,

которое эквивалентно высказыванию:

Нечто не является *A*.

Так же легко приспособить к требованиям номинализма высказывания, предназначенные для спецификации размеров конечных классов конкретных предметов. Так, высказывание:

Класс *A* состоит из трех элементов

можно представить следующим образом:

Существуют нетождественные объекты *y*, *u*, *z*, такие, что любой объект есть *A*, если и только если он есть *x* или *y* или *z*:

$(\exists x) (\exists y) (\exists z) (x \neq y \neq z. x \neq \emptyset. y \neq \emptyset. z \neq \emptyset. (w) (Aw \equiv w = x \vee w = y \vee w = z))$

Очевидно, что подобным же образом может быть переведено любое высказывание, утверждающее или отрицающее, что существует столько-то, или по крайней мере столько-то, или более чем столько-то конкретных индивидов, удовлетворяющих данному предикату, при условии, что перевод будет достаточно коротким, чтобы поместиться в универсуме⁹.

Отношение предка в терминах родительства по методу Фреге, как кажется, использует переменную для классов еще более существенным образом. Определение для выражения «*B* есть предок *o*» выглядело бы так:

B отлично от *c*, и для всякого класса *x*, если *c*, — элемент *x* и все родители элементов *A*: является элементами *x*, тогда *b* — элемент *x*;

т.е.:

$B \Phi c. (x) (c \in x. (y) (\zeta) (\zeta \in x. \text{Родитель } yz. z > . y \in x) . z > . b \in x) /$

Но мы можем также перевести данное предложение с помощью записи «Часть *st*», означающей, что индивид 5 является частью (или целым) индивида *t*¹⁰. Мы только должны заменить «класс»

г. Номиналисту нет нужды обязательно считать бессмысленным такое предложение, как «В универсуме существует 10¹⁰⁰⁰ объектов», хотя и не существует для него подобного перевода. Дело в том, что данное предложение можно перевести как «универсум (как индивид) состоит из 10¹⁰⁰⁰ объектов-частей», где «состоит из 10¹⁰⁰⁰ объектов-частей» рассматривается как исходный предикат индивидов. Но хотя данный перевод удовлетворяет чисто номиналистическим требованиям, могут существовать неноминалистические соображения экономии или ясности, чтобы желать перевода, не содержащего подобного предиката. И где бы и какие бы доводы ни высказывались в отношении перевода выражения в терминах определенных предикатов или их видов, поиск подобного перевода является проблемой для номиналиста — хотя, разумеется, ни он, ни кто-либо другой не вправе заявить, что любой предикат можно определить в терминах любого возможного множества других.

ю. Систематическое истолкование «части» и родственных терминов можно найти в ст.: *Leonard H. S., Goodman N. The Calculus of Individuals and its Uses // Journal of Symbolic Logic, 1940, v. 5, pp. 45—55*. Более ранние версии были опубликованы Тарским и Лесневским. Хотя все, сказанное ими, следовало бы подвергнуть пересмотру в соответствии с требованиями номинализма, подобная ревизия легко достижима для большей части сказанного ими и никак не влияет на использование этих терминов в нашей работе. (См.: *Goodman N. The Structure of Appearance, ch. 2*).

«индивидом», а «элемент» — «частью», оговорив при этом, что *Б* будет родителем, а *с* имеет родителя. Эта дополнительная оговорка превращает *Б* и *с* в целостные единичные организмы, а не в фрагменты или суммы организмов. Символически, «есть предок *о*» выглядит так:

Б Φ *с*. (*Зи*) Родители *бу*. (*Зw*) Родитель *we*. (χ) {Часть *ex*. (*y*) (ξ) (Часть $\xi\chi$. Родитель *y\zeta*. $z >$ Часть *y\zeta*). $z >$ Часть *bx*}.

Ясно, что предложенный способ перевода предполагает, что индивид может быть рассеян в пространстве и во времени, то есть быть дискретным. Он предполагает, что непрерывность не обязательна для конкретности. Разбитое блюдо не менее конкретно, чем целое, но просто имеет более сложные границы; и любая совокупность индивидов, пусть даже и разбросанных в пространстве и во времени, в свою очередь считается индивидом. Индивиды, конструируемые столь свободно, служат некоторым целям в отношении классов, как это видно из приведенной выше трактовки «предка». Однако никоим образом не будет правильным сказать что мы всегда можем просто отождествить произвольный класс индивидов с рассеянным единичным индивидом и реконструировать «элемент» как «часть». Индивид, скомпонованный из всех личностей, например, имеет много частей, не являющихся личностями; некоторые из этих частей являются частями личностей, а некоторые состоят из многих личностей или же из части многих личностей. В приведенном выше анализе «предка» мы были способны преодолеть данную трудность с помощью части формулы «(*Зм*) Родители *бу*. (*Зw*) Родитель *wo*. Однако, вообще говоря, трудности такого рода не допускает столь простого решения.

Двухместный предикат «предок» является, заимствуя терминологию у платонистской логики отношений, (собственным) наследственным двухместным предикатом «родитель». Выше мы видели, как можно его определить. Но предложенная схема не работает для наследственного отношения произвольного двухместного предиката индивидов. Она работает постольку, поскольку каждый индивид из области определения предиката имеет часть, которая не является частью никакого другого индивида из этой области. В настоящий момент мы не знаем, как

номиналистически определить наследственное отношение для произвольного двухместного предиката индивидов.

Несколько иная проблема возникает в связи с таким высказыванием:

Существует больше кошек, чем собак.

Как уже было сказано, мы знаем, как истолковывать высказывания вида «Существует по крайней мере одна кошка и не существует по крайней мере одна собака» и «существуют по крайней мере две кошки и не существуют по крайней мере две собаки». Последовательность такого рода высказываний будет истинной, если и только если существует больше кошек, чем собак, а также потому, что эта последовательность будет содержать до крайней мере одно высказывание, которое является истинным благодаря реальному числу кошек и собак. Использование данного метода требует, во-первых, знания, что во всей Вселенной существует не более чем столько-то собак (скажем, пятьдесят триллионов), а во-вторых — чудовищного количества написанного и сказанного. Даже если требуемое знание будет доступно, истолкованию помешают практические трудности написания или же произнесения перевода высказывания о кошках и собаках.

Лучший метод перевода дает использование предиката «является частью» и другого простого вспомогательного предиката: «больше чем». Тогда предикат «частица» определяется так, что он приложим к каждому объекту, который совпадает по размерам с наименьшим животным среди всех кошек и собак. Другими словами, «*x* является частицей» определяется как означающий, что для каждого *y*, если *y* является кошкой или собакой и не больше ни одной другой кошки или собаки, тогда ни χ не больше чем *y*, ни *y* не больше чем *x*. Будем для краткости называть χ *частицей* ξ , когда *x* — частица и часть ξ . Теперь больше кошек чем собак будет в том и только в том случае, когда каждый индивид, содержащий по крайней мере одну частицу любой кошки, больше некоторого индивида, содержащего по крайней мере одну частицу любой собаки. (Разумеется, подобный индивид будет рассеян в пространстве и во времени). Соответственно, мы можем перевести предложение «существует больше кошек, чем собак» следующим образом:

Каждый индивид, содержащий частицу любой кошки, больше некоторого индивида, содержащего частицу любой собаки.

(Символическая запись сказанного здесь опущена, она будет приведена позже для параллельных случаев: Опр. д^{~10}).

Данный метод перевода обладает тем преимуществом перед первым методом, что не возникает практической трудности записи действительного перевода, каким бы ни было множество рассмотренных индивидов. Но, подобно нашему методу определения наследственного отношения, он не обладает достаточной степенью общности. Он все еще будет работать, если на место предикатов «является кошкой» и «является собакой» мы поместим любые два других предиката — таких, что индивиды, удовлетворяющие им, отделены друг от друга. Так, он будет хорош для следующего случая:

Существует больше человеческих клеток, чем людей,

а также для большинства случаев, в которых подобные количественные сравнения делаются в обычных рассуждениях. Данный метод находит важное применение в номиналистическом синтаксисе, как мы увидим позже. Более того, путем сравнительно простой модификации он может быть сделан достаточно общим для того, чтобы работать всякий раз, когда каждый индивид, удовлетворяющий одному из двух предикатов, имеет часть, которая не имеет общей части с любым другим индивидом, удовлетворяющим этому предикату. К тому же существуют способы модификации метода так, что оказывается возможным не принимать во внимание последнее условие. Но мы не можем найти никакой общей формулировки, которая охватывала бы все случаи независимо от того, в какой мере индивиды частично совпадают друг с другом.

Однако метод помогает нам найти номиналистическую редукцию даже для такого звучащего платонистски¹¹ высказывания, как:

11. Мы используем «платонистский» как антитезис «номиналистическому». Поэтому любой язык и теория, обязывающие принятию любой абстрактной сущности, являются платонистскими.

В дневной школе имеется больше обычных, чем специальных классов.

Мы замещаем данное высказывание следующим:

В дневной школе имеется больше обычных целых, специальных целых.

где обычное — целое является *индивидом*, образованным из всех учеников школы, родившихся в одном календарном году, а специальное целое является индивидом, образованным из всех учеников, получивших одинаковое образование повышенного типа. Данное новое предложение уже годится для такого же перевода, как предложение о кошках и собаках.

Комбинация уже описанных средств позволяет переводить высказывания вроде такого:

Число канадцев составляет треть от мексиканцев.

Обозначим индивид, образованный из всех мексиканцев, как «мексиканское целое», тогда перевод принимает следующий вид:

Имеется несколько взаимно дискретных целых x , y и z таких, что каждое из них образовано из мексиканцев, и таких, что $x + y + z =$ все мексиканцы в целом; и имеется в точности столько канадцев (всего), сколько мексиканцев содержится в x , также как в $-y$ в z .

Последнее выражение может быть далее переведено благодаря незначительным изменениям метода, использованного в примере о кошках и собаках.

Приведенные примеры преследовали цель проиллюстрировать некоторые из средств, которые остаются в нашем распоряжении для интерпретации высказываний, которые *на первый взгляд* должны иметь дело с абстрактными сущностями. Конечно, мы еще не достигли нашей цели — узнать, как обращаться с каждым высказыванием, без которого мы в целом не готовы обойтись. Однако нет убедительных причин полагать, что цель не достижима. Некоторые из средств, использованных выше, являются достаточно сильными, и все возможные методы ни в коей мере еще не исследованы.

Поскольку, однако, мы еще не установили, как перевести все высказывания, которые не желаем считать бессмысленными, мы охарактеризуем в следующих разделах стратегию, которая позволит нам строго в рамках ограничений нашего языка и без отступления от нашей позиции рассуждать о тех высказываниях, которые мы не в состоянии перевести.

5. ЭЛЕМЕНТЫ НОМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА

Если мы рассматриваем математические предложения всего лишь как строчки меток, лишенные значения, естественно задаться вопросом: как можем мы объяснить тот факт, что математики способны постоянно достигать такого замечательного согласия в отношении методов и результатов. Наш ответ будет следующим: та способность понимания, которой обладают математики, вытекает из синтаксических или математических правил, управляющих такими метками. Соответственно, мы попытаемся разработать синтаксический язык, который будет истолковывать математические выражения как конкретные объекты — реальные строчки физических меток¹². Поскольку каждая метка так же конкретна, как и все остальные, мы можем иметь дело с такими метками и строчками, как «е» и «(v) (v e v \ve v)» точно так же, как со знаками вроде «(» или «Эйфелева башня». Но сам наш синтаксический язык должен быть полностью номиналистическим; в нем не должны использоваться термины или средства, которые обязывают к принятию абстрактных сущностей. Могло бы показаться, что данная программа может быть выполнена без каких-либо трудностей, раз уж мы решили иметь дело с конкретными метками, но на самом деле классический синтаксис так сильно зависит от платонистских средств в конструировании своих определений, что номиналист буквально на каждом шагу сталкивается с необхо-

12. Мы могли бы, вполне совместимым с номинализмом способом, конструировать метки феноменистически, как события в визуальном (или слуховом, или тактильном) поле. Более того, хотя мы будем рассматривать соответствующий объект в течение всего его существования как единичную метку, мы также могли бы — и даже с лучшим результатом, если бы хотели увеличить число меток — конструировать метки как объекты, существующие в конкретный момент времени.

димостью поиска новых способов определения. Не только вспомогательные термины, но и такие ключевые термины, как «формула», «подстановка» и «теорема», должны быть определены совершенно по-новому¹³.

Платонистский объектный язык, который наш номиналистический синтаксис призван истолковать, должен содержать символику для функций истинности, квантификации и принадлежности элементов множеству. Все, в чем мы нуждаемся для этих целей, это скобки, переменные, штрих «|» отрицания дизъюнкции и знак «€» принадлежности. Скобки будут служить для отграничения отрицания дизъюнкции, группировки выражений и отграничения переменных при образовании кванторов общности. Чтобы упростить нашу синтаксическую трактовку, давайте потребуем, чтобы каждое отрицание дизъюнкции было заключено в скобки — даже тогда, когда оно не входит в более широкий контекст. В качестве переменных мы можем использовать символы «v», «v'», «v''» и т. д., так что простые типографские формы объектного языка будут сведены к шести: «V», «v», «(», «)», «|» и «€».

Как уже упоминалось, эти абстрактные формы не являются характерными признаками нашего языка — как номиналисты мы не можем этого допустить. Ими являются конкретные метки или же надписи. Однако мы можем применять к таким индивидам предикаты форм. Так, «Уюбр л» будет означать, что объект л: является гюобразным (т. е. надпись формы «г»); «Кс х» будет означать, что х есть косой штрих (т. е. надпись формы «'»), «Лскоб А» будет означать, что х есть левая скобка, «Яскоб А» будет означать, что х есть правая скобка, «Штр х» будет означать, что А; есть штрих (надпись формы «|»), а «Эп А» будет означать, что х есть эпсилон.

Но фактически выходит, что левая и правая скобки схожи по форме и отличимы друг от друга только по положению в более широком контексте. Получается, что вместо того, чтобы писать «Лскоб А», подразумевая, что х внутренне присуще быть левой

13. Идея рассматривать язык классической математики в терминах синтаксического языка, удовлетворяющего номиналистическим требованиям, была предложена Тарским в 1940 г. В течение того года проект обсуждался Тарским, Карнапом и авторами настоящей статьи, но решения, в связи с техническими проблемами, не были найдены.

скобкой, нам следовало бы писать «Лскоб лу», подразумевая, что л; является левой скобкой с точки зрения ее положения в более длинной надписи у, соответственно следовало бы поступить с «Лскоб». Поскольку, однако, эта необычная трактовка оказывается необходимой только по причине типографских особенностей, мы можем не принимать ее во внимание. Читатель, если пожелает, может восстановить внутренне присущее различие левой и правой скобок, мысля каждую левую скобку как включающую в себя прямую, не наведенную краской линию, соединяющую ее концы.

Кроме шести предикатов форм, наш номиналистический синтаксис должен содержать средства для выражения *соединения* выражений. Будем писать «Сгуз» для обозначения того, что χ и $у$ и ξ образованы из целых символов языка, нормально ориентированных относительно друг друга, и не содержат ни расщепленных фрагментов символов, ни чего-либо постороннего, а надпись χ состоит из $у$, за которым следует ξ . Выражения, включающие $у$ и ξ , могут быть расположены хаотично; кроме того, надпись χ будет рассматриваться как состоящая из $у$, за которым следует ξ , независимо от особенностей интервала между ними, при условии, что χ не содержит ни одного символа, входящего в этот интервал.

Оставшиеся два исходных символа нашего синтаксического языка являются сокращениями хорошо известных предикатов «является частью» и «больше чем». «Часть $ху$ » означает, что $я$, тождественный или нет $у$, целиком содержится в $у$. «Больше $ху$ » означает, что χ пространственно больше, чем $у$.

Таким образом, наш синтаксический язык содержит девять предикатов: «V-обр» («v-форма»), «Кс» («косой штрих»), «Лскоб» («левая скобка»), «ТТскоб» («правая скобка»), «Штр» («штрих»), «Эп» («эпсилон»), «С» («соединение»), «Ч» («часть») и «Б» («больше»), а также переменные кванторы и обычные обозначения функций истинности: «v», «&» и т. д. Значениями переменных являются любые конкретные объекты.

6. НЕСКОЛЬКО ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

Перейдем теперь к определению некоторых полезных вспомогательных предикатов. Прежде всего, полезно иметь четырех-

пяти-, и шестиместный предикаты соединения. Их определения очевидны:

- Опр. 1. $Cxyz = (3t) (CxytScCtzw)$,
 Опр. 2. $Cxyzwu = (3f) (Cxyt \& Ctzwu)$.
 Опр. 3. $Gxyzwus = (3t) (GxytScCtzwus)$.

Кроме того, последние определения можно значительно сократить, если кратко сказать, что данный индивид является *характерным символом* («Сим») нашего объектного языка. Поскольку характерным символом является любой конкретный объект, который представляет собой косой штрих; одну из скобок и т. д. определение гласит:

- Опр. 4. Сим $\chi = . " V\text{-обр } я \vee Кс \chi \vee Лскоб \chi \vee /Тскоб \chi \vee Штр я \vee Эп \chi$.

Последнее определение удобно использовать при определении *надписи* («Над») как объекта, образованного из целых характерных символов, расположенных обычным образом друг относительно друга. В свете данной выше интерпретации предиката и «С», определение сформулировать легко:

- Опр. 5. Над $\chi = . Сим \chi \vee (3y) (3z) Cxyz$.

Будем говорить о надписи $я$, что она является *первоначальным отрезком* («ПервОтр») другой надписи, $у$, если \wedge тождествен $у$ или существует надпись z такая, что $у$ состоит из $я$, за которым следует z .

- Опр. 6. ПервОтр $ху = . Над \chi \&c \chi = у \vee (5z) Cyz$.

Определение *окончательного отрезка* («ОкончОтр») строго аналогично:

- Опр. 7- ОкончОтр $ху = . Над \chi \&c \chi = у \vee (3z) Cyzx$.

Будем говорить, что надпись $я$ является *отрезком* $у$ («Отр»), если $я$ является первоначальным отрезком для некоторого окончательного отрезка $у$:

- Опр. 8. Отр $ху = (3z) (ПервОтр хz \&c ОкончОтр ту)$.

14. Точка в этом месте означает группировку вправо до конца формулы, отмеченной точкой. — Прим. перев.

Отрезок χ — первоначальный, окончательный или внутренний — надписи y будет непрерывным относительно u том смысле, что если χ содержит два характерных символа из y , то χ должен содержать все характерные символы, которые входят в u между двумя названными. Характерные символы отрезка χ надписи y все еще могут быть расположены хаотично, но только потому, что сама надпись y является хаотичной.

Нам далее понадобится говорить, что две надписи обладают одной и той же длиной, причем не в том смысле, что их концы одинаково удалены от начала, а в том смысле, что обе надписи содержат одинаковое число характерных символов. Поскольку характерные символы, включающее произвольную надпись, отделены друг от друга, подобное числовое сравнение может быть сделано так, как это было объяснено в разделе 4 выше. Мы начинаем с такого определения «частицы» («Чц») для наших текущих целей, что «Чц x » будет означать, что x не больше каждого наименьшего характерного символа.

Опр. g- Чц $x = \cdot (y)$ (Сим $y \text{ ZD} \sim \text{Б } xy$) δc (3z) (Сим $z \delta c \sim \text{Б } zx$).

Не следует полагать, что поскольку косой штрих вообще является наименьшим характерным символом нашего объектного языка, то каждый косой штрих будет частицей. Косые штрихи могут различаться по размерам, и только наименьший характерный символ, как и все, совпадающее с ним по размерам, будет частицей.

Надпись y *длиннее* чем надпись x («Дл»), если x содержит больше характерных символов, чем y . Используя тот же метод, как в случае кошек и собак в разделе 4 выше — где было приведено словесное объяснение, мы определяем:

Опр. ю. Дл $xy = \cdot$ Сим $x \delta c$ Сим $y \delta c$ (z) $\{ (w) [\text{Сим } w \delta c \text{ Отр } wx \Rightarrow (3m) (\text{Чц } u \delta c \text{ Ч } uw \delta c \text{ Ч } uz)] \Rightarrow (30) [(\text{г}) (\text{Сим } g \& \text{ Отр } ty \Rightarrow (35) (\text{Чц } s \delta c \text{ Ч } 5g \& \text{ Ч } st) \delta c \text{ Б } st)] \}$.

У двух надписей *одинаковая длина* («ОдинДл»), если ни одна из них не длиннее другой.

Опр. 11. ОдинДл $xy = \cdot$ Сим $x \delta c$ Сим $y \delta c \sim \text{Дл } xy \delta c \sim \text{Дл } yx$.

Теперь определим, что будем иметь в виду, говоря, что две записи *подобны* («Под»). Два характерных символа подобны,

если они оба правые или левые скобки и т. д. Две надписи x и y подобны, если они одинаковой длины, и если для любых из двух надписей одинаковой длины z и w таких, что z является первоначальным отрезком x , а w — первоначальным отрезком y , отрезки z и w оканчиваются подобными характерными символами.

Опр. i*. Под $xy = \cdot$ ОдинДл $xy \delta c$ (z) (w) $\{ \text{ОдинДл } zw \delta c \text{ ПервОтр } zx \delta c \text{ ПервОтр } wy \delta c > (3s) (3t) (\text{ОкончОтр } sz \delta c \text{ ОкончОтр } tw \delta c (V\text{-обр } s \delta c V\text{-обр } tv \text{ Кс } s \& \text{ Кс } tv \text{ Лскоб } s \delta c \text{ Лскоб } tv \text{ Яскоб } s \delta c \text{ Яскоб } tv \text{ Штр } s \delta c \text{ Штр } tv \text{ Эп } s \delta c \text{ Эп } t)) \}$.

Отметим, что только надписи могут быть «подобными», в том смысле, в котором об этом говорит последнее определение, поскольку только надписи могут быть одинаковой длины. Кроме того, такое подобие зависит только от составляющих их характерных символов и порядка их вхождения в надпись, но не от тождественности промежутков между ними.

7. ПЕРЕМЕННЫЕ И КВАНТИФИКАЦИЯ

Переменная нашего объектного языка — это v -образный символ, или он вместе со строкой из одного или более косых штрихов, следующих за ним. Сначала мы определим *строку из косых штрихов* («СтрКс») как любую надпись, каждая часть которой в виде характерного символа является косым штрихом.

Опр. ig. СтрКс $x = \cdot$ Над $x \delta c$ (z) (Отр $zx \delta c$ Сим $zz > \text{Ас } z$).

Теперь мы готовы сформулировать определение *переменной* («Пер»):

Опр. 14. Пер $x = \cdot V\text{-обр } x v (3y) (3z) (V\text{-обр } y \delta c \text{ СтрШтр } z \delta c \text{ Сху } z)$.

Переменная является v -образной или результатом соединения v -образного символа со строкой из косых штрихов.

Квантор будет просто переменной в скобках. Но более удобно определить *строку* (из одного или более) *кванторов* («СтрКвтр») непосредственно. Как это делается, становится ясным, если осознать, что любая надпись будет строкой из кванторов, когда ее начало и конец заключены в скобки и, кроме того, каждая пара скобок внутри надписи также образует надпись, кото-

рая является либо переменной, либо содержит левую и правую скобки, следующие одна за другой.

Опр. 15. СтрКвтр $\chi = (3y) (3z) \{ \text{Лскоб } y \text{ \& Псков } z \text{ \& } (3w) \text{ СхуwzSc(s) (t) (u) (k) [Лскоб t \& Яскоб A\& Отр SXID (~Cstk \& (Gstuk ID Пер u \vee (3p) (3q) (3z) (Псков q \& Леков z \& CpqrSc Отр pu))] } \}$.

Давайте далее называть χ *квантификацией* («Квн»), если χ состоит из строки кванторов, за которыми следует y .

Опр. 16. Квн $xy = (3z) (\text{СтрКвтр } z \text{ \& Сх}zy)$.

8. ФОРМУЛЫ

Атомарная формула («Атфла») объектного языка состоит из двух переменных и эпсилон между ними.

Опр. 17- Атфла $\chi = (3w) (3y) (3z) (\text{Пер } w \text{ \& Эп } y \text{ \& Пер } z \text{ \& Сх}wyz)$.

Мы полагаем, что логика классов, которую следует развить в объектном языке, должна использовать одну из альтернатив теории типов, так что эпсилон могут грамматически находиться между переменными без всяких ограничений.

Неатомарные формулы объектного языка строятся из атомарных с помощью квантификации и отрицания дизъюнкции. Чтобы определить *отрицание дизъюнкции*, мы сначала должны быть в состоянии сказать, что данная надпись χ *содержит одинаковое число правых и левых скобок* («РавСкоб»). Это будет тогда, когда χ вообще не содержит скобок, или тогда, когда надпись, состоящая из всех левых скобок в χ , и надпись, состоящая из всех правых скобок в χ , одинаковой длины в смысле Опр. 11. Символически:

Опр. 18. РавСкоб $\chi = . (u) (\text{Леков } u \vee \text{Яскоб } u \zeta > \sim \text{Отр } ux) \vee (3y) (3z) \{ \text{ОдинДл } yz \text{ \& } (w) [\text{Сим } w \zeta > (\text{Лскоб } w \text{ \& Отр } wx \sim \text{Отр } wy) \text{ \& } (\text{Псков } w \text{ \& Отр } wx \exists \text{Отр } wz)] \}$.

Чтобы надпись χ была *отрицанием дизъюнкции* («ОДиз») u и ζ , необходимо, чтобы A ; состояло из левой скобки, за которой следует u , затем штрих, затем ζ , и наконец правая скобка. Но этого

недостаточно. Мы должны быть уверены, что начальная и конечная скобки «спарены», то есть они образуют пару друг с другом, а не с другими скобками, находящимися внутри них. Также мы должны быть уверены, что штрих между u и ζ является главной связкой в χ . Мы можем обеспечить это, потребовав, чтобы u содержало равное число левых и правых скобок, и также для ζ , но не для какого-либо первоначального отрезка χ (кроме самого χ).

Опр. 19. ОДиз $xyz = . \text{РавСкоб } y \text{ \& РавСкоб } z \text{ \& } (r) (s) (\text{C}xrs \zeta > \sim \text{РавСкоб } r) \text{ \& } (3t) (3u) (3w) (\text{Леков } t \text{ \& Штр } u \text{ \& Псков } w \text{ \& Сх}tuvwxyz)$.

Формулы объектного языка («ФлаОЯ») состоят из атомарных формул и каждой надписи, построенной из них с помощью квантификации и отрицания дизъюнкции. Некоторые из способов, которые можно было бы использовать для выражения сказанного в формальном определении, не осуществимы в номиналистическом синтаксисе¹⁵. Наш метод начинается с определения *квазиформулы* («Квфла») как всего того, что является атомарной формулой, отрицанием дизъюнкции, или же квантификацией атомарной формулы или отрицания дизъюнкции.

15. Используя метод Фреге определения наследственного отношения, мы могли бы сказать, что «является формулой, если χ принадлежит каждому классу, содержащему в качестве своих элементов все атомарные формулы, все кванторные формулы и все отрицания дизъюнкции. Но подобное определение недопустимо, поскольку использует квантификацию по классам; см. выше разд. 4- Однако в синтаксисе имеется общий метод получения наследственных отношений и схожих конструкций без обращения к классам выражений. Этот метод «построенных ингредиентов» изложен у Куайна, (*Quine W. Mathematical Logic*, § 56). Метод состоит, по существу, из двух шагов: (1) фрегевская форма определения пересматривается так, что классы, на которые она ссылается, могут быть ограничены конечными классами без ослабления результата; (г) затем конечные классы выражений отождествляются с индивидуальными выражениями, в которые выражения-«элементы» входят просто как части, ограниченные определенными понятными способами. Однако, когда мы как номиналисты понимаем выражения исключительно как конкретные надписи, мы обнаруживаем неприемлемость метода построенных ингредиентов, поскольку его плодотворность слишком сильно зависит от того, сколько надписей существует в мире. На самом деле номиналистическое определение доказательства в настоящей статье будет все-таки проще, чем определение в терминах построенных ингредиентов, поскольку оно не требует ни соединения границ доказательства, ни их отделения с помощью внутренних знаков.

Опр. 20. Квфла $\chi = (3y) [(x = y \vee \text{Квн лгу}) \& (\text{Атфла } y \vee (3w)$

Квазиформула не обязательно будет формулой, поскольку не требуется, чтобы компоненты отрицания дизъюнкции были формулами. Но в терминах нашего выражения квазиформулы мы можем теперь легко определить *формулу* («Фла»):

Опр. «i. Фла $\chi =$. Квфла $\chi \& c(w) (y) (z)$ (ОДиз $wuz \& c$ Отр $ix z >$ Квфла $y \&$ Квфла z).

Другими словами, формула является такой квазиформулой, что каждое отрицание дизъюнкции в ней является отрицанием дизъюнкции квазиформул.

Требованием, чтобы даже самое короткое отрицание дизъюнкции в формуле хбыло отрицанием дизъюнкции квазиформул, данное определение требует от квазиформул, чтобы они были отрицанием дизъюнкции атомарных формул или квантификации атомарных формул, и такое требование превращает квазиформулы в обычные формулы в интуитивном смысле слова. Соответственно, потребовав, чтобы и более сложные отрицания дизъюнкции в я были отрицаниями дизъюнкции квазиформул, определение гарантирует, что и эти выражения будут формулами в интуитивном смысле, и т. д., включая сам χ

9. АКСИОМЫ И ПРАВИЛА

Поскольку мы уже определили характерные символы и формулы объектного языка в рамках нашего номиналистического синтаксического языка, наша следующая проблема состоит в том, чтобы охарактеризовать операции с выражениями, которые считаются логическим *доказательством* теми, кто использует этот объектный язык. Полное решение данной проблемы состояло бы в формулировке в нашем синтаксическом языке необходимого и достаточного условия того, чтобы надпись χ была *теоремой* объектного языка.

Теоремами являются те формулы объектного языка, которые следуют из определенных аксиом по определенным правилам вывода. Аксиомы следует выбрать так, чтобы мы с помощью правил вывода смогли бы получить из них каждую формулу, ко-

торая является общезначимой в логике отрицания дизъюнкции и квантификации и, кроме того, чтобы они хорошо выделяли формулы, чья общезначимость предполагается исходя из специальных свойств принадлежности классу. При этом мы не можем стремиться к полноте, имея в виду результат Геделя.

Имеется много существенно эквивалентных множеств аксиом, пригодных для вышеозначенных целей. Аксиомы, которые мы примем, подпадают под три рубрики: *аксиомы отрицания дизъюнкции*, *аксиомы квантификации* и *аксиомы принадлежности*. В дальнейшем их изложении давайте понимать «~...» как сокращение для «... I...».

Аксиомы отрицания дизъюнкции. Ими будут все формулы вида:

$$((p|(Q \setminus R))l((s \setminus - S)I \langle si \ 01 \sim (Pi s) \rangle))^{16},$$

в которых одинаковые буквы замещаются одинаковыми формулами.

Аксиомы квантификации. Все формулы вида:

- (2) $(R \setminus \sim (v) R)$ (где « v » не свободно в «Я»),
- (3) $(\langle \rangle ^1 \sim \Phi$ (где « S » — результат подстановки некоторой переменной для « v » в « P »).

Если читатель примет во внимание, что «(-«равнозначно ID», он узнает в формах (1)–(3) знакомое множество аксиомных схем теории квантификации¹⁷. Одинаковые заглавные буквы в (1)–(3)· разумеется, должны пониматься как замещающие одинаковые формулы, а тюобразные — одинаковые переменные, (г) и (з) требуют двух кратких оговорок, которые можно сформулировать более точно следующим образом: (i) формулы, на месте которых стоит «Д», не содержат свободных переменных, подобных тем переменным, на месте которых стоят тюобразные;

16. Представлено упрощение Лукасевичем аксиомной схемы Нико. См.: *Łukasiewicz J. Uwagi o aksjomacie Nicod'a i o «Dedukcyj Uogólniaj^cej»* // Księga pami^tkowa Polskiego Towarzystwa Filozoficznego we Lwowie, 1931, pp. 2—7. См. также ст.: *Nicod J. A Reduction in the Number of Primitive Propositions of Logic* // Proceedings of the Cambridge Philosophical Society, 1917—1920, vol. 19, pp. 32—41.

17. Они соответствуют 4.4.4, 4.4.5 и 4.4.6 в ст.: *Fitch F. B. The Consistence of the Ramified Principia* // Journal of Symbolic Logic, 1938, vol. 3, pp. 140—149. См. также кн.: *Qu^ne W. V. Mathematical Logic*, p. 88, * 102—* 104.

и (ii) формула, на месте которой стоит «5», совпадает с формулой, на месте которой стоит «P», за исключением, возможно, остальных свободных переменных, совпадающих одна с другой, на месте всех свободных переменных, совпадающих с переменной, занятой гюбразной.

Аксиомы принадлежности. Так случилось, что ограниченный список специальных выражений является адекватным, например, тому, который приводит Гальперин¹⁸. Давайте предположим, что такой список выражается в исходной символике нашего объектного языка и приведен здесь; тогда наши аксиомы принадлежности являются всеми теми надписями, которые таковы же, как надписи из списка.

В дополнение к данным аксиомам, нам необходимы *два правила вывода*:

(i) Из произвольной формулы вместе с результатом подстановки формулы, сходной с ней, на место «P» и произвольными формулами на местах «Q» и «A* в «(P|Q\Д)» выводима любая формула, сходная с той, которая помещена на место «Q»¹⁹.

(г) Из любой формулы выводима любая ее квалификация.

Чтобы дать определение «Аксиомы», нам вначале следует определить, что подразумевается под аксиомой одного из видов, приведенных выше. Будет полезным следующее простое вспомогательное определение (где «Отр» — предикат отрицания):

Опр. 2*. Отрлгу = (3z) (Подузδс ОДизхуз);

т. е. то, что χ является *отрицанием* у, означает, что χ является отрицанием дизъюнкции у и некоторой другой надписи, в точности совпадающей с у.

Определение «А ОДиз я», означающее, что χ является *аксиомой отрицания дизъюнкции*, получаем с помощью формальной записи того, что мы можем видеть из уже заданной общей схемы: что каждая аксиома отрицания дизъюнкции является отрицанием дизъюнкции двух формул; одна из этих двух главных

компонент является отрицанием дизъюнкции формул, одна из которых — отрицание дизъюнкции формул, а другая — отрицание дизъюнкции формул, из которых одна является отрицанием дизъюнкции формулы с формулой, совпадающей с отрицанием дизъюнкции этой формулы, в то время как другая является... и т. д., и т. д. Символически:

Опр. 3. АОДиз* = (3f) (3g) (3h) (3t) (3i) (3*) (3t) (3m) (3n) (3p) (3q) (3r) (3s) (3t) (3u) (3w) (3y) (3z) (Фла/ & Фла g δс Фла h δс Фла i δс Под ki δс Под Ig δс Под m/δс Под ni δс ОДиз pgh δс ОДиз gfp δс Отр n δс ОДиз sir δс ОДиз tkl δс ОДиз umn δс ОДиз ytw δс ОДиз zsy & ОДиз xqz).

Формулировка для «А КВНІ я», означающего, что χ является аксиомой квантификации вида (i), осуществляется тем же способом. Мы опустим это определение.

Формулировка для «А Квнг я» обнаруживает дополнительную трудность, связанную с тем, что в соглашении (i), связанном с приведением выше описанием аксиом квантификации, нам необходимо иметь определение *свободной переменной* («Своб»). Переменная А; является свободной в надписи у, если χ является отрезком у, за которым не следует ни одного косоного штриха в у, и, кроме того, если х не является отрезком никакого отрезка[^], который состоит из формулы с предшествующим ей квантором, состоящим из переменной, совпадающей с я, заключенной в скобки.

Опр. >4* Свобху = . Перхδс Отрхуδс (z) (w) (Кс w δс Czwxz> ~ Отр zu) δс (q) (r) (s) (t) (u) (Лскоб q δс Под gx δс Псков s δс Фла lδс Cuqrst δс Отр uy ID ~ Отр хu).

Определение для «А Квнг х» и оказывается тогда совсем простым, и его можно здесь опустить.

Формулировка для «А Квнд я» требует дополнительного усложнения номиналистического синтаксиса. Проблема заключается в понятии *подстановки* («Подст»), задействованном в соглашении (ii). Пусть z и w будут соответствующими формулами, места которых заняты «P» и «S» из аксиом квантификации (g), пусть у будет переменной, место которой занято «v», и пусть χ совпадает со свободными переменными, которые входят в и; на месте свободных переменных, совпадающих с у в ζ . Нам следу-

18. Halperin T. A Set of Axioms for Logic //Journal of Symbolic Logic, 1944, vol. 9, pp. 1—19.

19. Это обобщение *modusponens*, принадлежащее Нико. См. примечание 16.

ет найти, как определить в номиналистическом синтаксисе «Подст $wxyz$ », означающее, что формула w подобна формуле z , за исключением того, что содержит свободные переменные, подобные x , везде, где z содержит свободные переменные, подобные y . Наш метод определения зависит от того факта, что условие, только что записанное курсивом, эквивалентно следующему условию: *остаток формулы z после удаления всех свободных переменных, подобных y , подобен остатку формулы w после удаления некоторых свободных переменных, подобных x* . Формальное определение выглядит следующим образом:

Опр. «5. Подст $wxyz =$. Фла w &с Фла z & (3*t*) (3*u*) {Под tu &с (s) [Сим 5Z] ((г) (Под tu & Своб Г2=) - Отр 5г) & Отр \$ZΞ Отр su) &с ((е) (Под gx &с Своб rw Z) ~ Отр sr) $z >$ Отр $sw =$ Отр st)] &с (s) (е) (Под gj & Своб rw &с Отр sg & Отр \$fz > Отр ri)}

Главным образом в целях данного определения мы так определили сходство надписей, что позволили их характерным символам различаться расстановкой.

Теперь, когда определение сформулировано, определение для «А Квнз л>>» не представляет никаких трудностей (и здесь опущено).

Определение аксиом последнего вида — аксиом членства, «А4», не представляет проблем. Мы можем точно их определить в нашем синтаксисе, просто читая их по буквам в явной форме с помощью наших исходных предикатов.

Теперь мы готовы дать общее определение того, что имеется в виду, когда утверждается, что x является *аксиомой* («Аксиома») в нашем объектном языке. Это всего лишь значит, что x является аксиомой одного из определенных видов:

Опр. «6. Аксиома $x =$. А ОДиз $x \vee$ А КВН1 $y \vee$ А Квн2 $x \vee$ А $x \vee$ А4 x .

Надпись x называется *непосредственным следствием* («НС») надписей y и z в том случае, если x следует из y и z в результате однократного применения правила вывода (г) или из y по правилу вывода (г).

Опр. 27. НС $xy_z = (3r) (3s) (3t) (3u) (3w)$ [Под ne &с Под sy &с Под tz &с ((А ОДиз urw &с А ОДиз $stu \vee$ А ОДиз tsu) \vee Квн rs)],

10. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ТЕОРЕМЫ

Надпись является теоремой, если она имеет доказательство; доказательство строится из серии шагов непосредственного следования, начинающихся с аксиом. Грубо говоря, доказательство изображается как состоящее из одной или более строк таких, что каждая является либо аксиомой, либо непосредственным следствием предыдущих строк. В действительности нам нет нужды требовать, чтобы так называемые «строки» доказательства располагались на разных уровнях страницы или же были отделены друг от друга как-то иначе. Они могли бы быть записаны даже одна за другой без разграничительных знаков, и мы могли бы все еще выбирать их в качестве самостоятельных «строк». Ведь грамматика объектного языка такова, что результат непосредственного соединения двух формул ξ и w никогда не будет отрезком более длинной формулы, также как не будет содержать в качестве отрезков ничего, кроме отрезков одного z или одного w . Соответственно, в общем будет удобно говорить про x как *строку* («Строка») y (где y может и не быть доказательством), если y — формула, являющаяся частью y , но не частью любой другой формулы в y .

Опр. 28. Строка $xy = (z)$ (Фла z & Ч xz &с Ч $zy \Xi \xi = \chi$).

Если теорема определяется как формула, для которой существует доказательство, важно не требовать, чтобы все строки доказательства были собраны в собственном порядке в каком-то одном месте и одновременно. Соответственно, мы так определим доказательство, что позволим ему состоять из строк, где бы они не находились — возможно, хаотично рассеянных во Вселенной, а возможно, даже не существующих в полном объеме в какой-либо момент или в какое-либо столетие.

В соответствии с грубой характеристикой доказательства, предложенной двумя абзацами раньше, каждая строка должна быть либо аксиомой, либо непосредственным следствием *предыдущих строк*. Слово «предыдущий» используется для того, чтобы отбросить случаи, в которых каждая строка выводима из других по кругу, в то время как не все строки выводимы в конечном счете из аксиом. Однако, теперь нам следует прибегнуть к другому средству, чтобы исключить круг; ведь мы решили об-

ходиться без упорядочения строк доказательства, и это избавляет нас от понятия «предыдущей» строки.

Тонкость, которая будет продемонстрирована, чтобы выполнить желаемое требование, состоит в следующем: примем соглашение, что если произвольный индивид u содержит в качестве частей некоторое строки доказательства x , но ни одну из тех, которые являются аксиомами, тогда некоторая строка из x , которая лежит в u , должна быть непосредственным следствием тех строк из x , которые лежат за пределами u .

Тогда нашим определением будет следующее («Докво» — доказательство):

Опр. «g· Докво $x = (y) \{ (3z) \text{ (Строка } zx \& \text{ Ч } zu) \delta c (w) \text{ (Аксиома } w \delta c \text{ Строка } wx^{\wedge} \sim \text{ Ч } wy) D (3\$) (3t) (3u) \text{ (Строка } sx \delta c \text{ Ч } sy \delta c \text{ Строка } tx \delta c \sim \text{ Ч } ty \delta c \text{ Строка } ix \delta c \sim \text{ Ч } iu \delta c \text{ НС } stu) \}$

Чтобы установить, что данное определение адекватно нашим целям, мы сейчас покажем (и) что если χ является «доказательством» в смысле Опр. 29» тогда мы можем точно установить порядок «предшествования» среди строк из χ такой, что каждая строка является либо аксиомой, либо непосредственным следствием «более ранних» строк; и мы покажем обратное, что (г) если χ таков, что порядок предшествования описанного выше вида может быть строго задан на его строках, тогда χ является «доказательством» в смысле Опр. 29.

(и) устанавливается следующим образом. Предположим, что χ является «доказательством» в смысле Опр. 29. Мы можем начать наше установление порядка предшествования на строках из x , выбирая в произвольном порядке L_{ii} , $Lg..$, Z^* , все те строки из x , которые являются аксиомами. Затем из оставшихся строк из x мы выбираем одну, назовем ее $I^* + i$, которая является непосредственным следствием строк среди A , $Lg..$, I^* . (Такая строка должна существовать, поскольку благодаря Опр. 2д тот индивид u , который состоит из всех строк x , кроме L_{ii} , $Lg..$, i^* , должен содержать строку, которая является непосредственным следствием строк из x за пределами u^{\wedge}). Далее, из оставшихся строк x мы выбираем одну — назовем ее $Z^* + g$ — которая является непосредственным следствием строк из L_{ii} , $Lg..$, $I^* + i$. (По тем же основаниям, что и выше, такая строка будет существовать). Продолжая в том же духе,

мы в конце концов строго определим порядок предшествования желаемого вида.

(2) устанавливается следующим образом. Предположим, что строки из x могут быть сосчитаны в определенном порядке — таком, что каждая строка является аксиомой либо непосредственным следствием более ранних строк.* Теперь рассмотрим произвольный u , который содержит некоторые строки из x , ни одна из которых не является аксиомой. Из тех строк x , которые являются частями u , выберем ту, которая является самой ранней в соответствии с предположенным порядком. Она должна быть либо аксиомой, либо непосредственным следствием более ранней строки из x . Но она не является аксиомой, поскольку u не содержит никаких строк из x таких, которые являлись бы аксиомами. Значит, она является непосредственным следствием более ранних строк из x ; и эти более ранние строки не находятся в u . Таким образом, мы видим, что u содержит строку из x , которая является непосредственным следствием строк из x , не входящих в u . Поскольку u был взят как произвольный индивид, содержащий некоторые строки из x , но не аксиомы, из этого следует, что x является доказательством в смысле Опр. 29.

Итак, теперь ясно, что Опр. 29 не оговаривая никакого порядка строк, дает нам адекватную версию «доказательства».

Заметим кстати, что мы в Опр. 29 воздерживаемся от требования, чтобы доказательство состояло полностью из формул; «строки» доказательства действительно являются формулами, однако могут также содержать дополнительно, без болезненного эффекта, осколки любого рода. В общем случае доказательства не должны быть «надписями» в смысле Опр. 5-

Если теорема является произвольной надписью, для которой имеется доказательство, тогда надпись является теоремой, если и только если она является строкой некоторого доказательства. Но такая формулировка будет слишком узкой. Если дана произвольная надпись u , для которой существует доказательство x , будет истинным, что для каждой надписи ζ , совпадающей с u ; и такой, которая лежит за пределами x , также имеется доказательство, состоящее, например, из самого ζ вместе с теми строками из x , которые не тождественны u . Отсюда, если u — теорема, все такие надписи, совпадающие с u , также будут теоремами. Но

предположим, что некоторая надпись w , совпадающая с u , содержится в некоторой строке t в доказательстве χ , а также что не существует никакой другой строки, совпадающей с t . В этом случае не может существовать доказательства для w , так что некоторые надписи, совпадающие с теоремой u , могут и не быть теоремами. Чтобы избежать данной аномалии, мы сконструируем наше определение так, что надпись будет *теоремой* («Теорема»), если и только если она подобна некоторой строке некоторого доказательства. («Подобно», конечно, было определено так, что оно является рефлексивным).

Опр. Φ_0 . Теорема $\chi = (3^*) (3z)$ (Докво u & Строка zu & Под

Из так построенного определения следует, что все непосредственные следствия теорем в свою очередь являются теоремами. Но некоторые формулы все еще могут не быть теоремами — исключительно потому, что нигде и никогда не существовало надписи, которая могла бы служить необходимой промежуточной строкой для доказательства, во всех других отношениях являющегося правильным. Подобные ограничения создавали бы затруднения, поскольку мы должны были бы зависеть от случайного существования надписей, которые являются чувственно отмеченными, вопреки контрастирующим этому основаниям. Но мы можем предпочесть, как предлагалось ранее в (2), строить надписи как все подходящим образом оформленные части материи. Тогда только те синтаксические описания, которые не могут иметь соответствующих им реальных надписей, характеризуют слишком длинные надписи, чтобы те могли уместиться во Вселенной. Данное ограничение вряд ли приводит к затруднениям. (Даже если мы пожертвуем пробелами в доказательстве надписи, желаемой в качестве теоремы, мы тем не менее можем так усилить наши правила вывода, что перекинем мостики через подобные пробелы. Ведь число шагов, требуемых в доказательстве, зависит от правил, а правила, принятые нами, могут быть изменены или дополнены без нарушения номиналистических стандартов).

Может быть, интересно мимоходом отметить, что только что рассмотренные теоретические ограничения в равной степени будут присущи платонистскому синтаксису, если в нем строят-

ся выражения в качестве *форм-классов* надписей; ведь формы, для которых не имеется надписей в качестве примеров, сводимы к нулевому классу и, таким образом, тождественны²⁰. Платонист может освободиться от ограничений конкретной реальности, гипотезируя бесконечную область абстрактных сущностей — прогрессий и чисел — а затем арифметизируя свой синтаксис. С другой стороны, номиналист полагает, что любое обращение к платонизму недопустимо и необязательно.

II. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущих разделах мы исследовали проблему перевода в номиналистический язык определенных несинтаксических предложений, которые выглядели как точно выражимые только в платонистских терминах. В разделах Φ_0 — Φ_4 мы имели дело с таким переводом для синтаксиса. Этот синтаксис позволяет нам характеризовать и иметь дело с множеством формул (объектного языка), для которых не существует прямого номиналистического перевода. Например, формула, полностью раскрывающая в нашем объектном языке выражение « $(n) (n + n = 2n)$ », будет содержать переменные, требующие в качестве значений абстрактные сущности; и если ее невозможно перевести в номиналистический язык, она в некотором смысле будет для нас бессмысленной. Но, рассматривая формулу как строку из меток, мы можем установить, действительно ли данная формула является собственной формулой нашего объектного языка, и какими отношениями следования связана она с другими формулами. Таким образом, мы можем иметь в своем распоряжении большую часть классической логики и математики, не претендуя на какое-либо дополнительное их понимание или доверие к истинности формул, с которыми имеем дело.

20. В соответствии с классическими принципами синтаксиса, любые два выражения χ и u имеют соединение $\chi \& u$, более того, соединение $\chi \& u$ всегда отлично от χ и u , если характерные символы, входящие в χ и u , не являются теми же самыми, что и входящие в ζ и η . Данная комбинация принципов неприемлема как с точки зрения платонистского синтаксиса форм-классов, так и с точки зрения номинализма.

МИРИНДИВИДОВ¹

1. ИНДИВИДЫ И КЛАССЫ

Для меня как номиналиста мир является миром индивидов. Но это простое высказывание, которое я усвоил на горьком опыте, может быть неправильно понято бесконечным числом способов. Некоторые ошибочные понимания возникли из моих неточных объяснений. Другие — из-за невнимательного прочтения этих объяснений. Все увеличивающееся число враждебных аргументов должно было показать, что номинализм плох. Данная статья представляет еще одну попытку прояснить, что я понимаю под номинализмом и почему считаю номинализм хорошим.

Определенная часть беспокойства может быть вызвана эмоциями, связанными со словом «индивид». Один автор² назвал его «почитаемым» словом, и меня часто критиковали за отнесение термина «индивид» к чему-либо неподходящему. Можно попытаться использовать другое слово, даже вымышленное, чтобы предупредить подобные упреки. Тем не менее я готов защищать выбор термина «индивид» как полностью соответствующий обычной практике приспособления естественного языка для технических целей. В некоторых случаях то, что я выбираю в качестве индивида, действительно может быть лишено тех характеристик, которые обычно ассоциируются с термином «индивид», и не может считаться индивидом в обычном смысле. Но ситуация с термином «класс» в точности такая же. В соответствии с внелогическим употреблением неспециалиста, дети в классной комнате образуют класс, как и люди данного социального слоя, в то время как Платон, этот листок бумаги и Тадж Махал — нет. Термин «множество» в обычном словоупотреблении, возможно, еще более ограничен, чем термин «класс». Однако в логическом смысле любые вещи образуют класс или

множество. Убеждение, что подлинное целое, или индивид, не может состоять из разбросанных и несхожих частей, так же вводит в заблуждение, как и убеждение, что подлинный класс не может состоять из крайне разбросанных и несхожих элементов. В случае «индивидов», как и в случае «класса», техническое использование термина уточняется с помощью исчислений и в отличие от обычного использования указывается в явной форме. Класс для Буля не требует социальной сплоченности, а для меня индивид не нуждается в личной цельности.

Недоразумение иного рода возникло из неосторожного начала моей совместной с Куайном статьи³. Хотя высказывание «мы не доверяем абстрактным объектам» было использовано скорее как обозначение намерений, чем как название окончательной доктрины, хотя почти сразу же был сделан ряд оговорок⁴, оно послужило благодатным материалом для критиков. Никто из нас не написал бы подобного предложения сегодня, но никто из нас не изменил бы его так, чтобы поставить под сомнение содержание первого параграфа обсуждаемой статьи. Куайн недавно написал, что он «предпочел бы сейчас истолковывать данное предложение как гипотетическое высказывание об условиях построения данной в статье конструкции»⁵. Я не изменил свой взгляд с категорического на гипотетический; мой взгляд из неопределенно общего превратился в более конкретный. Я не вижу в абстрактности ни необходимого, ни достаточного критерия невразумительности; действительно, граница между тем, что обычно зовется «абстрактным» и «конкретным», представляется мне смутной и изменчивой. Номинализм для меня состоит, в частности, в отказе от признания классов.

Не всегда обращают внимание на то, что именно такое существенное изменение было сделано в моей книге⁶, опубликован-

3. Иудмен Я., Куайн У. На пути к конструктивному номинализму. См. наст. изд., с. 289–317.

4. См. третий параграф и второе примечание к статье «На пути...».

5. Quine W. From a Logical Point of View, Harvard University Press, 1953, pp. 173–174.

6. Goodman N. The Structure of Appearance, esp. p. 39. Между прочим, как это объясняется в книге и позже в данной статье, поскольку любая номиналистическая система без труда переводима в платонистскую, приемлемость большей части книги никоим образом не зависит от приемлемости номинализма. Это было хорошо понято большинством моих критиков.

1. Перевод выполнен д. ф. н. Е. Е. Ледниковым по изд.: Goodman N. The World of Individuals // Goodman N. Problems and Projects, pp. 155–172.

2. Lowe V. Professor Goodman's concept of an Individual // Philosophical Review, 1953, vol. 62, p. 125.

ной через четыре года после нашей совместной с Куайном статьи. Руководящим принципом этой последней публикации является утверждение о том, что номиналист отвергает классы как непостижимые сущности и не может истолковать все что угодно как индивид. Уделив должное внимание этому высказыванию, можно избежать дезориентирующей критики, но я подозреваю, что некоторые мои критики чувствуют, что оказывают мне услугу, не принимая его всерьез. Помочь могут дальнейшие разъяснения.

Номинализм, как я его понимаю (я не говорю от имени Куайна), не предполагает исключения абстрактных объектов, духов, указаний на бессмертие и других подобных сущностей, а только требует, чтобы все принимаемое в качестве объекта конструировалось как индивид. Философ, склонный к номинализму или нет, может налагать очень строгие ограничения на то, что мы будем принимать в качестве объектов, но эти ограничения, как бы они ни были убедительны и, в конечном счете, связаны с традиционным номинализмом, совершенно не зависят от номинализма в моем смысле. Номинализм, описанный мной, требует только того, чтобы все допускаемые объекты, чем бы они ни были, истолковывались как индивиды. Что это в точности означает, я объясню в последующих параграфах, но пока мы можем предположить, что истолковывать объекты в качестве индивидов системы означает выбирать их в качестве значений переменных низшего типа, имеющихся в системе.

Между прочим, некоторые из моих критиков запутали сами себя, свалив в одну кучу, без должного внимания к контексту, выдержки из различных частей «Структуры явления». В главе IV, § 1 я обсуждаю выбор элементов для определенной конструируемой системы, но это не исключает целесообразности конструирования определенных объектов как индивидов. При построении системы мы должны тщательно разобраться, в каких объектах мы нуждаемся — лучше сказать, какие термины мы желаем интерпретировать как обозначающие (объекты. — *Прим. пер.*), а какие хотим интерпретировать синкатегорематически. Как данный вопрос ни важен, номинализм не решает его. Я никогда не заявлял, что номинализм достаточен, чтобы система была приемлема. Я только говорил, что платонизм достаточен,

чтобы признать систему неприемлемой. Но об этом будет сказано ниже.

Можно ли признать номинализм логически последовательным? Если номиналист в состоянии сконструировать все, что пожелает в качестве индивида, не может ли он сконструировать даже класс в качестве индивида?

Все, что может быть конструировано как класс, может быть сконструировано и как индивид, однако класс не может быть сконструирован как индивид. Если это кажется парадоксальным, то может быть сделано ясным с помощью аналогии. Предположим, что в карточной игре игрок должен начинать с того, чтобы разложить находящиеся в руке карты на столе слева или справа от себя. Он может класть карты с любой стороны, а также по желанию перекладывать карты с одной стороны на другую. В таком случае, хотя совершенно очевидно, что игрок свободен в том, чтобы класть карты с любой стороны от себя, он никогда не может иметь лежащую слева карту на правой стороне, ведь карта является либо левосторонней, либо правосторонней в зависимости от того, с какой стороны она лежит. Аналогичным образом, стол является либо индивидом, либо классом его ножек и верхней поверхности, либо же классом классов его молекул или атомов в зависимости от того, каким образом данный объект строится в системе. И ответ на вопрос, является ли Большая Медведица индивидом или классом звезд, зависит от системы, которую мы используем. Мы можем все что угодно сконструировать в качестве индивида (а если не обращать внимания на сомнения номинализма, мы можем все что угодно сконструировать в качестве класса), но нельзя представить класс в качестве индивида, как нельзя иметь на правой стороне лежащую слева карту.

2. ПРИНЦИП НОМИНАЛИЗМА

Говоря кратко, хотя номиналист может все что угодно сконструировать в качестве индивида, он отказывается конструировать все что угодно в качестве класса. Но на каком именно принципе основан этот отказ? В «Структуре явления» я объяснил, что, грубо говоря, номиналист возражает против различения объектов без различения содержания; и некоторые мои крити-

ки проглядели наиболее точную формулировку, которая вскоре последует. Номиналист не признает, что два различных объекта могут быть сотворены из одних и тех же объектов. Например, предположим, что номиналист и платонист начинают с одних и тех же минимальных, атомарных элементов⁷ строить свои системы; для целей сравнения возьмем пять атомов. Номиналист принимает также все конкретные количества, образованные как целое из этих элементов, и, таким образом, имеет универсум, состоящий из $2^5 - 1$, то есть 31 объект. Он не может придумать ничего больше, поскольку какой бы индивид из 31 ни прибавили, в результате получим другой индивид из 31. Наш платонист, как мы можем предположить, допускает не количества, а классы атомов. Это дает ему, помимо нулевого и единичного классов, также 31 объект. Но далее он допускает все классы классов атомов, и одним только этим шагом он радушно принимает — универсум из $2^{31} - 1$, то есть более двух миллиардов дополнительных сущностей. И он не собирается на этом останавливаться. Он также допускает все классы классов классов атомов, раздувая чудовищно распухший универсум до битком набитых сущностями платоновских небес. Он получает все эти дополнительные сущности из исходных пяти с помощью магического процесса, позволяющего ему две или более различных сущностей сотворить из одних и тех же элементов. И именно с этим номиналист не может согласиться.

В номиналистическом мире, если мы начинаем с произвольных двух различных сущностей и дробим их настолько долго, насколько пожелаем (рассматривая части, части частей и т. д.), мы всегда приходим к некоторому объекту, который содержится лишь в одном из двух первоначальных объектов. Напротив, в платонистском мире существуют, по крайней мере, две различные сущности, которые мы можем так раздробить (рассматривая члены классов, члены членов и т. д.), что придем в точности к одним и тем же объектам. Например, предположим, что *K* имеет два элемента: класс из *ai* *B* и класс из *c* и *a*; предположим далее, что *L* имеет два элемента: класс из *ai* *ci* класс из *B*

и *d*. Тогда, хотя *K* и *L* являются различными классами, они разбиваются на одни и те же элементы *a*, *B*, *c* и *d*. К тому же *K* разбивается на те же самые объекты, что и класс, состоящий из *K* и *L* в качестве его членов. Приведенные примеры позволяют ясно понять, что номиналист возражает против различения таких сущностей, которые неразличимы по своему составу.

Последнее обстоятельство обнаруживает связь номинализма с экстенциональным подходом, который возникает из общего неприятия необычного преумножения сущностей. Экстенциональный подход препятствует образованию больше чем одного объекта из одних и тех же элементов; номинализм идет дальше, запрещая образование более одного объекта из одних и тех же объектов с помощью любых цепочек отношения членства. Для сторонника экстенционального подхода два объекта тождественны, если разбиваются на одни и те же элементы; для номиналиста два объекта тождественны, если они любым способом разбиваются на одни и те же элементы. Экстенциональное ограничение на генерирование сущностей является специальным случаем более радикального номиналистического ограничения.

Номинализм описывает мир как состоящий из индивидов. Чтобы понять номинализм, нам следует объяснить не то, что представляют собой индивиды, а то, что позволяет описывать мир как состоящий из них. Такое описание мира является описанием его как состоящего из сущностей, любая пара которых не разбивается в точности на одни и те же элементы. Я уже объяснил, что это означает, но может быть полезной более техническая формулировка.

Предположим, у нас есть две сконструированные системы, содержащие один или более (не обязательно одни и те же, в том числе и по количеству) атомов. Объекты, не являющиеся атомами, строятся в системе *I* как классы, а в системе *II* как индивиды-суммы. Давайте теперь устраним все различия между двумя системами, зависящие целиком от обозначений. Мы можем предположить для начала, что каждая система использует только один вид переменных⁸. Затем уберем все оставшиеся особые

7- Атомарный элемент, или атом системы, является просто элементом системы, не содержащим меньших элементов системы. В зависимости от системы в качестве атома может быть выбран или электрон, или молекула, или планета.

8. Преследуется цель — сделать системы максимально сходными, чтобы выделить критикуемые различия.

знаки из системы I, кроме знака «e*» (для подходящего родового отношения «является членом...»), посредством выражения я через «e*», и аналогичным образом уберем все особые знаки системы II, кроме ««» (для «является собственной частью...»), посредством выражения их через знак ««». Наконец, введем «R» для обозначения каждого вхождения символа «e*» в систему I, а также для каждого вхождения ««» в систему II. В результате не остается никаких символических различий между двумя системами, причем отношение «R» в каждой системе является рефлексивным, асимметричным и транзитивным. (Если система I является односортной, в которой «e*» не определимо в терминах «e*», нам следует принимать в расчет только теоремы со знаком «e*».) Имеется ли что-нибудь теперь, позволяющее распознавать эти системы?

Для каждой из систем χ является атомом, если и только если ничто не находится в отношении R к χ и χ является атомом для y (символически «Лгу», если и только если χ является атомом и либо тождествен y , либо находится в отношении R к y). В номиналистической, но не платонистской системе сущности являются одними и теми же, если у них одни и те же атомы. Таким образом, не распознаваемые системы будут различимы на основании того факта, что номиналистическая система выполняет, а платонистская нарушает следующий принцип:

Очевидно, замаскированная система I нарушит данный принцип, если в ней допускается более 2^{η} - ι сущностей, где η - число ее атомов, или если I допускает какие-либо единичные классы, поскольку единичный класс и его единственный элемент будут состоять из одних и тех же атомов. Но даже если I является платонистской системой, так ограниченной, что она будет не отличима от упомянутых двух, она все еще может быть обна-

д. Таким образом, любой нулевой класс системы I оказывается просто одним из атомов рассматриваемого варианта системы I, не вносящим ничего нового.

10. Обе системы удовлетворяют и обратному принципу как для номинализма, так и для платонизма, если χ и y тождественны, то они состоят из одних и тех же атомов.

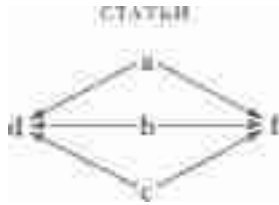
ружена в ее неотличимых вариантах благодаря нарушению сформулированного принципа. Если же система I не допускает никаких двух подобных классов, она в действительности не будет платонистской, какой бы ни была используемая в ней символика.

Сказанное, я думаю, снимает обвинение в том, что различие между номинализмом и платонизмом является всего лишь делом символики¹¹, и заодно проясняет номиналистическое положение: «никакого различия в сущностях без различия в содержании». В номиналистической системе никакие две различные вещи не имеют одних тех же атомов; различные вещи могут быть построены только из различных атомов; все нетождества вещей сводимы к нетождествам их атомов.

Далее следует задать вопрос, нельзя ли сделать различие между номинализмом и платонизмом *чисто* формальным. В таком случае проблема состоит в том, как определить, когда система является номиналистической или платонистской при условии, что мы знаем, что одним из ее отношений является e^* или «. Предположим, мы столкнулись с системой, об интерпретации предикатов которой ничего не известно; или лучше предположим, что нам даны только векторные диаграммы отношений системы. Можем ли мы в этом случае определить, является система номиналистической или же платонистской? Ответом будет: *нет*. Нам следует знать, какое отношение является «порождающим» отношением¹² системы и, следовательно, какие элементы являются атомами системы. Возьмем, например, следующую диаграмму для системы с единственным отношением:

11. Например, см.: Wang. What is an Individual? // Philosophical Review, 1953, vol. 62, pp. 413–420, esp. p. 416.

12. Необходимым, но не достаточным условием порождающего отношения является следующее: если и только если χ не является атомарным элементом системы, то существует элемент y , который находится в этом отношении к χ . Если дано порождающее отношение, то в таком случае атомы всегда определены. Если же даны атомы, порождающее отношение не всегда определено, но в некоторых случаях, вроде описанного в приложении к этой статье, также может быть определено. Порождающее отношение G системы является отношением, которое имеет место между двумя элементами системы χ и y , если и только если χ и y связаны последовательностью пар — таких, что первый элемент каждой пары является либо собственной частью, либо элементом второго.

Если мы знаем, что *a*, *b*, *c* являются атомами системы или же что изображенное отношение является порождающим, мы можем знать, что данная система является платонистской, поскольку различные элементы *d* и /состоят в точности из одних и тех же атомов. С другой стороны, если мы знаем, что *a*, *b*, *c*, *d* и /— все атомы системы, тогда мы знаем, что система является номиналистической. Но если мы не знаем атомов системы или того, является ли указанное отношение порождающим, мы не в состоянии определить, является ли данная система номиналистической или платонистской. Отметим также, что без указанных знаний мы не можем установить, является ли система *экстенциональной*. Система, изображенная на диаграмме, является *экстенциональной*, если отношение интерпретируется как отношение ребенка к родителю, но явно не *экстенциональной*, если отношение интерпретируется как членство в классе¹³. Как бы некто ни ликовал по поводу кажущейся возможности спутать «номиналистический» и «экстенциональный» как характеристики систем, не являющиеся чисто формальными, я спешу заметить, что никакие характеристики систем не являются формальными в подразумеваемом смысле. Ведь если нам дана только векторная диаграмма, лишенная какой бы то ни было интерпретации, мы не можем даже знать, что стрелочки представляют отношения или же что буквы представляют элементы. Мы вообще ничего не можем сказать про обсуждаемую систему, даже того, что она *является* системой; она могла бы быть шестым знаком или сложным символом, служащим в качестве собственного имени единственного элемента. Классификация символических систем становится ясной только в том случае, если на интерпретацию символов наложены хотя бы некоторые ограничения. Критерий номинализма является в той же самой

13. Изображенная на диаграмме система на самом деле является *экстенциональной*, только если она номиналистическая, хотя очевидно, что это не будет справедливым для произвольных систем. Но, конечно, каждая система будет номиналистической, если только она *экстенциональная*.

степени формальным, как и обычный критерий *экстенциональности*.

Я пытался разъяснить мой вариант номинализма. В общих чертах я дал понять, что номиналист настаивает на том, чтобы мир описывался как состоящий из индивидов, что описать его как состоящий мир индивидов означает описать его как образованный из сущностей, различных по своему содержанию, а это, в свою очередь, означает описать его средствами системы, в которой никакие две различные сущности не содержат в точности одни и те же атомы.

Теперь, оправдывая и защищая понимаемый так номинализм, я хочу рассмотреть ряд возражений против него.

3. ОТВЕТЫ НА ВОЗРАЖЕНИЯ

1. *Возражение*, номинализм, как он охарактеризован, не является подлинным номинализмом в традиционном смысле.

Ответ: без сомнения, много разных концепций являются законными потомками раннего номинализма. Я утверждаю всего лишь, что провозглашенный мной принцип представляет одну из разумных формулировок традиционного запрета на преумножение сущностей сверх необходимости. И я с удовольствием выношу данное утверждение на суд о. Бохеньского. Если он выступает против меня, то всего лишь лишает меня ярлыка, вызывающего возражения.

2. *Возражение*, провозглашаемый принцип номинализма является ложным как высказывание и лишенным оснований как соглашение; из повседневного опыта нам известно, что различные вещи часто *сделаны* из одного и того же материала или же из одних и тех же частиц, но в разное время.

Ответ: здесь хитрость заключена в словах «в разное время». Конечно, различные статуи часто делаются из одной и той же кучи глины, а одни и те же атомы бывают в разное время скомбинированы в разных изделиях. Подобным же образом различные комнаты, так сказать, часто выстроены одним и тем же способом в различных местах, а у одной и той же дороги бывают перекрестки в различных местах. Все согласится с тем, что (пространственно) различные части здания или дороги заключают в себе различные комнаты или же перекрестки, но так же

различные (во времени) части глины или же атомы могут образовывать различные статуи или различные изделия. Мы вправе пренебречь временным или любым другим измерением, каким только пожелаем; но если мы намерены исключить из рассмотрения пространственную делимость зданий или дорог, то не сможем непротиворечивым образом говорить о разных местах здания или дороги. Точно так же, если мы налагаем запрет на разделенность во времени, то не сможем непротиворечивым образом рассуждать о куче или атомах *вразличное время*. Повседневный опыт, говорящий о различных временных моментах существования одной и той же кучи, из которой делаются различные статуи, дискредитирует принцип номинализма не более, чем повседневный опыт, говорящий о пространственно различных частях одного и того же здания, образующих различные комнаты.

Разновидности подобного возражения указывают на упорядоченные пары, такие, как *Вашингтон, Линкольн и Линкольн, Вашингтон*, как хорошо иллюстрирующие образование различных сущностей из одних и тех же индивидов¹⁴. Чтобы относиться к делу, данное возражение не должно, конечно, никак основываться на обычном для логиков способе определения этих упорядоченных пар как различных классов классов, поскольку как раз законность подобного производства множества классов из одних и тех же индивидов находится под подозрением. Скорее, аргумент должен заключаться в том, что, как бы ни определять упорядоченные пары в произвольной формальной системе, мы сталкиваемся здесь с примером из повседневной жизни, суть которого в образовании различных вещей из одних и тех элементов. Но, вне всякого сомнения, данное утверждение не является истинным. Обычно мы не в большей степени приходим к заключению, что, упоминая двух людей в различном порядке, мы тем самым описываем различные составные сущности, чем в случае, когда рассматриваем дом от крыши до фундамента, и наоборот, или же когда предполагаем в качестве различных сущностей столицы Массачусетса и самого большого города в Новой Англии. Мы не считаем, что история Сражения Бегущего

Быка¹⁵, изложенная в виде различных событий, является несколькими различными историями. В повседневной жизни множество описаний не является свидетельством соответствующего множества описываемых вещей.

Итак, я не нахожу в повседневном опыте ничего не согласующегося с принципом номинализма.

3. *Возражение*: соблюдение сформулированного принципа номинализма не дает достаточной гарантии его значимости или осмысленности для философской системы, ведь хлам почти любого вида все еще может быть рассыпан по первому этажу в качестве допустимых атомов системы.

Ответ: разумеется, номинализм гарантирует философскую значимость системы не более, чем отказ есть отраву гарантирует физическое здоровье. Если мы намерены достичь философского или физического здоровья, требуется рассмотреть множество дополнительных правил. Действительно, иногда умеренно платонистская система с безопасной атомарной онтологией может быть меньшим злом, чем номиналистическая система, которая выбирает в качестве атомов несуществующих монстров — точно так же, как крайне малая доза отравы может быть менее вредной, чем пуля в голове.

Номинализм является скорее необходимым, чем достаточным условием приемлемости философской системы. При ее строительстве нам следует также тщательно следить за выбором строительного материала. Философский выбор атомов может быть в равной степени обусловлен установками или принципами, которые ассоциируются с номинализмом в силу темперамента или традиции, но подобные принципы не зависят от номинализма, как я его определил. Номинализм не защищает нас от выбора нелепых атомов. Он защищает нас от производства скоропалительных сущностей из добротных атомов с помощью популярных платонистских средств. Другими словами, номинализм является ограниченным правилом в отношении выбора строительного материала; он мало может помочь нам в том, чтобы конструировать хорошие вещи из плохих материалов, но поможет нам воздержаться от того, чтобы конструировать плохие вещи из хороших материалов.

14. Ср.: Hempel K. G. reflections on Nelson Goodman's «The Structure of Appearance» // Philosophical Review, 1953, ¹⁰1. ² PP. 108—116, esp. 110.

15. Имеется в виду эпизод Гражданской Войны в США — Прим, перев.

4. *Возражение:*, сохранение принципа номинализма, которое обеспечивается образованием из индивидов целостных совокупностей, а не классов, стоит слишком дорого: часто оно требует усилий воображения, чтобы принять в качестве индивидов такие рассеянные или неоднородные конгломераты, которые на практике никогда не мыслятся как единое целое и явно непостижимы в качестве классов¹⁶.

Ответ: сказанное, возможно, является самым хроническим упреком номинализму — что он настойчиво и, в конечном счете, безуспешно привлекает неестественную аналогию, чтобы расширить употребление терминов «часть», «целое» и «индивид» за границы хорошо очерченных тел, обладающих непрерывным существованием в пространстве и во времени. Однако, как я предположил ранее, на данное возражение можно дать решительный и окончательный ответ. Терминология системы не имеет никакого отношения ее классификации в качестве номиналистической или платонистской с помощью того критерия, который я объяснил. Коль скоро система не допускает две различные сущности, имеющие в точности одни и те же атомы, она является номиналистической независимо от того, называется его порождающее отношение « \in », или « \ll », или просто « jR », а также от того, называются значения ее переменных «классами», «индивидами» или просто «сущностями». Слова и символы, используемые в системе, не превращают ее в платонистскую; она становится платонистской только тогда, когда допускает различные сущности, имеющие одни и те же атомы.

Таким образом, номиналистическая система не может наложить никаких ограничений на фантазию, которых не налагала бы платонистская система. Ведь номиналистический аппарат представляет собой просто часть платонистского аппарата. Номиналистическая система может быть отображена в платонистской. Номиналистическая система является платонистской, которая специальным образом ограничена.

Какие бы новые обвинения ни выдвигались против номина-

лизма, наиболее привлекательные из всех возражений заслуживают внимания в следующих формулировках:

5. *Возражение*, номинализм тривиален для сторонников финитного подхода и не имеет смысла для его противников, поскольку любая система с финитной онтологией легко может быть превращена в номиналистическую, в то время как система с инфинитной онтологией противоречит любой версии номинализма.

Ответ: сначала рассмотрим заключительную часть возражения. Для номиналиста так же трудно быть противником финитизма, как для каменщика трудно быть балетным танцором. Эти вещи максимально несхожи, а не несовместимы. Очевидно, что в соответствии со сформулированным критерием номинализма некоторые системы с инфинитной онтологией являются номиналистическими, а некоторые системы с финитной онтологией — платонистскими.

Но, как показывает Хао Ван¹⁷, любая финитистская платонистская система легко может быть номинализована. Он не считает, что это можно сделать с помощью какого-либо непосредственно очевидного метода, но ссылается на изощренный способ, придуманный Куайном¹⁸. Давайте теперь на минутку предположим, что этот способ является полностью успешным. Означает ли это, что номиналистическая программа тем самым превращается в нечто тривиальное и лишенное смысла? Напротив, это означает, что важная часть номиналистической программы была выполнена. После чего номиналист ищет номиналистический перевод всего, что ему кажется заслуживающим спасения. Чем больше он преуспевает в нахождении путей вытеснения платонистских конструкций номиналистическими, тем меньше остается случаев, в которых следует избегать платонистского аппарата, ведь мы без колебаний можем использовать все, что можем, чтобы его элиминировать. Когда Хао Ван эффектно говорит: «Итак, вы видите, что эти проявления платонизма в конечном счете безвредны», он полностью игнорирует тот факт, что только номиналистические усилия вырыва-

16. Это возражение выдвигается, например, Лау в его статье, процитированной выше в примечании 5; оно также приводится Куайном на с. 559^{сно} Р^м цении на мою книгу «The Structure of Appearance»: *Qmne W. v. O. //Journal of Philosophy*, 1951, v. 48, pp. 556–563.

17. См статью, процитированную в примечании 14 выше.

18. В ст.: *Quine W, u O. On Universals //Journal of Symbolic Logic*, 1947, v. 12, pp. 78–84.

ют жало (платонизма. — *Е.Л.*). Точно так же можно было бы сказать, что программа искоренения в США оспы является тривиальной, поскольку она нигде вокруг не встречается. В некотором смысле любая завершенная программа является тривиальной — в том смысле, что цель любой программы — тривиализировать себя.

К несчастью, однако, номиналистическая программа не была столь полно реализована для всех финитных систем. Куайн, уже после того как предложил свой способ, явно указал на его фатальные недостатки. Его способ никак не может быть использован в отношении системы, онтология которой охватывает весь универсум; в таком случае потребуется для записи даже одного высказывания с квантором общности больше надписей (инскрипций), чем имеется вещей в универсуме. Куайн предлагает свой способ как интересную, но безуспешную попытку, прекращая дальнейшую работу в данном направлении.

Итак, Хао Ван ошибается по поводу фактов, касающихся способа Куайна; и если бы даже факты, как полагает Хао Ван, имели место, они не подтверждали бы вывод, который он пытается сделать.

6. Возражение: номинализм невозможен.

Ответ: возражение явно дополняет только что обсуждавшееся обвинение в тривиальности. Назовем программу невозможной, коль скоро она не завершена, а после завершения назовем ее тривиальной и мы организовали круговую оборону против данной программы. В формальных науках мы располагаем доказательствами, что определенные проблемы не могут быть решены — например, трисекция угла с помощью линейки и циркуля. Но ничего даже отдаленно напоминающего такое доказательство не существует для демонстрации невозможности номинализма. И части программы, которые когда-то с уверенностью объявлялись невозможными, недавно были выполнены, в частности была достигнута номиналистическая и даже финитная трактовка большей части классической математики, включающая общие определения «доказательства» и «теоремы»¹⁹.

Даже если полная реализация номиналистической програм-

мы в конечном счете окажется невозможной, усилия, затраченные на нее, нельзя считать напрасными. Невозможность трисекции угла с помощью циркуля и линейки вряд ли подрывает значение геометрии Евклида или приводит нас к заключению, что Евклид был слишком скупым в своем выборе инструментария.

Наконец, номиналист не может полностью ограничить себя номиналистическими средствами, но он намеревается делать это в той мере, в какой возможно. Прежде чем он прибегнет к воровству, он хочет быть уверенным в том, что именно он вынужден красть.

*7. Возражение*ш номинализм препятствует развитию математики и других наук, запрещая им методы, которые продолжают использоваться для достижения наиболее важных результатов²⁰.

Ответ: ничего подобного. Номиналист не имеет намерения ограничивать ученого. Ученый может использовать платонистские конструкции классов, комплексные числа, гадание на внутренностях или любые дешевые эффекты, которые, как он думает, могут помочь ему достичь желаемых результатов. Но все, что он производит, затем становится строительным материалом для философа, задачей которого является придать всему этому смысл: прояснить, упростить, объяснить, интерпретировать в понятных терминах. Практический ученый делает дело, а философ придерживается книг. Номинализм является ограничением, которое философ налагает на себя, поскольку чувствует, что иначе не может придать реальный смысл тому, что лежит перед ним. Он должен переварить то, чем его накормили, прежде чем сможет это ассимилировать; но он не ожидает, что это должно быть ему предварительно разжевано.

Тем не менее преимущества изобильного и сложного аппарата часто переоцениваются. Скудность средств часто приводит к ясности и прогрессу в науке так же, как и в философии. Действительно, некоторые ученые — например, в области структурной лингвистики²¹ — даже наложили на себя ограничения но-

20. См., например, с. 40 ст.: *Catnap R. Empiricism, Semantics and Ontology // Revue Internationale de Philosophie*, 1950, v. 4, pp. 20—40.

21. В частности, статьи Зилиг Харрис и Ноам Хомский. См., например: *Chomsky N. Systems of Syntactic Analysis // Journal of Symbolic Logic*, 1953, v. 18, pp. 242—256.

иг. В нашей совместной с Куайном статье, процитированной выше в примечании 6.

минализма в полном объеме, чтобы избежать путаницы и самообмана. Политика «все дозволено» уместна для развлечения, но иногда она может привести к ужасной путанице.

8. *Возражение:* номинализм фанатически непримирим. Принимая или отвергая системный аппарат или системные формы, мы должны руководствоваться не предполагаемым проникновением в их внутренние достоинства и недостатки, а исключительно результатами, которых мы в состоянии достичь с их помощью. Языки и системные формы являются инструментами, а инструменты должны оправдываться и оцениваться тем, насколько хорошо они работают. Философ не должен ставить себя в невыгодное положение пагубным или догматическим отречением от чего-либо такого, что послужит его цели.

Ответ: это возражение энергично поддерживается Карнапом²², и, кажется, оно ответственно за определенное предположительное отступничество от номинализма Куайна. Но номинализм, без сомнения, не желает исключать ничего, что служит целям философии. Его критикам кажется, что цели номинализма заключаются в правильном предсказании явлений природы и контроле над ними. Подобные цели определенно относятся к главным целям повседневной жизни, технологии и науки, но они не образуют изначальной цели философии, а также, я полагаю, науки в ее философских аспектах. Очевидно, что любой ученый-теоретик или философ с правильным умом быстро откажутся от системы, которая правильно предсказывает будущие события, но рисует ошибочную картину прошлого. Но даже истинная и подробная характеристика фактов прошлого, настоящего и будущего не касается работы философа. Как я только что сказал, его задача заключается в том, чтобы устанавливать взаимосвязи, систематизировать, интерпретировать и объяснять. Он руководствуется не практическими потребностями, а непрактичным желанием понимать. Он, конечно, тоже оправдывает систему в зависимости от того, насколько хорошо она работает, но для него система работает в той степени, в какой проясняет проблемы. Номиналист остерегается платонистских средств потому, что чувствует, что их использование скорее наносило бы ущерб, чем служило бы целям

философии. Ясная история не может быть рассказана на малопонятном языке.

Номиналист не может продемонстрировать необходимость ограничений, которые он сам на себя налагает. Он принимает принцип номинализма в том же духе, в каком он и другие философы принимают принцип экстенциональности или же философы-логики в целом принимают закон непротиворечия. Ни один из этих принципов не поддается доказательству, все они входят в число предпосылок корректности философской системы. Они обычно принимаются потому, что сознание философа не оставляет ему выбора. Сказанное не означает, что он никогда не способен изменить свои взгляды. Если неопрагматик сильно на меня надавит, я смогу даже согласиться, что мог бы однажды отбросить закон непротиворечия в интересах достижения лучших результатов — хотя если бы я отбросил данный закон, то попал бы в затруднительное положение по поводу различия между полученными и не полученными результатами. Но я пойду на подобную уступку только в том случае, если прагматик в свою очередь согласится, что мы однажды могли бы отбросить его закон достижения результатов. Или же он хочет сохранить его как закон, составляющий сущность человеческого разума?

Карнап красноречиво выступает против того, что он считает проявлением узкокоббия в философии, заканчивая призывом: «Давайте будем осторожными, делая утверждения, и критичными в их исследовании, но терпимыми при допущении языковых форм»; и Куайн соглашается, что «очевидным намерением является дух терпимости и эксперимента»²³. Как я ни сопротивляюсь намерению бросить тень на этих знаменитостей, все же есть пределы моей терпимости к терпимости. Я восхищаюсь государственным деятелем, терпимым к различным политическим мнениям, а также личностью, терпимой к расовым и образовательным различиям, но я не восхищаюсь бухгалтером, терпимым к своим расчетам, логиком, терпимым к собственным доказательствам, или же музыкантом, терпимым к тональности звука. Удовлетворительное выполнение любого вида деятельности требует дотошности в некоторых моментах, и в философии одним из этих моментов является выбор систематическо-

22. В статье, процитированной выше в примечании 23.

23. Quine W. u O. From a Logical Point of View, p. 19.

го аппарата или же «языковой формы». Итак, вместо карнаповского призыва я предлагаю другой: «Давайте как философы будем крайне разборчивы в выборе языковых форм».

Какой вид разборчивости выбирается, зависит от индивидуальных различий философов. Но если бы существовали основания для беспристрастности, тогда различие вкусов и мнений было бы хорошим основанием для беспристрастности в отношении качества в искусстве и истины в науке.

4. ДО СВИДАНИЯ

Я объяснил мою версию номинализма, имел дело с возражениями, которые доходили до того, что это вообще не номинализм, что он ложен или же безоснователен, что он слишком слабый, что он слишком сильный, что он тривиален, что он невозможен, что он уродует науку и что он догматичен. Тем не менее я никоим образом не предполагаю, что ответил на все возможные виды критики или даже на все виды критики, которые уже высказывались. Номинализм порождает немного сущностей, но пробуждает бесчисленное количество возражений. Номиналист выглядит интеллектуальным вандалом, и все добропорядочные соседи бросаются защищать от него свои фамильные драгоценности. Но номиналист может без опасений заниматься своим делом, поскольку его позиция фактически неуязвима. Каждое средство, которое он использует, каждый шаг, который он делает, приемлемы для его оппонентов; он не делает ни одного движения, которое не было бы полностью законным в соответствии с платонистскими стандартами. Когда номиналист и платонист говорят друг другу *до свидания*, только номиналист в состоянии подчиниться хорошо известному прощальному предостережению, которым они могли бы обменяться: «Не делайте ничего такого, чего не делал бы я».

ДОПОЛНЕНИЕ²⁴

Система является номиналистической в точном смысле, который я только что определил, если никакие две ее сущности

24 Данное дополнение впервые было опубликовано как заметка: *Goodman N. On Relations that Generate* // *Philosophical Studies*, 1958, v. 9, pp. 65–66.

не произведены в точности из одних и тех же атомов. Чтобы применять данный критерий, нам следует знать, какое отношение системы является «порождающим» и, следовательно, какие атомы системы, то есть какие сущности системы не принадлежат к области порождающего отношения. Порождающее отношение системы является разовой для отношения целого и части и отношения принадлежности элемента к классу, которые входят в систему.

Особенностью критерия номинализма, предложенного мной, является его независимость от используемой символики. Можно использовать знак «e» и говорить о классах и в то же время иметь номиналистическую систему, если видны строгие ограничения на допустимые классы. А если такие ограничения нарушаются, нельзя избавиться от обвинения в платонизме, используя вместо знака «R» другой знак, скажем «e».

Поскольку класс порождающих отношений определяется ссылкой на специальные отношения части целого и элемента класса, критерию номинализма не удастся быть чисто формальным. Прежде чем мы сможем применить критерии, мы должны знать, какое из отношений системы является порождающим. Но точно так же нам следует это знать, чтобы определить, является ли система экстенсией. Таким образом, критерий номинализма не менее формальный, чем критерий экстенсинальности. И действительно, номинализм, как я его определяю, уместно называть «гиперэкстенсинализмом»²⁵.

Все только что сказанное представляет повторение того, что я надеялся прояснить в моей предыдущей статье. Но профессор Гемпель²⁶, предполагая, что я использую понятие «порождающее отношение» в несколько более широком смысле, чем это есть на самом деле, выражал недовольство тем, что я не определял ясно этот более широкий смысл и предложил в качестве порождающего отношения отношение родителя к ребенку. Это отношение удовлетворяет требованиям, предъявляемым к порождающему отношению, никак не более, чем отношение ребенка к родителю, обсуждавшееся в моей предыдущей статье.

25. Я признателен профессору Куайну за этот удачный термин.

26. *Journal of Symbolic Logic*, 1957, v. 22, pp. 206–207.

Соответственно, Гемпель ошибается, говоря, что описанная им система с единственным отношением родителя к ребенку будет, согласно моему критерию, платонистской. Такая система не содержит порождающего отношения, все ее сущности являются ее же атомами, и, таким образом, система оказывается номиналистической.

О СХОДСТВЕ ЗНАЧЕНИЯ¹

{Частенько случается так, что кто-то отводит меня в темный уголок и спрашивает, действительно ли я серьезно отношусь к своей статье «О сходстве значения». Возможно, и в самом деле есть некоторые основания считать, что я менее серьезно отношусь к этой статье, чем некоторые мои оппоненты. Те проблемы, о которых в ней идет речь, не имеют, на мой взгляд, той первостепенной важности, которую принято придавать им в настоящее время. И тогда, как я все больше убеждаюсь, что любая более или менее адекватная экспликация неудачного понятия синонимии приводит к заключению, что никакие два термина в естественном языке не являются в точности синонимичными, меня во все меньшей степени интересует то, имеет ли это конкретное заключение силу или нет.

Тем не менее моя статья является серьезной и, как я надеюсь, не совсем неудачной попыткой разобраться с проблемой, которая представляется мне достаточно интересной. Если мы примем решение ограничиться только терминами и предметами, к которым они отсылают, и откажемся использовать понятия, интенционалы, смыслы, значения, критерии, находящиеся в уме и тому подобные вещи, то как нам тогда следует оценивать очевидное различие в значении¹ между двумя словами, такими, как «кентавр» и «единорог», которые имеют один и тот же объем?

После публикации настоящей статьи мое внимание привлекли два дальнейшие обстоятельства, требующие прояснения.

Во-первых, если все, что мы ищем, — это некоторое различие между «кентавром» и «единорогом», то почему бы нам просто не указать на их форму, или на их произнесение, или написание по буквам? Ответ состоит в том, что степени различия в форме, или произнесении, или написании по буквам даже приблизительно не соответствуют тому, что мы обычно считаем

1. Перевод выполнен Т. А. Дмитриевым по изданию: *Goodman N. On Likeness of Meaning* // *Goodman N. Prospects and Projects*, pp. 221—230.

степенями различия по значению. Сравнение объемов различных параллельных сложных выражений, в которые входят эти два термина, является значительно более уместным. И в тех случаях, когда простое совпадение по объему двух терминов не является достаточно строгим отношением, пригодным для данной цели, обычно в качестве дополнения желательным представляется совпадение по объему определенных параллельных сложных выражений. Множество сложных выражений, для которых выдвигается это требование — и которые на практике конституируют достаточную синонимию, — различаются от рассуждения к рассуждению.

Второе возражение заключается в том, что, именно принимая во внимание выражения типа «изображение кентавра», в которых замена термина «кентавр» экстенционально идентичным термином типа «единорог» приводит к изменению объема выражения в целом, я уже перешел границу экстенционального языка и, таким образом, не смог достичь своей цели. Однако я вовсе не предлагал ограничиваться пределами таким вот образом сконструированной экстенциональности. Скорее, я пытался намекнуть, как признание определенных контекстов, которые конечно же не являются экстенциональными в соответствии с этим критерием, тем не менее заставляет нас объяснять различие в значении между такими словами, как «кентавр» и «единорог», без привлечения каких-либо прискорбных аспектов интенционализма. (1954)J

При каких обстоятельствах два имени или предиката имеют одинаковое значение? На этот вопрос давалось множество самых разнообразных ответов, но всех их объединяет одна общая черта: все они являются неудовлетворительными.

Один из ранних ответов заключался в том, что два предиката имеют одинаковое значение, если они представляют одну и ту же реальную Сущность или Платоновскую Идею; однако это соображение вряд ли может нам чем-то помочь до тех пор, пока мы не знаем, как установить, представляют ли два термина одну и ту же Платоновскую Идею. (Боюсь, мы этого и в самом деле не знаем.)

Более практичное предположение заключается в том, что два термина имеют одинаковое значение, если они представляют одну и ту же ментальную идею или образ; или иными словами,

два предиката различаются по своему значению, только если мы обладаем ментальным образом чего-то удовлетворяющего одному, но не другому из двух предикатов. Таким образом, даже если в действительности все и только пеликаны имеют мешкообразные клювы, мы без труда можем вообразить воробья или кенгуру с мешкообразным клювом; и таким образом, хотя предикатам «является пеликаном» и «обладает мешкообразным клювом» и удовлетворяют в точности одинаковые действительные объекты, они все же не имеют одинакового значения. Эта теория сталкивается с двумя известными затруднениями. Прежде всего, отнюдь не ясно, что мы способны вообразить, а что — нет. Можем ли мы вообразить себе человека ростом в десять миль или нет? Можем ли мы вообразить звук, который никогда не слышали? Найти решение для этих случаев — значит столкнуться с новыми и еще более трудными проблемами. Однако второе и более серьезное затруднение заключается в существовании предикатов, которые, как совершенно ясно, не имеют соответствующего образа, вроде «умный» или «сверхзвуковой». Конечно же существует известная деятельность воображения, связанная с этими образами; однако на нее не так-то просто указать. Существует деятельность воображения, ассоциированная с бессмысленными словами.

Поэтому теория образа порою уступает место теории понятия — теории, согласно которой два предиката различаются по значению, если и только если мы можем постичь нечто удовлетворяющее одному предикату, но не удовлетворяющее другому. Эта побуждает нас выйти за узкие границы воображения, но, к сожалению, вряд ли обеспечивает нас каким-либо критерием. Допустим, мы можем понять, что такое четырехмерное тело, поскольку можем определить его, хотя и не можем вообразить. Однако точно также мы можем определить и квадратный круг (как прямоугольник с четырьмя сторонами, причем такой, каждая точка которого является равноудаленной от центра) или четырехсторонний треугольник. Если возразят, что поскольку такие определения являются самопротиворечивыми, то они не представляют подлинных понятий, я должен буду указать, что в данном случае требование непротиворечивости может быть поддержано только путем обращения как раз к тем самым отношениям между значениями, которые мы и пытаемся объяснить.

Мы не можем использовать их, пытаясь дать им определение. Если же возражение, скорее, принимает такую форму, что хотя мы можем определить квадратный круг, тем не менее не существует какого-либо возможного предмета, удовлетворяющего данному определению, то ясно, что мы не о возможности судим по постижимости, но, скорее, о постижимости судим по возможности. Поэтому наш критерий тождественности значения изменился: мы утверждаем, что два предиката имеют одинаковое значение, если и только если нет ничего возможного, удовлетворяющего одному предикату, но не удовлетворяющего другому.

Теория возможности является до некоторой степени двусмысленной. Утверждает ли она, что два термина различаются по своему значению, только если возможно, что существует нечто, удовлетворяющее одному предикату, но не удовлетворяющее другому? Если это все, то получается, что любые два термина, которые, как мы знаем, имеют одинаковый объем, имеют и одинаковое значение. Если я знаю, что м-р Джонс находится в Нью-Йорке, я не считаю возможным, чтобы он находился не в Нью-Йорке; и точно также если я знаю, что два предиката удовлетворяют в точности тем же самым индивидам, то для возможности, что они не удовлетворяют тем же самым индивидам, места не остается. Однако эта формулировка редко вызывает одобрение у сторонников теории возможности, приводящих примеры с терминами, которые хотя и имеют, как признается, одинаковый объем, обладают разным значением. Тезис, по их мнению, заключается скорее в том, что два предиката различаются по объему, если «могло бы быть нечто», удовлетворяющее одному предикату, но не удовлетворяющее другому. Иными словами, если имеется возможная, но в действительности не существующая сущность, и в самом деле удовлетворяющая одному, но не удовлетворяющая другому предикату. Понятие возможных сущностей, которые не существуют и не могут быть действительно существующими, многим из нас не так-то просто понять или принять. И даже если примем его, то как нам решить, когда существует, а когда — нет такая вот возможная сущность, которая удовлетворяет одному, но не другому из двух терминов? Мы видели, что ничего не получаем, коль скоро считаем постижимость проверкой для возможности. Можем ли мы определить, применимы ли два предиката «Р» и «Q»

к одной и той же возможной сущности, спрашивая, является ли непротиворечивым предикат «есть Р или Q но не оба одновременно»? Вряд ли это чем-то нам поможет; ведь, если «Р» и «Q» являются разными предикатами, сложный предикат является логически непротиворечивым, и мы не располагаем средствами, которые позволили бы нам проверить, является ли он непротиворечивым в других отношениях. Конечно же этот последний вопрос равносителен вопросу о том, имеют ли «Р» и «Q» одинаковое значение. И если мы начали с вопроса о том, как определить, имеют ли два предиката одинаковое значение, то снова оказались в исходной точке.

Все эти затруднения намекают на то, что мы могли бы попытаться применить принципиально иную и радикальную теорию, согласно которой два предиката имеют одинаковое значение, если и только если они применяются в точности к одним и тем же предметам — или, иными словами, имеют одинаковый объем. Этот тезис чаще критиковали, чем защищали; однако некоторые приводившиеся известные контраргументы кажутся мне не имеющими ни малейшей ценности. В качестве примера можно привести абсурдный аргумент, будто объем термина является разным в разное время, и согласно этому тезису два термина могут быть синонимичными в одно время и несинонимичными в другое. Объем предиката конечно же включает в себя все то прошлое, настоящее и будущее, к которому применяется термин; ни приготовление, ни поглощение кексов не изменяет объема термина «кекс».

Некоторые иные сходные аргументы приводятся не против тезиса о том, что два термина имеют одинаковое значение, если они имеют одинаковый объем, но против другого тезиса, согласно которому объем термина и есть его значение и который нас в данном случае не интересует. Например, против последнего тезиса можно было бы привести следующий аргумент: прежде чем мы сможем исследовать, применим ли данный предикат «Р» к данному предмету а, мы должны знать, что означает «Р», и если значение «Р» есть его объем, то мы должны знать объем «Р» и, следовательно, должны знать, применим ли «Р» к а — еще до того, как мы начнем выяснять, применим ли «Р» к а. Однако этот аргумент не применим к более слабому тезису, согласно которому два предиката имеют одинаковое значение, если они

имеют одинаковый объем; ведь очевидно, что мы можем при помощи индукции, предположения или каких-либо иных средств установить, что два предиката имеют одинаковое значение, не зная в точности всех тех предметов, к которым они применяются.

И все же, хотя многие из расхожих возражений представляются мне беспочвенными, я полагаю, что мы не можем безоговорочно принять тезис, согласно которому два термина имеют одинаковое значение, если они имеют одинаковый объем. Ведь имеются вполне очевидные случаи, при которых два слова, имеющие одинаковый объем, не имеют одинакового значения. Например, «кентавр» и «носорог», поскольку они ни к чему не применяются, имеют одинаковый (нулевой) объем; тем не менее ясно, что они различаются по значению. При этом я отнюдь не имею в виду, что тождество объема при различии значения встречается только в тех случаях, когда объем является нулевым; однако эти случаи являются наиболее показательными, и их вполне достаточно.

Следует специально отметить тот момент, при котором предполагаемый тезис терпит неудачу. Очевидно, что, если два термина имеют одинаковое значение, они имеют и одинаковый объем; проблема заключается в том, что два термина могут иметь одинаковый объем, но не иметь одинакового значения. Экстенциональная идентичность является необходимым, но не достаточным условием тождества значения. Иными словами, различие объема не проводит столь же очевидных различий, что проводятся различиями в значении.

Означает ли это, что нам следует вернуться к унылым поискам на «острове Где-то Там» призрачных сущностей, именуемых «значениями», которые занимают место посредников между словами и их объемами и являются отличными от них? Я так не думаю. Несмотря на очевидную неадекватность рассмотренного нами тезиса, я полагаю, что различие в значении между любыми двумя терминами можно целиком и полностью объяснить, используя исключительно термины и их объемы. Поскольку очевидно, что разница в значениях двух терминов «*P*» и «*Q*» не всегда связана с различием их объемов, я полагаю, что она всегда связана с различием в объемах некоторых иных терминов, отличных от «*P*» и «*Q*». Позвольте мне объяснить это.

Поскольку не существует ни кентавров, ни единорогов, все единороги суть кентавры и все кентавры суть единороги. Более того, все дяди кентавров суть дяди единорогов, и все ноги единорогов суть ноги кентавров. Насколько всеобъемлющим является это обобщение? Оставляя в стороне абсурдные или нарушающие грамматические правила вариации, мы должны исключить аналогии, выраженные в терминах «мыслей», «понятий» или даже самих «значений», ведь нет никакой гарантии, что мысли о кентаврах являются мыслями о единорогах. Это часто объясняется ментальной референцией или смутностью таких терминов. В логике мы располагаем теоремой, согласно которой если все α суть β , то все предметы, которые находятся в отношении $R_k \alpha$, суть предметы, которые находятся в отношении $R_k \beta$ (*Principia Mathematica*, 3².2) и было бы вполне естественно предположить, что это гарантирует истинность предложений вроде тех, которые мы рассматривали в связи с кентаврами и единорогами. При этом предполагается, что соответствующие фразы применяются только к физическим объектам (если они вообще применяются хоть к чему-то). Однако на деле это не так; ведь хотя *изображения* — т. е. картины, чертежи, рисунки, гравюры, эстампы — и являются физическими объектами, тем не менее не все изображения кентавров суть изображения единорогов, точно так же как не все изображения единорогов суть изображения кентавров. На первый взгляд кажется, что это нарушает процитированную выше теорему логики. Действительно, приведенное соображение показывает, что термин «изображение...» («picture of») не всегда является термином отношения «нога...» («foot of») или «дядя...» («uncle of»). Так, если существует какая-либо нога кентавра или какой-то дядя кентавра, то существует и кентавр. Напротив, если существует — а так оно и есть — нечто, являющееся изображением кентавра, то мы не можем из этого вывести, что существует кентавр — и в действительности так оно и есть. Фраза вроде «изображение кентавра» является единичным предикатом, и тот факт, что она применяется к одному или же ко многим предметам, отнюдь не заставляет нас сделать заключение, что существуют объекты, изображениями которых являются эти предметы. Для того чтобы избежать соблазна сделать подобные необоснованные выводы, мы, пожалуй, в течение всего последую-

шего обсуждения будем говорить не об «изображениях» кентавров и единорогов, но о «кентавра-изображениях» («centaur-pictures») и «единорога-изображениях» («unicorn-pictures») и т. п.

Кентавра-изображение отличается от единорога-изображения не в силу своего сходства с кентавром и несходства с единорогом, ведь не существует ни кентавров, ни единорогов. «Кентавра-изображение» и «единорога-изображение» просто применяются к разным объектам, точно так же как «стул» и «письменный стол» применяются к различным объектам, и нам больше нет необходимости интересоваться, почему это происходит в одном случае, а не в другом. Простой факт состоит в том, что, хотя «кентавр» и «единорог» ни к чему не применяются и потому имеют одинаковый объем, термин «кентавра-изображение» применяется ко многим предметам, а термин «единорога-изображение» — ко многим иным.

Итак, важное обстоятельство заключается в следующем: хотя два слова имеют одинаковый объем, определенные предикаты, построенные при помощи идентичных добавлений к этим двум словам, могут иметь разные объемы. Поэтому, вероятно, дело обстоит таким образом, что для всяких двух слов, которые различаются по своему значению, их объемы или объемы некоторых содержащих эти слова сложных выражений различны. Если это так, то различие в значении среди экстенционально идентичных предикатов может быть объяснено как различие в объемах некоторых иных предикатов. Или, если мы назовем объем самого предиката *первичным* объемом, а объем любого сложного выражения, в которое он входит в качестве составной части *вторичным* объемом, то наш тезис будет выглядеть следующим образом: два термина имеют одинаковое значение, если и только если они имеют одинаковый первичный и вторичный объем. Для того чтобы избежать затруднений с такими терминами, как «мысль...», «понятие...», «атрибут...» и «значение...», давайте исключим из области наших размышлений все предикаты, которые применяются к чему-либо иному, помимо физических объектов, классов этих объектов, классов классов этих объектов и т. д. Если наш тезис является разумным, то мы дали ответ на наш вопрос, установив условия, при которых два термина имеют одинаковое значение, и сделали это исключительно пу-

тем ссылки на термины и предметы, к которыми эти термины применяются.

Это объяснение принимает во внимание хорошо известные случаи, обсуждавшиеся в литературе. Например, Фреге использовал термины «(есть) Утренняя звезда» и «(есть) Вечерняя звезда» в качестве примера двух предикатов, которые имеют одинаковый объем — поскольку они применяются к одному и тому же предмету, — но явно различаются по значению. Это различие в значении без труда объясняется согласно нашему нынешнему тезису, поскольку эти два термина различаются по своему вторичному объему. Существуют, например, Утренней звезды-изображения, которые не являются Вечерней звезды-изображениями, а также конечно же Вечерней звезды-изображения, которые не являются Утренней звезды-изображениями.

Однако является ли наш тезис удовлетворительным в целом? Возможно, самый первый вопрос, который появляется в поле нашего зрения, это принимает ли наш тезис во внимание такие случаи, при которых мы имеем два термина «/» и «Q», такие, что не существует R-изображений или Q-изображений; к примеру, когда «P» и «Q» являются предикатами, которые применяются к запахам или к электрическим зарядам. Эти случаи не представляют никакой трудности, ведь вторичные объемы предиката «Q» включают в себя не просто объем «Q-изображения», но также и объемы «(^-диаграммы», «(^символа» и любое количество других сложных терминов подобного же рода. Конечно, *действительные словесные надписи являются* такими же подлинными физическими объектами, как и все остальные; и потому если существует такая действительная физическая надпись, которая является /»описанием, но не является (^описанием, и наоборот, то «P» и «Q» различаются по своим вторичным объемам, а следовательно, и по значению.

Поэтому все больше складывается впечатление, что всякое различие в значении будет отражаться в различии в первичном или вторичном объеме. Теперь-то, я полагаю, мы можем показать истинность этого тезиса. Поскольку, если даны любые два предиката какого угодно рода, скажем «P» и «Q», разве не предполагаем мы в записи фразы «P, которое не есть Q» чем-то, что является P-описанием, но не является (>описанием? Ясно, что к записи фразы «кентавр, который не есть единорог» применя-

ется предикат «кентавра-описание», но не применяется предикат «единорога-описание». Сходным образом, к записи фразы «пикантный запах, который не является «едким запахом» применяется предикат «пикантного запаха-описание», но не применяется предикат «едкого запаха-описание». Таким образом два предиката — «пикантный запах» и «едкий запах», каковым бы ни было отношение между их первичными объемами, различаются по своим вторичным объемам и, следовательно, по значению. Опять-таки, «треугольник» и «трехсторонняя фигура» различаются по значению, поскольку «треугольник, который не является трехсторонней фигурой» есть описание треугольника, а не трехсторонней фигуры. Мы не получаем, однако, абсурдного результата, будто «треугольник» отличается по значению от «треугольника»; поскольку конечно же дело не обстоит таким образом, что «треугольник, который не является треугольником», одновременно является и не является описанием треугольника².

Однако посмотрите теперь, как далеко мы зашли. Если различие значения объясняется предложенным мною способом, то *никакие два различных слова не могут иметь одинаковое значение*. Мы дали убедительный ответ на упрек, что в терминах одних только объемов нельзя провести достаточно очевидные различия. Мы получили различия, которые столь точны, как того только можно было бы желать. Однако теперь мы сталкиваемся с противоположной претензией: можем ли мы принять вывод о том, что слово имеет то же самое значение, которого не имеет ни одно другое слово, кроме него самого?

Прежде чем решить, что мы не можем смириться с этим выводом, позвольте мне заметить, что в процессе выработки нашего критерия мы по ходу дела показали, что не существует двух

предикатов, таких, что один может быть заменен на другой в любом предложении без изменения его истинностного значения, даже если мы исключим так называемые интенциональные контексты, в которых встречаются такие слова, как «необходимо», «возможно», «атрибут...» или «мысль...». Таким образом, если мы считаем, что два различных слова имеют одинаковое значение, их невзаимозаменяемость в некоторых контекстах, отличных от вышеуказанных, может служить явным доказательством того, что эти слова не имеют одинакового значения. Поэтому кажется ясным, что требования, которые мы обычно предъявляем к критерию одинаковости значения, могут быть удовлетворены только в том случае, если мы признаем, что никакие два предиката не имеют одинакового значения.

Поэтому теоретически мы поступили бы правильно, если бы вместо того, чтобы утверждать, что два предиката имеют одинаковое значение, стали бы, скорее, утверждать, что два предиката имеют большую или меньшую степень *сходства* значения. В обыденной речи, когда мы говорим, что два термина имеют одинаковое значение, то обычно указываем только на то, что их степень сходства достаточна для целей непосредственного рассуждения. Это совершенно безопасно. Однако нам следует помнить, что требования значительно варьируются от рассуждения к рассуждению; зачастую вполне достаточно того, чтобы два термина имели одинаковое первичное значение; в иных случаях требуется идентичность во вторичных или иных объемах. Если мы не будем обращать внимание на эту вариативность и будем искать жесткий критерий одинаковости значения, которое одновременно согласовывалось бы с этими различными употреблениями и удовлетворяло бы нашим теоретическим запросам, то будем осуждены на вечную путаницу и неразбериху.

Повторим, что обычно предполагается, что удовлетворительное определение синонимии должно соответствовать двум требованиям: чтобы некоторые предикаты были синонимичны и чтобы один из пары предикатов был заменен на другой, по крайней мере, во всех неинтенциональных контекстах без изменения истинностного значения. Однако мы видели, что *эти два требования являются взаимопротиворечивыми*. Правильный подход, по-видимому, должен заключаться в конструировании степени синонимии как, так сказать, степени взаимозаменяемо-

2. Один из основополагающих принципов состоит в следующем: *любая фраза, такая что «— которое есть...» есть — описание и... — описание*. Таким образом, «— которое не есть...» есть одновременно и — описание и не-... — описание. Быть не-... — описанием — недостаточное условие для того, чтобы не быть... — описанием. Однако согласно второму принципу не-... — описание не есть... — описание до тех пор, пока первый принцип (или какой-то иной) не сделает его также... — описанием. Формулировка исчерпывающих и точных принципов, позволяющих решить, является фраза или нет... — описанием, была бы довольно затруднительным делом; в данном случае это не является ни возможным, ни необходимым.

сти — с учетом вышеупомянутых соображений — и в признании, что отношение точной синонимии между различными предикатами равно нулю.

В заключение несколько слов по поводу того, какое отношение имеет данная статья к еще одной проблеме. Иногда утверждается, что предложение вроде «Все *A* суть *B*» является *аналитическим*, если значение *B* содержится в значении *A*. Наше исследование показало не только то, что два различных предиката вроде «Л» и «*B*» никогда не имеют совершенно одинакового значения; более того, оно показало, что не существует такого значения, которое содержалось бы в другом значении, поскольку существует *A*-описание, которое не является /[^]описанием, и *B*-описание, которое не является *A*-описанием. Таким образом, по крайней мере согласно предполагаемой интерпретации «аналитического», ни одно неповторяющееся высказывание не будет аналитическим. Самое большее, что мы можем сказать, это то, что высказывание является относительно аналитическим в большей или меньшей степени. Этого будет вполне достаточно, чтобы убедить многих из нас в том, что сходным образом ни одно неповторяющееся высказывание не является абсолютно необходимым, но только относительно необходимым в большей или меньшей степени.

О НЕКОТОРЫХ РАЗЛИЧИЯХ, КАСАЮЩИХСЯ ЗНАЧЕНИЯ'

В свете дискуссий, развернувшихся вокруг моей статьи «О сходстве значения», я хочу прояснить и развить некоторые из выказанных в ней главных мыслей, затем (в разделе г) кратко ответить на отдельные критические замечания и, наконец (в разделе з), предложу одно небольшое, но, вероятно, правомочное дополнение².

Безнадежно неудачные попытки определить синонимию в терминах образов, понятий, возможностей и т. д. приводят нас к попытке дать определение синонимии исключительно в терминах актуальных, даже физических, объектов. Однако мы должны принять во внимание тот факт, что некоторые очевидно несинонимичные имена или предикаты применяются в точности к одним и тем же объектам; наиболее показательными, однако не единственными примерами являются те, в которых, как в случае с «кентавром» и «единорогом», термины ни к чему не применяются.

Одна из главных мыслей моей предыдущей статьи состояла в том, что различие значения даже между такими терминами может быть объяснено исключительно при помощи референции к физическим объектам. Изображения, например, являются физическими объектами, и тем не менее некоторые (а на деле подавляющее большинство) изображения кентавров не являются изображениями единорогов. Иными словами, в то время как

1. Перевод выполнен Т. А. Дмитриевым по изданию: Goodman N. On Some Differences about Meaning // Goodman N. Prospects and Projects, pp. 231—238.

2. Что касается двух статей, опубликованных уже после появления этой статьи Лестера Меклера (Lester Meckler // Analysis, vol. 14, 1954, pp. 68-78) и Дэвида Швейдера (David Shwayder // Philosophical Studies, vol. 5, 1954, pp. 1-5), то я могу сказать только то, что оба автора, правда по-разному, неправильно поняли меня.

«кентавр» и «единорог» применяются к одним и тем же объектам, «изображение кентавра» и «изображение единорога» никоим образом не применяются к одним и тем же объектам. Это предполагает, что нам следует принимать во внимание не только то, что обозначается самим данным термином, но также и то, что обозначается сложными выражениями, содержащими этот термин (исключая случаи цитирования). Мое предположение состоит в том, что два термина являются синонимичными, если и только если:

- (а) они применяются в точности к тем же самым объектам,
- (б) всякий сложный термин, построенный путем соединения определенных слов с одним из этих терминов, применяется в точности к тем же самым объектам, что и сложный термин, построенный путем соединения тех же самых слов тем же самым способом, или с другим термином.

В пользу этого критерия говорит то, что он объясняет, со ссылкой на физические объекты исключительно, различия в значении между экстенциональными терминами. Однако если мы можем изобразить различия, не находящие своего воплощения в реальности, то как далеко заходит сила изобразительных различий? Пределы реалистического или репрезентационного изображения могут казаться довольно узкими, однако в действительности не существует чисто репрезентационного изображения. Всегда имеет место известная степень конвенциональности, и она постепенно увеличивается от реалистической живописи через эскиз, стилизованное изображение и идеографический знак к слову в обыденном языке. Ряд надписей, который мы называем описанием, в действительности является просто высококонвенциональным изображением. Однако описание или изображение мира является столь тонким и эффективным инструментом, что практически нет пределов тем различиям, которые оно может произвести. Различие между человеком двадцати футов ростом и двадцати одного с половиной футов ростом сложно изобразить, но легко сформулировать. Фактически, мы можем даже найти описания треугольной фигуры, которые не являются описаниями трехсторонней фигуры. Пара довольно ясных примеров такова:

- (i) плоская фигура или три угла и четыре стороны,
- (ii) треугольник, который не является трехсторонним.

То, что эти примеры ни к чему не применимы, не играет никакой роли; описания кентавров равным образом ни к чему не применимы. И даже если мы позволяем себе на время вести речь о возможности, не играет никакой роли, что эти описания не применимы к какой-либо возможной сущности. Важно только то, что, несмотря на несуществование и даже на невозможность треугольников, которые не являются трехсторонними, мы в действительности в случаях с (i) и (ii) имеем дело с *описаниями* подобного рода треугольников. В таком случае «описание треугольника» применяется к некоторым рядам надписей, к которым неприменимо «описание трехсторонней фигуры». Таким образом, «треугольник» и «трехсторонняя фигура» различаются, по крайней мере, в одном из их соответствующих вторичных объемов и, соответственно, различаются по значению в соответствии с нашим критерием. Сходным образом, любые два термина³ будут различаться по значению.

Теперь я конечно же не в состоянии определить описания более точно, чем я могу определить изображения. Точное и всеобъемлющее определение изображений кентавров было бы не менее сложным делом, чем точное и всеобъемлющее определение описаний треугольников. Однако самое большее, что здесь требуется — это значительное число ясных случаев и таких аномальных и парадоксальных случаев, которые могут быть осмыслены при помощи разумных правил. В следующем разделе я займусь обсуждением некоторых проблем, касающихся применения выражения «описание треугольника»; однако имеются и иные сложные термины, обладающие легче поддающейся определению областью применения, которые равным образом могут успешно использоваться при экспозиции аргумента предыдущего параграфа. Например, выражение «буквенное английское слово треугольник» может считаться примени-

3. Это означает любые два имени или предиката в естественном языке вроде английского. Ограниченные искусственные языки несложно построить так, чтобы отдельные термины имели одинаковое значение в соответствии с нашим критерием.

мым только к тем надписям, которые являются токенами выражения «треугольник»⁴, и «буквенное английское слово «трехсторонняя фигура» — только к тем надписям, которые являются токенами выражения «трехсторонняя фигура». Поскольку эти соответствующие сложные выражения имеют разные объемы, термины «треугольник» и «трехсторонняя фигура» — и, сходным образом, любые два термина — различаются по значению.

Теперь я убежден в том, что различные убедительные основания для исключения подобного рода примеров нуждаются в рассмотрении (смотри раздел г), однако доказательство того, что любые два термина различаются по значению, отнюдь не было моей первоочередной целью. Проблема первостепенной важности состояла в том, чтобы сравнивать значения, не прибегая при этом к ссылкам на интенционалы, установок или модальности. Предложенный критерий в терминах первичного и вторичного объема соответствует этому требованию и при этом удовлетворительно объясняет очевидные различия в значении даже между экстенциональными терминами типа «кентавр» и «единорог». Исходя из этих достоинств данного критерия, я хочу принять и видимое следствие, согласно которому никакие два термина не имеют одинакового значения. Любой, кто покажет, что это заключение вообще не следует из моих рассуждений или что его можно устранить при помощи подходящих оговорок, просто сделает мой критерий более приемлемым. Однако я полагаю, что мой критерий никоим образом не дискредитируется тем результатом, что никакие два термина не являются абсолютно синонимичными, поскольку этот результат представляется мне скорее непривычным, чем нетерпимым. Колоссальные трудности, с которыми приходится сталкиваться при попытке найти на практике такие два термина, которые обязательно имели бы в точности одинаковое значение, делают возможным принятие той точки зрения, что не существует абсолютных синонимов, но только термины, в большей или меньшей степени сходные по значению.

4- В то время как «буквенный английский термин «треугольник»» применяется к токенам выражения «треугольник».

Ричард Руднер прав, когда утверждает⁵, что я желал бы формулировать любое окончательное выражение своих мыслей в терминах строгого номинализма, который считает слова актуальными надписями или событиями, некоторые из которых, как утверждается, являются скорее *репликами* друг друга, нежели «токенами» общего типа. Однако я полагаю, что м-р Руднер ошибается, а Беверли Робинс⁶ прав в том, что касается следствий подобного рода новой формулировки. Ее следствием является не то, что любые два слова-события различаются по своему значению, но только то, что любые два слова-события, которые не являются репликами друг друга, различаются по своему значению.

Поэтому тем «диким результатам», на которые ссылается⁷ К. Д. Роллинс, места не остается. Его главное возражение, однако, состоит в том, что определение синонимии, согласно которому любые два термина различаются по своему значению, чрезмерно отклоняется от обыденного словоупотребления. *Pn-mafacie* это довольно разумно, однако отклонение от обыденного словоупотребления не столь значительно и намного лучше мотивировано, чем это кажется на первый взгляд. Предположим, что мы располагаем штабелем бревен, некоторые из которых — если судить исходя из практических соображений — той же длины, что и другие. Будет ли м-р Роллинс отрицать процесс измерения на том основании, что ни одно из этих бревен не имеет в точности той же самой длины, что другие? Определенная согласованность с обыденным словоупотреблением конечно же требуется от каждого определения, однако даже в тех случаях, в которых употребление является более ясным и постоянным, чем в случае значения, то, что обычно считается тождеством значения, может оказаться, в соответствии с абсолютно верным определением, только приблизительным тожде-

5- Rudner R. A Note on Likeness of Meaning // Analysis, vol. 10, 1950, pp. 115—118.

6. Robbins B. On Synonymy of Word-events // Analysis, vol. 12, 1952, pp. 98—100.

7. Rollins C. D. The Philosophical Denial of Sameness of Meaning // Analysis, vol. 11, 1950, pp. 38—45.

ством⁸. И сопротивление заключению, согласно которому никакие два термина не являются в точности подобными друг другу по значению, следует до определенной степени смягчить признанием, что некоторые термины типа «треугольник» и «трехсторонняя фигура» являются, будучи взаимозаменяемыми в большинстве сложных выражений, весьма схожими по своему значению.

Таким образом, я думаю, что на второе из возражений Кингели Прайса⁹ можно ответить: словарные определения являются полезными, поскольку они объединяют выражения, весьма сходные по своему значению — хотя степень этого сходства и различается в весьма значительной степени. С первым из возражений м-ра Прайса я согласиться не могу. Он утверждает, что в соответствии с моим критерием «glub» и «gloob» различаются по своему значению, поскольку «glub that is not a gloob» («быбка, которая не есть бобка») будет описанием быбки, но отнюдь не бобки. Однако я имею дело с именами или предикатами в каком-то языке. Когда бессмысленные выражения включаются во фразу в качестве слов, сама фраза становится бессмысленной. Или, иными словами, если «glub» («быбка») не относится к языку, то не относится к нему и «описанием быбки».

М-р Томсон говорит¹⁰, что два слова являются синонимичными, поскольку они имеют те смыслы, которые они имеют. Это то же самое, что сказать, будто один город находится севернее другого в силу своего месторасположения; это утверждение представляется мне ошибочным и не имеющим касательства к делу. Оно не принимает во внимание тот факт, что города в совершенно других местах таковы, что один находится севернее другого; и оно, по-видимому, отрицает, что мы можем определить предикат «севернее, чем» подходящим способом, не прибегая при этом к ссылке на месторасположение какого-либо конкретного города. По-видимому, м-р Томсон возражает против любых определений общих терминов, а указывает на спе-

цифическое затруднение, связанное с синонимией. Я также не могу принять утверждение м-ра Томсона, что, если я желаю использовать термин «изображение кентавра», не дав его точного определения, я равным образом должен был бы желать использовать термин «Платоновская идея кентавра». Единственное различие заключается в том, что я не знаю некоторых предметов, к которым термин «изображение кентавра» применяется непосредственно и я не знаю ничего, к чему применялся бы термин «Платоновская идея кентавра». Я был бы рад предполагать исчерпывающей экспликацией термина «изображение» для того, чтобы разрешать спорные случаи, однако я нуждаюсь в экспликации термина «Платоновская идея», прежде чем я вообще смогу ее применить.

Много вопросов возникало по поводу того, что конституирует описание¹¹. В данном случае не требуется полного определения. Если очевидно, что животное перед нами — полярный медведь, то вопрос о том, живут ли на нашем острове полярные медведи, оказывается решенным, даже если мы не знаем, как определить выражение «полярный медведь», равным образом как и не уверены в том, применяются ли оно к некоторым другим животным. Для того чтобы показать, что два вторичных объема различаются, нам требуется только подходящий случай. Теперь же, если мы вспомним, что вполне в состоянии совершенно отлично описывать то, что не является действительным или даже возможным, то «равнобедренный треугольник», «треугольник, сумма углов которого составляет 110 градусов», и «треугольник, не являющийся трехсторонней фигурой», представляют собой описания треугольников, соответствующие обыденному словоупотреблению. В выражениях типа «треугольник, не являющийся треугольной фигурой», непосредственное обращение к обыденному словоупотреблению не может служить основанием для надежного решения. В этом случае мы должны сфор-

8. М-р Виенпаль, я полагаю, в своей статье (*Wienpahl M. More about the Denial of Sameness of Meaning // Analysis*, vol. 12 (1951), pp. 19-23) делает тот же самый общий вывод, что от определения требуется как прояснение [обыденного словоупотребления], так и согласованность с ним.

9. Price K. A Note on Likeness of Meaning // *Analysis*, vol. 11, 1950, pp. 18-19.

10. Thomson P. Some Remarks on Synonymy // *Analysis*, vol. 12, 1952, pp. 73-76.

11. Например, м-р Черч в своей статье (*Church A. // Journal of Symbolic Logic*, vol. 15, 1950, pp. 150-151). Различные предположения, с которыми м-р Смаллиан с такой легкостью разделяется в своей статье (*Smullyan R. M. φ-Symbols // Analysis*, vol. 11, 1951, pp. 65-72) находятся далеко за рамками нашего анализа, чтобы заслуживать первоочередного внимания. Как должен был показать мой пример с изображениями кентавров и с изображениями единорогов, мы не можем определить «изображение Р» или «описание Р» исключительно в терминах того, к чему применяется «Р».

мулировать правила, которые соответствуют обыденному словупотреблению в ясных случаях и могут быть распространены на сомнительные случаи для принятия определенных решений. Не существует одного-единственного правильного способа осуществления этого требования, однако разумное правило, относящееся к данному вопросу, заключается в следующем: любая фраза, имеющая форму «—, которое есть...», является временно — описанием и... описанием; и то, что не есть описание такого-то и такого-то, не есть описание такого-то-и-такого-то, если это не требуется первой частью этого правила. Таким образом, выражение «треугольник, не являющийся треугольной фигурой», представляет собой описание треугольника и в то же время не является описанием треугольной фигуры, тогда как выражение «трехсторонняя фигура, не являющаяся треугольником» представляет собой описание трехсторонней фигуры, но не является описанием треугольника. Как было показано выше, мы можем избежать всех этих сложностей, связанных с описаниями, выбрав какие-то другие сложные выражения на роль наших примеров.

М-р Кларк утверждает¹², что сложное выражение типа «описание треугольника» должно быть исключено на том основании, что оно имплицитно упоминает слово «треугольник» тем же самым способом, каким «Джон есть так называемый...» имплицитно упоминает слово «Джон». Согласно его точке зрения, фраза имплицитно упоминает термин, если расширение фразы эксплицитно упоминает его. Конечно же он счел бы мой пример «буквенное английское слово «треугольник» еще в большей степени открытым для критики. Если обратить аргумент м-ра Кларка против него самого, то можно было бы заметить, что расширение «расширения» эксплицитно отсылает к синонимии и что его аргумент тем самым только запутывает проблему и не затрагивает сути дела. Однако в отличие от м-ра Кларка я не имею ни малейшего желания основывать свой аргумент на понятии *расширения* фразы. Давайте предположим — оставив в стороне обстоятельство, связанное с имплицитной ссылкой на синонимию, — что любая данная фраза может, так сказать, «быть пере-

писана» другими, более длинными способами. Тем не менее в случае отсутствия какой-либо формальной систематизации любая из этих более длинных фраз характеризуется, как и любая другая, как расширение соответствующей фразы. А теперь — исключает ли м-р Кларк сложные выражения, обладающие некоторым расширением, которое упоминает соответствующий термин? В таком случае он исключает все сложные выражения, поскольку даже «белая лодка» можно переписать в виде «белый предмет, к которому применяется слово «лодка»». Или же он исключает, скорее, сложные выражения, любое расширение которых применяется к выражениям, содержащим соответствующий термин? В таком случае, поскольку расширение, как очевидно, может применяться только к тому, к чему применяется исходное сложное выражение, ему следовало бы вообще прекратить говорить о расширениях и просто-напросто исключить все сложные выражения, которые применяются к таким выражениям. Но даже в этом случае исключение является неэффективным, поскольку, если оно и исключает «треугольника-описание» и «буквенное английское слово «треугольник», оно не исключает ни «неанглийское треугольника-описание», ни «буквенное немецкое слово «треугольник», которые служат для тех же самых целей. Более строгие запреты, которые обнаруживаются легко, сходным образом оказываются неадекватными.

Читатель может испытывать ощущение, что те сложные выражения, которые приводились, когда мы делали заключение, что два любых термина различаются по своему значению, являются какими-то из ряда вон выходящими и тривиальными примерами, и что, вероятно, можно найти подходящий способ, который позволил бы от них избавиться. Я могу понять это чувство; когда единичная форма сложного выражения обладает различным объемом для каждого термина, тот факт, что она имеет различные объемы для двух данных терминов, не представляет собой какого-то из ряда вон выходящего интереса. В таком случае давайте просто исключим всякое сложное выражение, для которого соответствующие сложные выражения любых двух терминов имеют разные объемы. Тем самым мы конечно же

12. Clarke. Reflections on Likeness of Meaning // Philosophical Studies, Vol. 3, 1952, pp. 9-13.

никоим образом не разубеждаем себя в полученном нами результате, согласно которому никакие два термина не являются синонимичными, поскольку для любых двух терминов мы вполне можем отыскать соответствующие сложные выражения, имеющие различные объемы. Однако мы следуем тому принципу, что интересными различиями между двумя терминами являются исключительно такие, которые не принадлежат обоим терминам. Итоговое изменение не является значительным и сводится всего-навсего к следующему: вместо того чтобы говорить, что любые два термина различаются по своему значению, но при этом некоторые термины могут не различаться каким-то особым образом, мы утверждаем, что два термина различаются по своему значению, только если они различаются каким-то особым образом. Несмотря на то, что может оказаться так, что любые два термина различаются по значению каким-то интересным образом, предложенный способ формулировки проблемы может тем не менее смягчить некоторое неудобство.

О ПСЕВДОКРИТЕРИИ ПЕРЕВОДА¹

Когда возникает вопрос, являются ли два данных предложения переводами друг друга, мы часто сталкиваемся с отрицательным ответом, отстаиваемым при помощи аргумента, что мы могли бы знать, истинно ли одно из них, не зная, истинно ли другое из них². Если брать этот аргумент буквально, то ни одно предложение не может служить переводом другого предложения на другой язык. Конечно же любые два различных предложения, даже в одном и том же языке, таковы, что мы могли бы знать, истинно ли одно из них, не зная, истинно ли другое из них.

Поэтому, вероятно, принцип заключается в том, что два предложения, которые *мы понимаем*, различаются по значению, если бы могли бы знать, истинно ли одно из них, не зная, истинно ли другое из них. Но тогда он становится совершенно бессмысленным. Предыдущая версия предполагала, что если мы не уверены, различаются ли два предложения по значению, то мы можем установить это, спросив, можем ли мы знать, истинно ли одно из них, не зная, истинно ли другое из них. Теперь мы открыли, что этот критерий применяется только к предложениям, которые мы понимаем. И понимания постольку, поскольку оно означает нашу способность использовать предложение подходящим способом в некоторых контекстах, вовсе не достаточно, ведь очевидно, что мы могли бы понимать каждое из двух синонимичных предложений подобным образом и тем не менее знать, истинно ли одно из них, не зная, истинно ли другое. Однако если мы полностью понимаем два предложения, если мы «знаем значение» каждого предложения, то мы тем самым знаем, без какой-либо дальнейшей проверки, имеют ли они одинаковое значение.

1. Перевод выполнен Т. А. Дмитриевым по изданию: Goodman N. On a Pseudo-Test of Translation // Goodman N. Prospects and Projects, p. 239.

2. Нынешний пример встречается в рецензии профессора Родерика Чизолма: Chisholm R. // Philosophical Review, vol. 61, 1952, p. 247. Одно из исправлений в данной заметке было вызвано комментарием У. В. Куайна.

Разговор о значении обычно вводит в заблуждение. То прояснение, которое якобы достигается при помощи предполагаемой проверки в терминах возможного знания истинностных значений, является целиком и полностью призрачным.

М. В. ЛЕБЕДЕВ

МИРОТЕХНОЛОГИИ ГУДМЕНА

Нельзя провести никакое ясное и устойчивое общее различие между содержанием и способом дискурса — таково послание, встречающее читателя на первых же страницах «Способов создания миров». Эта мысль оформляется нарочито эпатажными каламбурами, которые кажутся скорее чрезмерно изобретательным переводом на английский какого-нибудь французского литературного манифеста, чем текстом серьезного аналитического философа и логика. Однако один из парадоксов этой книги состоит в том, что она показывает: здесь нет парадокса.

Попытаемся рассмотреть эпистемологический фон построений Гудмена. Характерная для классической эпистемологии парадигма подразумевает действительность не задаваемой, а данной. Здесь объект познания — нечто предзаданное, нечто налично существующее; все знание, с такой точки зрения, может быть выстроено на основе некоторых перцептивных образований, предшествующих любой концептуализации. В аналитической традиции — начиная, например, с «Логического построения мира» Карнапа — существует иной подход, отклоняющий эпистемологически «данное» в опыте наряду с любым требованием эпистемологического приоритета внелогических оснований знания. Гудмен весьма последовательно реализует такой подход: согласно его точке зрения, разум активен в восприятии на всех уровнях; вообще не существует такой вещи, как неструктурированные, абсолютно непосредственные чувственные «данные», свободные от классификации. Все восприятие определено выбором и классификацией, в свою очередь сформированными совокупностью унаследованных и приобретенных различными путями ограничений и предпочтений. Даже утверждения по поводу чувственных данных, подразумевающие описание наименее опосредованных ощущений, не свободны от таких формообразующих влияний. Согласно Гудмену, действительность не скрыта от нас; однако ее можно систематически

постигать не одним-единственным, но множеством способов. Конечно, существуют системы, не согласующиеся с нашим опытом; но вместе с тем имеется и множество различных систем, которые «соответствуют» (*fit*) миру, причем некоторые из них представляют собой полностью равнозначные альтернативы.

Написание книги было инспирировано юбилеем Кассирера, и это не привязка к формальному поводу — Гудмен действительно возводит свою позицию непосредственно к неокантианскому пафосу Кассирера, у которого уже встречается сочетание идей множественности миров, неподлинности «данного», творческой силы понимания и формообразующей функции символов. Кассирер развивает концепцию символической формы, ведя ее происхождение как от науки, так и от искусства. Любой акт восприятия «символически чем-то чреват»: в одно и то же время он содержит неинтуитивные значения и конкретно представляет непосредственно само восприятие. Мы имеем дело не столько с существованием вещей, сколько с объективной валидностью перцептивных отношений, и наше знание вещей зависит от этой валидности. Эти отношения рассматриваются «философией символических форм», где символическая форма — метафорическое представление перехода от мира выражения к чистому познанию. Кассирер заключил, что человек по существу характеризуется своей уникальной способностью использовать «символические формы» мифа, языка и науки как средства структурирования своего опыта и таким образом понимания как себя самого, так и мира природы. Язык здесь является символической системой, использующей конструирование символических форм для того, чтобы понять мир природы. Теория языка как символической системы подразумевает указание на объектно-ориентированные характеристики используемого способа репрезентации. Язык не может рассматриваться как копия вещей, но представляет собой условие наших понятий о вещах; он — предпосылка нашего представления об эмпирических объектах, нашего понятия о том, что мы называем «внешний мир». В самом деле, устранение Кассирером из кантовской системы понятия «вещи в себе» как одного из двух (наряду с субъектом познания) факторов, создающих мир «опыта», подразумевает, что материал для построения «опыта» («многообразие» у Кассирера) создается самой мыслью. Соответственно,

пространство и время перестают быть созерцаниями, как у Канта, и превращаются в понятия¹. Вместо кантовских двух миров появляется единый «мир культуры», а идеи разума из регулятивных становятся, как и категории, конститутивными, создающими мир принципами, «символическими функциями». Разнообразные сферы культуры, которые Кассирер называет «символическими формами» (язык, миф, религия, искусство, наука), рассматриваются им как самостоятельные, не сводимые друг к другу образования.

Эти идеи развиваются Гудменом в конструктивных логических системах. В отличие от Кассирера, обращающегося для своих построений к структуре мифа, Гудмен принимает более аналитичный — логикоморфный — подход, реализованный Гудменом в рамках эпистемологического конструктивизма². Его интересует не то, что первично в познавательном процессе, а то, что может служить базисом для экономичной, ясной и единой системы. В подобной системе определяющее — это комплекс интерпретированных терминов, а определяемое — известный осмысленный термин, и аккуратность определения зависит от отношения между ними. Экстраполируемость (*projectibility*) предикатов будет в таком случае состоять в том, что структурные взаимосвязи экстенсионалов предикатов *defmienda* будут показаны в пределах экстенсионалов *definientia*. Абсолютная идентичность элементов, связанных таким образом, не имеет важности. Соответствующий критерий точности определения должен, таким образом, быть отвлечен от абсолютной идентичности и сосредоточен на сохранении структуры. Это — принцип «экстенсионального изоморфизма», который Гудмен предлагает как критерий адекватности конструктивного определения.

Теоремы конструктивной системы полагаются «реальными» определениями, использующими определенные семантические критерии правильности в дополнение к обычным синтаксическим критериям, налагаемым на чисто формальные (или «номи-

1. Это послужило Гудмену ответом на упрек Шеффлера: как можем мы, если мы действительно создаем миры, сделать что-то старше нас? Просто, отвечает Гудмен, создавая пространство и время, в котором это находится («О создании звезд»).

2. Goodman N. The Structure of Appearance, 1st edition: Cambridge Mass., 1951. 3rd edition: Dordrecht, 1987.

нальные») определения. Конструктивная система формализует некоторую область (предполагаемого) знания, которое может быть представлено как множество предложений, сформулированных в неформализованном дискурсе (например, естественном языке), где некоторые термины должны быть соответственно определены в системе, использующей правила вывода, а некоторые образуют специальное множество терминов, принятых за элементарные, т. е. базовые примитивы системы («внелогические основы» — «extralogical basis»). Таким образом, вопрос о критериях правильности отсылает к вопросу о произвольности/непроизвольности выбора «атомов» категоризации, элементарных терминов системы. Примитивы должны при этом пониматься как уже являющиеся предметом преднамеренного использования или интерпретации; если их использование или интерпретация не очевидны, то они могут быть обеспечены неформальным объяснением, в строгом смысле не являющемся частью системы. Гудмен пишет об этом следующее:

Термин выбирается в качестве элементарного не потому, что он является неопределяемым; скорее, он является неопределяемым в силу того, что он был выбран как элементарный... Вообще термины, принятые в качестве элементарных в одной системе, вполне могут поддаваться определению в какой-либо другой системе. Не существует ни абсолютных элементарных терминов, ни такого их выбора, который был бы единственно правильным⁸.

Так, например, неформализованная область может состоять из предложений, описывающих человеческие отношения родства, а конструктивная система в этом случае будет состоять в точных определениях всех предикатов родства в терминах примитивов (например, *X - родитель Y* и *X - женского пола*) и в рекурсивно устанавливаемой спецификации теорем через аксиомы и правила вывода. При этом каждая из теорем является интерпретацией (путем определения) одного из первоначальных неформализованных предложений.

Здесь может быть задан следующий вопрос, явившийся бы приложением общего для аналитической (и не только) фило-

софии «парадокса анализа», или «парадокса объяснения»: если мы уже располагаем неформализованным «знанием», к которому мы должны обратиться в оценке как точности определений конструктивной системы, так и ее адекватности (то есть, образуют ли ее теоремы достаточно дифференцированное множество: является ли, скажем, некоторое описание законченным), то зачем вообще нужно строить такие системы? Каким образом такая теория может что-либо объяснить?

При ответе на данный вопрос можно учитывать три аспекта,

1. Спешно построенная конструктивная система сообщает нам нечто, чего мы вообще не знаем заранее, а именно тот факт, что некоторые примитивы представляют адекватные основания для определения всех рассматриваемых терминов — факт, имеющий несомненное методологическое значение. Кроме того, конструктивная система демонстрирует ряд отношений логической зависимости, многие из которых не даны заранее, но способны обеспечивать возможность дальнейшего анализа.

2. В большинстве случаев, представляющих интерес, неформализованная область не так ясна и не так однозначно формализуема, как в примере с семейным родством. Разветвленность и гетерогенность формализуемых областей будет мотивировать преимущественное развитие конструктивных систем прежде всего в отношении систем, которые можно назвать «эпистемологическими» в том смысле, что их назначением является представление некоторой части нашего знания относительно соответствующих этой части данных восприятия. Например, система, которая пытается представлять наше знание физических объектов в терминах явлений, должна вначале поставить вопрос, какой вид феноменальных объектов рассматривать (чувственные данные, отрезки «потока опыта» и т. д.) — вопрос, который сам по себе не может быть решен обращением к обычному или традиционному употреблению термина.

Поэтому хотя конструктивные системы могут в первом приближении быть рассмотрены как формализации, они являются не только формализациями: они являются именно теориями, и их развитие требует творческого построения функционирующей теории; оно не является простым формальным моделированием обычного употребления языка.

Возможно, наиболее важны здесь соображения теоретичес-

3- Goodman N. The Structure of Appearance. Cambridge Mass., 1951. P. 57.

кой интерпретируемости. При сохранении важнейших особенностей неформализованной речи конструктивные определения разрешают достаточно тонкий способ замены неясных и неточных терминов более ясными и точными. Если целью моделирования является простое «отображение» обычного употребления языкового выражения (например, выявление композиционного плана высказывания), то это явилось бы искажением. Однако с точки зрения построения теории, такая процедура обязательна: более точные понятия лучше входят в проверяемые гипотезы и доказуемые результаты.

Это ведет к третьему пункту в ответе на предполагаемый парадокс анализа.

3- Ряд философских вопросов традиционной важности может быть плодотворно выражен в категориях оснований формализации представляемого знания. Например, спор между номинализмом и его противниками может быть сформулирован как вопрос о том, способна ли система, которая берет за основу рассмотрения лишь конкретные индивидуальные объекты, к адекватному представлению всего нашего релевантного знания. В таком случае решение подобных вопросов заключается в том, чтобы либо построить адекватную систему, либо так или иначе показать, что такое построение не может быть выполнено.

Сложность здесь состоит в том, что основной предикат обычно не формулируется в философских системах с точностью, сопоставимой с точностью научных дисциплин, использующих исчисления. Конструктивные системы, напротив, с необходимостью требуют решения вопроса о допустимых основаниях, и, соответственно, очевидным образом предоставляют или положительную демонстрацию результата, или подтверждение его невозможности (фальсификацию).

Эта особенность конструктивных систем ведет к прояснению различия между критерием их точности (правильного построения описания) и критерием адекватности (правильного оформления описания). Вопрос адекватности является вопросом полноты системы — обеспечивает ли множество определений интерпретацию всех неформализованных предложений, представляющих интерес, в зависимости от целей системы, и является ли исчерпывающим множество теорем системы. Вопрос точности касается скорее статуса реальных определений сис-

темы — отношений между *defmientiae* и *defmienda* — и истинного статуса теорем.

Это разграничение точности (*accuracy*) и адекватности (*adequacy*), введенное Гудменом в «Структуре явления», во многом обусловило важную для современной аналитической философии тенденцию ослабления семантического критерия, налагаемого на исследования. Главное перемещение в этом направлении происходит от синонимии или аналитичности к вполне экстенсionalному критерию. При этом сам Гудмен считает коэкстенсивность *defmienda* и их *defmientiae* все еще слишком сильным критерием. Неформализованное использование неопределенно и непоследовательно (противоречиво) в целом ряде отношений, и отражение этих особенностей в объяснении вовсе не непременно увеличивает объяснительную силу *deflnientia*. Неясные случаи не могут быть прояснены в соответствии с таким требованием, как коэкстенсивность; в то же время случайный отход от неформализованных ясных случаев оправдан стремлением построить хорошую теорию. Кроме того, неудовлетворительность требования коэкстенсивности указывает на качественно отличную и более глубокую проблему: в науке и обыденном языке возможны (и весьма многочисленны) случаи альтернативных истолкований предикатов — истолкований, которые являются полностью неразличимыми в отношении любых критериев, уместных в тех теориях, к которым они принадлежат; однако альтернативы не просто не коэкстенсивны — они очевидным образом не пересекаются.

Одним из следствий такого подхода является плюрализм. Так, с точки зрения теории множеств, система евклидова пространства может быть построена различными способами: можно по-разному выбирать основные термины, не имеющие изначально определения, равно как и выбирать сами определения, и тем не менее эти системы будут очевидно равнозначными: все это будут полные системы евклидовой геометрии. С другой стороны, не имеет смысла стремиться включить эти системы в единую суперсистему, так как один определенный термин в одной системе не может одновременно иметь определение и не иметь его, а система, где все термины не имели бы определений, не могла бы иметь прикладных приложений.

В «Способах создания миров» Гудмен делает шаг от эписте-

мологии к онтологии и настаивает на том, что противоречие между онтологическим монизмом и плюрализмом не выдерживает пристального анализа. Если существует лишь один, единственный, мир, то он включает множество различных, различающихся между собой аспектов; если же существует множество миров, то в любом случае существует лишь одно (единое в этом отношении) множество этих миров. Вслед за У. Джеймсом (еще одним философом из тех, которых он здесь называет своими предшественниками) Гудмен фактически воспроизводит логику размышлений, лежавших в основе еще самых первых атомистических построений: каждый отдельный космос конечен, но количество этих космосов бесконечно, поэтому мир в конце концов бесконечен. Но «мир» Гудмена — категория столь же эпистемологическая, сколько и онтологическая. Один мир может быть рассмотрен как множество миров, равно как и множество миров может быть рассмотрено как один: все зависит от способа рассмотрения. Речь здесь идет не о множестве альтернатив единственному действительному миру, но о множестве действительных миров. Методологический и онтологический плюрализм — естественное следствие эпистемологических взглядов Гудмена. С подобной точки зрения, некоторые истинные утверждения и правильные представления могут вступать друг с другом в противоречие, не теряя при этом своей истинности и правильности, — а следовательно, действительных миров должно быть больше одного. Наш универсум состоит скорее из способов описания мира, чем из самого этого мира или миров.

То, что традиционно рассматривалось как «окончательные» метафизические вопросы (т. е. вопросы о характеристиках, составных частях или категориях «действительности») должно быть признано, таким образом, бессмыслицей, кроме тех случаев, когда описание соотносится с системой или «способом рассмотрения» («way of construing») референции. Согласно Гудмену, адекватность описания никоим образом не может быть вопросом истинности. Утверждение истинно, а описание или представление правильно, для мира, которому оно соответствует (*fit*). Вопрос задается скорее не о том, правильно ли представление или нет, а о том, в какой системе координат или категорий, в каком контексте оно правильно. Например, изображения с обратной перспективой или цветопередачей могут в

определенных контекстах восприниматься нами как реалистичные. Однако допущение об относительности понятия правильности и о возможности существования конфликтующих правильных воспроизведений (*renderings*) не означает отказа от четких критериев оценки правильности, различения правильного и неправильного.

В этой связи Гудмен проводит довольно тонкую дистинкцию между двумя смыслами, в которых употребляется слово «реалистичный»⁴. С одной стороны, «реалистичный» означает «соответствующий обыденным суждениям о правдоподобии»: в этом смысле мы говорим, например, что картины Дюрера реалистичнее картин Сезанна. Но мы можем говорить также о достижении нового уровня реализма в работах того или иного художника или фотографа, показавшего нам новые стороны жизни, о которых мы не знали раньше, но которые мы восприняли как узнаваемые, когда увидели их. В этом случае «реалистичный» означает «вновь обнаруженный с некоторой достоверностью». Речь здесь идет не об узнавании привычного объекта, но об открытии, раскрытии вновь встреченного. Эти два смысла соответствуют понятиям инерции и инициативы, с помощью которых Гудмен охарактеризовал свойства индуктивных умозаключений. В номиналистической онтологии Гудмена такие понятия объясняются в терминах той экстраполяции предикатов, которая связывает в единый индивид комплекс, принадлежащий одному месту и времени, и комплекс, принадлежащий другому месту и времени. В терминах такой экстраполяции некоторое место в поле зрения, в котором в настоящий момент отсутствует цвет, присутствующий в другое время и в другом месте, можно считать потенциально окрашиваемым, способным быть окрашенным (*colorable*) в этот цвет, а палку, которую не сгибают в настоящий момент, можно считать гибкой. Решающая проблема заключается в том, чтобы обосновать экстраполируемость предикатов в терминах законоподобных высказываний, а эта проблема по существу является проблемой индукции.

Классическая проблема индукции — как вообще мы можем знать что-либо о будущем на основании свидетельств о прошлом — может считаться (или по более или менее общему со-

4. «Способы создания миров», глава 7, раздел 5.

гласию считается) упраздненной в духе Юма: поиски дедуктивного доказательства утверждений о будущем на основании прошлого и настоящего тщетны в принципе; индукция находит не-обходимое оправдание в фактических обычаях нашего повседневного мышления и научных исследований. Кант, отвечая на вызов Юма, определил то направление исследований, согласно которому в центре находится вопрос не о том, познаваем ли мир, а о том, каким образом возможно, как возникает и организуется наше знание — направление, актуальность которого не только не уменьшается, но продолжает возрастать, о чем свидетельствуют и произведения Гудмена. Однако, по мнению Гудмена, мы продолжаем сталкиваться с новой проблемой индукции, а именно: каковы те подтверждающие процессы, на которые опираются повседневное мышление и научное исследование?

Прояснение этой проблемы связано с особенностями экстраполяции предикатов, при которой, согласно Гудмену, может проявляться как инерция, так и противоположное ей свойство — «инициатива». При формулировке законоподобных высказываний более укоренившиеся («инерционные») предикаты следует предпочесть менее укоренившимся, и в случае возникновения противоречий последние должны уступать место первым. Можно предложить специальные правила для определения таких предпочтений; такие правила смогут постепенно приближать нас к формализации обычного процесса подтверждения. Поэтому, возвращаясь к определению правильности обозначения (описания), можно заметить, что во всех случаях речь идет об идентификации, но на различных основаниях. Если мы намерены считать правильным описание, соответствующее обыденным суждениям о правдоподобии, т. е. некоторому фиксированному ряду суждений, то это означает, что мы идентифицируем описание через установление его тождественности данным нашего предшествующего опыта. Если же мы считаем правильным описание, являющееся правдоподобным в силу того, что оно обладает некоторой достоверностью, то мы также проводим идентификацию через установление отношения с имеющимися у нас данными, но это отношение не тождества, а некоторой согласуемости, совместимости. Но отношение тождества может быть рассмотрено как видовое по

отношению к родовому — совместимости в том отношении, что тождественные вещи, вообще говоря, абсолютно совместимы, поэтому все объекты, между которыми установлено тождество, могут считаться совместимыми (но не наоборот). Очевидно, что первый способ идентификации не является единственным, но в то же самое время само собою*понятно и то, что он является предпочтительным для многих систем — например, для вынесения обыденных суждений. В определенном смысле он более обоснован — для тождества требуются не просто совместимые вещи, но абсолютно совместимые вещи — но эта разница в уровне обоснованности не носит качественного характера. Мы имеем здесь дело не с новым свойством, но с полнотой проявления того же свойства совместимости. Правильность некоторого языкового конструкта обнаруживается, с такой точки зрения, минимум в двух аспектах: во-первых, в аспекте правильности его построения как наличия некоторых соответствий в множестве языковых конструктов этого языка и, во-вторых, в аспекте правильности его оформления в соответствии с языковыми правилами как результате их действия. Проблема, с такой точки зрения, заключается в выяснении того, как лучше может быть понято то или иное явление: в терминах характеристики его результатов или же в терминах характеристики связанных с ним процессов.

Итак, можно следующим образом сформулировать те послышки конструктивизма Гудмена, которые представляются наиболее важными для свойственного ему понимания отношений между эпистемологией и онтологией:

1. Любой предмет может быть категоризован с одинаковым успехом многими способами, которые отличаются по существу в онтологическом наполнении и являются в этих систематизациях взаимно несовместимыми (плюрализм).

2. Из-за множественности версий мира в различных знаковых системах бесполезно искать полное описание действительности (сущностная незавершаемость).

- 3- Онтологические предложения имеют истинностное значение только относительно «истолкования» или «трактовки» объектов, мира, действительности, и т. д. Иными словами, указание на «мир» имеет смысл только в том слу-

чае, если оно соотносится с какой-то системой описания (онтологический релятивизм).

В свою очередь, онтологические установки [удмена проявляются в его философии языка. В «Языках искусства» Гудмен предлагает общую теорию референции, охватывающую все референциальные функции. Она основана на единой символической операции, посредством которой один предмет представляет («stands for») другой. На первый план здесь выходит критерий внешности по отношению к символической (знаковой, или языковой в самом широком смысле) системе — критерий, в определенном отношении *предельно* формальный: мы не можем говорить о предметах обозначения как о сущностях, внутренне присущих самой знаковой системе, о неких свойствах обозначения, поскольку отсылка к чему-то иному, направленность на иной предмет является сущностным свойством знака. Именно благодаря этому конституирующему свойству знак (например, гудменовский или кассиреровский символ) является собой, а не чем-то иным (скажем, не относится к некоторому классу чисто физических, метафизических или психических понятий). Таким образом, хотя базовые семантические примитивы (предельные единицы) конструктивных систем могут являться феноменальными сущностями, эти системы тем не менее не будут являться феноменалистскими системами, т. к. не будут поддерживать феноменализм как фундаментальную эпистемологическую доктрину (равно и как онтологическую доктрину, претендующую на полноту).

Отсюда становится ясной эпистемологическая значимость конструктивных систем для обоснования употребления языка. Она состоит прежде всего в выявлении совокупности взаимоотношений между различными частями концептуального аппарата. Фундаменталистская метафора заменена в них «сетью верований» («web of belief»). Подобно гипотетико-дедуктивным теориям естественнонаучных дисциплин, определения и теоремы конструктивных систем устанавливают дедуктивные отношения между предложениями, несущими рациональную нагрузку; причем на чем более элементарных основаниях строится конструктивная система, тем более плотными устанавливаются систематические связи и тем полнее общая связность и внут-

ренняя непротиворечивость системы. Следующим этапом является выявление согласуемости различных систем, т. е., применительно к лингвистическим ситуациям, intersubъективной аутентичности значений, возможности одинаковой идентификации референтов всеми членами языкового сообщества.

Эпистемологическая релевантность подобной внутренней и внешней непротиворечивости достаточно очевидна; таким образом, традиционные эпистемологические вопросы, связанные с «данностью» и поиском предельных оснований знания, не исчезают в конструктивном построении бесследно, но заменяются другими, более специальными вопросами отношений между царствами абстрактного и конкретного. Такие отношения предстают определяющими для нашей концептуальной схемы, поскольку они характеризуют ее феноменальность как область ее определения.

Итак, если утверждение истинно, а описание или представление правильно, не «само по себе-для-мира», а для конструктивной системы, критериям адекватности которой оно соответствует, то в таком случае следует допустить, что указание (референция) на «мир» имеет смысл и может служить для построения адекватной теории значения только в том случае, если оно соотносено с какой-то системой описания. Поскольку в этом отношении онтологическая связь между знаком («символом») и его референтом является источником семантических правил, постольку она может быть признана внеязыковым, онтологическим детерминативом значения. Поскольку, далее, пределы взаимного согласования индивидуальных концептуальных схем (которые очевидно могут быть рассмотрены как конструктивные системы ментальных репрезентаций) устанавливаются благодаря их отношению к внеязыковому миру, посредством которого осуществляется обозначение языковыми выражениями элементов внеязыкового мира, постольку установление отношения обозначения выступает собственно конструктивным детерминативом значения. Способность знака служить источником факта наличия предмета обозначения является, по-видимому, единственным удовлетворительным внеязыковым детерминативом, соответствующим внутриязыковым детерминативам значений речи, понимаемым как синтаксические отношения в языке в той степени, в которой они представляют правила функ-

ционирования языка (значение как результат некоторого процесса).

Редукционистские эпистемологические программы, пытающиеся вывести значение фактуальных предложений в терминах «наблюдаемых», обнаруживаемых логических последовательностей оказываются, с такой точки зрения, беспредметными. Возможность одновременного наличия нескольких конфликтующих версий мира не отменяет и не уменьшает их истинностного значения (для разных концептуальных схем). Аналогичным образом признание относительности истинности языкового выражения не отрицает необходимости выявления четких критериев его правильности, в качестве которых могут выступать критерии адекватности правилам конструктивной системы. Это означает, что признание конвенциональности значения не подразумевает с необходимостью признание его произвольности.

Подписано в печать 22.05.2001. Формат 60х90 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 23,5. Тираж 1000. Заказ 5842

ИД № 00208 от 10.10.1999

000 "Идея-Пресс"

123056, Москва, Тишинская площадь, д. 6, кв. 31

ИД № 02945 от 03.10.2000

Издательская группа «Праксис»

127486, Москва, Коровинское шоссе,

д. 9, корп. 2

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554-21-86